

Семен Афанасьев

ДОКТОР
Заново

Annotation

Вселенец из магического мира в современный, слегка альтернативный, Казахстан. Вместе со всем "пакетом" возможностей среднего человека его мира, с которыми будет разбираться уже у нас.

- [Семен Афанасьев](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

- [33](#)
    - [34](#)
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
-

Семен Афанасьев
Доктор. Заново

Сосуд никак не желает затыкаться тромбом. Изменения требуют времени, а времени сейчас нет.

Кровь из рваной раны на ноге, пульсируя, выбрасывается небольшим фонтанчиком. Наверное, в ритме пульса — не знаю, я не местный и не врач.

Было бы интересно, если бы не сопутствующие обстоятельства.

Девочке лет 10 или около того: худенькая, высокая для своих лет. Школьная форма и ранец. Водитель автобуса, сбивший её минуту назад, ходит вокруг, машет руками, как журавль крыльями, и пытается доказать окружившим его людям, что он не виноват.

Сотрудник местной дорожной полиции с погонами капитана, высокий, седой, как лунь, поживший мужик лет 45-ти, с тяжелым взглядом, кладёт водителю автобуса руку на плечо и коротко матом просит не мельтешить.

Скорая помощь уже едет. На часах — около 8 утра.

Странно. Я жив. Хотя и явно не дома.

Газ и напалм поначалу помогали. Но потом твари навалились, не считаясь ни с чем, как будто понимали, что нас нужно остановить любой ценой.

Керк тут же отдал приказ отступать, когда погиб командир десанта, но мы этот приказ проигнорировали: задачу надо было решить. А наш мир — не то место, где можно жевать сопли и поддаваться эмоциям. Вернуться у нас всё равно бы не вышло — нас бы задавили числом на обратном пути. ТЯ-заряд был с собой, и мы решили хотя бы «достать» источник всех наших неприятностей. Если получится. То, что в этот раз отбиться не удастся, нам было очевидно. В отличие от Керка, который «рулил» с орбиты.

После этого, в тактической сети один за другим стали гаснуть огоньки членов группы, по мере выбывания людей. Десант был из 25 человек, командир выбыл первым, последним в сознании оставался я, хотя и попал в состав десанта абсолютно случайно (оказался ближе

других к Керку в момент формирования группы, а вылетать нужно было срочно).

Ловить уже было нечего, пришлось подрывать боеприпас. Лично. Что я и сделал.

Потом стало понятно, что экосистема действительно чувствовала наши намерения. По крайней мере, в части агрессивности. В момент подрыва того самого боеприпаса, поставившего точку в моей истории в *нашем* мире, этот остров со всей флорой и фауной, оказавшийся каким-то органическим частотным модулятором, щедро «поделился» всеми своими доступными частотами. Выплеснув в эфир, как тогда показалось, модель Вселенной. В виде одного сжатого сигнала. Фрагментарно осевшую лично мне — прямо в мозги. Про остальных числом 24 человека не знаю.

И вот я прихожу в себя. В теле какого-то рахита (прости, Создатель, но тело — действительно не фонтан), в кислородно-азотном мире, который явно не мой, с непонятной мешаниной в голове. Заканчивая утреннюю пробежку и направляясь от озера к дому.

Не успев прийти в себя, на пешеходном переходе сталкиваюсь с толпой людей, окруживших эту девочку, местный автобус и его водителя.

Вместе с телом, наследую и мозг аборигена, плюс всю информацию в нем. Но разбираться с наследством, похоже, придётся позже: под девочкой — лужица (пока) крови, которая растёт с каждым толчком «фонтанчика», вылетающего из бедра, точнее — из разорванного сосуда на бедре. Девочка в сознании, но слабеет на глазах.

Так. Что-то все какие-то заторможенные. Они что не видят, что ещё немного — и будет поздно? Или это вижу только я, как не местный?

Естественная система образования тромбов при разрыве сосуда у неё почему-то не сработала. Амплитуда колебаний в её нервной системе слабеет прямо на глазах. Как вода, вытекающая из ванной после вытаскивания пробки. Так, размышления откладываем на потом. И мой мир — не то место, где можно жевать сопли; и тут, похоже, тоже — эта девочка просто сдохнет на глазах у задумчивой

массы взрослых, у которых нет даже простейших универсальных аптечек с собой. Что за мир?

Дети — наше всё. И тут тоже ещё несколько минут — и будет «всё». Если все так и будут ждать скорую. А если эта их скорая приедет через 15 минут? Или через полчаса? У меня возникает ощущение, что все вокруг живут в 2 раза медленнее, чем я. И думают раз в 5 медленнее, чем нужно. Оценивая обстановку из памяти «тела», выясняю, что этот мир с 1 (классическим) G (против двух наших). Возможно, у местных метаболизм медленнее, мыслительные процессы медленнее, и думать быстро они не умеют.

Раздвинув людей, быстро подхожу. Спрашиваю полицейского капитана, что со скорой? Потухший взгляд капитана оживает, сфокусировавшись на мне:

— скорую ждать ещё минут 10. Только одна машина в районе, пересменка с дежурства, пробка по Петровской. Наши уже дали сопровождение скорой, чтоб сделать «зелёный свет» по маршруту, но у нас тоже пересменка — раз, и наша машина тоже едет через пробку — два. А ты что-то можешь сделать?

Что ему ответишь? Выгляжу я, наверное, в этом теле, ещё и после «вселения», старше возраста «тела». И принять меня за студента мед. института можно вполне. А то и за молодого непьющего выпускника оного. Или интерна. Но вопрос стоит не так, как он его ставит. Вопрос — смогу ли именно я, именно здесь и именно сейчас. Изменения требуют времени.

С травматическими повреждениями и рваными ранами я имел дело у нас, но сейчас я абсолютно не в курсе анатомии и обмена веществ местных. Насколько они совпадают с нашими?

«В наследство» досталось катастрофически мало информации: пацан в свои 16, кажется, не то что сам не учился, а даже и в школе старательно затыкал уши бананами. Где его всё же пытались чему-то научить. У нас его бы и в 5 лет не выпустили из карантина с таким багажом, не то что в 16...

Плюс — на ситуацию накладывается шоковое состояние девочки; на её помощь и даже на точную обратную связь рассчитывать не приходится. Вдобавок, ей около 10 лет, значит, ресурсы организма гораздо меньше, чем у взрослого, и болевой порог ниже, и вообще...

2 секунды на сканирование. Новые способности радуют, но ещё не до конца разобрался: какие навыки со мной из нашего мира, какие появились после подрыва и «контакта» с модулятором, какие — остались от текущего тела. На удивление, воспринимаю себя как целостную личность.

Так. Самое главное повреждение — оно просто алеет в контурах её тела — это рваная рана бедра. Ну и перелом бедра, до кучи. Закрытый, поперечный, неполный. Перелом в данном случае — фигня. Основная проблема сейчас в том, что у неё просто вырван «с мясом» кусок бедра. Такое впечатление, что автобус зацепил, как косой или саблей. Бампером по касательной, что ли?

Сейчас без разницы.

Помогай, Создатель... и ей, и мне.

Трачу ещё 3 секунды, чтоб убедиться, что у неё нет перелома позвоночника. Может, это и не правильно, но я — не местный и не врач. Мне это кажется важным. С переломом позвоночника её нельзя было бы шевелить. И, уже по личному опыту, при переломах позвоночника нервная система при сканировании даёт отклик со смещением по частоте — это нужно учитывать. Особенно при изменениях, которые, будь они не ладны, требуют времени.

Попутно отмечаю непропорциональное наполнение кровью некоторых внутренних органов брюшной полости — но сейчас не до того. Нет времени с этим разбираться. Частота колебаний тканей там явно соответствует общей длине волны её нервной системы, значит, там процессы не критичные; как минимум — обратимые. Для меня, во всяком случае. (Хорошо видеть длину волны в органике)

Всё не так плохо.

Только бы справиться с этим крупным сосудом бедра, или как там он называется (мелкие сосуды не в счёт). Главная опасность — растущая кровопотеря: я отчётливо вижу, что снижение амплитуды колебаний у девочки чётко синхронизировано с вытекающей из неё кровью: значит — связанные процессы. Чем больше крови вытекло — тем слабее амплитуда. Мне этот сосуд видится шлангом, состоящим из нескольких слоёв. По *нашей* теории, его полагается как-то пережимать механически. Чем-то типа наложения жгута — но я этого делать не умею. Вернее, здесь не умею и не знаю, как: у парня в голове — какие-то обрывки информации о рефлексотерапии.

Раздражение определённых нервных узлов местных даёт мощные рефлекторные всплески во всём организме, он это зовёт мудрёным словом «акупунктура». Вдруг, пережимая сосуд на бедре, я параллельно отдаю команды на остановку дыхания? или на прерывание ещё какой-нибудь функции первого порядка, типа сердцебиения?

В общем, гарантий при механическом вмешательстве не вижу. Метод, может, и хороший, но я — не местный врач. Я просто НЕ УМЕЮ этого делать правильно. Тут. Пока что.

Слава богу, у меня есть собственные методы; а в такой ситуации, самая короткая дорога — та, которую досконально знаешь. А не та, которая на первый взгляд ближе.

НЕНАВИЖУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. ПОСЛЕДНЯЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИВЕЛА МЕНЯ... Этому телу ещё совсем мало лет, какого черта...

Закрываю глаза, чтоб мозгу не мешали сигналы от зрения.

Скан в приближении. Сосуд в сечении выглядит многослойным «пирогом» разных тканей. Слои — с разной фазой колебаний. Шут его знает, есть ли среди этих тканей мышечная. Поищем... методом тыка.

«Прозваниваю» слои сосуда по очереди. Один из слоев тканей сосуда отзывается раза в 3 быстрее, чем следующие перед и за ним слои. Это хорошо. Значит, работать будем с ним.

Концентрация. Снимаю её текущие параметры. Немного мешают люди вокруг — от них идёт такой фон колебаний, что местами перекрывает отклик её нервной системы. Для проверки, меряю ещё раз.

Частота колебаний в контуре молекул. Скорость создания межмолекулярных связей. Проверяю, отзываются ли её ткани на моё вмешательство — отзываются, есть контакт.

Скорая будет только минут через 10.

Работаем.

Фиксирую свободные радикалы в её крови, не совпадающие с её частотой колебаний. Это — самый первый строительный материал для «пробки» в сосуд изнутри. Подаю сигнал, сигнал проходит.

Формирование пробки запустилось. Ура. Замеряем скорость.

Поможем и с другой стороны.

Контролируя формирование «пробки», «нажимаю» на сосуд. Внутренний слой не реагирует. Так, а какой тогда слой? Какой-то из слоёв отзывается. Средний. Кажется. Не важно. В моей проекции, похоже на сокращение мышечной ткани. Как раз то, что нужно. Подаю сигнал дальше. Один из слоёв сосуда, сокращаясь в диаметре, тянет за собой всю «систему». Кровотечение ослабевает.

Проверяю ещё раз, чтоб убедиться, что это не из-за кровопотери. «Родная» частота колебаний её крови — замеряю прямо с раны. Крови в теле ещё хватает: изменений амплитуды колебаний в органах не вижу. По фазам тоже всё согласовано. Значит, кровопотеря пока не критичная. Отмирание обескровленных клеток выглядит совсем иначе, был опыт...

Значит, кровотечение слабеет из-за сужения сосуда. Ура. Вот подспевает «пробка» из свободных радикалов и закупоривает сузившийся сосуд изнутри.

Кровь почти остановилась. Ура.

Подымаю голову: люди вокруг никуда не делись, переговариваются о чём-то своём, капитан смотрит в небо и что-то беззвучно шепчет. Спрашиваю его:

— Что по скорой?

— Сейчас, две минуты. На соседней улице.

Наконец из-за спин людей выныривает женщина-врач и садится на колени рядом со мной.

Ура. Успели.

Всё; сделал всё, что мог. Теперь врачи рядом, и у них на этот случай есть свои механические способы, которые в данном случае подходят в пять раз лучше моих. Уже импортированных, но ещё не адаптированных.

Поднимаюсь с колен и, сделав 2 шага назад, скрываюсь за спинами людей. Уходя, вижу как полицейский капитан кладёт руку на шею водителя автобуса, направляя того к полицейской машине:

— Давай! Поехали.

Мои адаптационные механизмы всё-таки включаются. Скорость мыслительных процессов вырастает и к тому моменту, как я покидаю место ДТП, информация в голове полностью укладывается.

Во-первых, местные действительно «живут медленнее» — из-за скорости метаболизма при 1 G. Думают, соответственно, с той же скоростью, как и живут.

Во-вторых, все 3 пакета информации прекрасно согласуются между собой: моё прошлое в нашем мире. Прошлого этого парня, Саши, в которого меня занесло. И импортированный островом-модулятором при взрыве «пакет» нашей экосистемы. Ни один из инфопакетов не воспринимается, как чужой. Они в сумме теперь полноценно составляют мою новую личность.

Ну, спасибо и на том.

Там, если не сумел быстро приспособиться — закопали. Всё просто. Было...

А тут — как заново родился.

Прихожу домой, не понимая, что делать дальше: с одной стороны, чужим себя не чувствую: спасибо «местной» памяти. С другой стороны — я всё же несколько в шоке после произошедшего. Могу не всё оценивать адекватно.

Ладно, надо просто успокоиться, оценить обстановку, поставить цели и выбрать инструменты их достижения. Это — для начала. А потом, свадьба сорочку справит... В конце концов я жив, в явно менее агрессивном мире, системе жизнеобеспечения ничего не угрожает, а главное — **ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!**

Почесав за ухом, направляюсь на кухню. Почесав за ухом ещё раз, смотрю с полминуты в окно и принимаю решение: будем жрать. В широкую кастрюлю отмеряю стакан муки. Потом — полстакана кефира. В кефир — пол чайной ложки соды, перемешать. Вымешиваю 3 минуты тесто до появления в нём пор. Раскатываю тесто в один большой тонкий слой. Густо намазываю томатной пастой. Выдавливаю измельченные 2 зуба чеснока. Щедро посыпаю тёртым сыром, потом впечатываю десяток колец сыровяленой колбасы.

Спохватываюсь и добавляю слой мелко нарезанных помидоров и перца чили.

Духовка уже разогрелась.

Ставлю полученное на 5 минут в духовку на 250 градусов. К тому времени, как моя пицца издаёт запах готовности, я уже пью томатный сок.

Делать абсолютно нечего. У меня сейчас каникулы. Живу я один. Не работаю. Никаких действующих сегодня обязательств в этом обществе не имею, кроме как ходить в школу. Но, во-первых, туда идти только 1 сентября (тут год = 1 оборот планеты вокруг Солнца = 365–366 оборотов вокруг своей оси). Во-вторых, судя по количеству жизненно важной информации в моей голове, я — который Саша — даже и после 1 сентября школу посещением не сильно баловал. Либо беспробудно спал на занятиях.

ИЛИ — это мир чертовски отличается от Пирра. И тут просто *не нужно* напрягаться для выживания.

Разрезаю пиццу на куски, складываю их стопкой на овальной тарелке и устраиваюсь в кресле перед компьютером. Будем сравнивать информацию в моей голове с другими источниками. Инфосети знают и здесь.

В этот момент звонит телефон.

К телефону сейчас подходить даже не собираюсь: по понятным причинам, не до того. И ещё пару дней будет не до того.

Хорошенько задумавшись, понимаю, что в свои 16 лет *тут* не кормлю себя сам. Никакой полезной социальной нагрузки не выполняю, потому на общественную систему распределения материальных ресурсов рассчитывать не могу. Впрочем, если верить интернету, эта система работает настолько неточно, что на неё рассчитывать и не нужно.

И это что-то вроде социальной нормы.

При этом, лично я уже пару лет живу один. У нашей семьи раньше были две 1-комнатные квартиры через стенку, на одном этаже: родители — ещё не старые, мы с сестрой их порой стесняли. Кухню второй квартиры, за ненадобностью, переделали в отдельную комнату, которую забрала себе сестра.

Потом отца отправили в командировку зарубеж (другой периметр), где он прижился, устроился в местную компанию и остался. Мать с сестрой остались с ним. Теперь они — типичный тамошний средний класс. Их доходы там уходят на сестру, поскольку её иноземный университет обходится намного дороже моего лица.

Бабушка с дедом — в деревне. Я за границу не поехал, поскольку предполагалось, что бабушка с дедом переедут жить ко мне и мы будем друг за другом присматривать. Но этого не произошло, так как они из города сбежали обратно в деревню буквально через неделю: и воздух не тот, и вода в кране синтетическая, и молоко в магазине из порошка.

Деньги нам присылают мои родители.

Что в корне противоречит не только моим личным принципам, но и логике автономности, из которой в этих условиях прямо вытекает личная безопасность.

Так определяется моя самая первая задача: мне нужно искать свою функцию (тут говорят — работу).

Впрочем, насчёт рахитичного тела и отсутствия социальной

нагрузки — я частично погорячился. Я профессионально плаваю, оказывается. За сборную области. Планирую подняться на уровень выше.

В моём родном мире этот навык вообще отсутствует как невозможный, потому я его упустил поначалу, как и специфику развития этого тела: оно не для 2G, оно для плавания при 1G. Сегодня на тренировке, кстати, оценю, что это даёт.

Поскольку есть мне нужно каждый день, поиск работы решаю надолго не откладывать. Составляю таблицу требований, которым работа должна отвечать: доход не ниже среднего по городу (для неквалифицированного персонала); в пешеходной доступности от дома; гибкий график; без ограничения по сложности. После перебора вариантов из памяти и интернета, останавливаюсь на ближайшем: в 200 метрах от моего дома есть автомоечный комплекс. Постоянно меняется персонал: я-прошлый это увидел, но не оценил возможность.

Сегодня вечером пойду договариваться, а пока пробежусь по городу — ещё немного освоюсь.

После несколькихчасовой пешей прогулки по городу, хозяин здания, в котором находится мойка, отвечает, что на мойке работают арендаторы. Их директор в боксе по вечерам, с 18.00.

В 18.30 директор арендаторов, тридцатилетний высокий парень в очках по имени Илья, окидывает меня взглядом:

— Что хотел?

— Здравствуйте. Я живу в соседнем доме, — вытянутый палец показывает через дорогу, — по семейным обстоятельствам, мне нужна работа. Я дисциплинирован и аккуратен. У вас регулярно новые мойщики и регулярно простаивает пара боксов. Давайте попробуем поработать вместе так, чтобы это было выгодно нам обоим?

Я достаточно хорошо одет, аккуратно пострижен, и внешне здорово отличаюсь в лучшую сторону от его сотрудников в первую очередь опрятностью и ухоженностью. Директор перестаёт демонстрировать, что торопится, «включается» и смотрит на меня с любопытством:

— Ты совершеннолетний?

— Нет, и понимаю это лучше, чем Вы могли бы подумать. В данном случае, это не минус. Я абсолютно не в курсе Вашего бизнеса. Но живу напротив и поневоле вижу все проблемы. Особенно когда Ваши клиенты орут на Ваших мойщиков за залитые водой компьютеры в салоне, поцарапанные обивки и прочее. Я, в мои годы, буду очень дорожить своей единственно возможной работой, если Вы дадите мне шанс. И понимаю, что должен работать намного лучше, чем ваши сотрудники, чтоб вы согласились меня держать. Также, я прекрасно понимаю, что платить мне Вы будете меньше, чем им: Ваши риски от приёма меня на работу должны быть скомпенсированы.

В этом месте чувствую, что глаза директора зажигаются неподдельным интересом. Сейчас, по правилам теории, нужно сделать так, чтоб он ничего не терял, согласившись, а приобрести мог больше, чем рассчитывал. Продолжаю «бомбёжку»:

— Мой возраст — это не минус, а плюс: я не пью, не курю именно потому, что мне просто рано. По той же причине не собираюсь начинать. Я очень хорошо учусь в школе, профессионально занимаюсь спортом, Вы это легко можете проверить. Мне не взбрёт в голову ездить на машине Вашего клиента, в отличие от Ваших мойщиков, по той же причине — возраст. Я могу работать в самые неудобные часы по ночам и вечерам — поскольку для меня они наоборот самые удобные, я ж учусь. И, в отличие от взрослых, мне не надо торопиться после 19.00 ни на свидания — возраст маловат, ни к детям — у меня их нет и ещё очень долго не появится.

Его вид наталкивает меня на одну мысль, о которой до этого не подумал:

— Давайте поставим эксперимент. Пожалуйста, поручите мне какую-то пробную задачу, которая требует усердия и которую очень не любят Ваши сотрудники. Но для Вашей Компании эта работа должна быть выгодной. В идеале, регулярной и чтоб её можно было делать в «неудобное» время — с 18.00 до 06.00.

— Как ты относишься к чистке салона? — после паузы решается Илья.

— Если кто-то подскажет, какие тонкости и потенциально опасные места — давайте попробуем. К сожалению, у меня пока не

было возможности научиться, но я уверен, что моя добросовестность компенсирует Вам издержки нескольких часов обучения. Давайте попробуем почистить пару салонов так: Ваш сотрудник, которому Вы доверяете, будет следить за мной и подсказывать. Работать буду я. Деньги за мои первые 2 машины Ваш сотрудник забирает себе: я буду очень благодарен ему и за обучение, и за присмотр. По итогам этих 2 салонов, Вы смотрите на качество моей работы и принимаете решение.

— Кто ж тебя научил так правильно общаться? — смеётся Илья, — ты часом не еврей? давай завтра после 13.00. У меня как раз моя машина с нечищеным салоном, попробуем на ней. «Убить» в ней ничего не сможешь — всё равно старая CRV. А вот произвести впечатление может получиться.

Так мне поручают первую чистку салона. Первый свой салон, загаженный на заднем сиденье собакой тёщи Ильи, я драю 8 часов, с обеда и до 9 вечера, понимая, что результат должен быть безупречным. Не скажу, что всё получается сразу, но работа скорее муторная, чем тяжёлая. Попутно вырос, как профессионал: обычная чистка делалась бы воздухом под давлением, чистящей смесью под давлением и водососом (как пылесос — только для воды). Но собака, пардон, сходила в туалет прямо на заднее сиденье (хорошо, что по-маленькому), и помимо обычной чистки, требуются дополнительные операции.

Под руководством Елены, единственной непьющей сотрудницы возрастом за 35, разбираю салон, снимаю заднее сиденье, и частично разбираю пол. Осваиваю де-одорирование салона. В общем, если вначале у меня была мысль применить свои собственные секреты в полном объёме так, чтоб собачья моча вымылась без следа, то к концу работы я на 90 % вполне обхожусь обычной химией и техникой.

В 9 вечера, Илья застаёт меня, собирающего его салон:

— Ну как результаты?

Понимая, что его решение для меня будет значить достаточно много, решаю поиграть в «реальность»:

— Здравствуйте ещё раз. Я уже заканчиваю, пожалуйста, сориентируйте: вы сейчас мой начальник или клиент?

— Ну, давай считать, что клиент, — веселится Илья.

— Хорошо. Тогда, пожалуйста, не сочтите за невежливость: покиньте, пожалуйста, рабочую зону — вон в комнате за стеклом диван для клиентов, чай-кофе, телевизор. Простите наши правила, но клиенты тут находиться не должны — техника безопасности. Ваша машина будет готова через 15–20 минут. Вайфай в комнате клиентов без пароля.

Илья ржёт, как конь, но игру подхватывает и исчезает за стеклом. Рабочие посты оттуда всё равно видно сквозь стекло.

Через полчаса выхожу к нему из бокса:

— Ваша машина готова. Пожалуйста, давайте примем работу. Она не высохла, потому на ночь не закрывайте окна, пожалуйста. Но если оставите до утра — высохнет в боксе.

Илья придирчиво залезает под сиденья, поднимает коврики, рассматривает сетку кондиционера, но ничего не находит:

— удивил. Ну удивил! Вот не ожидал! Честно признаюсь: думал, просто пацан — мажор, делать ему нечего, потом начал жалеть, что согласился! Но не ожидал! А запах как убрал? У меня ж на заднее сиденье собака нагадила, 3 дня с открытыми окнами ездил. Всё равно воняло хуже, чем от тёщи...

Выдаю официальную версию:

— По запаху как раз несложно. Вернее, есть тонкости, но главное — просто тщательность. Елена подсказала, как разобрать салон. Сиденье поставил под компрессор и 30 минут «сквозь» сиденье гнал чистящую пену с водой под давлением.

— А инструмент для разбора где брал? — продолжает возбуждаться Илья.

— На первый раз, одолжил у Евгеньича. Он своим поделился. Если возьмёте на работу — в течение недели накоплю на свой.

— Не надо копить... инструмент дадим... — бормочет Илья, ползая носом по заднему сиденью и пытаясь уловить хоть малейшие оттенки запахов, которых там не может быть: не полагаясь на химию, я немного «напрягся» сам — чтоб соли собачьей мочи, пардон за натурализм, без остатка вымылись водой в виде свободных радикалов.

Оказалось, что на такую органику ограничено воздействовать

тоже могу. Попутно, вывел пятна от кетчупа или томатного сока. Так что, я на этой машине прокачал даже целых 2 навыка: как сотрудник мойки (будем надеяться), ну и свои личные...

Закончив ползать на четвереньках по заднему сиденью и под ним, не найдя ожидаемых запахов, Илья постепенно возбуждается:

— Удивил! Вообще я никогда никого не хвалю из сотрудников — политика Компании. Но тут, наверное, это будет не совсем правильно. Ты ж ещё почти ребёнок... (тут я предусмотрительно молчу) Давай так. На работу официально взять не могу, — я вскидываю перед собой руки, показывая, что мне это тем более не нужно, — но работать ты можешь. Судя по моей «хонде», работать можешь даже лучше, чем все мои. То, что ты не бухаешь, не куришь, и не начнёшь — это тоже огромный плюс. Теперь смотри. Чистка такого салона, как ты сделал у меня, стандартно стоит 50 долларов.

— Почему в долларах? — искренне удивляюсь, — вроде ж не в Америке живём?

— Потому что химия для чистки — вся импортная. Если хочешь хорошую химию, реально чистящую, и безопасную для персонала. Эту химию я могу налить в стакан — выпить половину без вреда для здоровья — и мне ничего не будет. Потому что она натуральная. За импортную химию Компания платит баксами. Закупаем в Европе, сами возим и растамаживаем. Потому, себестоимость и прайс за химчистку — тоже в долларах, вернее, в эквиваленте. Так, не перебивай! Чистка такой «хонды» в среднем по городу — 50 баксов. Исполнитель получает 45 %, это 22,50 если в долларах. Ты у нас несовершеннолетний — тебе я думал платить по 15. Но сейчас, глядя на «результаты теста», думаю иначе. Сколько таких машин в день ты можешь почистить? — и добродушность на глазах превращается в акулу капитализма, которая своего не упустит.

— В день — несколько, днём я учусь. Но сама чистка, если задаться целью, займёт 3–4 часа. Смотря какие будут загрязнения. Это не считая сушки. Но на сушке я уже не нужен. В принципе, 2 машины за вечер потяну, — и, видя вопросительно поднятую бровь Ильи, добавляю, — при необходимости, даже без выходных. Все 7 дней в неделю. Заканчивать в любом случае буду до полуночи — до часа ночи; до утра машины будут высыхать — Ваша сейчас ещё мокрая, например. А утром в 8 утра их уже можно будет отдавать клиентам.

— Тогда смотри. Я хотел тебе платить по 15 баксов за «выстрел». Но такую работу в городе реально никто не делает — просто никто так не выкладывается из мойщиков, как ты. Проще помыть 5 машин, чем за это же время сделать чистку одного салона — а денег с пяти моек почти столько же. И геморроя меньше. Но тема давно назревала, услуга, можно сказать, вообще на рынке отсутствует. Если ты будешь делать 2 салона в день, или 50–60 салонов в месяц, с точно таким качеством, — указательный палец в сторону машины, — я смогу на тебя переключить всех наших постоянных клиентов со всей сети, это с двух десятков моек в городе. По ценнику — не обидим, давай начнём со стандартных 22,50 за салон. Но работать будешь строго после 18.00 — чтоб в дневное время бокс не занимать.

Такое предложение — гораздо больше, чем я мог рассчитывать. Особенно в обществе с неотрегулированным распределением. Потому закономерно спрашиваю:

— А в чём подвох? Простите, если скажу что-то не то, но я ещё молодой, и многого просто не знаю. Могу спросить откровенно?

Он кивает.

— Меня смущают неожиданные бонусы, особенно в свете поговорки про бесплатный сыр в одном небезопасном устройстве.

— Для тебя подвоха нет. Подвох — у нас, у хозяев автомоек. В этом мире все горазды пиз... — он осекается, — ...горазды болтать языком, одним словом. А работать некому. У нас, если человек хорошо работает на мойке — он периодически бухает. Когда он в запое — работа стоит, аренда идёт. Если же он не пьёт, то он или плохо моет и чистит, либо — работает неделю, а потом уходит на другую работу. Где не надо зимой драить машины в прохладном боксе. Ты, судя по тому, что я вижу, работать можешь. Живёшь удобно — рядом. Первое правило бизнеса какое?

— Не знаю, я ещё не дорос.

— В нашем бизнесе главное — люди. Исполнители. Работники. Первое правило: дело должно быть выгодно всем его участникам. Добросовестный сотрудник, который год проработает на мойке с таким качеством, — палец на хонду, — стоит того, чтоб на нём **не** экономить. Откровенничать пока не буду, но 50 долларов прибыли в день дополнительно на одном сотруднике — это очень неплохо. Если

умножить на год. А ты, судя по всему, можешь задержаться и надолго — я прав?

— Да. Ближайшие несколько лет точно никуда не денусь...

— Кстати, зарплата у нас подневно: за каждую отработанную смену.

Вижу, что он не врёт, потому договариваемся на пробный месяц. Он сомневается, выдержу ли я физически и психологически — поскольку работа не самая лёгкая. Но он не в курсе всех моих обстоятельств, а я, естественно, промалчиваю.

Кстати, самое первое, чему мне тут нужно переучиваться — это коммуникация.

Я только что сделал открытие, пытаюсь понять, чего хочу дальше. Эмоциональный настрой напрямую связан с когнитивными функциями. В частности, с креативной созидательной способностью.

Ну, как открытие, лично для себя открытие. На Пирре было не до самокопаний, а тут до «объединения сознаний» не задумывался в силу возраста.

Пример правильного эмоционального настроения: тот, кто изобрёл колесо, 100 % не испытывал в момент изобретения ни злости, ни гнева. И жаждой мести не страдал, в тот момент, по крайней мере. Иначе креативная функция бы не запустилась.

В своём текущем состоянии вижу, что гнев, злость, все негативные эмоции рвут нейронные связи в мозгу. А развитие лежит в создании этих связей.

Сегодня весь день изучал местную философию, имеющую массу течений и названий. Один местный парень ещё пару тысяч лет назад очень неплохо описал реальные рабочие алгоритмы правильной ориентации частот мозга. У здоровой креативной личности.

Правда, потом в его алгоритмы добавили политической и экономической конъюнктуры, коммерциализовали и сделали просто хорошую бизнес схему (она тут называется церковью; судя по тому, что я прочитал — самый древний из сегодняшних прибыльных бизнесов).

Вот изначальная концепция этого парня совпадает с моим сегодняшним видением на 100 %. На Пирре не было возможности предаваться абстрактным умствованиям, а тут дошло: психика в агрессивном либо негативном состоянии **не способна созидать**. Кстати, теперь понимаю, почему мы на Пирре медленно, цепляясь ногтями, упирались, боролись до последнего, самоотверженно шли на любые жертвы — но проигрывали, сползая к краю пропасти: из 2 воюющих сторон, победит та, которая лучше умеет строить. Проектировать. Адаптировать. В общем, созидать.

А не та, которая утратила половину когнитивных функций, зарывшись по уши в «надстройки» типа гнева, злости, обиды,

мечтаний о мести и прочей неконструктивной лабуды.

Я это только здесь понял.

На Пирре не было шанса победить, не созидая.

Кстати, чем больше читаю местный интернет — тем меньше мне нравится этот мир, куда я попал. С таким настроем общества, как тут, весь путь цивилизации — тупиковая ветвь. Они делают ту же ошибку, что и мы: фокус на противостоянии, а не на созидании.

Хоть бы им кто подсказал: если взять двух человек, которые не любят друг друга, поселить их по разные стороны непроницаемого забора, и дать две полярные функции:

один будет раз в час выдавать новое изобретение: лопату, топор, дом, оконную раму, и т. д. А второй, допустим, будет оттачивать боевые навыки.

Потом пусть у них появятся жёны и дети. И вот когда они встретятся через 25 лет, если убрать забор, у кого будет больше дальнейший потенциал? У того, чьи дети не умеют ничего, кроме удара по почкам?

Или у того, у семьи которого дом, сельское хозяйство, производство (пусть даже кустарное), технология производства инструментов, и масса других продуктов созидательной функции?

Лично мне сегодня ответ очевиден. Жаль, мы этого там не понимали. Кажется, и тут тоже. Впрочем, возможно, это только в этом периметре.

Ещё из интересного наткнулся, у местных есть описание одной психической болезни. Это когда человек считает, что в нём живут две и более личности. Развеселило.

На всякий случай, для проверки тут же посмотрел на кота: слава Создателю, всё на месте. Вот скелет, вот нервная система, вот их частоты.

Хе-хе, чуть не испугался.

Впрочем, я себя ощущаю единой личностью. С несколькими блоками полученных знаний и навыков.

Кажется, я теперь понимаю, чего хочу.

Хочу развивать свою созидательную функцию (а не как *там*).

Что, впрочем, никак не отменяет личной подготовки: вчерашний опыт показал, что этот мир тоже очень агрессивен. Пусть агрессия и другого порядка (не внешняя, а внутри-социальная, у нас бы сказали — «с жиру бесятся»), но приоритеты моих текущих потребностей понятны: личная подготовка и поменьше информации о своём развитии другим. С такими противоречиями, как в этом мире, человечеству никаких внешних врагов не надо.

Что ещё зацепило. Тут масса личностей, наплевавших на своё личное развитие, при этом старательно пытаются **управлять развитием других личностей**: различные церкви, менеджеры периметров (тут называются политиками), операторы функций (тут их можно отнести к бизнесменам).

Очень много примеров, когда коллектив таких вот «управляющих» искажает или прерывает развитие других даже не ради собственной выгоды. А из зависти, глупости или безразличия.

Выучил тут новое слово: бездушие. У нас бы его не поняли, но здесь оно имеет смысл. Когда нет внешней угрозы, путь человечества определяется только им самим.

Биологических вариантов — всего два, генерация или разрыв нейронных связей. Генерировать, кстати, тоже можно рациональные связи или паразитные...

но тут большинство вообще не идёт по пути генерации. Где им уже с КПД разбираться...

В числе прочего, принял решение получить какую-нибудь стандартную подготовку по одной из местных открытых методик, для лучшей адаптации. Для гармоничного развития, мне хватит и этого. Дополнительные контакты тоже не помешают — информации о мире много не бывает.

В секции бокса заканчивается тренировка, подхожу к тренеру:

— Здравствуйте. Я хотел бы у вас заниматься. Насколько это возможно? И что для этого нужно?

— Привет, — «мажет» меня взглядом тренер, — «для себя»? Или слава великих покоя не даёт?

— Исключительно для себя. Великие стали великими не потому,

что к этому стремились. А потому, что всё вложили в саморазвитие. Мне так кажется.

— Молодец, соображаешь... Тем более что тебе по возрасту великим уже вряд ли стать.

Тут я с ним не спорю. Во-первых, и сам не рвусь в «великие». Во-вторых, я в курсе местных предрассудков о важности возраста для чемпионства. Хотя, это не столько предрассудки, сколько несовершенство местных методик подготовки: в большинстве случаев, местные могут развить личный потенциал на 100 % только в том случае, если начали с раннего детства.

— Почему именно к нам?

— «К вам» — в бокс? Или «к вам» — в эту секцию?

— И то, и другое.

— По первому пункту — мне нужно что-то, что реально повлияет на меня, как на личность. Самое большое (по модулю) влияние — там, где самые большие ресурсы. Ну, деньги — перевожу для затуманившегося взгляда тренера, — а денег в мировом боксе в десятки раз больше, чем во всех остальных аналогичных дисциплинах вместе взятых. Значит, бокс — самый крутой. По второму пункту — ваша секция рядом с домом. И у вас работает Александр Володин, — биография Володина есть на сайте клуба. Он — чуть не единственный мастер спорта в городе, пришедший в бокс после армии, а не в детстве.

— А-а-а, Саня... Ну да, он тут... Но ты к нему, имей в виду, попадёшь не скоро: Саня как раз только с мастерской командой и работает именно потому, что по детям не спец. В армии ты где служил?

В ответ чуть не ляпаю номер сектора Периметра, но вовремя успеваю остановиться. А то б от диагноза с двумя личностями не отмыться.

— Мне шестнадцать. Выгляжу старше, — и врать не приходится, и вопрос снят.

— Тогда смотри расклады. Заниматься тобой специально никто не будет — ты бесперспективен для спорта, а больших денег, компенсировать индивидуальное время тренера, у тебя нет. Бесплатно именно ты ходить сюда тоже не можешь, по крайней мере,

пока — потому же. Для начала, гони 2 000 в месяц, можешь ходить в любое время, когда ходят новички — на двери расписание. Твой тренер — я, до группы Володина надо дорасти. И последнее: самостоятельно ты заниматься не можешь, поскольку ничего не умеешь. Это и тебе ничего не даст, и медицинские риски.

— Сколько стоят индивидуальные тренировки?

— 2 000 каждая. Время назначаю я сам, когда мне удобно. До пятнадцати тренировок в месяц. Если больше пятнадцати — то уже по 3 000 за тренировку, под тебя придётся перекраивать своё расписание.

Такие деньги у меня, благодаря работе, уже есть, но опыт учит, что со своими инициативами имеет смысл лезть только после базового курса. Чтоб не выглядеть в итоге дураком.

— Согласен?

— Да.

— Тогда жду тебя здесь, как соберёшься, со справкой от врача о состоянии здоровья, двумя тысячами за первый месяц и — Разово — тремя тысячами за две пары перчаток (учебные и боевые), бинты, капу и два шлема (тоже один учебный). Снарягу можешь брать не у нас, а где найдёшь сам, но у нас цена и качество будут лучше, чем тебе впарят на стороне. Ты не в теме, производителей не знаешь. То, что расползётся через неделю, не отличишь от того, что прослужит год. И в магазине цены выше, чем у нас — мы оптом закупаем под себя и на своих не наживаемся.

В поликлинике в глаза бросается концентрация «сбитых» частот, больных органов и странных запахов. Оказывается, большинство медицинских услуг тут доступны и в бесплатной версии. Правда, судя по тому, что я «вижу», актуален вопрос качества этих услуг. С трудом удерживаюсь, чтоб не развить бурную деятельность прямо в очереди к терапевту. Но мозгами соображаю, что опасности жизни ни для кого в очереди нет, а функциональные расстройства на 75 % корректируются правильным образом жизни и регулярными правильными физическими нагрузками. О здоровом и активном образе жизни тут знают — есть масса концепций на эту тему, стало быть, такое состояние своего тела — это личный выбор каждой личности... Не мне в него вмешиваться.

На первую тренировку иду, не откладывая. Она немного разочаровывает: более 50 % времени тратится на общефизическую подготовку; тут я б сам мог поучить и тренера, и того, кто его учил.

Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят — возможно, это самый первый тест, чтоб отсеять «лишних». А на индивидуальные тренировки я пока не закладывался.

Отработка культуры движений начинается с перемещений и простейшей координации мышц ног, тела и рук в процессе удара.

Прошу тренера 10 раз повторить упражнения «для тупых», чем зарабатываю уважительный «мазок» взгляда. В отличие от остальных, я «смотрю» не на результат, а на закономерности процесса. И замечаю, что у тренера мышечные волокна, которые нужно задействовать, в момент удара имеют единую частоту — «резонанс». А у всех новичков частоты разных мышц не согласованы, и глушат друг друга. Отсюда и внешняя корявость, и погрешности, за которые каждого периодически дёргают.

Теперь понятно, зачем в зале бокса зеркало.

Не глядя на других, очень медленно повторяю движения тренера. Несколько десятков раз. Постепенно добиваясь резонанса во всех задействованных мышцах. Добиваясь, чтоб волновая проекция моего движения не отличалась от тренерской.

Далее постепенно увеличиваю скорость и амплитуду. В конце занятия ловлю себя на том, что ко мне тренер ни разу не подошёл, глядя со стороны; а другие уже закончили и уходят.

— Сергей Сергеевич, Вы ко мне не подходили сегодня, пожалуйста, посмотрите, всё ли правильно?

— Потому и не подходил, что всё было правильно. Не хочу хвалить (плохая примета), но усваиваешь не просто быстро — молниеносно. Раньше каким спортом занимался?

— Я и сейчас занимаюсь. Плавание.

— О. Как там успехи?

— Там — плаваю за область. В основном составе. Включая эстафету.

— А чего тогда сюда пришёл?

— Сюда пришёл для саморазвития, я говорил Вам утром.

Не знаю, как ему объяснить, что есть два базовых пути Развития, и по обоим нужно идти параллельно: тело быстрее всего развивается через мозг — я только что это ещё раз подтвердил. Но и мозг тоже развивается через тело. Тут есть даже целые школы на эту тему, правда, изначально корнями не в Европе, а на Дальнем Востоке.

У меня к этому телу масса вопросов и ожиданий; и чем больше [усилий] я в него вложу, тем точнее будет итоговый результат.

С утра в слезах вваливается бабушка. Дед заболел воспалением лёгких на фоне сердечной недостаточности. Госпитализировали ещё 3 дня назад. Мне пыталась дозвониться — но вначале не смогла (это когда я трубку пару дней не брал), а потом рассудила — какой с меня толк.

В больнице, куда его уложили, выкатили такой список лекарств (ежесуточно), что даже мой отец ТАМ удивлённо присвистнул, поглядев на суточный счёт из стационара (бабушка подсуетилась и разобралась наконец, как звонить через скайп — за обычный звонок её давила жаба даже в этой ситуации). Плюсуем сюда стоимость 24 часов медсестры в сутки — отходить от деда было нельзя. В реанимации, куда уехали деда, главврач неотложки откровенно сказал, что шансов менее 25 из сотни.

Несусь в больницу и сталкиваюсь с тем, что ничего не могу из-за возраста. Меня никто не воспринимает всерьёз. Бабушка отмахивалась, искренне считая меня ещё маленьким. Зав. отделением, он же и.о. главврача, вообще сослался на запрет посещения в реанимации. А я понимаю, что мне нужно срочно увидеть деда, если я хочу хоть как-то контролировать ситуацию.

Вызываю заведующего в укромный угол вестибюля, чтоб никто не видел, и откровенно говорю:

— Дайте хотя бы попрощаться, если не можете вылечить. Я из-за деда с бабушкой за границу не переехал жить, а вы сейчас инструкцией охраняете свой покой, а не его. Вы сами говорите, что 75 % за то, что не выкарабкается. Но при этом не пускаете даже попрощаться.

Действие подкрепил, протягивая банкноту 50 евро, оставшуюся от суточных с соревнований в Литве.

Справедливости ради, врач денег не берёт. Говорит, чтоб я пришёл в 2 часа и что у меня будет 3 или 5 минут.

В 2 часа я, одетый в белый халат, стоя возле деда, сразу закрываю глаза и, настроившись, тут же озвучиваю свои вопросы врачу, стоящему рядом:

— Доктор, а почему Вы думаете, что он на 75 % вероятности не выкарабкается? Вижу 3 проблемы. Они настолько критичны?

Зав. отделением, не ожидавший такого поворота событий, тем не менее никак не показывает своего удивления (участившийся пульс «вижу» только я):

— Я, как врач, вижу больше 3 проблем, но объясню, как выйдем.

Ситуация не та, чтоб миндальничать, потому говорю максимально откровенно:

— Лишняя микрофлора в дыхательных путях, которой быть не должно — раз. Даёт интоксикацию. Второе — жидкости в лёгких и вокруг них непропорционально больше, чем должно быть на этот объём. И это не кровь — частота колебаний другая. Эта «лишняя» жидкость имеет ту же частоту колебаний, что и микрофлора. Что категорически не правильно. Эти частоты **никак не могут быть согласованными в здоровом организме** (про протокол биологической безопасности молчу, тут его кажется еще не знают: организм жив, пока работает на своей частоте. Если частота организма синхронизировалась с каким-то другим организмом — это грубое нарушение протокола безопасности, не знаю как это сказать по-медицински: чужой организм, при синхронизации частот, будет гасить родную амплитуду и рассогласовывать фазу). И третье: маленькие трубочки, по которым жидкость из лёгких откачивается куда-то (не могу разобрать, нужно время), не успевают убирать всю жидкость, которая поступает. По-простому говоря, насос не успевает откачивать поступающую воду. Такое впечатление, что из-за этого сокращается рабочая поверхность, диффузирующая воздух, и снижается поступление кислорода в кровь. Это — то, что вижу я. Могу сравнить с Вашим мнением?

Он хорошо владеет собой, если говорить о выражении лица, но я «вижу», все стандартные элементы его удивления и стресса (пульс,

прилив крови и т. д.). Хм, вроде просто говорим... на рабочую тему... Это я сейчас должен сходить с ума от стресса из-за деда, а не он...

Врач отмирает:

— Ну, можно и так сказать. Но вот с этими проблемами, говоря твоим языком, мы и не можем справиться. Из-за них, в его возрасте, при его клинической картине, это обычно и заканчивается..., — мужик заминается.

— Доктор, так давайте попробуем откорректировать Систему. Его Систему дыхания заливают жидкостью. Эта жидкость — попытка удалить интоксикацию как продукт флоры, которой «в системе» быть не должно — видно, что частота колебаний чуждая, генерация колебаний автономная. Канал откачки жидкостей — тоже можно усилить. Ненадолго, как минимум. Кажется, это лимфатическая система, — осеняет меня воспоминание уроков анатомии.

— Мы всё это время пытаемся «откорректировать систему», — холодно бросает врач. — поверь, мы не курим сигары сутками, не зная, чем бы себя занять.

— Пожалуйста, скажите, вы все эти 3 дня сражаетесь с этим результатом?

— Да. И то, что он жив, это очень хороший результат.

— Ясно... Пожалуйста, дайте минуту.

Пока мужик пребывает в прострации, делаю замеры. Вот скорость генерации шлаков микрофлорой — настроившись, я чётко вижу, эти чуждые организмы. Вот скорость поступления «воды» из организма «в систему». Вот скорость откачки «воды из системы». Систему просто «заливает».

Я не был ни врачом, ни биологом *там*, но этот пункт *тамошнего* протокола биологической безопасности очень хорошо помню: он написан на инструкции к каждой универсальной аптечке *там*.

Уж чего-чего, а бактерий и вирусов там хватало, и мутировали они очень бодро — не в пример местным.

Первое, что надо сделать — погасить паразитные колебания. Только в роли универсальной аптечки сейчас буду выступать сам.

Дед — мой кровный родственник. Частоты его лимфы должны быть близкими к моим, но никак не к «вирусным». Это же очевидно.

Тупо подаю на колонию флоры, не разбираясь в её деталях, свою частоту, деду она точно не повредит (кровные родственники). Усиливаю амплитуду. И вижу, как генерация колебаний «примеси» прекращается. Почти моментально. Эти маленькие хреновины — крайне нестойкие при подаче им на мембраны, или что там у них снаружи, чужой частоты. Я давно не страдаю от инфекций. Надо было просто убить эту патогенную флору, или как там оно называется.

Озвучиваю:

— Лишнюю флору санировал. Сейчас верну частоту в лёгкие. Дайте ещё три минуты.

Лёгкие, что характерно, в разрезе тоже слоистые. У деда каждый слой — на своей частоте. Что, судя по всему, не правильно: и у главврача, и у меня — это единый колебательный контур с единой частотой. А не сумма автономных, как у деда.

Подаю частоту крови деда на эту «систему». Фиксирую. Есть контакт, синхронизировано, всё-таки хорошо быть кровным родственником.

Что характерно, новая частота здорово отличается от «принудительной», которая была минуту назад.

Вижу, что диффузия кислорода скачкообразно усилилась.

Опа! Дед делает несколько глубоких вдохов — чуть не зевание — и лицо сразу меняет цвет, даже невооруженным глазом видно насыщение кислородом.

Последний момент: замеряю скорость оттока «воды» из «системы» и сравниваю со скоростью поступления её же. Ура. Отток превышает.

Сверяю частоты. Частоты в норме. Соответствуют частотам крови деда. Согласованные. Паразитных частот нет. Автономная генерация исчезла.

Говорю врачу:

— Флору санировал (генерация чужих частот отсутствует). Частоты в тканях стабилизировал, не знаю, как объяснить, чтоб понял кто-то ещё. Та жидкость, что «заливала» ему лёгкие, сейчас откачивается из них быстрее, чем поступает — отёк спадает.

Диффузия кислорода в кровь выросла, сейчас почти на том уровне, как у Вас — почти та же скорость объёма за единицу времени, не знаю, как сказать иначе. Ну или может процентов на десять пониже, чем у Вас, но для Системы это не критично. Доктор, по **вашим** планам, это и нужно было сделать? Или что-то ещё?

Зав. отделением, высоко подняв брови, какое-то время беззвучно ими шевелит, то поднимая, то опуская:

— Да, это и нужно было сделать. Так, выходим отсюда, и дай свой телефон — нам нужно поговорить.

Выходя первым, слышу, как он что-то бормочет, думая, что его не слышно.

Плавать мне понравилось. Непередаваемые ощущения. Был не прав, когда думал, что тело рахитичное: нормальное тело, если оценивать с позиции плавания в воде.

Более того, у меня-нездешнего вообще б ничего не получилось без навыков этого тела — очень сложная координация. Без точки опоры (в отличие от бокса).

Пытался применить тот же метод, что в зале бокса. Чуть не пошёл ко дну. Прекратил экспериментировать, когда тренер с бортика стал кричать грубости, хе-хе. Тогда вместо своих *продвинутых методик* тупо включил мышечную память тела — и всё стало на свои места. Правда, пришлось *добавить* гемоглобина в кровь — чтоб исчезло ощущение кислородного голодания. Не знаю, как я *раньше* плавал, *до слияния*: дистанция 1 500 м, разбитая на 15 сотен, в режиме 100 м = 1 мин 20 сек, смывает кислород из тканей, как ливень — муравьёв с асфальта.

А таких дистанций и режимов — несколько за тренировку.

Причём, уровень физподготовки в воде не помог — очень специфический режим и дыхания, и усвоения кислорода. «Техника» рулит.

Деда из реанимации перевели в нормальную палату буквально через сутки, и его стало можно проведывать. Я ходил к нему каждый день после обеда (разрешённые часы с 14.00 до 18.00). С главврачом не пересекался, хотя и оставил ему свой мобил, как он просил. Выписали деда через неделю, я приехал забрал его на такси, и уже в машине мне позвонил тот зав. отделением:

— Добрый день, это Сергей Владимирович.

— Да, я узнал (не стал говорить, что голоса индивидуальны, и его частоты я ни с кем не перепутаю). Слушаю Вас.

— Ты бы не мог, после того, как отвезёшь дедушку, выйти на улицу на полчаса? Я знаю ваш адрес из карточки твоего дедушки. Мне очень нужно с тобой поговорить по профессиональным

причинам. По ряду причин, я не счёл возможным общаться в больнице.

— Да, конечно. Буду готов примерно через 30 минут.

— Я в парке по Гоголя, у вашего дома, на единственной короткой аллее с лавочками.

День солнечный, потому через полчаса я присоединяюсь к нему на лавочке. Он ест мороженое и запивает каким-то лимонадом. Увидев меня, встаёт, выбрасывает обёртку и бутылку в урну и протягивает руку, второй рукой указывая на лавочку.

— Тебя же зовут Саша?

— Да.

— Я спросил твоё имя у медсестёр, они всегда знают всех родственников. Телефон твой ты мне давал, но я тебя записал как «ВНУК РЕАНИМАЦИЯ»... — никак не может перейти к делу, чувствуя неловкость, — Саша, не буду ходить кругами. То, что ты сделал со своим дедом, ты можешь повторить с любым человеком?

— Давайте вначале согласуем, как мы оба видим, что я сделал. Очень может быть, что мы с Вами будем понимать совсем разный комплекс действий.

— Логично... Давай с самого начала. Диагностика — можешь так же на других людях?

— Я могу видеть сигналы узких участков нервной системы (чем больше охват — тем ниже точность, физика). Если у меня получается их интерпретировать, то — да. Могу. Сигналы нервной системы есть у всех.

— А методики терапии? Что ты можешь? — видно, что его просто захлёстывает интерес, но он не учитывает разницу в уровнях образования, — с точки зрения патологий и результата?

— Я не оперирую понятиями «методика терапии» и «патология», — развожу руками, — в моём понимании, всё выглядит так: в организме есть системы, например, нервная или мочеполовая. В системах есть программы — например, расщепление жиров при пищеварении или — рост волос и ногтей. Эти программы записаны в виде колебаний, как на компьютере. Эти программы бывают либо повреждены — например артроз, псориаз; либо бывают

устаревшими, либо не соответствующими текущим требованиям организма.

Мимо проходят люди, и я на минуту замолкаю.

— Я могу стирать, дописывать и корректировать эти программы либо их участки. Но об аппаратной части тоже не забываем: я не могу улучшить ногти вам на руках, если руки вам год назад отрубили. Плюс, у этих программ есть уровень приоритетности: клеточный, межклеточный, системный, межсистемный, единый — но я пока не разобрался с уровнями. Нет опыта и статистики. Бывает, что по отдельности программы в порядке, но сбой в организме идёт из-за конфликта приоритетности.

Отпиваю воды из своей бутылки.

— Далее. Колебания имеют фазу, частоту и амплитуду. Колебания одного органа обязательно согласованы с соседними — как в музыке аккорды. Если организм здоров — «мелодия» (как сумма колебаний) гармонична, не знаю, как объяснить. Больные «системы» рассогласованы в первую очередь по частотам, далее — по фазам. Все системы организма управляются изнутри самим организмом. Кажется, вы это называете «процессы центрального генеза». Вследствие нарушений как метаболизма, так и механической функции органов (например, переломы костей), их частоты выходят из резонанса — рассогласовываются. Вот я чётко вижу, что в некоторых случаях процессами организма можно управлять не только изнутри — но и снаружи. Примеры — мой дед или пастеризация молока. Молоко можно не только нагреть. Ещё можно выделить в нём все действующие генераторы излучений — живые микроорганизмы — подать на них колебания на частоте, «рвущей» их внутренний резонанс — и они просто погибнут. Вот в случае с дедом, мы аналогичным образом справились с микрофлорой.

— Было бы интересно попробовать в инфекционном...

Я серьёзно думал об этом после посещения поликлиники за справкой для бокса, потому знаю, что ответить:

— Сергей Владимирович, Вы в армии служили?

— Офицер запаса, как всякий врач, — удивляется он.

— Вы сможете застрелить человека, как офицер? Не морально, а технически?

— Это зависит. Какая дистанция, какая видимость, какое оружие, как он защищён, двигается или нет и масса переменных.

— Вот именно. Тут — то же самое. Я понятия не имею, какие бывают вирусы и бактерии. Не знаю о совместимости своих частот с другими людьми, только с кровными родственниками. Я — 16-летний пацан. Я не изучал микробиологию. Потому не знаю, какие виды микроорганизмов гибнут при смене частоты колебания их значимых систем, а какие — нет. Мне кажется, это тема исследований не одного института. А не вопрос пацану на лавочке, пусть и необычному.

— Логично, — рассеянно говорит он.

— То же самое относится и к Вашим методикам терапии. Вернуть Систему или часть организма обратно в ресурсное состояние — это не процесс, а проект. Для меня, по крайней мере. И ответить, что я могу, до анализа конкретного случая, невозможно. Этот вопрос не имеет ответа в таком формате. Нужны все слагаемые данного уравнения. Вы же не можете поставить диагноз больному, если его нет в больнице?

— Логично, — и он снова погружается в какие-то мысли.

Я наводил о нём справки перед тем, как пойти в больницу первый раз. 45-лет, при этом не до конца зачерствел и не пропитался цинизмом на своей работе. В городе — я прошерстил форумы в интернете — он пользуется репутацией равнодушного неплохого специалиста. Не боящегося ни ответственности, ни работы. По крайней мере, благодарности ему на форумах встречаются регулярно. И на форуме неотложки, и на форумах пациентов, и на форумах поиска врачей.

Разведён, живёт один, практически не употребляет алкоголь, пашет, как все в неотложке. То есть каторжно. При этом, местами излучает какую-то непосредственность, которую не ожидаешь от мужика среднего возраста. Похоже, он действительно искренне живёт работой. Такое бывает. Я в свои 16 искренне хочу верить, что не все главврачи — функционеры и барыги.

Потому частично нарушаю собственные намерения и «делаю шаг навстречу»:

— Вы прикидывали, как можно использовать меня для улучшения качества Вашей работы? И для решения задач типа моего

деда, когда Ваших традиционных медицинских ресурсов не достаточно?

— Была такая мысль, чего уж, — выдыхает он, — но скорее даже не это. Я хотел понять физику и химию процесса, говоря твоим языком. Сейчас объясню. Что ты любишь делать больше всего?

— Плавать. Под водой.

— Ты хорошо плаваешь?

— Кандидат в члены сборной, — он об этом не мог знать.

— Даже так... Ну вот представь, что ты встретил человека, который дышит под водой и при плавании не делает разницы — вода или воздух. Ты бы заинтересовался?

— Кажется, я Вас понял. Заинтересовался бы, я же ЛЮБЛЮ плавать. При отсутствии барьеров, я бы из нормального духа творческой неудовлетворённости попытался бы выяснить об этом человеке всё. Единственный момент — насколько б у меня возникло желание свой академический интерес трансформировать в прикладные моменты. В нашем с Вами случае — насколько меня можно использовать практически. Боюсь, что такая идея — автомобиль без мотора. По целому ряду причин.

— Да понятно... Начнём с того, что твоё «шаманство» — потенциальный конфликт с действующим законодательством. Хотя сама идея, конечно, соблазнительная...

— Мне есть что Вам предложить.

— ?

— Слона надо есть по частям, давайте начнём с малого. Если я правильно понимаю ваш алгоритм работы (не Вас лично, а вообще), то он выглядит так: первое — диагностика, «что не так?». Второе — поиск причин, почему так случилось. Третье — подбор вариантов, как откорректировать то, что не так. Четвёртое — запуск корректирующих инструментов. Пятое: контроль изменения состояния.

— ну, в определённом приближении, где-то можно сказать и так.

— Так давайте оговорим правила коммуникации и начнём с диагностики. Моё условие: никаких авралов. Вы, на Ваше усмотрение, можете подключать меня к тем случаям, когда Вы не

можете установить причинно-следственные связи, а время не критично. То есть, когда можно предупредить меня заранее, и когда день-два ожидания никак пациенту не повредят. Это возможно?

— Ну, у нас своя специфика, но такое вполне возможно. Да, такие случаи возможны.

(Чёрт, да. Он же из неотложки)

— Давайте попробуем, если у Вас сложный случай и нужен **не** специалист более высокой квалификации (это сразу не ко мне), **а** просто незашоренный взгляд со стороны — я подъеду по возможности и поучаствую взглядом со стороны? В течение месяца моё предложение в силе.

Повисает пауза, я поясняю:

— Вы — очень увлекающийся человек. И лично моё мнение: Вы, как врач, на своём месте. Не считите за комплимент, это скорее оценка человека, столкнувшегося с Вами на Вашем профессиональном поле. Но я — всего лишь 16-летний пацан. Медицина — очень законодательно регламентированная отрасль. Нам с Вами нужны проблемы?

Вы бы не доросли до этой должности, если бы не умели отстраняться от проблем и смотреть на ситуации со стороны. Подумайте, как может выглядеть ситуация, когда 16-летний пацан регулярно принимает участие в рабочих моментах лечебного учреждения. У нас же не Буркина Фасо.

Для начала, это со всех сторон незаконно. Одно дело — помочь лично человеку, которого я уважаю. В частной ситуации, касающейся только нас двоих.

Другое дело — регулярное несоответствие, переходящее в нарушение действующего законодательства. В этом я категорически не участвую.

— Да. Ты прав. Конечно. — Он опять «загрузился» на минуту, — ну так тому и быть. Интерес мой ты более чем удовлетворил — академическую и клиническую его части. О практическом сотрудничестве не может быть и речи — тут я с тобой полностью согласен. Но и от совета в определённой ситуации я не откажусь. Если ситуация будет складываться так, чтоб всех это устраивало. И я всё время забываю, что ты — всего лишь 16-летний

подросток, выглядишь старше. А когда говоришь — возникает очень сильный контраст между тем, сколько тебе лет, и тем, как ты общаешься.

Возможно, мне не следовало соглашаться, но отказываться от посильной социальной ответственности — неправильно, для общества это путь в никуда.

Рефлексы должны быть не только у личности, а и у общества. Если у общества нет рефлекса социальной ответственности — оно обречено. При любой атаке извне.

Тут это никому не очевидно, поскольку у *этого* общества нет внешнего врага.

Этому обществу чертовски повезло, что у него нет внешнего врага.

Оно искренне верит, что вершина эволюции — человек.

Они просто не бывали в других местах.

В секции бокса — как в казино при игре на повышение.

После нескольких часов подряд у зеркала и на снарядах «вне графика», с разрешения Сергеевича, я ещё в начале недели показал ему весь стандартный арсенал «молодого бойца», после которого новичков обычно начинают выпускать в ринг на обусловленные спарринги.

Наверное, если учиться копированием, как все, на это действительно уходит несколько недель и дольше. Но если копировать не мышечную последовательность, а волновую проекцию, то время сокращается в десятки раз.

Плюс — мне не нужно время для наработки рефлекса и автоматизма. Их «записываю» напрямую принудительно.

Когда, спросив разрешение, я несколько часов наблюдал за тренировками и боями «продвинутой» группы, Сергеевич под весёлое ржание назвал меня теоретиком. Однако разрешил и посмотреть, и занять угол зала для тренировки вне моего графика.

Я поржал вместе со всеми, но наблюдать продолжил.

В обусловленных спаррингах, куда чуть позже допустили и меня, он вначале перестал веселиться. Потом, меня по очереди мне партнёров и оговоренный рисунок боя, вообще впал в какое-то возбуждение.

После тренировки, сказал прийти на следующий день вне графика в мастерскую группу, кое-что проверить.

И вот сейчас с каким-то Вовой из мастерской группы, кого я пока не знаю, мы сходимся по команде в центре ринга. Тренер громко орёт: «вполсилы!»

У каждого из нас — своя задача. Что Сергеевич сказал Вове, я не знаю. Мне сказал показать всё, что могу. Не стесняясь, Вова де справится.

Лично я хочу практически проверить: насколько могу рассчитывать на свои ресурсы, как противовес местным консервативным методикам, при разном количестве практического опыта. В одном конкретном случае.

Действия Вовы я «считываю» напрямую, в момент подачи его мозгом сигнала телу. Однако, он мыслит не отдельными движениями, которые я уже умею расшифровать на этапе команды мозга, а целыми схемами и готовыми комбинациями. Не окончив одну связку, начинает вторую. Я запаздываю с реакцией.

Совсем некстати приходит аналогия: ты знаешь иностранный язык, но с тобой начинают говорить быстрее, чем ты успеваешь понимать. Если б говорили медленнее — ты б смог эффективно общаться.

Времени на «вникнуть» нет.

Выручает то, что в самом начале обращаю внимание, как после команды тренера Вова как-то странно весь подобрался и частоты его мозга синхронизируются с частотами мышц.

Повторяю у себя то же самое. Теперь, в момент ударов, его «резонанс» вредит моему гораздо меньше.

Неожиданно. Оказывается, и так можно.

Плюс — первые полраунда оба дисциплинированно исполняем команду «вполсилы». А потом, когда азарт сносит все барьеры, я уже адаптируюсь.

То, что я видел в предыдущих группах, говорит: большинство вреда — после удара в голову. Когда мозг по принципу кончика хлыста бьётся об череп.

Оказывается, можно на время синхронизировать частоты головы с частотами тела; это как-то тянет паровозом ещё какие-то процессы, но нет времени разбираться. Изучу на досуге. Главное — сейчас пропущенные удары в голову не дезориентируют. И не сбивают собственного рисунка боя.

Отвечаю ему только «вразрез» его техник, чётко «навстречу», и гораздо более короткими, чем у него, комбинациями. Как ни печально, мой «процессор», работая в разы быстрее, не успевает «прописывать» встречную контр-программу.

А он работает длинными готовыми сочетаниями движений (тут зовут связками). С более высоким КПД.

Пока что он меня просто «перетаптывает» ногами.

Мой одиночный удар быстрее. Но одиночные удары на этом уровне не вариант.

А связка — быстрее уже у него, плюс лучше КПД суммы движений. Я недооценил роль автоматизма.

Если сравнивать с танцами, я мыслю движениями, а он — фигурами, состоящими из этих движений.

Справедливости ради, основная опасность — сотрясение или ушиб мозга — не грозит даже в полную силу, благодаря усиленным сосудам. Хорошо, что сообразил подсмотреть.

Максимально упрощаю свою программу, увеличив скорость до субмаксимума. Чтоб время моей реакции равнялось времени его действия.

После двух раундов Сергеевич спрашивает Вову:

— Ну как он?

— Сергеич, как молодой Грецков. Только тупая двойка и тройка, но из разных положений и абсолютно без крепатуры. Не могу сказать, что уверенно могу «достать».

Вблизи я просто не даю Вове развернуться, держу дистанцию, так как понимаю, что на короткой дистанции успевать не буду

вообще. Плюс — я пока не освоил схем, которые нужны в ближнем бою.

— А если б в полную силу бились?

— Бьёт не хуже. И держит не хуже. В рамках средней и дальней дистанции — не уверен.

— Вблизи не вяжись, он новенький. Такой задачи нет. Пытайся не всё акцентировать, сдыхаешь.

Я кое о чём начинаю догадываться. И в третьем раунде, в соответствии с моими ожиданиями, его амплитуда постепенно слабеет. Я чётко вижу недостаток кислорода в его тканях. Резко увеличившееся количество радикалов, «засоривших» сосуды.

В четвёртом раунде Вова делает последний «всплеск», но концентрация гемоглобина у него в крови здорово снижена. Как и его функциональное «качество».

Логично увеличиваю гемоглобин у себя и повышаю скорость. Он очень грамотно защищается, местами даже отвечает, но я «вижу», что, будь у нас ещё минут 5-10, «перебегал» бы его я.

Команда «стоп» и Сергеич возбуждённо трёт руки, забравшись к нам внутрь:

— Вова, ну видишь, я ж говорил — офэпэ ни к чёрту! Я говорил! Саша — молодец. Очень неплохо для начала! В следующий раз посмотрим ещё кое что...

По пути домой ловлю себя на том, что мне интересно то, что я делаю. Какая-то необычная эйфория. Местные — местами великие люди. Способны на крайне неожиданные (для меня) решения при отсутствии каких-либо ресурсов и предпосылок. Или это стресс во мне говорит?^[1]

По дороге домой, у самого дома, патрульная машина полиции через мегафон просит остановиться. Сержант, вышедший из машины в одиночку, с каким-то длинным стволом на боку (не разбираюсь пока) подходит почти вплотную:

— Здравствуйте, сержант Волков, отделение по московскому району. Пожалуйста, предъявите документы.

— Здравствуйте. Я из спорткомплекса, с собой документов не брал — раздевалка не закрывается, могут украсть.

— Где проживаете?

— Вот в этом доме, стоим возле моего подъезда, — показываю пальцем. — можем подняться, покажу документы.

— Что у вас в сумке?

— Спортивная форма.

— Запрещённые предметы есть? Наркотики, оружие?

— Нет.

— Пожалуйста, предъявите сумку для осмотра.

Из машины выходит лейтенант и присоединяется к сержанту, с интересом глядя на мою сумку.

Я уже отчасти в курсе местных реалий на эту тему, скрывать мне нечего, но от дискуссий пока решаю воздержаться:

— Без проблем, — ставлю сумку им на капот, широко раскрываю её, — но даже если у меня что-то есть, как вы *потом* будете доказывать, что это моё? Без протокола выемки. И понятых?

Увидев снарягу бокса, лейтенант возбуждается:

— С какого комплекса? С АВАНГАРДа?

— Да.

— А там у кого занимаешься? У Володина?

— У Солопова. До Володина ещё не дорос.

— Как звать?

— Александр. Стесев.

Лейтенант извлекает из кармана мобил, набирает номер и я со своего места слышу голос Сергеича в трубке:

— Что? Быстро!

— Сергеич, у вас есть Александр Стесев?

— Да, недавно ушёл из зала; что-то не так?

— Та не, всё в порядке, он без документов, я чтоб к нам не везти, время экономлю... у нас тут отработка...

— Коля, что-то ещё? Срочно?

— Та не... простите... До свидания! — и уже обращаясь к нам, — я раньше у Сергеича тренировался, до университета. Потом перешёл в команду универа, потом женился, и всё, прощай спорт. Ладно! Всего хорошего! Иди!

Что это было? Иногда не понимаю логику этого общества. И спросить некого. А Сергеич, похоже, известная личность в городе! Хотя, возможно, и просто в районе.

Сегодня в процессе нагрузки я почувствовал, что у моего сигнала подросла мощность. Возникло впечатление, что это — тренируемый элемент.

Дома, открыв несколько десятков сайтов, старательно изучаю всё, до чего могу дотянуться.

Оказывается, местные изначально пошли чуть по другому пути в развитии, чем мы. У нас, в более развитом технически обществе, фокус стоял на модернизации техники для повышения своих возможностей. Да и наша *тамошняя* флора и фауна были не по зубам невооружённому человеку. По определению.

Здесь, не имея такой агрессивной окружающей среды (с одной стороны), и стартовав из первобытного общества (с другой), местные кучу столетий оттачивали индивидуальные возможности собственного организма.

Сейчас не могу оценить, как это повлияло на эволюцию людей как вида, но достижения конкретных людей, тренировавших организм целенаправленно, поражают даже меня: разбить голый рукой камень. Разбить камень головой. Пробежать 200 км. Проплыть несколько десятков километров. Нырнуть на 100 метров в глубину. Работать на подводно-технических работах (сбор чего-то со дна) на глубинах 15–20 м без аппарата дыхания (на задержке воздуха, есть целая профессия на Дальнем Востоке).

Есть люди, у которых память в результате тренировки мощнее, чем компьютер. Есть те, кто считает функции если и не быстрее компьютера, то, во всяком случае, в нём не нуждаясь.

И это — только то, что есть в открытых источниках.

Насколько я успел понять это общество, должна быть и не публикуемая часть. Наверняка есть и те, кто добился гораздо больших результатов, но не стал афишировать ни результат, ни путь, которым к нему пришёл.

Кажется, с учётом местного тела, способного усиливать свои характеристики в процессе тренировки, мои способности тоже должны быть тренируемыми. Ощутимый эффект тренировки, кажется, возникает при их использовании в стрессовом режиме.

По логике, тренироваться должны мощность сигнала, дистанция, точность фокусировки.

Посмотрим.

На мойке вместо работы попадаю прямо в эпицентр скандала. Очень красивая (как по мне) девушка на новом паджеро (но с таким грязным салоном, как будто в нём свиней резали) орёт на мойщиков, что они залили бортовой компьютер полиролем, когда драили панель. Чего она просила не делать!

Мойщики (дежурная пара) лениво отбрыкиваются, не соглашаясь и предлагая отсмотреть всю работу на записи, которая специально ведётся для таких случаев и хранится ещё с неделю.

Обе стороны не слушают друг друга; администратора, который должен по логике такое разруливать, сегодня нет из-за болезни, и ситуация вот-вот сорвётся в неконтролируемый штопор.

Я хоть слабо разбираюсь в психологии, особенно местной, но тут невооружённым взглядом видно, что их надо разводить в разные углы ринга. Им просто нельзя общаться вместе: конфликт на уровне физиологии.

Коммуникация в таком формате всегда идёт по одному алгоритму: кто кого загасит. Они вот с переменным успехом бьются за пальму первенства.

Понимаю, что надо брать процесс в свои руки, если хочу сегодня нормально поработать. Тут нужна третья сторона, или они будут дискутировать до завтрашнего утра. Я ещё не переодевался, потому одет сообразно статусу девушки (она мойщиков частично и не воспринимает из-за их внешнего вида). Выдвигаюсь из-за спин мойщиков и обращаюсь к ней:

— Здравствуйте. Я — Саша, третий сотрудник. Если можно, скажите мне с самого начала — что случилось?

— Ставила на мойку машину! Говорила панель не трогать! Теперь панель отполирована, а компьютер — не работает! У меня был всего час свободного времени, потому попросила сделать мойку и чистку салона как можно быстрее! Теперь в итоге опоздала, и проблем нажила на ровном месте!

Не аферистка, искренне верит в то, что говорит. М-да. Грустно. Поворачиваюсь к братве:

— Соответствует?

— Санёк, да запарились! Всё верно, была такая просьба, но мы же герметизируем стыки! Не могли залить!

Братва тоже искренне верит в то, что говорит. Поворачиваюсь обратно к ней:

— Как Вас зовут?

— Лариса!

— Лариса, вообще-то в квитанции, которую мы выдаём при приёме машины, оговорено, что ответственности не несём — пожалуйста, прочтите квитанцию до конца. НО. Давайте всё же попробуем разобраться, раз Вы никуда уже не спешите. Вы можете пройти за стекло? Там удобный диван чай, кофе, бесплатный вайфай, дайте мне полчаса.

— Не нужен мне ни чай, ни кофе, ни ваш диван! — бросает она и скрывается за стеклом. Наливая себе кофе из кофемашины и садясь на диван.

Ну, хоть так... Звоню товарищу из секции. Среди прочих знакомств, один парень из второй группы Сергеича работает по авто электрике. Мы уже выяснили, что почти коллеги, и находятся они рядом. Он предлагал обращаться, если что; я не планировал, но как раз тот случай.

— Вадя, четвёртый паджеро не включается компьютер после сухой чистки салона. Клиентка говорит, мы залили. Без тебя лезть не хочу. Можешь подскочить? Прямо сейчас, это срочно.

— 3 минуты.

Они находятся через 2 улицы, потому уже через 6 минут Вадим держит в руках сгоревший предохранитель и укоризненно смотрит на девушку. Запасных предохранителей держим запас — специфика бизнеса. После замены, всё включается и Лариса долго извиняется:

— Пожалуйста, простите, никак не хотела вас обидеть, — глядя при этом почему-то не на братву, а на меня. — Очень стыдно, не знаю, как и быть.

— Всё в порядке, рабочий момент. Пожалуйста, не беспокойтесь, — радуюсь, что потенциально серьёзная проблема рассосалась без осложнений. Меня тут типа собрались двигать в старшие по объекту (поскольку я единственный не пью и всегда готов работать), а такой скандал никак не в тему.

— А вы тут менеджер? — после решения вопроса Лариса как-то мгновенно преображается и вместо стервозности начинает излучать феромоны.

— Не совсем. Я — химчистка салона. Просто ухожу последний, закрываю всё сам, сигнализация тоже на мне, потому у меня допуски к вопросам объекта шире.

— А за сколько времени нужно звонить, чтоб договориться о чистке? — к сожалению, наверное, это не флирт, поскольку салон действительно ужасный.

— Дня за три. 5 часов на работу в вашем случай, столько же на сушку. Вечером привозите — утром забираете чистый и сухой. Если хотите забрать в тот же вечер — ночью окна не закрываете, едете с

полиэтиленовой накидкой, сиденья будут ещё мокрыми.

В итоге, Лариса наконец убывает, записав мой телефон. А я, переодевшись и проводив с богом братву, наконец приступаю к работе.

Спасибо Вадиму. Смешной момент, но без него б всё могло быть намного драматичнее.

— ... а ещё в мои годы был такой мастер спорта — Трефилов. Тоже Саша, кстати. Лет на 10 меня старше. Он бы и выше мастера пошёл — если б дали, но он офицером кое-где был, ему перевестись надо было, чтоб из Союза выпустили, а он не хотел переводиться. Чуть не единственный чемпион СССР, причём неоднократно, который ни разу не был кандидатом в сборную. Он и бил не сильно — так, «мазал», максимум один-два удара в серии с акцентом. И скорость вовсе не запредельная. В общем — ноль — на первый взгляд. Так вот, у него все бои лет 5, которые я застал, проходили по одному сценарию: в первом раунде он давил, его «перебивали», не пускали — он низенький был — держали на дистанции, кто-то просто его переигрывал. Во втором раунде — тоже как в первом, но его соперник начинал выдыхаться. Трефилов ниже всех всегда был в своём весе, и вот во втором раунде, со второй половины, уже такой был рисунок: он давит — его не пускают; но вот его высокий соперник где-то зевает или не успевает — и Саша в ближнем [бою], прорвался. Бах, бах, бах, всегда тройка, но разная, — Сергеевич пихая лбом висящий мешок, в возбуждении показывает варианты троек, — акцентированный только последний удар. И всё — нокдаун. Рефери разводит, считает, снова бокс — и снова соперник через какое-то время зевает. Снова Саша в ближнем, и бах-бах-бах — снова тройка с одним акцентом.

Сергеевич отходит от мешка, вытягивает Вовины руки над своей головой и, ныряя под ними туда-сюда, показывает:

— И ведь все всё всегда знали. Один и тот же рисунок. Много лет. Это при мне пятилетку, а ещё до меня лет 10. Никогда ничего нового. Ну примитивный он был, как трамвай. На первый взгляд. Но весь бой и в третьем раунде — **всегда** один сценарий. Вроде и удар у него так себе, и тройки его все видно было, но темп боя у него к третьему раунду не падал, а нарастал. И в третьем раунде всех в прямом смысле **шатало**. И не столько от ударов, именно что от усталости.

Сергеевич перестаёт мелькать под Вовиными руками.

— Вот много лет все тренера в этом весе и перед республикой, и перед Союзом всех своих спортсменов на офэпэ дрочили в 2 раза

сверх нормы: Трефилов в категории. И что, что-то новое? Да всё то же самое. Всегда по одному сценарию. С ним в одну половину сетки (*турнирной таблицы*) вообще никто попадать не хотел — потому что сразу на вылет. А в другой половине таблицы — есть типа шанс дойти до финала. Ну а в финале уже ему сдать, как водится.

— Так а что в третьем раунде, когда всех шатать начинало? — спрашиваю. На самом деле интересно. Тем более, у меня уже мелькают вполне определённые идеи.

— А в третьем раунде его высокий соперник «сдыхал», обычно на второй минуте. Тогда раунды по 3 минуты были. И на третьей, на последней, в очередной раз прорвавшись, Саня как обычно — бах, бах, бах — но уже нокаут. Доходило до того, что с ним драться никто не хотел из мастеров ни на республике, ни на Союзе: все уже не по разу раньше продули, и просто ссали откровенно. Были и упёртые, которые раз за разом подтягивали офп и каждый раз пытались справиться. Только ни у кого не получилось. В общем, острили, что бой можно не смотреть и не судить. Можно прийти на девятую минуту — зафиксировать результат.

— И что, его так никто ни разу и не победил? — пререзается Вова.

— Один раз. Последний. И то, как победил... был один кмс из Питера, молодой и ранний, который типа не боялся (потому что раньше не сталкивался). Вот в финале чемпионата Вооружённых Сил они встретились, бой был в одну калитку. Естественно, Трефилов его гонял, как кот хомячка. Но тот пацан молодец: он, во-первых, в сборную молодежную Союза шёл (тогда в боксе до 21 года было), во-вторых, он продержался все 3 раунда — не упал. Стоял, шатало его; Трефилов его, как мешок, месил со всех сторон, чуть не за спину заходил, особенно в 3 раунде; но тот молодой всё же не упал. Все уже знали, что Трефилов последний раз выступает. И что в сборную ему нет дороги, тоже знали. Так судьи этому кмсу победу и отдали — Сане оно уже до лампочки было. Он со спортом завязывал. Вот присудили победу кмсу, хотя, конечно, на самом деле о его победе речь не шла.^[2]

Сергеевич глубоко выдыхает, набирает воздух и заканчивает:

— Знаете я это к чему?

— Он всех будет мордовать, как Трефилов? — тыкает в меня

большим пальцем рукавицы Вова.

— Да. С другой от тебя стороны сетки. Я на него ещё когда первый раз с тобой смотрел (когда ты в третьем раунде сдучся, и четвёртый сдал) — об этом подумал. Что были у Сани Трефилова эти же самые 2 момента: нокаутировать его не могли, хотя и в голову попадали, а темпа с плотностью боя никто больше двух раундов не выдерживал. При том, что во всём остальном он был — серая посредственность. Кроме воли к победе. А сейчас не 3, а вообще 4 раунда — нам и карты в руки.

Мы готовимся к какому-то зональному турниру, на котором хотим переиграть команду института физкультуры. Те, пользуясь «объективностью» судейства и собственными связями с судьями — выходцами из инфиза, все равные бои всегда записывали за собой. Сергеевич в этот раз почему-то занозился, решил что-то там выиграть. Хочет, чтоб в финале вообще никого из инфиза в нашем весе не было, что-то там кому-то доказать. Ставку делает на Вову. Я — запасная лошадь с другой стороны турнирной таблицы. Турнир через полтора месяца, в сентябре, но Сергеевич сегодня требует от нас принципиальное согласие его поддержать; если согласны — начинаем готовиться. Говорит, жеребьёвку берёт на себя. Типа, встретимся мы в финале. Вова — и так фаворит в своей половине сетки, а неудобных для Вовы противников с другой стороны должен «вынести» я, типа я им буду ещё более неудобен. Даже если проиграю до финала, как минимум очень их измотаю; но в меня он верит и верит, что дойду до финала. А раз мы согласны — как раз есть время подтянуть технику и тактику. Прогресс у меня и так семимильными шагами, а индивидуальные физические особенности такие, что «...тебе на этом уровне можно не бояться, тебя в ринге не убьют».

Сейчас мы лихорадочно нарабатываем каждый своё: я — опыт и скорость «считывания» с Вовой, Вова — «здоровье» со мной.

Я не рвусь ни в чемпионы, ни в финалисты. Но Сергеевич очень просит. Да и возможность быстрой прокачки мне интересна, ибо весь предыдущий опыт *там* наглядно показывает: чтоб исправить ошибки общества, нужно соответствовать своим потенциалом параметрам задачи, хе-хе. Значит, буду растить потенциал.

Со времени выписки деда, я был у С.В. в больнице уже несколько раз. Периодически у него всплывает пациент, по которому он просит уточнить ситуацию с точки зрения моей проекции.

Недавно был спор, почти конфликт: он первый раз просил срочно приехать, а я чистил новый лексус по срочному тарифу. Он сказал, что на обследование без меня уйдёт до суток. Случай такой, что я за секунду могу сказать, есть где-то в органе паразит или нет. Работы для меня ровно на 5 минут. А пациенту это может помочь принципиально.

«Лексус», бывший в этот момент у меня на чистке, нужен был хозяину рано утром — встречать жену из командировки в аэропорту. А испачкан изнутри он был таким, что жена б ему точно устроила Армагеддон. Подвести мужика я тоже не мог: я всегда выполняю то, за что взялся.

Если слово дано — его нужно держать любой ценой. Я хорошо понимаю, что начало пути неудачника — это когда у тебя слова расходятся с делом. Много примеров. Причем вначале причины для этого «расхождения» могут быть самыми уважительными — вот как сейчас. Но у меня есть мои маленькие принципы небольшого (пока) человека. И своё обещание, от которого зависит другой человек, я по своей воле не нарушу.

Хозяин «лексуса», кстати, сидел в комнате клиентов все 4 часа, что я чистил, и нервничал, как на войне: отчистится или нет.

К тому же, с С.В. мы изначально договаривались: никаких авралов. Подъеду по команде в течение суток. До этого момента так и было. А тут он попытался всё откорректировать в одностороннем порядке.

Конечно, по итогам телефонного блиц общения и у меня возникли неприятные ощущения. Что ни говори, с точки зрения общечеловеческих ценностей, загаженный лексус и человек в неотложке — разные порядки проблем.

После моих слов, что буду только утром, С.В. занервничал, стал повышать голос и апеллировать к моей сознательности. Но я не уступил и задал в ответ свой вопрос: что у него за богадельня, если без пацана всё пропало, гипс снимут, клиент уедет?

В общем, побросали трубки не на лучшей ноте.

Когда утром, презрев обиду, я всё же приехал к нему, он сказал хмуро, что пациентку родня увезла в Европу ночью: семья не бедная, случай сложный, не стали рисковать потерей времени.

Наверное, он где-то прав. И в определённых случаях счёт действительно может идти на часы или минуты. И в будущем, если я планирую быть ближе к медицине, а не к автомойке, то пока получаютсЯ одни знаки вопроса.

Я, кстати, понял, чем хочу заниматься и теперь у меня есть мечта: своя клиника.

Но не в роли врача, а в роли администратора.

Моя личная гипотеза: наследственная информация в генах может быть изменена снаружи. Путём вмешательства в колебательные контуры, что, судя по моему опыту, сделать возможно.

Изменяя наследственность, можно уйти от кучи вредных предрасположенностей: миопия (которая близорукость); отслоения сетчатки, ведущие к слепоте; куча диагнозов психиатрии; местами — онкология, диабет и ещё миллионы наименований.

По мне, вполне себе нормальная мечта для 16-летнего тела.

В обед в бассейне выпахиваю положенные 5 км разными режимами в сборной области по плаванию. После бассейна, по какому-то наитию, заворачиваю в сторону больницы и внизу набираю мобил С.В. На моё счастье, он отзывается сразу:

— Да?

— Сергей Владимирович, я возле Вас. Хотел бы поговорить. Когда удобно зайти?

— Можешь прямо сейчас. Я на обеде. У себя в кабинете.

Где его кабинет, я давно знаю. Вхожу, стукнув 2 раза. Он разливает из электро кофейника 2 чашки кофе на столе и делает приглашающий жест рукой. Не чинясь, присоединяюсь.

— Сергей Владимирович, я думал, кем хочу быть. И пришёл

к Вам за советом.

— У нас с тобой есть 30 минут. Уложимся? — отпивает из своей чашки, доставая второй рукой из-под стола печенье.

— Постараюсь.

Рассказываю ему о своей мечте — о собственной генетической лаборатории. Поясняю, почему не вижу себя в мед. институте — там слишком много предметов, которые только дублируют те способности, что у меня и так есть. А если предположить, что имеешь миллион — такую лабораторию вместе с компетентными специалистами можно купить либо построить. Сразу минуя многие промежуточные ступени, которые проходит обычный интерн по пути хотя бы до главврача.

Он серьёзно выслушивает:

— Достойная цель. Как врач, вижу несколько обстоятельств, которые ты не учёл.

В нашей стране, и аппаратный, и кадровый (как следствие), и технологический уровень не растёт вверх, а катится вниз. Допустим, через 10 лет у тебя технически появилась возможность иметь свою лабораторию — не спрашиваю, где ты возьмёшь миллион(ы) за это время. Но допустим. У тебя они есть. Вот в нашей стране, для начала, эта лаборатория обойдётся тебе на 20–25 % дороже, чем на Западе или в Японии. Знаешь почему? Профильного оборудования мы не делаем — только закупать. Профильные организации, которые могли бы сделать такое оборудование, у нас либо развалились (если государственные), либо переехали на запад. В первую очередь — конструкторы, кадровая база. Был такой факультет в институте радиоэлектроники — медтехника. Вот они все на западе. Хорошие генетики с нашего университета всеми правдами и неправдами по грантам также рвутся на Запад учиться, потом там остаются. Это касается абсолютно всех медицинских или биологических специальностей. За 10–15 лет ситуация только усугубится — не спрашивай почему. Прими как данность. Это я тебе говорю, как чего-то добившийся в отрасли за 25 лет работы функционер.

Дальше. Допустим, оборудование ты купишь, привезёшь, заплатишь НДС и пошлину (как раз 25 % дополнительно). Оформишь лицензию. А кого поставишь работать? Хорошие специалисты, я уже сказал, все на западе. Правдами и неправдами. Значит, в лучшем

случае, тебе придётся брать «второй сорт» — не ленивых, трудолюбивых, но НЕ прорвавшихся на Запад. Либо — не выдержавших там конкуренции.

— Если пригласить иностранных специалистов?

— Не вариант. Во-первых, уровень их зарплат ТАМ несоизмерим с нашими зарплатами. А если даже предположить, что и на их зарплаты ты найдёшь ресурс (это — сотни тысяч в год, твой миллион считай сразу закончился), то за переезд к нам они автоматически захотят двойной тариф. Это я тебе тоже профессионально говорю.

Теперь смотри: профильное оборудование — только импорт, для тебя — автоматически на 25 % дороже, чем для западной аналогичной лаборатории из-за растаможки по нашим дурацким законам.

Специалисты: либо — неудачники, если наши. Либо — минимум в 2 раза дороже Западного рынка труда, компенсация за переезд сюда.

Это повлияет на себестоимость «продукта» который будет выдавать твоя лаборатория? Сразу оговоримся. Сегодня нет никаких оснований ожидать перемены к лучшему. Вся отрасль, если говорить о медицине и генетике, в нашей стране движется по инерции на старом базисе времен СССР. НО того запаса прочности уже нет, он давно устарел. А нового ничего не создано и не создаётся. И не создастся — поскольку текущий государственный подход это исключает. Медицина и генетика — отрасли, в которые сегодня надо вкладывать миллиарды. Чтобы хотя б **иметь шанс** получить результат через 10–15 лет. У нас есть соответствующие инфраструктура, законодательство, ресурсы, программы? Компетентно говорю: нет.

— Да, конечно, — загружаюсь я, — получается, у нас все исследования и их результаты минимум в 2–2,5 раза дороже. Это если удастся решить проблему кадров, что уже само по себе риск. А ведь её можно и не решить...

— Но и это не всё. Как только ты — если! — начнёшь получать какой-то приемлемый результат, ещё и способный конкурировать с Западом — к тебе тут же придёт наше Государство. И в лучшем случае, останешься без своей лаборатории, но с деньгами. В худшем — управлять твоей лабораторией будут совсем другие люди. Совсем

не по твоим планам исследований и не по твоим задачам. Так что — реальны только два варианта. Либо твоя лаборатория банально прогорит, не выдержав конкуренции с более технологичным Западом. Либо — если ты каким-то чудом начнёшь побеждать — у тебя всё равно в итоге не будет такой чудесной лаборатории.

— Как так? — удивляюсь, — это что, узаконенный государственный рэкет?

С.В. молча хлопает меня 2 раза по плечу.

— Саня, ты — хороший, добрый, чистый парень. Лично я желаю тебе только удачи, и не только из меркантильных побуждений. Ты пришёл за советом? Считай, что я — твой дядя. Вот мой тебе совет: первое — деньги. Думай, где взять деньги на твои затеи. Очень большие деньги. Они главнее, чем твои мозги, пусть и неординарные. Второе: когда у тебя **получится** обеспечить эти деньги, ты сам, на основании личного опыта, поймёшь, почему в нашей стране такую лабораторию открывать не нужно. Начерно — я тебе описал, твой продукт просто на ровном месте будет в 2 раза дороже импортного. Кому он будет нужен с неконкурентоспособной ценой? Уже молчу о конкурентности результата... И напоследок. У меня есть сын, от бывшего брака, но мы общаемся. Он в прошлом году окончил школу. Я лично отговорил его идти в медицинский. Вот максимум, что я могу для тебя сделать — это честно сказать: **забудь** об этой стране, как о базе для твоей идеи. Тут у тебя ничего не получится. Ни по кадрам. Ни по оборудованию. Ни по реализации результата, если вдруг (!) ты каким-то чудом получишь что-то интересное.

— Неожиданно, — ставлю чашку на стол. — Есть о чём подумать. Спасибо за информацию и кофе, не ожидал.

— Саня, это жизнь. А ты ещё — просто мальчик в ней. Умный, добросовестный, пытающийся идти путём, который лично я, как старший товарищ, очень уважаю, — но просто мальчик. Который не до конца понимает практические реалии.

Ещё минут 5 мы молча пьём кофе, думая каждый о своём. Как-то беспросветно. Хотя, я понимаю, что он прав. Моих знаний хватает, чтоб, критично всё обдумав, с ним согласиться по всем пунктам.

— А как добиваться успеха на Западе — я тебе не советчик. Я как раз из разряда неудачников, которые на Запад прорваться не смогли. Разве что, пользуясь возможностями и плюсами **нашей**

реальности, развить и отточить *твои* собственные умения и навыки тут.

— Что Вы имеете в виду?

— Мой однокурсник открыл на паях частный медцентр. Сам в нём — главврачом. Возле каблиновской больницы. Половина его специалистов — также оттуда. Клиенты — люди, которым по средствам лечение на Западе, но в силу разных причин они не могут туда мотаться. Я там своего товарища регулярно консультирую — частным порядком, поскольку администратор и бизнесмен он чудесный, а вот врач — не особо. У меня и **там** бывают случаи, по которым я бы с удовольствием консультировался с тобой. Если ты решишь системно разрабатывать и тренировать свои навыки — могу посодействовать с «полигоном». Там лично тебе есть вариант развернуться в хорошем смысле, под компетентным присмотром, не опасаясь никаких подводных камней.

— Можно ещё кофе?

— Да без проблем. Только сам заваривай, — С.В. подходит к открытому окну и закуривает. Пока засыпаю кофе, пока закипает вода, обдумываю то, что сейчас услышал. Прихожу к очень некомфортным выводам:

— Сергей Владимирович, получается, Вы сейчас намекаете, что, с точки зрения перспектив развития **фундаментальных** моментов генетики и медицины, наша страна — аутсайдер? И находиться географически тут, «внутри системы», всё равно что Шумахера пересадить на жигули или запорожец?

— Я тебе не намекаю, а открыто пытаюсь это донести. Более того. Это — не моя частная позиция. Это — позиция нашего замминистра по науке. Озвучиваемая и в Парламенте, и на Кабмине, и даже на более высоком уровне. Но чтобы что-то изменить, нужна готовность страны вкладывать миллиарды сегодня. Без гарантии что-то получить завтра. А о долгосрочных инвестициях в фундамент по генетике или медицине именно в нашей стране речь не идёт. Я тебе больше скажу. Есть такая вещь — называется «международное разделение труда». Обычно о нём говорят экономисты, но у врачей что-то подобное тоже есть. Вот мы традиционно сильны в военно-полевой хирургии. Корифеи, гордимся, никто уже больше ста лет не спорит. Шри Ланка, например, сильна в трансплантологии, другое

дело что там 90 % мирового «чёрного» рынка трансплантаций. Но сейчас не о том... Германия — традиционно сильная психиатрическая школа. Китай — очень силен в опорно-двигательном аппарате, костях, суставах, скелете — это то, то я вижу как врач нашей школы. Не могу никак оценить Пекинский Университет Народной Медицины. Есть мнение, что они сильны и в профилактике — но тут сложно обсуждать; трудно доказать, что ты **бы** заболел артрозом, если ты им не заболел...

Так вот. В рамках международного разделения труда, применительно к медицине, у нас есть свои ниши. Хоть и кардиохирургия. Но даже там, последнее слово в имплантатах сказано не нами: наши классные хирурги делают классные операции **чужими** материалами и **на чужом** оборудовании. Более того. Чтоб сертифицировать оборудование в стране, знаешь сколько нужно времени?

— Сколько?

— А порой и до 3 лет. А сколько времени нужно, чтоб его разработать, «довести» и подготовить под ключ к сертификационным испытаниям? То-то и оно. А сколько денег? Это — целая индустрия, в которой мы не то что аутсайдеры. Мы вообще не участвуем.

— Это как идёт чемпионат по плаванию, а наша страна не приехала в нём участвовать?

— Да. Можно и так сказать, — смеется С.В. — Какое-то время ещё мы «проедем» на инерции предыдущей подготовки. Но через несколько чемпионатов, мы отстанем и в методиках подготовки пловцов, и в методике подготовки тренеров, и бассейны — если этой аналогией пользоваться — изнасятся и закроются. А новых бассейнов мы не строим. И открыто заявляем, что строить не на что. Так что, опять же говоря твоим языком, если ты хочешь быть в десятке лучших пловцов мира, тебе нужно переходить из сборной Танзании в другую страну — туда, где хотя бы есть бассейны и вода в них.

— Кажется, понял...

— Саня, я очень рад тебя видеть, но мне пора. У тебя сейчас каникулы?

— Да.

— Ты когда занят на своей мойке? Вернее, когда свободен

бываешь? В конце недели в Новой Клинике (она так и называется — НОВАЯ КЛИНИКА) будет пациентка. Я тебя заранее извещу. Пожалуйста, подойди посмотреть? Пока без подробностей, но это может быть полезно абсолютно всем, включая тебя. Могу на тебя рассчитывать?

С.В. после того случая с конфликтом интересов не обращался. Вероятно, обиделся.

С лёгким сердцем говорю:

— Конечно. И это... извините за тот раз. Я понимаю, что неправильно было не приехать к Вам. Но так же неправильно было не сделать работу *там*. Я просто слишком молодой, и пока не научился делать так, чтоб никого не подводить.

— Проехали, — С.В. «расцветает» внутри, но это вижу только я

Сегодня в бассейне вся сборная плывёт «на досках» 6 км: ложишься руками на специальную плавательную доску — гребёшь километр только ногами. Потом — только руками (доска между щиколоток). И так по кругу.

Не знаю, что развивает такое упражнение, но выполняю дисциплинированно. Плыть скучно. Рядом на дорожке гребёт Ануш — высокая черноволосая перворазрядница на год старше меня. Она сегодня весь день кислая, вытаскиваю её на откровенность. Она вначале отмалчивается, потом признаётся:

— да есть проблема. Позавчера столкнулась в кафе с одноклассником. Случайно залила ему новый планшет. Сегодня надо или отдать отремонтированный, или купить новый. В ремонте сказали — не подлежит. А Колька давно клинья подбивал, а тут ему такая возможность...

Она не договаривает. Додумываю самостоятельно варианты развития событий и неожиданно даже для себя предлагаю:

— Давай сходим с ним пообщаемся вместе?

— А что это даст? — продолжает давить унынием она.

— Ань, ну ты девочка. Вопрос явно не тот, чтоб ты сама с ним разобралась — сама ж говоришь. Я всё-таки противоположного пола. Что ты теряешь?

— Сань, только ты не обижайся. Ты ж на год младше, ну что изменится?

Ну да. В этом возрасте, год разницы — повод для сомнений.

— А тебе есть что терять? — размышляю вслух. — Всё равно ты сама считаешь, что уже «попала». Своих вариантов у тебя нет. То, что ты плаваешь за область — ни для кого не секрет. Ну мало ли почему ты идёшь по улице вместе с товарищем по команде?

— Ну ладно, валяй, — уныло тянет она, — после бассейна идём в ПЛАЗУ.

В ПЛАЗЕ сразу поднимаемся на фудкорт — есть после пяти

километров лично мне хочется неимоверно. Ей тоже.

Фудкорт — большой круглый балкон на втором этаже, по окружности которого расположены различные мини-рестораны, мексиканская кухня, японская, китайская и еще куча всего. Сажу её в центре балкона, сам иду по кругу с подносом и через минуту ставлю на стол 2 супа-мисо, большую пиццу «4 сезона», салаты, по две порции хосомаки с угрём и по одной — с лососем.

По мере насыщения, её настроение меняет градус с резко минорного на относительно мажорное.

Планшет я посмотрел: дешёвое китайское изделие с низким индексом надёжности. Действительно ремонту не подлежит: замена платы в кустарных условиях будет стоить столько, сколько новый планшет в заводских.

Когда мы почти доедаем, появляется хозяин планшета:

— Добрый день. Аня, ты решила?

Она напрягается и резко краснеет. Я уже принял решение, потому пользуюсь паузой:

— Сколько стоит этот планшет? Отремонтировать старый точно не получится.

По парню без всякой эмпатии видно, что он рассчитывал на радикально иной сценарий, пауза повисает второй раз. Кладу руку на спортивное женское бедро слева от себя и молча смотрю на него. Женское бедро не сопротивляется.

— Сто пятьдесят долларов, — закругляет паузу хозяин планшета.

Молча встаю, подымаю с пола свою сумку со всеми спортивными причандами, достаю из бокового кармашка бумажник, отсчитываю полагающееся количество:

— По курсу нашими. Пойдёт? Либо можем прогуляться до обменника.

— Пойдёт, без проблем, — удивлённо пялится на меня Коля, но потом всё же берёт себя в руки и, скомкано попрощавшись, удаляется.

Из ПЛАЗЫ идём пешком. Настроение Ануш — как маятник, уже

в эйфории.

— А откуда у тебя столько денег? Тебе родители сказали что-то купить? Я тебе на ближайших соревнованиях с суточных отдам. Спасибо большое, что выручил, не ожидала. Честно.

— Ну, во-первых, я работаю, у меня есть свои деньги. Во-вторых, родители тоже присылают (умалчиваю, что к бабке с дедом давно за деньгами не езжу). Так что, не парься...

— А где работаешь? Как и куда устроился в этом возрасте?

Удерживаюсь от сентенции на тему того, что всегда нужно кормить себя самостоятельно. Мой организм реагирует на её эйфорию так, как положено моему возрасту, который пубертатный.

— По случаю. Нужен был аккуратный человек, живущий рядом. Желательно несемейный. Вот я и подошёл.

Гуляем по городу ещё час, потом заваливаемся в кино, где ведём себя сообразно возрасту, в самом последнем ряду кинозала.

Сергеевича в зале сегодня нет — лето, похоже, все живут расслаблено. Нас только двое в зале. Решаюсь на маленький эксперимент.

— Вова, хочу кое-что попробовать. Можно?

— Давай попробуем. Чего ждать?

— Не хочу говорить заранее. Если ты сейчас почувствуешь что-то необычное — пожалуйста, скажи. Давай в четверть силы, это важно.

Продолжаем отрабатывать оговоренное задание. Подгадав момент его «взрыва», я пытаюсь своим сигналом перекрыть команду его мозга телу. Он буквально на долю секунды сбивается в шаг — но за мгновение берёт себя в руки и продолжает, как ни в чём не бывало. Все мои дальнейшие попытки *вмешаться* больше не оказывают никакого влияния.

Спрашиваю в душевой:

— Почувствовал что-то?

— Ну ты типа свою волю на время подключил, — удивляет меня

ответ, — да, почувствовал. А что?

— Да ничего. Хотел проверить, что можно таким образом сделать.

— С более-менее опытным человеком, на реальных соревнованиях — ничего. — Вова вытирается, как ни в чём не бывало. Видимо, удивление написано у меня на лице. Он продолжает:

— На соревнованиях всегда ор стоит, толпа беснуется. Когда первый раз выходишь в ринг — ощущения, как будто на тебя гири навесили. И страшно, и чужие крики очень отвлекают. Бывает, что очень хороший спортсмен от этого шума на первых соревнованиях ничего показать не может, как ватный в киселе движется. Но тут надо, не знаю как сказать, отстроиться от всего, что ли. В общем, смотреть и слушать не наружу, а внутрь себя. Это бесполезно рассказывать, сам поймёшь. Главное — ни на какую толпу не отвлекаться. Если можно так сказать, в мозг себе ничего лишнего не пускать — ни шума, ни чужих мыслей.

Я от удивления только что зубами не лязгаю.

— Даже упражнения есть, — не замечая ничего, продолжает он, — либо можно в первый раз выйти на товарищеский матч какой-нибудь. Там такая же атмосфера, но результат ни на что не повлияет. Либо — на первые бои других в своей команде выходишь вместе с секундантом. И тоже оказываешься в ринге, только делать тебе ничего не надо — просто привыкай к шуму. Когда будет твой выход — уже привыкнешь, и толпа тебя так не будет сбивать.

— Спасибо за совет. Ты мне очень помог.

— Да фигня это всё. Об этом все, кто хотя б на одних соревнованиях был, всегда знают.

Век живи — век учись. В удивлении думаю, что никогда нельзя считать себя круче всех. Шум и эмоции толпы — тоже энергия. Энергия — способность выполнять работу, в данном случае — перестройку несущих частот конкретного человека. Получается, все всё чувствуют (особенно на больших объёмах) и с этим работают. Просто не так глубоко, не специально и не углубляясь в теорию процесса. Хм.

— ... вообще не наш профиль. Просто не могу отказать её мужу.

Ей 26, ему 45, долго не могли ничего сделать, тут наконец эта беременность. Он над ней трясётся, она трясётся сама по себе — первый ребёнок у обоих.

С.В. сидит за столом с полноватым мужчиной его же лет, стремительнодвигающимся, жизнерадостным и пышущим позитивом.

Плотный мужчина возраста С.В. протягивает мне руку (в НОВОЙ КЛИНИКЕ сразу показали, куда идти). Он на вид в роли врача гораздо убедительнее, чем С.В., хотя, я уже знаю, что С.В. как врач лучше.

Внешность С.В. служит предметом шуток всех, кто его знает: своей астеничностью, вкрадчивыми интонациями, растягиванием слов и темпом речи он похож на профессора Мориарти. По крайней мере, все, не сговариваясь, ржут, когда слышат это его прозвище.

На столе — бутерброды с колбасой, чайник чая и мёд.

— Знакомься — это Саша. Саша, это — Игорь Витальевич, директор, совладелец и главврач этой клинки. Игорь, как нам посмотреть Касаеву, чтоб он тоже мог поучаствовать? — включается С.В.

— Как-как, она сейчас пойдёт по очередному разу на обследования. Пойдём да посмотрим. Саша, присоединяйся! — Игорь указывает на бутерброды.

— Спасибо, ел, не хочу. — Есть правда не хочу.

— А как ей объясним его? — не успокаивается С.В.

— Она в курсе, она не против. Ему что-то надо? Нуууу, для ...

— Я на месте объясню. Только белый халат, — отвечает за меня С.В. — Саша, заранее ничего говорить тебе не будем, пожалуйста, давай ты сам посмотришь и потом нам расскажешь, что увидишь.

Молодая женщина на не знаю каком месяце беременности в кабинете УЗИ заметно нервничает, ожидая врача. С.В. начинает распоряжаться, поскольку мы друг к другу уже притёрлись:

— Игорь, сядь в углу за спиной у нас. Не разговаривай, не звони по телефону.

— На беззвучном, — Игорь молча садится за столик в углу у

двери.

С.В. отходит от меня на полтора метра к окну и смотрит в окно.

Закрываю глаза и сосредотачиваюсь.

— Готов докладывать, — размыкаю глаза через 2 минуты.

Игорь ведёт нас в соседний пустой кабинет с хорошей звукоизоляцией — все звуки коридора исчезают, как только он захлопывает дверь изнутри.

— Рассказывай.

— Она как будто в норме. Ребёнок вроде бы тоже в норме — никакой рассогласованности частот. Как будто. НО. Там есть жидкость, что ли, вокруг ребёнка... Вот она «фонит».

— Околоплодные воды, — подсказывает С.В.

— Чем фонит? — напрягается Игорь.

— Там не сложно откорректировать, — сразу подымаю ладони, — но там последовательный процесс. Кажется, в такой последовательности: в околоплодной жидкости — своя автономная генерация.

— Патогенная флора, — переводит С.В.

— Она незначительно, по моим меркам, сбивает частоты ребёнка. Я б даже сказал, не сбивает, а пытается сбить; ребёнок успешно сопротивляется. Ребёнок стабилен на своей частоте, в моей проекции с ним ничего страшного. Был бы это обычный человек — я сказал бы, организм успешно борется с гриппом или чем-то аналогичным. Но когда *этот* ребёнок борется, он периодически даёт рефлекторные «всплески» на своей частоте, и вот эти всплески уже воспринимает его мать. На уровне скачков частоты в собственной нервной системе.

— Есть ли варианты, что автономная генерация усилится? — быстро ориентируется Игорь.

— Да кто ж его знает. Я не врач. По моей логике, такие процессы могут быть и дискретными. Тут не угадаешь. Мы с Сергеем Владимировичем обычно не ждём развития событий, сразу санлируем.

— А сможешь? — Игорь аж подпрыгивает.

— С беременными не работал. По околоплодным водам опыта не имею. На первый взгляд, от предыдущего опыта не сильно отличается. Попробуем?

— Хуже не будет, — веско роняет С.В.

Её частота. Частота ребёнка. По фазе согласованы, по частоте близки, почти тождественны. Чужая генерация — как контрастные пятна на однородном фоне. Ещё раз примерившись, глушу их частоту в течение минуты. В итоге, они ничем не отличаются от предыдущего опыта и ожидаемо гаснут.

— Я закончил. Санировано, — вытираю руки заранее припасённой влажной салфеткой.

— О, привет. Не ожидал, что позвонишь, — заканчиваю чистить последнюю машину, когда мне звонит Ануш.

— Ну, от тебя же звонка не дождёшься! А ещё парень!

— Ань, я не со зла. Я ещё на работе, есть что делать. Пока не освободился.

— А во сколько закончишь?

— Уже заканчиваю. Минут через 15. Потом нужно будет всё закрыть, поставить на сигнализацию, отключить всё из розеток. Это ещё минут 5.

— Зайдёшь потом за мной? Погуляем?

— Если честно — хотел идти спать. Но разве тебе можно в чём-то отказать...

Я как-то не сильно серьёзно воспринял всю историю с планшетом. Ничуть не жалею о своём участии, но никакого продолжения не планировал. Ануш же чувствует себя чуть ли не обязанной по гроб жизни, уж не знаю, что у них за отношения там в школе и чего из-за дерьмового планшета так убиваться. Она теперь звонит каждый день, периодически вытаскивая меня погулять. Хорошо, что я работаю, то есть зарабатываю: оказывается, гулять с девушкой по городу — не самое экономичное занятие.

— Сколько раз в неделю ты работаешь? — она держит меня под руку, во второй руке держа мороженное, от которого откусываем по очереди.

— Работаю, когда есть заказы. Сейчас лето, время чисток, обычно шесть дней в неделю. А то и все семь. К зиме поток машин схлынет, плюс лицей же с осени. Сейчас надо накопить, чтоб зимой был запас.

— А меня родители о тебе расспрашивали.

Чуть не давлюсь мороженым прямо на ходу.

— В каком контексте? — осторожно пытаюсь прощупать, что это сейчас было.

— Ну-у-у-у, когда мы с тобой сидели в ПЛАЗЕ и ждали этого мудака Колю, нас на фудкорте видели мои родственники по армянской линии, родня бабушки, Подходить постеснялись, у них так не принято.

— Не понял. У кого «у них»? «Они» — это кто? Почему не подошли?

— «Они» — это мы, хе-хе. У меня бабушка — армянка. В честь её мамы — моей прабабушки — назвали меня (я пока не разобрался в местных этносах, потому очень внимательно слушаю). У бабушки есть сестра. У сестры есть внуки, мои троюродные братья и сестры. Одна из сестёр замужем. Вот родственники её мужа нас с тобой и видели.

— Продолжай, — подношу ко рту её руку своей рукой и откусываю ещё мороженого.

— Ну я и говорю, подходить постеснялись. Но видели, как к нам подходил Колька, частично слышали разговор, и видели, как ты отдал деньги. Бабушка обо всём узнала буквально через 5 минут — «спасибо» мобильной связи в 21 веке.

— Кажется, мне пора готовиться эмигрировать? — пытаюсь пошутить. — Я не готов к интересу твоей родни, — откровенно признаюсь.

— Не парься, хе-хе. Бабушка тут же позвонила родителям. Естественно, всё передала. В деталях. Но родители потом увидели, что я пришла вовремя, в нормальном настроении. Что со мной ничего не случилось. Сразу ни о чём расспрашивать не стали, но сегодня спросили, с кем и как надолго иду. Я сказала, что с тобой. Вот они всё сопоставили — и спросили о тебе.

— Не буду спрашивать, что ты им ответила... Что-то это как-то пугающе звучит для моего возраста, — демонстративно делаю круглые испуганные глаза.

— Говорю же — не парься. Мы ж ещё дети, и для них, и вообще.

— Ага, дети — с большими аппаратными возможностями... — бормочу еле слышно, но всё же недостаточно тихо.

— Ой, да не парься ты, я вообще для поддержания разговора это сказала. Моя мама — тоже бывшая спортсменка. Все с детства по разездам, рано начали жить самостоятельно, все всё понимают,

никто никого ни к чему обязать не пытается. У меня очень современные родители. И они очень удивились, когда узнали, что парень из моей команды выручил меня, без оглядки на любые обстоятельства. Тем более, сумма достаточно значительная. Я же тебе не предлагаю с родителями знакомиться, — завершает она в итоге, — просто ляпнула.

— Фух, — облегчённо выдыхаю вслух, после чего мы оба начинаем смеяться, а меня в левое плечо ударяет кулак.

— Кстати, родители уезжают завтра. Я до конца недели у бабушки.

— А тебя почему с собой не берут?

— Не «они не берут». Я сама не еду: не хочу делать перерыв в тренировках. Родители вообще прорабатывают варианты эмиграции в Европу, уже года два. Но мне надо тут доучиться в школе — там это намного дороже. Если всё получится с этим переездом, не понятно, чем мы там жить будем на первых порах. Может быть, вообще моё плавание нас кормить поначалу будет.

— Ничего себе ты ответственная, — автоматически кладу руку ей на талию, она тут же делает шаг ко мне. Чёрт, никак не привыкну к этому пубертатному телу. С его характерными возрастными реакциями. Настолько порой яркими, что очень влияют в физиологическом плане. Где-то даже мешая и раздражая.

НОВАЯ КЛИНИКА, кабинет главврача. За столом — двое мужчин. Девушка в белом халате ставит на стол чайник, пустые чашки и плотно закрывает за собой дверь.

— Серый, надо сказать спасибо твоему Шурику. Был сегодня наш прокурор, вот вручил, — более плотный хозяин кабинета извлекает из стола запечатанный конверт и запускает его по столу к более высокому астеничному мужчине, сидящему с другой стороны стола, — ваша с Шуриком доля.

Более высокий принимает конверт, заглядывает в него и удивляется:

— Что за прокурор? Это что?

— Твой Шурик убрал же вирусы у Касевой?

— Это которая на тридцатой неделе, — вспоминает высокий.

— На тридцать первой, не суть. Её муж — начальник четвёртой службы в прокуратуре. Карьера, должность, всё путём, но женился поздно. Жена считай на двадцатку моложе. Любовь и страсть, как в сериале. Поженились за три дня. Первый ребёнок у обоих. А тут — угроза. Первая акушерня, где они на учёте стоят, ничего сделать не могла. Они тупо по всему городу ходили — вдруг кто поможет (в ресурсах то семья не ограничена). Он её хотел за границу послать, но она без него лететь отказалась. Она вообще летать боится, а ему нельзя — сам понимаешь... Они и в каблиновском стационаре были, и в военном госпитале; к нам от безнадёги пришли. А мы всё пофиксили. Со скоростью звука. В конверте — ваша с Шуриком доля, я своё уже сам себе отстегнул: он в одном конверте дал сразу и мне оплату процедур по чеку, и Ваши «бонусы».

— Игорь, это мы с прокурора деньги берём?

— Мда, Серый. Тяжело таким, как ты, — ржёт плотный. — Вот потому мы с тобой по-разному и живём. При том, что ты, как врач, намного сильнее.

— Игорюня, не обжайся, но ты — вообще уже не врач. Ты — функционер, — не удерживается высокий.

— Так я и не спорю. Но именно у меня эти очень немаленькие люди нашли то, что другие большие врачи им дать не могли. По всему городу. Так?

— Ну да, в принципе... но это же элемент везения.

— Серый, везёт только тем, кто сам себя везёт. Тебя там, в твоей государственной лечильне, совсем зашугали. У Касаевой, кстати, и узист какие-то улучшения после Шурика нашёл — я не вдавался. Они тогда у нас узи делать не стали, после Шурика для проверки пошли в кабминку. Угроза снята. Всё в норме. Сумма для этого мужика — не критичная. Благодарность — святое дело. Ну и попутно... — плотный выдерживает паузу.

— Что?

— Он от жены в курсе, что это — твой Саня чуть не наложением рук святых воскрешает. Сказал, чтоб мы не боялись, работали смело. Ещё передавал, чтоб Саня какие-нибудь курсы

массажа окончил. Желательно — сертифицированные, на наших курсах повышения квалификации. Чтоб хоть какой-то диплом был гос. образца. Это — его личный совет, для меня переходящий в прямую рекомендацию. Он, кстати, деньги с учётом этого давал. Так и сказал: «...чтоб хоть одних нормальных людей во всём городе из-за тупой системы не упирали». Нормальный мужик. Говорит, если кошка ловит мышей, то не важно, какого она цвета.

— Это не он говорит, а Дэн Сяопин говорил, — автоматически поправляет высокий. — Нам надо пообщаться всем вместе с Саней.

Плотный вздыхает, тянется к конверту, делит содержимое конверта на две равных половины. Одну половину в конверте убирает обратно в стол, вторую возвращает высокому:

— Горбатого могилкой не исправить, Серый. Хорошо, конечно, зови Саню, давай вместе всё обсудим. Если сам с ним говорить стесняешься.

— Да не лезь ты в ближний! — Сергеевич сегодня с нами. — Вова, с ним — это не твоё. Подойдите оба.

Мы подходим, благо перерыв. Сергеевич ставит нас плечо в плечо:

— Вытянули руки оба и сожмите кулаки.

Выполняем. Моя рука оказывается ровно на один кулак короче, чем у Вовы. Ничего себе. Как такое может быть? У нас же плечи абсолютно на одном уровне. Вова удивлён не меньше.

Сергеич доволен произведённым впечатлением:

— А вы что, когда вдвоём тут без меня месились день, даже не заметили?

— Я — нет, — коротко отвечает Вова.

— Мне вообще это и в голову не пришло, — искренне отвечаю за себя.

— Вот что значит возраст, — Сергеевич радуется произведённому эффекту. — А мне сразу видно. Понимаете теперь, зачем тренера нужны?

Синхронно ошарашено киваем.

— Длина рук — первое, на что следует обращать внимание после роста. На этом и более серьёзные люди сыпались: если ниже ростом — значит, я его издали обстреляю. В ближний не пущу. А тому в ближний и не надо, у него рост, может, и ниже. Но руки — не короче. Он и с дальней дистанции достанет. Так что, Вовчик, не лезь с ним в ближний. Он для своего роста и вашего веса крайне неудачно сложен. Так-то в жизни длина рук — мелочь, это как размер обуви. При одинаковом росте, размеры ног ведь бывают разные.

А кстати и правда, да.

— Но в боксе иметь руки короче на кулак — сами понимаете. Саша, у тебя — единственная тактика: ближний бой. Мотать всем нервы, дрочить всех не далее чем на средней дистанции, при первой возможности — в ближний. В принципе, ты в нём уже освоился. На дальней — даже не думай пытаться поиграться. С твоими руками ты всех насмешишь, но никого не достанешь.

А ведь я и правда не понимал, почему не попадаю. Думал, Вова на ногах лучше перемещается. А оно вот что.

— Ну вот вам и задание. Отрабатывать до потери пульса. Вова — дистанция: не пускаешь, перебиваешь его с дальней, на средней — убегаешь на дальнюю, никакого ближнего. Саня — только ближний. Вова тебя будет не пускать, задрачивать издалека, но ты гни свою линию. Ты здоровее, в смысле выносливее. Не бойсь. Даже если первые два раунда он тебя обыграет, третий раунд — твой. А четвёртый — вообще молчу. С твоими руками и здоровьем — только схема Трефилова. Бог ведь просто так ничего не даёт, если что-то лишнее, значит, чего-то хватать не будет, — бормочет Сергеевич, слезя с ринга вниз.

Ну мы и работаем.

Подход. Неудачно. Встречает. Назад. Подход. Нырнул. Прорвался, ура! Бах, бах, бах, чёрт, он убежал.

Подход — неудачно.

Подход — неудачно.

Подход — неудачно.

...

В душе Вовик продолжает удивляться:

— Однако, я и не знал. Вроде и не мальчик, и опыта хватает. А про эту штуку с длиной рук даже не знал до сегодняшнего дня.

— Ну, Сергеевич — не зря тренер. И постарше нас обоих. Вместе взятых.

— Да оно понятно, но всё равно — ты ж смотри... как оно бывает...

И снова мы втроем с докторами в том же кабинете.

— Саня, а ты там ничего лишнего не задел? — в пятый раз беспокоится Игорь. — Ну, у ребёнка там? Или у неё?

— Игорь Витальевич, не беспокойтесь, — успокаиваю его в пятый раз. — Импульс был очень точно локализован, в жидкостях легко устанавливать границы воздействия. По времени — очень ограниченный, по амплитуде — одна тысячная от человеческого. Ну это как волосы взъерошить, — тут И.В. и С.В. начинают ржать, поскольку один лыс, а второй очень коротко стрижен. — А что говорят Ваши данные?

— Да вроде всё норма. Но до конца же не понятно, пока не родится. Саня, большое спасибо за помощь прошлый раз, муж той беременной женщины просил передать, — Игорь придвигает ко мне какой-то конверт.

С.В. сидит напротив и пьёт кофе.

В конверте обнаруживаю деньги. На первый взгляд — намного больше, чем дневной заработок мойки. Но пересчитывать тут неудобно, прячу в карман, дома разберусь.

— Спасибо. Неожиданно.

— Это просто ты не в те руки попал поначалу, — снова ржёт И.В. глядя на нас обоих. — Сергей... гм, Владимирович всегда славился высоким профессионализмом, как врач, и неумением вести финансовые дела.

— Ну, профессия не та, чтоб на финансах акценты делать, — сдержанно отвечаю. — Мне казалось, медицинская безопасность человека не может зависеть от его финансовых возможностей.

— Это ты успел поработать? — широко открывает глаза Игорь в

сторону С.В..

— Нет, он сам уже таким пришёл, — злорадствует С.В. — не всем же... — но, не договорив, замолкает.

— Ах так? Ну давайте все точки над «Ё», мои гиппократы... — Игорь вздыхает, встаёт и начинает ходить вдоль окна. Мы вертим за ним головами.

— Я мог вам обоим вообще ничего не отдавать — вы б и не узнали. Но я хочу рассчитывать на вас и дальше. Я хочу, чтоб в следующий раз, если люди с самого начала не захотят идти в бесплатную государственную клинику — чтоб у них было, куда прийти. Чтоб люди, которые изначально не верят государственной бесплатной медицине, не летели в Дортмунд, чтоб сходить к стоматологу. А могли прийти сюда. Я никого сюда не тащу насильно. Но создать условия тем, кто *хочет* сюда прийти, я обязан.

— Игорь, да ты не правильно нас понял, — пытается возразить С.В., но тот не даёт себя перебить.

— Да, я плохой врач. Но я — нормальный мужик. Я не говорю, что деньги должны решать всё. Если ко мне придёт кто-то и попросит помощи — я не откажу. И о деньгах не заикнусь. Но муж этой женщины совсем отчаялся. Мы помогли. Саня помог, если точно. Когда помогали — вообще о деньгах речь не шла, это уже постфактум. Он, кстати, как сотрудник прокуратуры, сказал, чтоб ты, Саня, с этих денег себе учебный профессиональный курс лечебного массажа оплатил. С сертификатом. Сергей тебе скажет, куда пойти. Серый, я помню, как вы меня в институте звали.

— Барыга? — с закрытыми глазами чему-то улыбается С.В.

— Ну. Так я и есть барыга. Но это не отменяет у меня каких-то принципов и правил. «Даже у червяка длиной в дюйм есть душа длиной полдюйма». Я сам его о деньгах не просил. А он прекрасно понял, что наша помощь ему — очень удачное стечение обстоятельств. Деньги он принёс сам. Больше, чем по чеку. Я хочу рассчитывать на вас и дальше. Значит, считаю вас компаньонами — де-факто, не де-юре. Это — ваша доля, как компаньонов, что не так? Серж, чего ты морщишь попу? Это не вопрос порядочности моей даже. Это — вопрос выживаемости бизнеса. У компаньонов крысить нельзя. Но вы этого, возможно, просто не понимаете...

Я как раз понимаю, но благоразумно промалчиваю и в этот раз.

— Игорюня, ну ты ж знаешь. Как я ко всему этому... Хотя, всё конечно по чесноку. Спору нет... Ну не научился я брать деньги!

— Сам не научился — не мешай молодёжи. — ржёт Игорь.

— Да я и не стесняюсь, — считаю своим долгом врезаться. — Если я востребован тут, реально могу помочь — лично для меня это никак не хуже, чем машины мыть. Тем более, специально ни с кого ничего не просил и не буду. Могу помочь — помогаю. Есть благодарность — ладно. Нет — ущемлённым тоже себя чувствовать не буду.

— Саня, да у нас тут старая история. — Начинает меня просвещать Игорь, — Серж у нас консультант на полставки. Еле уговорил. Я его вообще хочу к себе навсегда с открытия, но он категорически против бросать свою государственную дислокацию. Ко всем нештатным случаям Серж относится, как настоящий государственный врач: всего боится и ни за что не хочет отвечать, гы-гы. Ну и — мы ещё с института с ним периодически спорим: этично брать деньги у пациента или нет. Вот на нашем примере можешь наблюдать многолетний спор двух философий.

— Да ладно, я уже давно беру, — стушёвывается С.В. — Просто как-то оно...

Конец фразы тонет в общем ржании. Далее незадавшийся поначалу диалог постепенно перерастает в пьянку. Я в ней, по причине возраста, не участвую, пью чай.

Из больницы выходим затемно. Доктора собираются куда-то продолжать и вызывают яндекс-такси, а я иду домой.

Дома пересчитываю деньги из конверта. Потом ещё раз. И ещё раз. Похоже, откладывать деньги с мойки, чтоб накопить что-то к зиме, мне уже не нужно.

На утро не удерживаюсь от детского порыва и пересчитываю деньги ещё раз. В конверте НОВОЙ КЛИНИКИ — несколько моих рабочих дней на мойке. А усилий и времени у меня ушло намного меньше.

Всё утро хожу по квартире с чаем в руке и думаю. В итоге, возникает желание кое-что обсудить.

— Сергей Владимирович, доброе утро. Я Вас не разбудил?

— Что-то срочное? — сонный голос С.В. напоминает обо всех тяжких. Это я вчера поехал спать. Они, судя по всему, вовсе даже нет.

— Извините, пожалуйста, я не подумал, что Вы ещё спите.

— Да уже не сплю... Всё, проснулся. Говори.

— Есть вопросы по функционалу и бизнес-схеме НОВОЙ КЛИНИКИ. Я б очень хотел их задать Игорю Витальевичу, но не хочу, чтобы Вы думали, что с кем-то из Вашего окружения общаюсь за Вашей спиной.

— Срочные вопросы?

— Нет.

— Тогда я сплю... Игорь вообще рано встаёт. Подожди три минуты. Сейчас с ним созвонюсь и он по пути за тобой заедет. Бизнес-схемы — это точно не ко мне, к нему... Я позже подтянусь, если что...

Через пятнадцать минут за мной заезжает Витальевич. Его огромный эскалэйд пышет благополучием вместе с владельцем. Наверное, и ресурсов жрёт — не дай бог, того же бензина.

— Привет, молодой! Жизнь бьёт копытом? — на свежем, как огурец, Игоре, совсем не заметны какие-либо следы ночных возлияний. — Тебе-то чего с утра не спится? Это я на работу, а ты чего подхватился?

— Я же вчера сразу домой поехал. Приехал — сразу спать лёг. Отлично выспался.

Витальевич недоверчиво смотрит на меня:

— И что, не возникло ни малейшего желания забуриться в ночные клубы и потратить часть денег с подругой или подругами?

— А зачем? — настаёт моя очередь удивляться. — Я анатомический атлас учить пытаюсь, в теории колебаний хочу разобраться (*в местной её интерпретации, по крайней мере*), плаваю за область, в боксе выставился на ближайший чемпионат области — зачем мне ночной клуб? Какие знания либо умения я там приобрету?

— Я всё понял, — ржёт И.В. — Мои вопросы некстати. Если серьёзно — завидую твоим родителям. Ты на редкость правильный и рациональный. У меня сын твоих лет, он с таким баблом точно домой спать бы не поехал... Правда, он и не работает, как ты, увы. И свои деньги у него будут не скоро, — Витальевич слегка грустнеет. Судя по всему, сына пытается не баловать.

— А Вы ему не выделяете денег?

— Категорически нет. Пацан должен быть голодным и искать работу. Я в его годы и на базаре с товаром стоял, и контрабандой панты марала через китайскую границу без паспорта нелегалом тягал. А он — на всём готовом, даже не пытается шевелиться... Я сына люблю. Но надо же и в будущее смотреть: рано или поздно все дети остаются одни. Если родители не научили детей жить самостоятельно — таких детей ничего хорошего в жизни не ждёт. Я сделаю сыну очень плохую услугу, если все его проблемы буду решать лично и если все его желания будут исполняться, словно доброй феей. Он же не научится ни работать, ни бороться. Что в итоге с ним таким будет?

Упс. В таком разрезе я и не думал.

— О чём ты хотел спросить?

— Игорь Витальевич, какие корпоративные цели есть у НОВОЙ КЛИНИКИ? Заранее извиняюсь, если вопросы покажутся дурацкими.

— Так. Ну, первая — получение единицы прибыли за единицу времени. Это по умолчанию. Вторая — ... Хм. Слушай, а больше и нет целей. Вот в таком разрезе как ты спросил — больше целей и нет. Всё остальное — наверное, инструменты для достижения этой цели. Персонал, оборудование, оснащение, расходники... Да, остальное — инструменты

— Игорь Витальевич, не моё дело, но не слишком ли однобоко?

— Я как-то не задумывался о философии, — бурчит он в

ответ. — По этой части у нас Серёга — плевать на материальное. Изначально — была возможность сделать проект. Современное лечебное учреждение, в котором будет всё, чего государство в нашем районе дать не может. Включая отсутствие очередей. Была возможность, плюс один пациент Серёги изъявил желание помочь материально. Серёгу это не интересно, он познакомил нас. Мы скинулись и я всё организовал. Поскольку и налажено всё хорошо, и за всеми процессами я слежу лично, и каждый серьёзный клинический случай лично сопровождаю — уровень у нас приличный. Всё, что можно сделать, мы делаем. Если мы не смогли — мало кто ещё может. Вплоть до того, что подключаем лучших специалистов в своих областях, вот как Сергея.

— А вылечить пациентов — это цель, инструмент или такого пункта в задачах вообще нет?

— Хм. В рамках такой логики — пожалуй что инструмент. Но это ж не так. Только я вот не знаю, как это в ответе на твой вопрос сформулировать. В философию надо ударяться, а это не ко мне.

— А если для начала как минимум продекларировать? Вот взять — и сказать волевым решением за закрытыми дверями, пусть только среди нас троих: у нас две цели. Одна — это доход. Она главная. Но кроме неё, есть и вторая цель: оказание профильной помощи людям, которые в ней нуждаются.

— Что изменит такая декларация за закрытыми дверями?

— Пока не знаю. Может быть, многое. Как мы говорим, так мы и думаем; как мы думаем — так мы действуем.

— Какая выгода меня, как учредителя, и самой клиники?

— Игорь Витальевич, ну не поверю, что абсолютно все ваши действия в этом мире продиктованы исключительно требованиями личной выгоды.

— Да конечно нет... Но я сейчас не понимаю, что ты хочешь сделать. И чего ты хочешь от меня.

— Пока не дошли до этого... Такой вопрос. Что в самую первую очередь нужно для хорошего дохода клиники?

— Количество пациентов за единицу времени, — не задумывается И.В.

— Допустим, Вы — обычный человек. Успешный бизнесмен, не ограничены в финансах, но далеки от медицины. Если, тьфу три раза, в вашей семье случается какой-то аврал по медицинской части, как Вы будете выбирать клинику?

— Ну, тут несколько критериев. В том числе, какая клиника первой в поисковике GOOGLE вывалится, — демонстрирует неожиданную продвинутость И.В. — Но вообще, конечно, в приоритете будет репутация.

— А какой должна быть репутация, чтоб клинику выбрали восемь человек из десяти?

За что мне нравится И.В., он всегда мгновенно врубается, схватывает с полпинка и дисциплинированно думает в заданном направлении.

— Вот тут репутация может быть двух типов. Первый тип — аналитическая информация. Такой-то профиль клиники, столько-то профессоров в штате, столько-то клинических случаев за столько лет, количество побед и поражений. Второй вариант — эмоциональный: личные впечатления реальных пациентов: молодцы, сделали, что можно было, и даже сверх того. Типа, мне они понравились.

— А какая информация из двух больше влияет в момент решения?

— Тут я тебе как врач скажу: эмоциональная. Вторая. Хотя это и абсолютно не конструктивно. Но когда человеку страшно, аналитика у него отключается — это физиология. Сопоставлять и анализировать, сравнивать измеряемые характеристики он не способен. Самое первое стремление — убрать угрозу. В перепуганном состоянии, большинство воспринимает только эмоциональные послы.

— Соответственно, если Вы хотите как можно больше посетителей, с какой составляющей нужно работать в первую очередь?

— С эмоциями, — удивлённо выдаёт И.В. — Ты смотри, и правда. Раньше не задумывался...

— 80 % всех коммуникаций клиники, получается, с точки зрения прибыльности, на чём надо фокусировать?

— На эмоциях. Если шире — на личных впечатлениях, которые

остаются о нас у наших посетителей вне зависимости от того, по какому поводу они к нам пришли.

Мы за разговором незаметно доехали, вышли из машины и переместились в кабинет И.В.

— Что будет запоминаться людям сильнее всего, в положительных эмоциях?

— Бесплатная услуга либо дополнительная помощь, на которую они не рассчитывали, — снова не задумывается И.В.

— Какие медицинские услуги людям нужны постоянно, вне зависимости от уровня дохода, при этом — с низкой себестоимостью для клиники?

— Анализы крови определённые, УЗИ — если пациенты гель скомпенсируют и салфетки с собой, ещё кое-какие анализы.

— Если НОВАЯ КЛИНИКА часть этих услуг объявит бесплатной — для тех, кто в этом нуждается — это поможет создать нужный объём положительных эмоций?

— Ещё бы, — И.В. задумывается, — Можно на пробу объявить месячную акцию, месяц без проблем потяну по финансам. Отобрать список услуг типа УЗИ — где материальная себестоимость почти ноль. А квалификация и оборудование — очень роляют. По тому же УЗИ вообще можно по акции так и сказать: сделаем бесплатно — если такой-то гель принесёте с собой (остаток заберёте). И одноразовую простынь с салфетками. Поставить на это круглосуточно персонал — почему нет? И посмотреть, какой будет конверсия. Ну, прирост платных клиентов в ответ на запуск этих бесплатных позиций, — поясняет И.В., глядя на мои широко открывшиеся глаза.

— Да я знаю, что такое конверсия, удивлён, что Вы настолько... продвинутый.

— Эхх, Саня. У меня с института прозвище — барыга. Я, может, врач хреновый. Серый вон говорит — даже без «может». Но по маркетингу и бизнес-управлению я могу лекции читать. Причём, не теорию — а чистую практику: какой проект, в какие сроки, сколько денег, как я им руководил. Но объясни, тебе — какой интерес?

— А какой мне был интерес приходить к Касеевой? — пожимаю плечами. — Я вообще не рассчитывал ни на оплату, ни на

благодарность.

— Ладно, подбьём итог... Клиника — получает шанс спозиционироваться как лидер в плане социальной ответственности. Я согласен, это очень дорого стоит в наше время. Даже если экономического эффекта сразу нет. Он всё равно есть. Не буду объяснять. Дополнительно, клиника получает шанс конверсии общественного мнения в таких вот клиентов, как Касаева... где один выстрел окупает год геля на УЗИ... Люди получают бесплатный доступ к определённым процедурам, для них, возможно, достаточно важным. В любом случае, волна пойдёт. Положительная для всех. Ты — не получаешь ничего. Я ничего не упустил? — ржёт И.В.

— Я бы не был столь категоричен, просто не готов сейчас это обсуждать. Давайте запустимся, потом посмотрим на результаты? Игорь Витальевич, для начала, *если* у Вас что-то выходит, я получаю причастность к лидеру отрасли и репутацию — Ваши и Сергея Владимировича рекомендации и добрые напутствия. А вдруг я в мед. институт соберусь после лица?

— Точно! — хлопает себя по лбу И.В. — Я и не подумал. Ну да, логично. В твоём возрасте заделы на будущее важнее бабок.

Через некоторое время в зале бокса застаю Вовика, кидающего голые кулаки в стену без защиты. Правда, вполсилы.

— Объясни?

— Да чё тут объяснять, — он не прерывается, — 500 раз в день. Вполсилы. Не знаю, что, но что-то в кулаке укрепляется. В результате, даже когда в ринге в перчатке бью, получается гораздо чувствительнее. Даже по корпусу, не говоря уж в голову. Не в курсе деталей, но представь, ударить тебя просто плотным мешком — или железной трубой, обёрнутой плотным мешком.

— А что Сергеевич говорит?

— Сергеевич по закалке тела не специалист. Говорит, если что-то даёт — без проблем. Но я по опыту знаю, что лично мне — даёт. В армии научили. Там просто без вариантов было, а потом я увидел, что и в ринге смысл есть. Вот не бросаю.

Немного подумав, пристраиваюсь рядом. Поначалу немного непривычно, но с неприятными ощущениями справляюсь подачей

резонанса на кисти рук.

Вовик снова оказывается прав: после стенки, даже в перчатке ощущение удара совсем иное. В более сильную сторону. Моё мнение подтверждает он сам, морщась после пары попаданий в защиту и корпус:

— Не надо было тебе говорить, как той трубой теперь стало. Кстати, если несколько дней так не будешь делать — ощущение жёсткости уйдёт. В общем, это состояние кулака надо поддерживать всё время.

Мы который день, до кругов перед глазами, нарабатываем задание Сергеевича: Я учусь изматывать его; он пытается «не сдыхать», как я. В отличие от него, у меня более значительный и управляемый ресурс гемоглобина. Но именно у него выигрывать таким образом не планирую. Впрочем, до тех соревнований ещё достаточно далеко.

Сегодняшний день проходит в темпе бега рысью. Плавание — снова на износ в анаэробных режимах. Ани сегодня нет, критические дни.

Когда вечером прихожу на мойку, сил на два салона почти не остаётся. «Добиваю» их на морально-волевых качествах, прихожу домой и ложусь спать, не раздеваясь.

На задворках сознания мелькает мысль: что-то надо делать с режимом дня. Когда начнётся учёба с сентября, я физически не выдержу. Не смотря на любые усиления изнутри.

Не успеваю коснуться головой подушки, как сознание уступает место сну.

Дежавю.

Тот же перекрёсток. Так же возвращаюсь с утренней пробежки (Сергеевич сказал качать офп, потому бегаю по утрам теперь ещё больше, чем раньше).

На этот раз всё происходит почти что на моих глазах. Женщина с коляской переходит дорогу. Ту сторону вижу только боковым зрением, потому не вижу всех подробностей, но её как-то явно задевает пытающийся повернуть налево на мигающий жёлтый какой-то мудака. Сам момент касания четко не вижу; заканчиваю поворот своей головы только тогда, когда она прикладывается головой со всего маху об асфальт. Мудак-водитель вначале едет дальше, как ни в чём не бывало, потом всё же нажимает на тормоз и ошалело высовывается наполовину из открытого окна. Коляску не зацепили, слава богу.

Успеваю подумать, что этот перекрёсток — какой-то неправильный. Возможно, тут или с видимостью на повороте что-то не то, или режим «красный — зелёный» не отрегулирован. Но не может же один и тот же сценарий повторяться регулярно...

Пока эти мысли мелькают у меня в голове, ноги уже сами несутся вперёд. Подхватываю заоравшего ребёнка из коляски и кладу на тёплый летний асфальт рядом с собой. Скан. Ребёнок в порядке. Ну, я и не сомневался, но надо же проверить. Подаю ей нормальную частоту, пытаюсь успокоить. Никакого эффекта, максимум на одну пятую изменил. Ладно, успокаивать ребёнка будем потом, главное — жива и здорова. Просто напугана.

Женщина без сознания. Переломов нет. Смещений не вижу. Внутренние органы в порядке. Похоже на сотрясение или ушиб мозга. В моей проекции — как обычный нокаут в боксе. Но мне не нравится сигнал от головного мозга к спинному — обычно он мощнее и насыщеннее. Тьфу три раза...

Руки уже набрали номер С.В. Он сегодня в своей больнице, потому сразу отзывается:

— У меня обход, важно?

Сжато докладываю ситуацию и прошу вызвать скорую, так как не знаю, какая подстанция ближайшая. А звонить на общегородской номер — потеря нескольких минут, врачи мне это объясняли.

— Понял, скорую сейчас сделаю, — мгновенно ориентируется С.В., — никуда не уходи. Ребёнка берёшь в охапку, коляску — тоже. Садись в скорую и едешь к нам, они прямо сюда вас всех привезут. Помоги врачу с санитаром погрузить вас всех в машину, особенно женщину — в бригаде могут только женщины приехать, не считая водителя. Полицию вызову сам. Всё, не отвлекайся! Если видишь, что можешь чем-то помочь — держись и помогай. Самое главное, как у неё дыхание и сердце?

— В проекции отклонений не вижу. Кажется. Не знаю, какая у неё норма... Пульс около 80 вот в эту минуту.

— Кровотечений нет?

— Только если что-то внутричерепное. Прочие места — чисто. И снаружи, и в проекции. Ну, только гематомы от удара. По черепу — сейчас не могу разобраться, у неё весь мозг фонит после удара об асфальт, частоты сбиты. Мне нужно «пристреляться» минут пять, чтоб понять, какая у неё собственная частота.

— Всё. Отбой. Жди.

Скорая прилетает буквально через 2 минуты, разворачиваясь через двойную разделительную линию, игнорируя правила движения и визжа тормозами, как гоночная машина. Похоже, С.В. в авторитете...

Как и предсказывалось, бригада скорой — сплошь женская. Мы с водителем быстро грузим по списку пострадавшую, орущего ребёнка, коляску, улетевшую на пять метров сумочку, и скорая, вновь взвизгнув тормозами, стартует, как болид.

В неотложке возле приёмного покоя нас встречает сам С.В. с какой-то группой поддержки (пара девушек в белых халатах, которыми в другой ситуации я бы заинтересовался).

— Саня, бери ребёнка в руки, Лена тебя отведёт, куда надо. Сиди с ребёнком и следи за ним. Лена подскажет, что делать.

Лена, одна из двух моделей, по ошибке надевших белые халаты в неотложке, провожает меня в какую-то комнату с мягким диваном и телевизором. Сюда же через минуту приносят коляску, сумочку и

пакет с детскими причиндалами, бывший в коляске. Нахожу в пакете бутылку с чем-то белым и сую в рот ребёнку. Кстати, девочка. Присасывается к бутылке, не открывая глаз. При этом, пытается одновременно орать.

Поскольку теперь время есть, внимательно обследую её. Ей хоть бы хны, только испугалась. Пользуясь возможностью, шлю несколько импульсов один за другим, чтоб успокоить. Не сразу, но получается.

Через полчаса появляется С.В. и сразу хватается за сумочку.

— Чёрт. Ну что за дура. Ни телефона, ни документов, — бормочет С.В., вытряхивая содержимое сумки на диван. — Саня, вроде с ней всё в порядке, ну, сообразно ситуации. Но она почему-то до сих пор без сознания. Ты успел рассмотреть, что с мозгом в твоей проекции?

— Да как будто сильный нокаут. Очень сильный. Разрывов сосудов внутри черепа не увидел. Смотрел два раза.

— Ладно. Подождём... Слушай, такое дело. Этого ребёнка просто физически некуда деть. Можешь подставить плечо и взять себе буквально на несколько часов? Потом я всё организую и у тебя его заберут.

— Да могу, конечно.

— Лена тебя отвезёт и поможет немного.

Через 10 минут, собрав вещи, переодев с помощью модели-Лены памперс на ребёнке, покидаю больницу. Девочка проснулась, пыталась плакать, но Лена её как-то быстро успокоила, взяв на руки. Я толкаю коляску.

Лена, оказывается, на своей машине. Грузимся, я с ребёнком на заднем сидении. Хрен его знает, как надо везти ребёнка: специального детского фиксатора либо какого-то кресла нет, потому просто очень крепко держу в руках.

У меня дома Лена быстро обследует обе комнаты, берёт деньги и выходит в магазин. Через полчаса возвращается с большим пакетом памперсов, двумя коробками сухой молочной смеси и десятью банками с овощным и фруктовым пюре. Отдельно ставит большую бутылку воды и стеклянную банку яблочного сока.

У неё, кажется, какой-то эмпатический талант: при ней и ребёнок

не нервничает, и у меня настроение в норме.

— Смотри, герой. Кормишь — вот так. — Лена ловко держит извивающегося ребёнка на одном колене, и технично отправляет в рот ложку пюре (всю сложность манипуляции я оцениваю позже, когда остаюсь один). — Когда покормишь, поддержи обязательно вверх головой — чтоб воздух вкнула. Если срыгнёт едой, будешь заново кормить. Корми аккуратно и не помногу — чтоб не подавилась!

На всякий случай записываю это всё на видео в телефоне.

— В одежду, пока лето, лучше не одевай: угваздается — просто сполоснёшь водой. А бодики стирать надо будет. Пойми каждый час либо как начинает плакать — вот так, — и вторая бутылочка, на этот раз с соком, разведённым водой, также испаряется. — Памперс меняй раз в 2 часа. При смене памперса, подмываешь. Пошли покажу как.

— Да ладно разберусь...

— Ну смотри, тебе жить... Про памперс много не рассказываю — это бесполезно, пока сам несколько штук не сменишь. Только застёгивай плотно, а то перекосится на бок. На сутки — двое тебе хватит этого пакета, там разберёмся.

— ЭЭЭ, какие сутки-двое?! — пытаюсь возмутиться. — У меня куча моих дел!

— Молчи, мелкий. И слушай. По правилам, мы должны обследовать ребёнка и, если всё ок, передать в педиатрию.

— Так с ней же всё в порядке! Её вообще не задело, как ехала в коляске — можно сказать, особо даже не проснулась!

— Да. Потому мы своё заключение уже написали. Но у нас у Сергея тёрки с детским отделением, для тебя без подробностей. В детское быстро сдать не получится. У нас, объективно, ухода обеспечено не будет. Прими как данность. Если же ребёнка сдать через полицию в органы опеки — это она не понятно сколько времени даже не поест нормально. Не говоря уж о том же уходе. А в этом возрасте для ребёнка весь этот инцидент опаснее, чем для матери: мать мы рано или поздно приведём в себя. А что с ребёнком может сделаться за несколько суток в наших государственных органах, я тебе даже говорить не буду. В общем, взялся помогать — помогай до конца.

— Ладно, ясно, — сдаюсь под напором обстоятельств и её феромонов. — А какие перспективы на эти сутки? Или двое суток?

— Ну, нам надо мать привести в сознание — узнать координаты родни — и сдать ребёнка родне. Может, и через час уже получится. Терпи. Будет везде лезть — смотри, чтоб до розеток не достала... — И модель в белом халате захлопывает за собой дверь с той стороны.

А я остаюсь наедине с карапузом, которая, поев, громко портит воздух и радостно начинает тянуться к моему анатомическому атласу.

После ремонта, в кухонном столе остались заглушки для розеток. От греха подальше, прохожу по дому и затыкаю все розетки.

Подумав, пересаживаю её на пол: сейчас лето, не холодно, но на полу она ничего на себя не свернёт и никуда ниже не упадёт — пока только ползает, ещё не ходит.

По плану сейчас завтрак, но не понятно, как быть с ней. Интересно, как её зовут? Вот же не было печали...

Она уже полчаса тащит к себе всё, до чего дотянется. Слава богу, на полу мало что есть. Сейчас вот устроилась теребить кабелегон. Ну-ну, он прочно приколотен.

Мне сейчас нужно принять душ и идти на кухню готовить. Но как только я скрываюсь на кухне, из комнаты доносится требовательный детский крик.

Создатель дай мне сил и терпения...

Кажется, она не хочет оставаться одна. Беру её с собой, попутно успокаивая ещё одним импульсом. Моя частота почему-то на ней «не держится» — примерно как на Вовике в зале бокса. Какая-то природная сопротивляемость, что ли. Или эмоции снаружи управляются хуже физиологии? Пытаюсь всучить бутылку с водой, но не тут-то было. Не хочет.

Подумав, снимаю с антресолей пластиковое корытце, в котором родители купали ещё меня, набираю его тёплой водой на ладонь, ставлю на пол в коридоре и кладу её туда. Внутрь бросаю несколько теннисных мячиков. Визг и вопль, но позитивный и радостный.

На время стихшего детского крика, молниеносно ныряю в ванну, ставлю рекорд по скорости мытья, выскакиваю в одном полотенце

обратно в тот момент, когда она тянется к моему телефону, лежащему на диване. Только не это!

Лужа на весь коридор. Само корытце перевёрнуто.

Отбираю телефон.

Игрушек у меня тоже никаких нет, я давно вышел из этого возраста. Чёрт, что делать?

Даю в руки пульт от телевизора. Какое-то время она интересуется кнопками, нажимает всё подряд по очереди, а я пытаюсь что-то себе приготовить. Не получается — долго находиться на кухне мне никто не даёт. Ограничиваюсь бутербродами и пучком петрушки, который съедаю прямо целиком.

Какое-то время тишину в доме обеспечивает передача про животных. Ухх. 5 минут можно передохнуть.

Кажется, позаниматься не получится.

И как идти на тренировки?

Никогда не думал, что от маленького ребёнка может быть столько больших проблем в течение часа. Одну ведь её тоже не оставишь, не кошка.

Слава Богу, это она ещё не капризничает и не плачет. Просто всюду лезет, всё пытается дёрнуть на себя и этим ужасно держит в напряжении.

Неужели я был таким же?

Периодически вижу её попытки начать хныкать, но каждый раз успокаиваю. Пока получается. В итоге, маленький монстр просто перестаёт слазить с моих рук.

Интересно, а как растят детей простые люди? Тут же за час можно с ума сойти, не то что за неделю или месяц...

Сесть почитать тоже не вышло: анатомический атлас у меня пытаются вырвать. Маленькими руками, по которым даже ударить нельзя.

...мать...

Через какое-то время приходится нести её в душ: плановая смена памперса с соответствующими водными процедурами. Памперс

стягиваю прямо в душевой кабине — от греха подальше. Абсолютно правильно, как показала практика через секунду. Заодно моемся ещё раз.

Грязный памперс вызывает в моей душе такую бурю эмоций, что просто нет слов. Себя становится жалко чуть не до слёз. Двумя пальцами выбрасываю его в мусорное ведро. Через тридцать секунд, по квартире распространяется непередаваемый аромат. С ней на одной руке, с мусорным ведром в другой, демонстрирую чудеса эквилибристики, выбрасывая ведро в мусоропровод одной рукой и одной ногой.

В прострации сажусь на пол рядом. Что-то я не готов к такой жизни в течение двух суток. Надо срочно что-то придумывать. К бабке с дедом что ли сдать? Они-то точно знают, что делать в этой ситуации. И опыта у них явно побольше.

Вначале надо это согласовать с С.В. Мало ли, кто и когда этого ребёнка искать кинется из родни. А он за городом.

— Сергей Владимирович, здравствуйте, Вам удобно?

— Да, могу, — на редкость быстро отвечается С.В. в то время, когда у него мобил обычно на беззвучном.

— Я звоню сдаваться. Я не справляюсь с этим ребёнком. Не хочу паниковать, но долго я не выдержу. У меня есть вариант...

— Погоди, — перебивает он меня. — мать в сознание привели. Сутки-двое она побудет у нас. Что ребёнок у тебя — ей сказали, она не против. Она, кстати, тоже категорически против отдавать ребёнка в нашу педиатрию (*интересно, что там не так с этим отделением?*). Просит, если возможно, пусть ребёнок побудет с тобой какое-то время. Ещё она дала телефон мужа, мы уже ему позвонили. Муж в командировке. Вылетит ближайшим рейсом, но это в любом случае около суток. Есть такой **мой** вариант: я к тебе на эти сутки отпускаю Лену (есть возможность), но ты должен обеспечить ей максимальный комфорт — она помогает исключительно по своей воле. Эти сутки она не должна ни в чём нуждаться — чтоб мне потом не пришлось извиняться. Она — моя подчинённая, и я её прошу, как понимаешь, в обход официала... Это — её личное одолжение.

— Комфорт — не вопрос! — лихорадочно тороплюсь согласиться, пока ничего не поменялось. — У меня две квартиры на

одном этаже! Пусть занимает любую, хоть обе! Я вообще могу у бабки с дедом пожить! *(лучше я буду ездить в город из деревни. Чем эта пытка младенцами ещё сутки или двое)*

— Не вздумай, — отрезает С.В. — А если что-то купить надо, как ей с ребёнком в магазин бежать? А готовить кто будет? Она, с ребёнком на руке? Посуду если помыть или ребёнка подмыть — кто поможет? Даже и не думай сбежать.

— Да знаю я, но должен же я был хоть попробовать... — уныло бормочу в трубку. — Сергей Владимирович, я могу ей какие-то деньги предложить за помощь? Это удобно? Я сейчас при финансах.

— Не вздумай. Это исключено по целому ряду причин, о которых не по телефону.

— Ну, я думал, у вас зарплаты маленькие, денег должно не хватать...

— Ты не в курсе всех её личных обстоятельств. И почему она тут работает. Она из более чем серьёзной семьи, для неё финансы — не приоритет. Лучше делай, как я говорю: ей должно быть **комфортно**. Больше ты ничем ей помочь не можешь.

— Понял. Делаю.

Когда меньше чем через час раздаётся звонок в дверь и появляется Елена, я уже готов молиться всем богам и радуюсь ей больше, чем бомж — миллиону долларов.

— Ура! — обессилено выдыхаю, вручая ребёнка ей прямо в прихожей. — Как мы рады вас видеть!

— Эй, стоп, дай руки помою!

Наконец, у меня забирают этого маленького монстра и я могу хоть на кухню нормально сходить. С запозданием приходит мысль, что Лену тоже надо покормить. Хотя в комнату с ребёнком даже заходить не хочется, делаю над собой усилие и спрашиваю от двери:

— Лен, ты голодная?

— Да, конечно.

— У тебя есть ограничения по кухне? Или ты всё ешь?

— Ем всё.

— Я выскочу в магазин на 15 минут?

— Давай. Детского питания «АМИРАН» захвати. Любого. Банок
5.

Никогда шум улицы не был ещё таким желанным, ура!

В магазине меня догоняет мысль, что надо не ударить в грязь лицом. В дополнение к своему обычному рациону, набираю сыров, рыбы, колбас.

От дверей возвращаюсь за детским питанием. Хорошо, что вспомнил.

На кухне развиваю бурную деятельность. Поскольку дело уже к обеду, быстро режу крошку. На кефире, хе-хе. Раскатываю привычное тесто для пиццы, сразу на несколько штук — с рыбой, колбасой, просто маргариту.

Пока пицца в духовке, режу салаты.

Через полчаса кричу из кухни:

— Ле-е — еена-а-а!

В дверях возникает шипящая Лена:

— Чего ты орёшь?! Только уснула! погоди, дверь в комнату закрою.

— Упс! Не надо, иди на кухню, я сам, — на цыпочках иду к двери и со всем возможным старанием закрываю без шума.

— А ты хорошо готовишь, — получаю приятный комплимент через 15 минут, когда от обеда остаются только сыр и колбаса, которые уже просто не лезут.

— Так давно один живу. Ну и — я старался. Ты даже не представляешь, насколько я тебе благодарен за то, что ты приехала!

— Му-а-ха-ха, оч-ч-чень даже представлю, — весело бросает Лена. — Сергей сказал, ты тут чуть не вешаешься и звонишь в слезах.

— Не то слово... — бормочу, соглашаясь на все сто процентов. — Это просто какой-то маленький монстр. Никогда не думал, что меня так легко опрокинуть в стресс. Чуть не до слёз, гхм.

— Да ну, как раз всё понятно. Тебе сколько лет?

— Шестнадцать. Но давно живу один и ко всему привык.

— К чему ты привык, не имеет значения. У тебя сейчас самый пубертат. В теории, гормональные не то что шторма, а тайфуны. Сергей говорит, ты спортсмен? С жёстким режимом дня?

— Да. Не совсем чтобы прямо по секундам, но живу в очень чётком графике.

— Вот. Сегодня переволновался?

— Немного. Один раз уже на этом же перекрёстке держал на руках сбитую девочку, пока скорую ждал. Вот в этом месяце. Сейчас уже почти что всё знакомо, тьфу три раза. Да и повреждения у этой женщины гораздо скромнее, так, синяки, по большому счёту..

— О как... А что с той девочкой было?

— Разрыв бедренной артерии. И все вокруг стоят, вылупились, как солдат на стриптиз, а скорая через 10 минут только. — Неожиданно для самого себя делюсь наболевшим.

— Ничего себе, — присвистывает Лена, — и как справился?

Мысленно ругая себя за длинный язык, выкручиваюсь:

— Да там скорая вовремя подъехала, я вообще ничего не делал. Только сосуд немного пережал вручную, буквально на минуту. Тромб же сам образуется.

Кажется, объяснение проходит, потому что Лена продолжает:

— А сбой режима дня у тебя сегодня был?

— Да. И по времени — пока к вам в больницу со скорой мотался. И по контрольным точкам: ни помыться нормально — она орала, как резаная, как только я в ванную заходил. Ни пожрать толком — снова орала, даже приготовить поесть не мог. Потом, по графику заниматься надо, а она читать не даёт — вырывает из рук всё. Короче, каторга — милое и уютное место в сравнении с ..., ладно, куда-то меня занесло. Нельзя так о детях.

— Ну вот тебе причины. Твой режим рухнул — уже дискомфорт, плюс стресс, плюс сбой в режиме питания — всё до кучи. Мужики — вообще хлипкий народ. Если говорить о психике. Тем более в твоём возрасте. Вот тебя и развезло.

— Лен, тут такое дело... — думаю, как начать. — У меня две

тренировки в день и работа. Мне, с одной стороны, из режима выбиваться — крайне не комильфо. С другой стороны, я не знаю, насколько могу у тебя просить разрешения смыться на несколько часов несколько раз за день? С.В. чётко сказал тебя одну не оставлять. Но пока она — тычок пальцем в сторону закрытой двери в комнату — спит, чего я буду тут штаны просиживать?

— Ха, Сергею, конечно, спасибо за заботу. Но договариваться обо мне нужно со мной, а не с ним. Горбуша ещё осталась после обеда?

— Да, вместе с со всеми нарезками — всё в холодильнике. — широко открываю глаза, — а ты её собралась этим кормить???

— А-а-хахах, кто-то перенапрягся. Нет. Горбуша — это мне. Пока тут сидеть буду. Тебя ждать. Я так понимаю, ты уйдёшь три раза за сегодня?

— Надо бы, если отпустишь, — с сомнением пялюсь в её декольте.

— Иди уже... Вечером во сколько окончательно вернёшься?

— Часов в одиннадцать.

— Тогда так. Сейчас иди. Телефон всё время держи включенным — мало ли что понадобится. Дай мне запасные ключи от квартиры на всякий случай. Если я тебе не звоню — всё в порядке. Если позвоню — чтоб трубку брал после первого гудка. Просто так теревить не буду.

— Конечно! — заверяю её с полной ответственностью.

— Вечером, как придёшь, будь готов часа четыре не спать — мне немного отоспаться надо будет.

— Лена, без проблем! Всё, что скажешь! Может, ещё что?

— Никто за язык не тянул. Вечером принеси или Bailey's, или любой арманьяк.

— Э-э-э-э-э, а что это?

— Ты в КАРФУР по ночам ходишь, когда в одиннадцать домой идёшь? Спортивный мальш.

— Да, а куда ещё? Всё ж закрыто.

— Вот в нём и спросишь. Отдел алкоголя. Выглядишь взросло, тебе продадут.

Слава тебе, Господи, могу идти. Хотя, уже пора бежать.

Есть ещё в этом мире идеальные женщины. Спасибо, Господи, ещё раз.

Добежав рысью до бассейна, останавливаюсь перед входом, словно ушибленный кувалдой. Потом медленно возвращаюсь и сажусь на лавочку перед входом, не зная, как быть.

Ануш. Сейчас в бассейне будет она. Но у неё ещё вообще не было мужчин. Я это вижу.

А дома — Елена, которая... тьфу три раза, чтоб не сглазить.

ПРОКЛЯТЫЙ ПУБЕРТАТ. Чего же всё так сложно, чёрт возьми.

Как говорится, есть и «за», и «против» в каждом варианте. С другой стороны, то, что я прочёл о местных социумах, не исключает одного сценария, в котором все интересы учтены.

Отплавая всё, что полагается, встречаемся с ней на выходе из бассейна (поскольку душевые разные). Беру её сумку и начинаю текст сакраментальной фразой, которую сам ещё в той жизни терпеть не мог:

— Аня, нам нужно поговорить.

— Слушаю тебя внимательно, — тут же напрягается она.

— Как ты относишься к сексу?

Удивлённый взгляд в ответ.

— Неожиданно, — признаётся она. — Никак. Пока — никак. Секс — отдельно. Я — отдельно.

— Спрашиваю не просто так. Есть сложности. В этом вопросе.

Она в ответ смеётся. Я себя чувствую не совсем комфортно.

— Сообщил, молодец. Спасибо. Учту. Пошли есть мороженное?

— Что, и всё? Ты больше ничего не скажешь? — моему удивлению нет предела.

— Саня, я тоже очень хорошо к тебе отношусь. Но Для меня это — очень серьёзный шаг, у нас вообще, как правило, прямо связан с замужеством. Вопросов замужества сейчас, мягко говоря, не планирую. Мы ещё дети. И даже если ты уже по факту взрослее своих лет — и работаешь, и ответственный, то я — ещё нет. Я — ещё

ребёнок. И чувствую себя ребёнком. Мне семнадцать. Я неглупая. Несмотря на возрастные гормоны, я отлично понимаю: любое решение личной жизни, которое делается сейчас, сто процентов переменится через шесть лет — первый раз, к окончанию института. Через десять лет — второй раз. Может, и потом тоже переменится. По статистике, восемьдесят процентов браков, заключенных до двадцати пяти лет, заканчивается разводом. Причём буквально в течение пары лет. Так что — с сочувствием отношусь к твоим проблемам, но именно в технических вопросах *этого* характера помочь не могу... Как минимум, пока не могу. Если что-то изменится — ты первый узнаешь. В качестве компенсации, единственное, что могу предложить — не ограничиваю тебя ни в каких действиях. С моей стороны — без обид, как бы ты сам ни двигался в этом вопросе; моё отношение к тебе не изменится ни в каком варианте. Пошли есть мороженное? — она берёт меня под руку и тащит в сторону открытого кафетерия.

На ходу вспоминается старый анекдот про бомжа в туалете и про то, что жизнь, кажется, налаживается.

После плавания кормлю Аньку мороженым, пою соком и несусь домой — времени провожать её уже нет. Тем более что середина дня и она собирается ко второй бабушке на другой конец города.

Домой предусмотрительно захожу на цыпочках и открывая дверь своим ключом, а не звоня в звонок. Оказывается, не зря: ребёнок просыпался (лась), поел(а), поигрался (лась) с Леной и опять спит. Всё это докладывает мне Лена на кухне. Ну ладно, хорошо.

Сама Лена жуёт нарезанную тонкими ломтями рыбу, запивает пивом, судя по всему привезённым с собой, и что-то читает с экрана телефона.

— Вы тут не скучали? — спрашиваю, меняя в сумке пакет плаванья на пакет бокса.

— Шутишь? Ну-у, есть свои неудобства, чего уж там, но не хуже, чем было бы сейчас на дежурстве. Там бы пива точно не дали, — она салютует мне бутылкой.

— Я побежал. Закрою своим ключом.

Сергеевич сегодня решил устроить что-то вроде свалки все против всех. Все веса от шестидесяти до семидесяти пяти килограмм по кругу друг с другом меняются партнёрами после каждого раунда. Не успеешь подстроиться под одного — гонг и добро пожаловать к следующему. Для меня — очень неудобное упражнение. На «приспособиться» у меня обычно уходит пара раундов. Ну, кроме Вовика — с ним мы друг друга знаем, как облупленные. А тут через один раунд надо менять партнёра на следующего. В общем, к концу этого марафона как загнанная лошадь дышу уже я.

Сергеевич уделяет каждому по минуте, объясняя личные «дырки» в тактике и подготовке. Мне назидательно подымает палец:

— Зае-ался? — заботливо спрашивает.

— Не то слово, — еле выдыхаю за два вдоха.

— Вот так с тобой себя чувствуют все в последнем раунде. Ты ещё не опытный, я хотел, чтоб ты прочувствовал. Тебе, чтоб победить, надо только давить в последнем раунде. И даже не так. Первые два раунда — держаться. Кто-то с особо длинными руками тебя даже погонять раунд-два может. Но если противник тебя будет гонять, значит, у тебя будет масса вариантов завязаться в ближний. А тут уже шансы поровну. И — ты в ближнем перебеёшь любого в своём весе, за счёт здоровья. В смысле, выносливости. На области — точно перебеёшь.

Снова прибегаю домой, переодеться уже на работу. Лену с ребёнком и коляской застаю на улице, на лавочке под подъездом.

— О. а вы чего тут?

— Да погода хорошая, чего ей дома сидеть. Ей сейчас гулять нужно. И у меня пиво кончилось — вот совместили приятное с полезным, — Лена тыкает носком туфли в багажный отсек коляски, или как это называется, откуда раздаётся глухой звон стеклянных бутылок.

— Хм, а по тебе не видно, что пила.

— Я ещё, можно сказать, не пила. Это — всего лишь пиво.

— Ну не знаю. Для меня лично любой алкоголь — уже удар по

мозгам.

Какое-то время сидим вместе на лавочке, похожие на молодую и глупую семью: ребёнок в коляске (на удивление тихий, вернее тихая, не знаю, что Лена с ней делает и как её успокаивает), пиво под коляской, разговор ни о чём.

Проходящие мимо женщины из соседних подъездов, которые постарше, с явным неодобрением смотрят на меня и почти с ненавистью — на Лену, особенно когда она прикладывается к пивной бутылке. Ну да не будешь же к каждому лезть с объяснениями.

— И как вы с этими детьми справляетесь. Для мужика — просто погибель, — делюсь наболевшим за утро.

— Биология. Я вот вообще не напрягаюсь. — Лена беззаботно отправляет пустую бутылку в мусорку и ногой слегка покачивает коляску. — Если б можно было — только б и делала, что рожала и из декретов не вылазила.

— А ты замужем?

— Была. На третьем курсе. На пятом развелись. Детей нет. Пока что.

— А почему развелись, если не секрет?

Она с сомнением смотрит на меня, потом всё-таки отвечает:

— Слишком маленькие были. Ещё не умные. Гормоны принимали за чувства. Темперамента у обоих — сверх меры. Было. Экспериментировали, ни на что не глядя. Потом, когда эйфория схлынула, я поняла, что не смогу жить дальше с человеком, с которым вместе вытворяла всё, о чём в трезвом состоянии охота забыть. Ну и — когда ты возвращаешься с аборта, который сделала под влиянием самого близкого, как тогда думаешь, человека — а он первым делом тебе срочно говорит сделать минет — отношение ко всему в процессе этого действия резко меняется. К самому человеку — особенно.

Что-то я уже не рад, что спросил. Или это пиво виновато?

Она отпивает из следующей бутылки и продолжает:

— Я могла бы простить ему всех моих подруг, тем более сама виновата... Не охота вспоминать, блин... Плюнула б на отсутствие денег — спасибо родителям, не считаю это главным. Не потому, что

оторвана от реальности, просто в моей семье деньги есть, хватит и на вторую семью. Но то, что он ни отцом не готов был становиться, ни мне тогда не дал — вот этого я ему простить не смогла. Как-то в один момент как глаза открылись: я ведь не люблю его. Я не могу любить ЭТО. Где были мои мозги? В общем, как-то так.

Ничего себе, какие у людей бывают тараканы в голове. Не чувствую себя достаточно взрослым в этом теле, чтоб продолжать этот разговор:

— Извини за тупой вопрос, снимаю тему. Не знал.

— Да всё в порядке. Той меня уже давно нет. Я же врач. И первое, что надо делать — это проработка психотравм. Ты же не думаешь, что я с этим не работала и ушла в дальнейшую жизнь без коррекции, проецируя это всё наружу? — она сейчас искренне веселится, я это точно вижу. Надеюсь, это не алкоголь.

— Снимаю шляпу, — только и могу покачать головой. — Ты сильная.

— Мелкий, не парься. Ты аж загрузился. Я — взрослая тётя. Я же вижу, что тебя это больше чем меня зацепило. — она снисходительно смотрит на меня сверху вниз.

— Ну, да. Задело почему-то.

— Ты такой смешной в своей искренности, — она хлопает меня по плечу свободной рукой, так и не убирая потом руки с моего плеча. — Такой правильный. Вон — даже работаешь. Удивительно надёжный на вид. Жалко, что маленький.

Благоразумно не спорю и не пытаюсь кинуться доказывать, что я уже давно ого-го.

— Живу один. О себе забочусь сам. Оно вообще хорошо профилактирует инфантильность.

— Ой, знал бы ты, сколько есть взрослых мужиков, живущих самостоятельно, но инфантильных ещё больше неё! — Лена указывает на ребёнка, тихо грызущего ремешок от коляски вот уже пять минут как.

— Верю, но как-то не замечал.

— Это потому, что мужская инфантильность в первую очередь бросается в глаза только женщине, — безапелляционно бросает Лена.

— Возможно. Тебе виднее. Знаешь, с тобой так комфортно. И ребёнок тихий, и мне с тобой почему-то уютно и спокойно. Хотя знакомы несколько часов.

— Это гормоны, мелкий. Это нормально. — Ещё одно похлопывание по плечу. — Я же самка. С явно выраженными гендерными признаками. А ты — гормональный реактор в этом возрасте. Так что всё нормально.

— Эхх, вот так бы и сидел рядом с тобой. Блин, мне работать идти. Я вечером принесу, что ты сказала, посидим вместе, как вернусь?

— Да без проблем. Вообще-то отоспаться хотела несколько часов, как ты придешь; но по ней вижу — она сейчас уснёт. Значит, и я смогу прилечь. Она вообще спокойная, нам с тобой повезло... Давай тогда мотай на свою работу. Только учти: жрать готовить не буду!

Широко открываю глаза:

— Лен, ты серьёзно? Да бог с тобой! Спасибо огромное вообще, что ты есть! Я, кстати, сам собирался приготовить и тебе, и ей, — киваю на коляску. — У меня ещё есть зазор по времени, вот прямо сейчас и собирался.

— Хм, ну давай, юный герой, — с сомнением смотрит на меня Лена. — Впрочем, обед был супер, признаю.

С сожалением встаю и иду в квартиру.

Фасоль у меня замочена в солёной воде заранее, специально чтоб не тратить время при готовке. Заливаю горячей водой из электрочайника и ставлю на плиту. Пока закипает — добавляю специи — тимьян, укроп, корень сельдерея, паприку, кунжут, гвоздику, душистый перец и джусай. Мелко режу половинку острого перца «огонёк», он же, наверное, «чили».

Фасоль кипит. Пусть кипит.

Мелко режу лук, обжариваю в казане на второй конфорке. Добавляю тёртую морковь. Добавляю чеснок. Добавляю тех же специй под конец обжарки.

Переливаю фасоль из кастрюли в казан, который на секунду окутывается шипящим паром. Мой самый любимый момент в этом

блюде, хе-хе.

Всё. Теперь — только ждать. Само дойдёт на самой маленькой мощности.

Фарш обычно беру готовый, запас есть. Размораживаю в микроволновке. Конечно, варварство — но время равно деньги. Добавляю тёртую на очень мелкой тёрке морковь, чеснок, одну картошку, манной крупы, яйцо и соль. Сюда перец не кладу — это и на ребёнка. Блин. А ведь перца будет не хватать, ну да ладно. Я знаю решение.

Перемешиваю минуты три, до появления в ладонях ощущения «правильного» фарша. Быстро формую котлеты и — в пароварку. Это ребёнку.

В оставшийся фарш добавляю перец, карри, паприку; вторую порцию котлет кидаю на сковородку — это уже мне и Лене.

Уфф.

Осталась мелочь.

Привариваю рис до полуготового состояния. Во втором казане обжариваю лук, чеснок, морковь, сладкий перец и помидор с паприкой. Солю. Рис добавляю прямо сверху и перемешиваю.

Жареный рис с овощами и специями — лучший гарнир к котлетам. Как по мне.

Есть ещё пять — семь минут. Нарезаю два салата: один — из грубых овощей (морковь, редис, капуста); второй — огурцы и помидоры.

Теперь всё.

До завтрашнего утра мы едой обеспечены. А на вечер, если что, вообще есть колбаса, сыр и горбуша. Должно хватить.

Хлопаю себя по лбу и притаскиваю с балкона две пачки сока — я беру сразу кейсами по двенадцать штук, храню потом на балконе, для утилизации полезного места.

Вот теперь точно всё.

Переодеваюсь и выскакиваю на мойку. Помогаю Лене занести коляску с кучей пива в багажном отсеке коляски: ребёнок уснул, она её несёт на руках.

На мойку прибегаю уже немного взмыленный, но клиентов ещё нет — вероятно, опаздывают. Ну и ладно. Прохожу в стеклянную комнату, делаю себе кофе и устраиваюсь перед телевизором.

Ни один из двух оговоренных клиентов в итоге так и не приезжает. Это, конечно, минус деньги из бюджета, которых я сегодня не заработаю. Но сейчас как раз тот случай, когда я искренне рад свободному времени.

Когда я дозваниваюсь до каждого из клиентов по очереди, оба сообщают мне, что сегодня не смогут.

Вообще, люди в основной своей массе — ... Не хочу ругаться. Скажу культурно: безответственные. Или, как говорит Лена, инфантильные.

Ну что стоило каждому из них набрать мой номер, когда увидели, что не успевают, и сказать, чтоб я не ждал? Рука отвалится, что ли? Или денег на один звонок жалко? Так позвоните мне за мой счёт, есть такая услуга!

А так получается, что их пятнадцать секунд звонка стоят дороже моего часа ожидания.

Это как минимум неуважение. Козлы...

Заношу оба номера в чёрный список и сообщаю им текстовым сообщением, что их машины теперь могут у нас обслуживаться только с коэффициентом плюс десять процентов: при записи клиентов по телефону, мы всегда спрашиваем марку и номер машины. Так что, если они даже сменят номера телефонов, им придётся сменить ещё и машину, чтоб я их не узнал.

Действую категорически против правил маркетинга. Но мы сегодня уже можем себе это позволить: буквально на днях обсуждали с Ильёй текущее положение.

Он приехал раньше, чем обычно, отсмотрел в ускоренном режиме запись на камерах за последний период, сверил мою кассу со своими данными и заключил:

— Ну чё, всё как и планировали. Поток клиентов постоянный, по учёту всё в порядке, вопросов лично к тебе не имею. Слушай, а чисто теоретически. Сколько ты в день максимально можешь успеть машин?

— Если на износ — до трёх с половиной или четырёх. Но я так долго не вытяну — раз. Второе — школа же с сентября.

— Нет, на износ и не надо. Получается, чтоб без напряга, две в смену?

— И на две напрягаюсь тоже. Но две — не изматываюсь. Могу быстро восстановиться. А если будет три — то уже не буду восстанавливаться полностью к следующей смене. Получается, начну выдыхаться. А что, есть потребность?

— Да потребность всегда есть. Мы тут думали — как твой личный опыт растиражировать на всю сеть. Сколько у тебя лично машин в записи на ближайшие дни?

— График расписан на пять дней вперёд, двенадцать машин. Две из десяти железно отменятся в последний момент или не приедут вообще, потому держу резерв клиентов, чтоб не простаивать.

— А у нас с других объектов на тебя — ещё до двадцати машин. Причём это на вчерашний вечер, на сегодня ещё не узнавал. Получается, в три раза больше, чем ты реально можешь почистить.

— В три раза больше даже не обсуждаем. Могу день напрячься, ну два. Это две машины дополнительно. Но не двадцать. Ускориться в три раза? — с сомнением качаю головой, прикидывая все доступные ресурсы. — Просто не потяну физически.

— Да я и не предлагаю! Просто информирую. Даже прибавь ты одну машину — это радикально на месячную выработку не повлияет. Тут надо искать что-то другое.

— А чего искать? Ставьте на другие объекты по одному ответственному и аккуратному человеку — очередь и рассосётся.

— Да не рассосётся никакая очередь. Она пока наоборот только генерируется. Потому что негде взять по одному такому человеку — нет их больше в природе, таких людей. По крайней мере, в этом городе. Не хочу тебя очаровывать комплиментами, хе-хе, но как работник ты действительно уникальный. Потому — дикая для рынка ситуация: клиенты — есть, а заработать на них — нет возможности. Ибо ресурс одного человека мал, а тиражировать и масштабировать — не с кем.

Илья задумчиво качается в кресле вперёд-назад:

— Слушай, а если бы вот вся эта мойка была твоя. И очередь из клиентов выстроилась бы не у компании, а лично у тебя? Вот чистишь ты один. И видишь, что физически не будешь справляться. Что бы ты делал? Плюнул бы на всё и работал, как раньше? Или нашёл бы какой-то ресурс на усиление?

— Если б очередь росла быстрее, чем я успеваю повышать производительность, я б поднял цену, — бурчу очевидное решение из учебника первого курса. — Те, кому не по средствам — сразу отвалятся. Те, кто останется, будут приносить больше денег.

— О, точно. — Илья на секунду замирает, потом что-то быстро строчит на обложке своего учетного журнала. — А может быть такое, что вот ты объявляешь о повышении цены — а отказывается сразу семьдесят процентов клиентов? Или даже больше? И ты в итоге вообще без клиентов окажешься?

— Конечно может, — почему-то эта детская игра в вопросы-ответы становится мне интересной. — Потому цену я б повышал не тупо и линейно «в лоб», а умно и правильно. У нас сейчас есть очередь?

— Да. — Илья тоже любит играть в детские игры, хе-хе.

— Всем с других объектов вы откажете?

— Да. Ты ж сам говоришь, больше трёх в день — никак. И трое — уже на износ. Блин, не люблю хвалить... повторяюсь. Ну так что? — нетерпение в его голосе приятно ласкает мою самооценку. Наслаждаюсь моментом по полной. Ну а чё, мне шестнадцать.

— Вот я бы всей очереди с остальных объектов объявил: наши извинения, но сейчас можем вам только отказать. Либо есть вариант: цена дороже на двадцать процентов — пяти клиентам. Цена дороже на тридцать процентов — следующим пяти клиентам. Цена дороже на сорок и пятьдесят процентов соответственно — оставшемуся десятку.

Удивление в его взгляде продолжает греть моё настроение.

— Вот по конверсии с этих двадцати я б и понял, как отреагирует вся очередь на повышение стоимости. Даже если все эти двадцать клиентов убегут — для компании эксперимент бесплатный. Поскольку мы их так и так не планировали чистить. Плюс — они же машины хотели оставлять на других мойках, ну, там, где они обычно

обслуживаются?

— Да.

— То есть, компании ещё добавились бы риски и действия по перегону этих машин ко мне в работу, потом обратно?

— Ну да, — разводит руками Илья. — Или отказать. Или так. Без вариантов.

— Тогда компания вообще ничего не теряет. А приобрести может от двадцати до пятидесяти процентов выручки на ровном месте. Ну и, если очередь всё равно не будет уменьшаться — допустим, я действительно уникальный и больше во всём огромном городе почиститься негде — то эту фишку можно повторять до тех пор, пока очередь не рассосётся. Наша выручка, соответственно, вырастет в разы.

Илья на короткое время выпадает из общения и остекленевшим взглядом смотрит на стенку с логотипом компании. Потом «отмирает» и начинает куда-то быстро собираться.

— Надо было раньше к тебе зайти... Пока — ничего не обещаю, но если сработает — наши договорённости в силе. 45 % от не важно какой суммы — твои.

В принципе, я могу подключить сейчас резерв по клиентам, и в течение получаса получить следующую пару машин из очереди в работу. Но сегодня делать этого категорически не хочется. С чистой совестью и облегчением на душе, выключаю всё из розеток, ставлю объект на сигнализацию и топаю в направлении дома.

По дороге заруливаю в КАРФУР. В алкогольном отделе решаю справиться сам. Что такое Bailey's — разбираюсь буквально за три минуты, как только нахожу бутылку с одноимённым названием на полке и считываю информацию с этикетки. Что такое арманьяк — глянул в интернете. Прочёл. На полке никак не выделен. Зову продавца отдела и прошу помочь.

В результате, решаю не выбирать, и беру обе бутылки. Магазин покидаю с ликёром и Лафонтаном.

Свою квартиру открываю опять на цыпочках своим ключом. Бесшумно заглядываю в комнату: спят обе. Девочка — в коляске,

Лена — на диване. Лена переоделась в футболку прямо на голое тело (вероятно, была в душе), сквозь которую вижу тонкую просвечивающую полоску нижнего белья на бёдрах (пока не знаю, как это тут называется). Чувствую рефлекторный прилив крови сразу и к лицу, и к другой части организма, чертов пубертат.

Прикрываю за собой дверь и иду в другую комнату. Как раз есть время позаниматься. Вооружившись компом и анатомическим атласом, погружаюсь в чтение.

Пара часов пролетает незаметно. Через пару часов в комнате девочек слышится скрип коляски, потом детский плач, потом в дверях появляется Лена с ребёнком на руках:

— Ты уже вернулся? Когда успел? Хотел же быть позже?

— Клиенты отменились, сегодня освободился пораньше.

— А мы на час прикорнули. Сейчас поедим, помоемся, поиграемся и будем укладываться в ночь.

В присутствии Лены, все манипуляции с ребёнком почему-то происходят абсолютно спокойно и без проблем. Ребёнок съедает какое-то пюре, две котлеты из пароварки и присасывается к бутылке. Лена как-то странно смотрит на ужин, потом спрашивает:

— Это ты сделал?

— А кто ещё? Я люблю готовить. И умею. Всё давно продумано, операции стандартные. Работы на полчаса. Самое занудное — ждать пока отварится фасоль. Но я её замачиваю заранее либо наполовину провариваю. Всегда есть запас в холодильнике.

— Да ты просто кладёшь загадочных талантов.

— Просто люблю поесть. И привык сам себя обслуживать.

После ужина мы какое-то время катаем по полу втроём теннисные шарики. Лена говорит, ребёнок должен как можно больше устать. Тогда спать будет лучше.

Купаем перед сном тоже вместе: я держу на руках, Лена совершает все манипуляции.

В деликатный момент укачивания меня выгоняют в другую комнату, где я ловлю себя на том, что читать анатомический атлас

почему-то не тянет. Просто листаю полчаса интернет, потом появляется Лена:

— Уложила. Не знаю, сколько будет спать, но думаю, что часов до шести утра точно. Погнали на кухню?

На кухне выставляю обе бутылки на стол и спрашиваю:

— Какую открывать?

— А ты сам что будешь?

— Из этого — ничего. Ты просила — я тебе купил. Рядом посижу, компанию составлю, но алкоголя не буду.

— Тогда не открывай. Я поначалу думала, что делать будет нечего вечером. А сейчас и самой пить перехотелось. Да и за руль завтра. Нас это, конечно, никогда не останавливало, но у тебя так уютно, даже алкоголя не хочется. И с тобой уютно, Мелкий. Цени, не всем это говорю.

— Оценил. Тогда это с собой заберёшь, мне это в доме точно лишнее, ок? — ставлю бутылки рядом с её сумочкой.

— Без проблем. Хороший шнапс не пропадёт... Мелкий, ты же уже поел?

— Поел.

— Ну тогда пошли. Хватит есть меня глазами — я всё чувствую. Я оценила твою деликатность,

Она подходит вплотную и её феромоны глушат и без того невеликий подростковый самоконтроль.

Поспать особо не получается. Каждый раз, когда мы собираемся заснуть, ребёнок начинает ворочаться и вскрикивает. Приходится вставать, укачивать, кормить.

С одной стороны, где-то интересно: что-то типа тренажёра семейной жизни. С другой стороны — даже одна такая ночь ярко показывает, что у всего есть своя изнанка. И в придачу к каждой чашке приятного прилагается ведёрко тяжёлого труда.

В итоге, часов в 5 утра, когда ребёнок засыпает в очередной раз, мы уже не пытаемся ложиться, а идём на кухню.

— Ты что будешь?

— Кофе. Только кофе. Покрепче. Много сахара. — Выражение глаз Лены похоже на сфинкса.

— Есть не хочешь? — мне неудобно начинать есть в одиночку, а есть хочется.

— В пять утра? Боже упаси. Только кофе. — Монотонно на одной ноте тянет Лена.

Достаю из стола турку, высыпаю из банки заранее смолотую массу зёрен (хорошо, что уже смолот — вот бы кофемолка сейчас на всю квартиру взвизгнула), проделываю остальные манипуляции и через 3 минуты разливаю по чашкам. Себе делаю большой бутерброд.

За бутербродом приходит неожиданная мысль, которую тут же озвучиваю:

— Интересно, а если гарем и жён несколько, и таких детей, как она, — взгляд на дверь комнаты, — двое или трое, как тогда спать мужику?

— Наверное, если жён несколько, мужик не встаёт ночью к ребёнку, — так же монотонно выдает Лена. — Но вообще, чтоб это воспринимать нормально, женщине надо родиться в той среде. Хотя-я-я-я, если большая любофь, если все — очень яркие индивидуальности, и нет противоречий в межличностных отношениях...

— Слушай, а как может не быть таких противоречий между двумя или более самками в одном замкнутом пространстве? — интересуюсь, не смотря на неподходящее для философии время суток. — Всегда же есть конфликт интересов? Хотя бы и внутренняя конкуренция за мужчину?

— Конфликты, Мелкий, есть всегда и везде. Даже там, где всего одна жена. Вопрос не в наличии конфликтов. А в умении всех сторон находить компромиссы. Это я тебе как взрослая тётя и дипломированный психолог говорю. Чем выше личное чувство ответственности у каждого члена такого коллектива — тем меньше градус противоречий внутри коллектива.

— Упс, ты ещё и психолог? — удивляюсь.

— Когда разводилась, взяла на год академку — мы одноклассники с ним были, не хотела больше видеться. Чтоб год дома не сидеть, отнесла документы на биофак в универ, там кафедра психологии. Почти все предметы совпадают — профили то общие, зачли автоматически, философия не в счет. Ну и моя мама — декан этого биофака... Через год на биофаке перевелась на заочное, сессии — не проблема, знания-то из меда. В итоге, получила два диплома.

— Не буду спрашивать, помогала ли мама.

— Эй, Мелкий, вот ты сейчас что, хочешь меня обидеть?! Я всегда училась добросовестно и сама! Мама — это одно. Допустим, она может помочь и поступить, и закончить. Но потом настанет время работать лично и самостоятельно. Тогда что, тоже маму звать? Странно, считала, ты понимаешь такие вещи... Обидел.

— Эй-эй-эй! Стоп! Я не со зла, я по тупости! В данном случае, я — жертва стереотипов. Извини. Дай я тебя примирительно поцелую.

— Простила. Не говори так больше. — И без всякого перехода, — Второй девушке обо мне рассказал уже?

Наверное, мои выпученные глаза выглядят красноречиво.

— О, значит, уже какая-то беседа была, — удовлетворённо говорит Лена, выхватывая с моей тарелки последний бутерброд.

— Ну зачем?! — от возмущения захлёбываюсь. — Я же предлагал: давай я и тебе сделаю поесть?! Лен, ну зачем брать с чужой тарелки? Неприятно же! Давай сделаю ещё — тебе персонально? Да, беседа была...

— Видишь, как ты охраняешь свою жратву, — хихикает Лена. — Очень иллюстративно. Для понимающего человека. Такая деталь характеризует больше, чем мимика и речь.

— Откуда знаешь про девушку? Ты видишь чужие мысли?

— Ну-у-у..., ладно, не буду мучить. Ты воспринимаешь меня как самку?

— Да, а что, есть сомнения? — демонстративно оскорбляюсь в ответ.

— Не, сомнений нет... это я так, тешу своё самолюбие. Идёшь для меня на жертвы — один шнапс чего стоит. Для шестнадцатилетнего — сто процентов прореха в бюджете. Я оценила.

— Ну, не такая и прореха, скорее жалко выбрасывать деньги на бессмысленное, как то алкоголь, табак, прочая бесполезная лабуда.

— Эта лабуда полезная с точки зрения оказания влияния на меня. В данном случае, этот твой жест тоже сказал о тебе гораздо больше, чем ты сам думаешь. К ребёнку тоже всю ночь ты первый скакал. В общем, мелкий, выглядишь ты старше своих лет, сам себя кормишь, можешь позаботиться о себе и том, кто с тобой вместе. Физически — регулярные потребности определённого деликатного характера у тебя уже более чем сформированы и оформлены, отбросим неуместную стыдливость. Значит, что?

— Что?

— Значит, подсознательно твой мозг как минимум начал искать потенциальную партнёршу. А скорее всего — даже выбрал кандидаток. Инстинкт размножения — он такой, по мозгам здорово бьёт. В смысле, меняет даже подсознательные программы действий. Как специалист говорю. Учитывая твою таранную целеустремлённость, кандидатку в партнёрши ты давно нашёл. Я права?

— Ну, как бы да...

— Судя по последним нескольким часам, до физического контакта у тебя с ней не доходило?

— Ну, да... в итоге не срослось.

— Учтём, что ты достаточно привлекателен, с деньгами, не болтун, вообще мачо. Значит, что?

— Что? — Снова тупо повторяю рефреном.

— Значит — это скорее всего дама твоего возраста. И физически есть барьеры возрастного и нравственного характера.

— Ну, примерно...

— А учитывая твоё патологическое чувство ответственности, и трехкратное отсутствие вчера, ты сто процентов встречался, общался, и пытался расставить все точки над «Ё», — она весело смотрит мне прямо в глаза.

— Ну, да...

— Не парься, мелкий. Это я тебя психотерапевтирую. Говори, что тебя ещё тревожит.

— Да тревоги, как таковой, нет, есть непонимание...

— ... как с нами обеими быть дальше? — снимает с языка Лена.

— Ну. Но давай до конца расскажу. Она — армянка наполовину, у них с этим строго (я сейчас про интим). Мне она отказала под этим соусом, зато предложила себя ни в чём не ограничивать — но я пока не знаю, как к этому относиться. По мне, отказ от контакта с близким человеком — это разрыв близких отношений с близким человеком. Получается, близкий человек не может рассчитывать на тебя в важном для себя вопросе.

— Как же непросто, да? Есть варианты. Как с нами обеими быть — очень во многом зависит от того, чего ты от нас обеих хочешь, и на что ради этого готов. И — снова для профилактики — я сейчас с тобой говорю, как со взрослым мужиком. Которого я воспринимаю, как альфу и как мужика. С которым мне хорошо и уютно, не смотря на внешнюю странность всей ситуации.

— Зачем тогда мелким называешь? У меня имя есть. Защитная реакция психики?

— Да. Она, — коротко бросает Лена, так же глядя мне в глаза.

— Ну-у-у, чего я хочу... У меня есть мечта. Я уже начал над ней работать.

— Кто бы сомневался. Давай, делай мне бутерброд, я уже согласна.

— Жизнь — очень короткая штука, и основные цели надо успеть

достичь лет до пятидесяти. Если я хочу в жизни успеть всё — нужно быть серьёзным во всём, считай это моим принципом. Получается, в отношениях тоже нужно быть серьёзным. — Чёрт, хлеб закончился. Где-то должен быть лаваш. — Я сейчас не могу сказать, как оно так всё закрутилось, наверное, гормоны виноваты. Ситуация глупая — если с точки зрения разума. Но я вас обеих воспринимаю серьёзно. При этом, Анька говорит, что большинство отношений, начатых до двадцати пяти, распадётся в первые два-три года. Значит, всерьёз меня не воспринимает уже она. Держи свой бутерброд. Стереотипно принято считать, что зам меня сейчас решают не мозги, а тупость и гормоны.

— Это она не тебя, а себя всерьёз не воспринимает... Стесняется отсутствия опыта... Нам, женщинам, вообще свойственно стесняться. В общем, мелкий, совет психолога лично тебе: если тебе с нами хорошо, если ты **не** планируешь с кем-то из нас прекращать общаться, если ты готов и дальше проявлять чудеса своей патологической ответственности и бороться за нас обеих — нас надо знакомить. Сразу говорю: я не знаю, как оно будет, и кто из нас как может взбрыкнуть, включая меня. Ты прав: женской конкуренции в одном гареме никто не отменял, хи-хи. Хотя о гареме речь и не идёт... Но если у тебя есть Цель, и мы обе — часть твоего Пути, то чем раньше ты начнёшь укладывать выпирающие кастрюли в своём рюкзаке, тем больше шансов, что доберёшься, куда хотел. Сразу оговорюсь: сейчас советую гипотетически и со стороны. Я себе программу своих действий не выбрала, я пока просто развлекаюсь и рассуждаю отстранённо, со стороны.

Сдерживаюсь и не говорю, что у мозга — два разных «рисунка»: когда человек собирается действовать или когда гипотетически рассуждает, глядя в телевизор. Впрочем, возможно, женщины и сами себе умеют не признаваться, мало ли. Особенно после недосыпа.

Некоторое время едим бутерброды.

— Слушай, мелкий. У меня, конечно, есть уже **моё** мнение... Но должна же я всё равно задать свой наивный вопрос... а ты точно понимаешь, во что ввязываешься? Ты ещё ребёнок во многих планах, в том числе в эмоциональном — ну, по крайней мере, должен им быть. Ты понимаешь, что сейчас можешь очень быстро оказаться в хомуте на всю жизнь, и корректировать что-то потом будет очень болезненно и сложно? Если в шестнадцать, с твоими серьёзными для

твоего возраста материальными ресурсами, но абсолютно незрелой эмоциональностью, начнёшь педалировать вопрос отношений и докатишься до женитьбы?

— Лен, — смотрю на неё, как взрослый на ребёнка. — Ну кто в моём детском возрасте думает мозгами, к которым ты сейчас призываешь? А не гормонами? Если всё, что ты говоришь, так и есть, я что — способен сейчас отключить гормоны и включить мозги? Включить критичность, в частности?

— Ну, да, логично, — непоследовательно соглашается Лена. — Но мой долг — уточнить. И это, мелкий... я ещё ни на что не соглашалась... мы сейчас общаемся чисто гипотетически.

Не буду спорить, что гипотетической ситуация перестала быть в момент начала этого разговора. И снова сдерживаюсь от объяснений про «рисунки» мозга.

Звонит Ленин мобил.

— Да. Да, всё верно. Секунду, — и ко мне, — какой у тебя адрес?

— Микрорайон Солнечный, дом двадцать, квартира пятнадцать.

— Микрорайон Солнечный, дом двадцать, квартира пятнадцать. Да, ждём.

— Отец ребёнка? — догадываюсь по тексту.

— Он. Будет через полчаса. Уже прилетел. Пойдём. Будить, одевать и собирать.

Наш третий маленький член коллектива не желает ни просыпаться, ни одеваться. Все наши попытки её организовать для отъезда девочка встречает в штыки. В результате, мы только меняем памперс, надеваем бодик и кладём её в коляску, где она продолжает досыпать.

— Золотой ребёнок, — задумчиво говорит Лена. — Далеко не все так хорошо спят в этом возрасте. Эх-х, счастливые родители.

Папа девочки — высокий, взъерошенный мужик лет тридцати, с кругами под глазами — первым движением кидается к коляске и долго всматривается в спящее лицо девочки. Морщины на его лбу постепенно разглаживаются.

— Спасибо огромное! Не знаю, как и благодарить!

— Не за что, всё в порядке.

— В больнице сказали, Вы — врач? — обращается он к Лене.

— Да, но не в курсе текущей ситуации по вашей жене: сутки занимаюсь ребёнком.

— Да, конечно, спасибо... — мужик несколько раз кивает, как гравитационная игрушка.

— Саша, помоги, пожалуйста, спустить коляску и вещи. — Деликатно напоминает Лена.

Вдвоём с мужиком выходим на улицу. Девочка в его руках ворочается, но не просыпается. Его машина оборудована специальным фиксатором для детей, в который он сразу «заряжает» ребенка, к которому я уже где-то успел привязаться. Подаю коляску и вещи.

Почему-то накатывает лёгкая грусть, не смотря на все хлопоты и бессонную ночь.

В квартире спрашиваю:

— Лен, это только мне сейчас грустно — или тебе тоже?

— Если ты о ребёнке, то только тебе, — она снова считывает мои мысли. — Пошли спать наконец? Ты во сколько сегодня стартуешь?

— По идее, к часу в зал.

— А я по идее сейчас сменяюсь с работы и далее свободна. Всё, я — спать.

Очень уместное предложение. Так и делаем.

В десять-тридцать утра просыпаюсь от телефонного звонка. Гляжу на дисплей — звонит Игорь, который Витальевич. Лена спит, как сурок, и ничего не слышит. Счастливая.

— Да?

— Саня, срочный вопрос на пятнадцать секунд. По медицинской части. Не мог бы подскочить?

— Хорошо, сейчас... Проснусь, оденусь...

— Спасибо. Я так и думал, что не откажешь. На моей машине водитель за тобой. Уже ждёт внизу.

Ну что тут скажешь. Хорошо, что лето. Одеваю шорты и футболку, не заботясь о том, как выгляжу. Пока едем, в машине досыпаю.

В кабинете И.В. уже ждёт чашка с кофе явно для меня и он сам, пританцовывающий то ли от избытка сил, то ли от нетерпения.

— Давай сразу буду держать тебя в курсе, чтоб ты тоже знал. Запустили те услуги, что говорили, бесплатно. Пробно на месяц. ОАК, ОАМ, МРТ, УЗИ. По бесплатной карте — не сказать, что завалены по уши работой, но УЗИ и МРТ уже работают круглосуточно. Определённый экономический эффект есть — но отчитаюсь в цифрах по концу месяца; пока недостаточно времени, чтоб точно оценить результат.

— Ничего себе, быстро Вы запустились, — присвистываю.

— Саня, как говорил Ленин (ты его уж не изучаешь), победит тот, у кого выше производительность труда. Я запускаю по пятьдесят разных схем в месяц, чтоб сработали пять или десять из них. Вот они и дают прибыль. Ладно, не о том речь... В общем, на УЗИ сейчас обследовали одну печень. Пациент жалуется, в городской клинике по его району сейчас не работает аппарат. Пожалуйста, посмотри только на его печень. У меня есть предположения, но делать все пробы — затратно по времени, а я хочу, чтоб этот дед лишний раз не напрягался. И по несколько раз через полгорода к нам не мотался. Именно тот случай, где надо помочь, не глядя на деньги.

— Хорошо. Где?

— Где обычно. В кабинете УЗИ.

В кабинете на кровати сидит по пояс раздетый дед возраста моего деда. Примерно из одного теста, как говорится. По нём видно, что тяготится и бесплатной помощью, и повышенным к себе вниманием — но некуда отступать.

Настраиваюсь. Скан. Ого. Такого я ещё не видел. Тут. Разворачиваюсь, делаю страшные глаза Витальевичу и показываю на выход. В коридоре Витальевич набрасывается на меня, едва закрыв дверь:

— Ну что?

— Автономная генерация. Причём не микрофлора. А какой-то полноценный живой организм. Паразит. Трудно с чем-то спутать.

— Так и думал. Эхинококк. Рентген не врал. — цедит Игорь. — Только оперировать.

— А в чём проблема? — Видя его не понимающий взгляд, поясняю, — Вы явно чем-то не довольны. Что не так?

— В городской клинике с ним потому и не хотели связываться: возраст, возможна куча осложнений, начиная от переносимости наркоза. Его только оперировать. У меня — нет технической возможности, у нас нет хирургии. Такое только диагностируем.

— А чем этот дед отличается от миллионов других на улице, которым не так везёт попасть к Вам на обследование?

— Саш, я не могу, может, обогреть весь этот мир и помочь всем. Но из таких вот случаев и складывается эта пресловутая «социальная ответственность», о которой ты так любишь говорить. Я тоже оперирую этим понятием. И сейчас решаю не вопрос коррекции Системы, а как выжить конкретному деду. Которого в государственной клинике, похоже, просто «сбрили». Ладно, это уже не к тебе. Спасибо огромное! Что от тебя было нужно — ты помог. Так, на секунду зайдём ко мне в кабинет, надо по финансам обсудить.

Заинтригованный, иду за ним. В кабинете он достаёт из-под стола какую-то коробку с деньгами, и спрашивает:

— Оплачу тебе по тарифу УЗИ?

Я уже проснулся, потому соображаю в нужном темпе и не торможу. По нему вижу, что операцию этому деду он будет «продавливать» на личном уровне. Коммерческой выгодой этот случай точно не закончится. А хлопот в любом случае будет огого.

— Стоп. Игорь Витальевич, помните, Вы говорили, что по факту считаете меня партнёром?

— Помню. И не отказываюсь.

— Я сейчас точно вижу, что заработать на конкретно этом пациенте не вариант. Для Вас и клиники.

— Ну, да... — соглашается он. — Но я же не могу тебя дёргать вхолостую. Ну один раз ты поможешь, ну второй. Допустим, оба пациента для меня бесплатные. Но на каком-то этапе тебе же надоест впрягаться из альтруизма. А я хочу на тебя рассчитывать всегда. Потому — вот, компенсирую твои напряжения.

— Спасибо, приятно, — бормочу. — Но давайте всё же иначе. Если мы партнёры — должны делить не только плюсы, а и затраты. В данном случае, этому деду я б и сам помог — если б мог. Но тут такое, что моими методами не лечится. Давайте лучше так. Вместо разовых гонораров, по концу месяца посмотрим на финансовые результаты. В частности, от конверсии. Если будет что делить — продолжим этот разговор. Если же нет — то я хотя бы так поучаствую.

— Ну смотри, как скажешь, — удивлённо бросает Игорь, пряча коробку с деньгами обратно в стол. — На всякий случай. Чтоб ты был уверен, что тебя тут не обманывают, доступ к отчётам по кассе и бухгалтерии дам, какой скажешь.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Давайте пока просто работать.

Не хочу объяснять, что у меня тоже есть своё понимание социальной ответственности. И что я вижу, когда люди мне говорят правду. Или неправду.

Управление ...безопасности по... — кой области.

Кабинет начальника ...отделения. Присутствуют заместитель начальника отделения — коренастый 37-летний плотно сбитый

мужик с фигурой бывшего спортсмена, и сам начальник отделения — высокий 35-летний брюнет, более уместный на фотографии выпускников оксфордского университета.

— Есть сигнал, что объявился парень со способностями по части медицины. По данным источников, из тех 2 %, что реально что-то могут. А не из оставшихся 98-ми%, что только болтают, — коренастый повертел в руках ручку, думая, как сформулировать следующую мысль. На доклад он напросился сам, опасаясь подымасть тему без предварительного одобрения того, кто в итоге будет "прикрывать" всё документами.

— Что за пацан, чем славен? — не отрываясь от монитора, спросил высокий.

— Есть информация, реально болячки чувствует: диагностирует влёт, чуть не по пульсу и внешнему виду. Почти не ошибается. Ещё вроде воздействовать может — но тут неточно, медсестра гарантий не даёт. И пока не ясно, что именно он может в плане воздействия.

— И что с того? С чего "волна"?

— В ГЦБ, главврач его деда думал хоронить — а пацан пришёл и вроде чуть не с того света вытянул. Деда уже в палате для "трупов" держали — думали в морг через пару дней. А вышло, что дед чуть не картошку из больницы сам выкапывать поехал. С тех пор, парень был у главврача несколько раз. Принимал участие в осмотре некоторых пациентов, вроде для уточнения диагноза. Но тут медсестра не на всех сменах была, не всё видела.

— Игорь, к чему этот разговор? Парень как-то угрожает безопасности? Конституционному строю? Представляет угрозу населению? Что-то известно о его планах, которые могут такую опасность представлять? Мы тут при чём? Тебе реальной работы мало?

— Ну ты чё! Андрей! Если способности реальные — как раз и надо понять, что он может. Сейчас мы его легко под крыло взять можем — в этом возрасте на него легко влиять. Во-вторых, расходы на негласный аппарат реальными результатами всегда легче проводить. А тут — реальный феномен. Ну не по нашему профилю, но — всегда можно сказать, профилактировали: мало ли что он задумать мог. И потом...

— СТОП. Игорь, ты молодец, я очень ценю твой опыт. Свято

верю в твоё чутьё. Но пока что ты не назвал ни одного *законного* основания для запуска темы. Да даже чёрт с ним с законом... Ни одного серьёзного довода, что нам вообще стоит об этом говорить. Я откровенно тебе сейчас кое-что скажу, только услышь меня!

Высокий отрывается от компьютера, делает несколько шагов по кабинету и продолжает:

— Ты сейчас транслируешь какой-то странный шаблон. Лично ты немало увидел, спору нет. Но почему-то на этом основании сам решил, что сам создаёшь правила. Недавно в Центральном Аппарате, на совещании в ДВБ, как раз от такого предостерегали, это чтоб сказать мягко. Игорь, давай заниматься *своими* делами! И это — не вопрос и не просьба. Политика сверху очень простая: если тема "угрожает безопасности" — работаем. Если нет — нас в этой теме нет. А если такая вот инициатива — в которой твой личный интерес больше законных оснований — Игорь, я тебе второй и последний раз скажу. НУ ЕГО НА-УЙ! Это, если что, политический курс. Сегоднешний.

Виснет неловкая пауза, после которой Высокий уточняет:

— Или ты хотел и частным порядком присоединиться к теме — ...?

— Ну да... — мнётся коренастый. — Ну всегда так было! Если что-то интересное — или деньги, или люди, которые нам нужны, всегда мимо не шли, включались...

— Это было до меня, — отрезает высокий. — Считай, что я до тебя только что довёл смену курса. Игорь, пожалуйста, не делай так, чтоб я жалел о том, что жестко не тормознул тебя сразу. По всем ведь прилетит. Времена очень изменились. Мы — не клуб по интересам. При всём уважении к твоей инициативе, чутью и неравнодушию. Разговор окончен и давай к нему больше не возвращаться.

Заскакиваю домой, чтоб взять вещи в спортзал. Лена спит. Очень тихо прохожу, беру вещи и закрываю за собой дверь.

По пути в спортзал, обдумываю с разных сторон одну идею. Сила мышечных сокращений, в принципе, не константа. Она, как и скорость, зависит (в том числе) от мощности сигнала, поданного по нерву. Помимо информации из интернета, я это и сам вижу. Интересно, что будет, если искусственно увеличить мощность подаваемого по нервам сигнала на мышцы?

Судя по тому, что в организме *вижу* я, есть один барьер: прочность костей и суставов, связочного аппарата. В частности, прочность запястья и ударной части кулака.

Мощность максимального сигнала, который можно подать по нерву на мышцы, связана с «аппаратной частью» — с механической прочностью руки. Если подать более мощный сигнал, и мышцы дадут импульс выше нормы (который, как помним из физики, равен масса умножить на скорость) — механической прочности руки может не хватить. Что-то может просто сломаться. Например, кисть. Потому мощность сигнала из мозга сам мозг нам и ограничивает.

Но я также вижу, что организм имеет достаточно высокую степень «защиты от дурака». И процентов на сто пятьдесят, подав болеем мощный сигнал на мышцы, импульс удара повысить можно безболезненно.

Хочу сегодня опытным путём проверить всю эту теорию. И посмотреть, насколько я могу снять эти ограничения лично себе. Возможно, это просто детство, но мне банально *интересно*. Правильно считают на Востоке: Путь важнее результата.

В зале начинаю эксперименты «на стенке» — на приколотенной к стене пластинке толстого войлока. Он не даёт содрать кожу с руки, но полностью сохраняет жёсткость при встрече кулака с целью.

Удар. Плюс десять процентов мощности сигнала. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар. И так три минуты.

Терпимо. Сила импульса, на глаз, выросла пропорционально. Похоже, зависимость между мощностью нервного сигнала и ударом

линейная.

Плюс двадцать пять процентов мощности сигнала. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар. Ещё три минуты. Снова терпимо.

Плюс пятьдесят процентов мощности сигнала — чувствую, резерв ещё есть. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар... Стало чувствительно, но ещё более чем терпимо.

Так. Поработаем на пятидесяти процентах усиления до истощения.

Пока совершаю тупые механические удары, думаю: интересно, кто делал человека? Зачем вкладывать такой запас прочности, если потом его не использовать?

Пока молотил стену на «форсированном» режиме, израсходовал кислород в тканях. Увлёкся. Нужно передохнуть.

Стою, дышу; Вовик рядом лупит голую стену голым кулаком вполсилы, в этот момент к нам подходит Сергеевич и заботливо спрашивает:

— Что, дрочите?

— Чего? — хмуро поворачивается Вовик, ещё не видящий, кто спрашивает.

Я тоже заинтересованно жду развития событий.

— Укрепляют организм: Солнце, воздух, онанизм, говорю? — так же заботливо спрашивает Сергеевич.

— Э-э-э, Сергеич, это Вы сейчас о чём? — озабоченно спрашивает Вовик.

— Вот вы оба сейчас какой ху-нэй страдаете? Чего хотите добиться этими упражнениями?

У меня нет секретов от Сергеича. Но в подробностях делиться и биографией, и решаемыми задачами в полном объёме я как-то пока не готов. Возможно, позже. Тут есть хорошая поговорка: умеешь считать до десяти — остановись на семи. Потому молчу, и даю Вове выступить с ответом первому:

— Ну, Сергеич, я ещё с армии знаю, что если вот так стучать кулаком об стену, там что-то куда-то к чему-то приливает и потом даже в перчатке удар чувствительнее.

Вижу, что Сергеич думает, будто я занимаюсь тем же самым под влиянием Вовика, но в более щадящем режиме. Молчу и даю Сергеевичу ответить. Он не заставляет себя долго ждать:

— А подойти спросить? Меня? Любимого учителя?

— Ну Сергеич... — застенчиво робеет Вовик, видимо, стесняясь того, что нужно говорить дальше. Потом всё же перебарывает себя и развивается. — Вы же не специалист по закалке тела. Каратэ не занимались. Кирпичей не ломаете. Да и вообще не ломали при мне. Вы же чистый боксёр. Чего я буду вас этим тревожить?

— Понятно. — Подытоживает Сергеевич. — Инициативное дерево. Вернее, пара деревьев. Пойдём. Расскажу и покажу, что за онанизм ты практикуешь.

В тренерской Сергеевич сдвигает с шахматного стола какие-то бумажки, достаёт из открытого железного шкафа ноутбук (к огромному нашему удивлению), запускает файл с изображением строения ладони в разрезе (я и не знал, что он использует компьютер, ух ты) и начинает объяснять, показывая на экране:

— Кулак устроен очень сложно: мелкие косточки запястья и пястья, мелкие суставы между этими костями, связки и сухожилия, суставные сумки, соединительно-тканые элементы, мышцы. Если сделать медленную съёмку удара кулаком, видно, как деформируется кулак в момент удара. Потом, правда, возвращается в исходное. Когда ты лупишь в стенку, ты на короткое время, неэффективным образом, напрягаешь червеобразные мышцы, соединяющие пястные кости. Выполнив всего несколько своих дубовых подходов, вы уже ощущаете некоторую «наполненность» кулака. Это связано с тем, что напрягаемые мышцы гиперемировались (в них прилила кровь) и стали чуть короче из-за статического напряжения.

Сергеевич старательно показывает на схеме все детали:

— Из-за этого мышцы стали несколько толще, поэтому при сжатии кулака мышцы более плотно занимают пространство между пястными костями, с одной стороны, и более плотно «стягивают» пястные кости между собой, — с другой. В результате, кулак при сжатии становится более плотным. Это — то, что делаешь ты, Вова.

Сергеевич закрывает ноут и достаёт из того же железного шкафа горсть каких-то деревянных палочек:

— А теперь — правильное решение. Раз уж ты решил пойти по этому пути. Эти червеобразные мышцы пястья надо **качать направлено**. С помощью таких палочек можно прорабатывать абсолютно все глубокие мышцы кисти. Есть целая серия специальных упражнений. Сейчас покажу. Возьмите палку между пальцами, зажмите её боковыми поверхностями пальцев. Теперь сжимайте пальцами таким образом, будто пытаетесь как ножницами перерезать пополам. Сила сжатия должна быть максимальной.

Сергеевич пристально смотрит, как мы старательно исполняем то, что он говорит.

— Продолжительность напряжения: семь-десять секунд максимального напряжения для связок мышц в точках прикрепления к костям. До тридцати секунд статического, но не максимального напряжения — для проработки мышц и связок. В упражнении — не менее трех подходов. Можно больше. В течение дня можно несколько раз повторять.

Сергеич какое-то время удовлетворённо глядит, как мы старательно тискаем палки между пальцами. Потом продолжает:

— Вовик, зная твою оголтелую зашоренность, помни: для восстановления мышц требуется компенсация. Чем более подготовлены мышцы, тем меньший период потребуется для восстановления. То есть, на высоком уровне подготовки, делать упражнения можно несколько раз в день, каждый день. Уже после нескольких дней выполнения упражнений вы почувствуете результат. Кулак обретёт совсем другое ощущение при сжатии. Он станет как бы более наполненным и плотным. Даже уже сейчас, после всего несколько подходов, у вас уже другое ощущение кулака, разве нет?

— Да-аа, — ошарашенно тянем мы с Вовиком.

— Ну вот. Палки можете взять себе. И, братва, я вас прошу: до области — месяц. Если вам ещё придёт в голову какая-нибудь аналогичная гениальная идея — пожалуйста, обсудите её вначале со мной? Возможно, я и в следующий раз знаю более короткий путь туда, куда вам надо. Давайте впредь без подобного онанизма...

— Сергеич, а откуда Вы это знаете? Ну Вы ж чистый боксёр? — взрывается наконец Вовик, которого распирают впечатления. Впрочем, меня тоже...

— Вовик, мне шестьдесят лет, — снисходительно отвечает

тренер. — Из них, я пятьдесят занимаюсь боксом и почти сорок лет — как я закончил институт физкультуры. По боксу, между прочим. Ты меня хоть раз видел пьяным?

— Нет, что Вы! — открещивается Вовик.

— А твой старший брат?

— Сергеич, да все знают, что Вы не пьёте! И никогда не пили!

— Вовик, а что я тогда, по-твоему, делал эти сорок лет? Раз на пьянку, как мы только что выяснили, я времени не потратил ни минуты? А выступать завязал двадцать пять лет назад? — Сергеевич смотрит на нас со снисходительной укоризной и после паузы продолжает. — Я же всё-таки пытаюсь быть специалистом в своей области. И слежу за всеми наработками и в медицине, и в тренировочных процессах и схемах. А поскольку, в отличие от вас, я профессионально знаю и анатомию, и физиологию человека, то за сорок лет накопил определённый запас приёмов, как добиться от тела того, что в рамках нашего спорта боксёр может захотеть.

— Набивка кулака «снаружи» — давно устаревшая технология физкультуры десятого века. Технологии меняются, народ. Проще закалять кулак изнутри. Раз уж засвербило. Впрочем, оно и правда помогает, особенно по корпусу, если кто-то короткорукый типа Шурика... Ладно, пиз-уйте, тренируйтесь. — Завершает он образовательный сеанс.^[3]

Летом горячую воду на спорткомплексе отключают. Типа для профилактики, но на самом деле — для экономии. Ну и в отпуска можно всей техподдержке свалить, раз обслуживать ничего не надо... После тренировки с Вовиком моемся в ледяной воде, пугая окрестности диким криком в момент первого шага под ледяной душ.

Когда пешком идём от спорткомплекса к дороге, на лавочке у аллеи с удивлением замечаю давешнего Колю, одноклассника Аньки, которому платил за залитый планшет.

Сидят втроём с ещё двумя телами и пивом. По всей видимости, пьяное сознание что-то такое ему подсказывает, потому что он встаёт, подходит, и без предисловий начинает:

— Мудила, вот скажи, чего ты влез?

— Ты сейчас о чём? — определённые мысли у меня уже есть, но поговорить — всегда полезно. Для выяснения всех обстоятельств.

— Какого ты со своими деньгами влез в наши отношения?

У-у-у, как оказывается всё сложно... Интересно, они тут случайно?

— Какого ты со своими деньгами влез в наши отношения? — повторяет он. — Пловец х-ев.

Да. Значит, он тут случайно.

— «Сынок», во-первых, у тебя нет с ней никаких отношений. Во-вторых, мне что, тебя — сопляка — спрашивать, что и с кем мне делать? — выжидающе смотрю ему в глаза.

Далее он предсказуемо ударяет меня в голову. Вернее, пытается.

Группа поддержки начинает подыматься с лавочки.

Ну, если так ставят вопрос...

Говорю Вове, отходя на шаг и ставя сумку за спину:

— Не лезь. Ты не со мной. Если что — будешь свидетелем.

Вовик понятливо кивает.

Уходим только через 5 минут. Трое «встречавших» уже приходят в сознание. Напоследок, вытащил из брюк их ремни и стянул им руки за спинами, пусть потрудятся... Снять самостоятельно, кстати, такой «хомут» невозможно — нужны еще 2 руки. Вроде бы, людей на улице нет. Но на случай, если кто-то видел, Вовик — чистейшей воды свидетель. Ни с кем не контактил, стоял в стороне.

Кстати, двое из этих троих уже совершеннолетние — в карманах лежат паспорта с датами рождения.

Захожу домой сменить пакеты в сумке — бокс на плавание — и пообедать. Дома застаю проснувшуюся Лену, сидящую на кухне и строгоющую от большого бруска твёрдый сыр в ожидании, пока сварится кофе.

— О, питаешься?

— Да ну-у-у, мелкий, разве это еда? — явно грустит она.

— А что не так? Полный холодильник еды. И вон в столе куча заготовок. — Я правда не понимаю.

— Так это готовить надо!

— Ну ты даёшь...

Отодвигаю стул вместе с ней от плиты к стене. Достаю баклажаны, чищу специальным маленьким ножом. Мелко режу. Лук, морковь, чеснок — тоже.

В разогретый (за время подготовки овощей) казан с маслом запускаю всё по очереди, начав с лука и баклажанов и заканчивая помидорами и перцем.

Привариваю до полуготовности рис, используя кипящую воду из чайника.

— Любитель риса? — уже оживлённо интересуется Лена, явно в предвкушении.

— Ага. Нравится.

Мясо готовить некогда, потому за полминуты распускаю куриное филе на полоски размером с мизинец и бросаю прямо в баклажаны. Перемешиваю и накрываю крышкой. За 5 минут, пока доходит, режу сыр, колбасу и остатки горбуши на сервировочные тарелки.

— Доктор, прошу, — киваю на накрытый стол исходящей слюной Лене через ещё пять минут.

Она не заставляет себя упрашивать.

— Мелкий, ну, зачёт тебе. — Хрум, хрум, хрум. — Вторые сутки подряд. Я вообще себя редко чувствую маленькой девочкой или предметом чьей-то заботы. Но тебе на кухне это удаётся, мр-р-р-рр.

— Странно, — улыбаюсь в ответ. — мы как будто поменялись ролями в этой ситуации.

— Угум, — говорит с набитым ртом она. — Мелкий, скажи честно. Вот я у тебя вторые сутки — и какие твои ощущения? Что чувствуешь?

— Нормальные ощущения, — удивляюсь. — Мне хорошо. Психологически — комфортно. Ещё я чувствую, что ты вовсе не непробиваемая железная стерва со стальными нервами, а где-то

ранимый и романтичный человек. Во многом разочаровавшийся и закрывшийся бронёй шрамов на месте психотравм. Ну, если упростить, с тобой тут я себя чувствую, как самец с самкой. Вполне нормально то есть. Не знаю, как тебе, а мне и физический аспект важен, — пытаюсь сделать намёк.

— Не-не-не! Не сейчас! Вечером! — открещивается Лена и идёт к казану за второй порцией.

Звонит телефон. Анька. Интересно.

— Да?

— Почему мне Колька только что звонил и просил тебе что-то передать? Что было? Вы виделись? Что произошло?

Абсолютно не горю желанием обсуждать каждый чих; да и тема, как по мне, тупая, потому закругляю:

— Ань, я понятия не имею, почему он звонил тебе (*пожалуй, надо с ним ещё раз «побеседовать»*: Аньку я в наших раскладах упустил из виду, а ей с ним учиться). Только что шёл из спортзала домой, этот твой Коля полез, гм-м-м, конфликтовать, с ним ещё два таких же дебила. Извини, дальше — без подробностей. Со мной всё в порядке. С ними, думаю, тоже (*все частоты были в порядке*).

— Да, он мог, — закусывает она губу, — он просил передать, что был не прав и вроде как извинялся. Но я не поняла, за что.

— Хорошо. Увидимся в бассейне, — и под пристальный взгляд доктора вешаю трубку.

— Ничем не хочешь поделиться? — прищуривает глаза Лена.

— Да чем тут делиться... Бред пубертатный, — и коротко ввожу в курс событий. Лена начинает веселиться. По мне — крайне нетактично. — Ты мне лучше скажи, что дальше делать. Если есть идеи.

— Да я тебе уже говорила. Познакомь нас. Это — не тот случай, когда твоя позиция страуса что-то может решить.

— А как это — позиция страуса? — живо интересуюсь, думая совсем на другое.

— Это — голова в песок при опасности. В надежде, что всё пронесётся мимо и тебя не коснётся, — отрезает Лена.

— Тьфу, блин... а я-то подумал...

После бассейна, вместо обычной традиционной прогулки, волоку Аньку к себе домой. Честно предварительно рассказав, кто у меня дома и что между нами. Она пытается поначалу сопротивляться, но в лоб спрашиваю:

— Ты ко мне относишься серьёзно? Или ещё не решила?

— Не знаю, — честно признаётся она. — Вроде лучше, чем к другим, но на жертвы не готова.

— Ну и пошли разберёмся раз и навсегда. Тем более что Ленка — профессиональный психолог, помимо прочего.

У меня дома Лена накатывает Аньке полную тарелку риса, баклажанов и курицы (на которые я сам имел виды на ужин, эхх, ну ладно), садит её напротив себя и совсем не деликатно выпроваживает меня работать. Ссылаясь на то, что им двоим нужно серьёзно поговорить.

Выхожу на улицу. У перекрёстка покупаю у турков шаурму и пепси и бреду на мойку. С моими нынешними расходами, теперь работу пропускать стрёмно.

На мойке меня уже ожидают. Здоровенный мужик со шрамом через весь лоб, на старом, но ещё боевом «паджеро», прогуливается перед входом, то и дело поглядывая на часы.

— Здравствуйте. Я — Саша. Вы, очевидно, Олег?

— Добрый вечер. Я. Это мы с вами договаривались по чистке салона?

— Точно. Прошу прощения, заставил ждать. Но вы приехали на полчаса раньше. Я подошёл чуть позже Вас, но раньше, чем мы договорились, — сразу снимаю возможный негатив от ожидания. Клиенты — они ведь разные бывают.

— Я без претензий. У меня кое-что изменилось, я наудачу подъехал пораньше. Хорошо, что вы тоже смогли раньше. Держите ключи, я побежал. — И он пытается, разворачиваясь ко мне спиной, сунуть мне в руку ключи.

— Олег, одну минутку! Мне нужно хотя бы 3 минуты, чтоб принять у Вас машину.

— Это обязательно? — досаду его голоса можно намазывать на бутерброд.

— Смотрите сами. Документ я вам должен дать, согласно которому ваша машина у меня — квитанцию о приёме нами машины у вас? Или, если на ней ночью кого-то сожгут, как вы будете доказывать, что оставили машину мне, без этой квитанции?

Мужик резко тормозит и с интересом возвращается обратно:

— Да, логично. Не подумал. Ещё что?

— Ещё — обратная сторона этой же медали. Я сейчас на квитанции отмечу все дефекты кузова и состояние бортовой аппаратуры. Вы подпишете, что это всё было уже в момент сдачи. Бывает такое, что у клиента царапина до нас пара дней — а замечает он её только тогда, когда принимает машину с чистки у меня. Были прецеденты... Не примите на свой счёт, но эти процедуры возникли не просто так, — разговаривая с ним, уже заканчиваю заполнять на квитанции дефектную ведомость на кузов. У нас на квитанции —

схема машины, вид сверху. Нужно просто поставить крестики там, где есть явные дефекты покраски либо вмятины. Я это уже сделал. — Пожалуйста, пять царапин и одна вмятина на капоте спереди. Подпишите, пожалуйста.

— Где вмятина? — удивляется мужик. Подвожу и показываю. — Ты смотри, и правда... Наверное, это Симба... Собака. Она на капот на днях запрыгивала, — поясняет он мне. — Ещё что-то?

— Ещё минуту, — быстро залажу в салон, проверяю всю электронику по алгоритму. — По бортовому оборудованию вопросов нет, всё штатно, — ставлю свою роспись на верхнем листе формы приёма машины. Отрываю верхний лист со своей росписью, быстро ляпаю на него уже подготовленный штамп компании и отдаю мужику. — Возьмите. Теперь, если что-то случится, у вас есть документальное подтверждение того, что вы машину оставили. И оставили её нам. Когда хотите забрать?

— В идеале — сегодня. Сразу после чистки. Может понадобится рано утром по работе.

— Тогда через три с половиной часа. Учтите, будет мокрая. На ночь окна не закрывать — или будет запах. И — поедете на полиэтиленовой накидке, чтоб не промокнуть по дороге от сиденья.

— Хорошо. — Мужик внимательно осматривает выданную ему квитанцию с зафиксированными царапинами кузова, печатью, росписью приёмщика и хмыкает, — ты смотри, прямо мировой класс. Впечатлён. Там, где чистился раньше, так не принимали.

— Не могу комментировать чужие действия. — Не говорить же ему, что эту процедуру один в один я скопировал из прошлой жизни (из регламента приёмки техники на обслуживание). Илья, когда я набросал ему этот бланк и сбросил на его почту для печати, долго удивлялся, хмыкал, и подарил большую коробку шоколада. Они на других объектах по этой форме теперь даже на мойку машины принимают — были прецеденты, когда выручало.

Когда дочитаю этот «паджеро», приходит ещё один звонок от Доктора Два (я так Игоря в телефоне записал).

— Саня, привет ещё раз. Можешь?

— Говорить или подъехать? — смеюсь в ответ.

— Для начала, говорить.

— Да могу, я на мойке.

— О. Это хорошо. Помнишь Касаеву? Тридцать первая неделя, твоя «санация»?

— Да, хорошо помню. Что-то не так?

— Всё так. Её муж просто в больницу уже хочет укладывать, до самого финала — им так по семейным обстоятельствам удобнее. Чтоб уход обеспечить. В ту больницу тебя уже не пустят, ясное дело. Так она хочет, чтоб ты напоследок взглянул. Чисто бабский псих, как по мне.

— Взгляну, мне не сложно. Учитывая размер гонорара, что они нам дали... Почему не взглянуть...

— Вот и отлично, — не даёт Витальевич мне договорить до конца фразу. — Ты до сколько сегодня чистишь?

— Да уже закончил, почитай. Сдать клиенту — и свободен.

— Заедь, пожалуйста, как освободишься? Она у нас мужа ждёт, он не понятно во сколько освободится, так что успеешь в любом случае.

— Хорошо, — пожимаю плечами.

Мужик со шрамом на лбу как чувствует. Я заканчиваю укладывать коврики в салон, когда он появляется. Машу ему рукой, чтоб шёл принимать работу. Принимает не придирчиво, в конце просит:

— А можно как-то от влажных сидений защитить на час? Мне заехать за женой надо, чтоб она на мокром не ехала?

Думаю секунду, потом честно отвечаю:

— Есть водоизоляционные накидки на сиденья, GOOD ROAD. Наши, мы их только для себя используем. Они дорогие, по пятьдесят долларов. Подарить либо продать не могу — это часть нашего инструмента. Но на время, если завтра завезёте, могу одолжить. Ночью они мне без надобности...

— Спасибо. Во сколько утром вернуть?

— Начиная с восьми утра — в любое время.

— Хорошо. Могу оставить задаток, если хотите, сто долларов за

две накидки.

— Да не нужно. У нас нет причин вам не доверять. — Мужик и правда производит положительное впечатление *во всех спектрах*. — Телефон ваш у меня есть. Мой у вас тоже. Если что-то изменится — можем созвониться.

Быстро надеваем с ним две накидки на передние сидения.

Пока мужик выгоняет машину из бокса и объезжает здание вокруг, на выезд, я уже закрываю двери снаружи. Он притормаживает возле меня и в окно спрашивает:

— В какую сторону? Подвезти?

Секунду думаю, прикидываю маршрут:

— Если не сложно. Мне через Новый Мост. Сразу на той стороне.

— Ух ты... Сам туда же... Поехали.

По дороге пытаюсь угадать, о чём Лена говорит с Анькой. И почему не говорит мне о результатах разговора, могла бы и позвонить. Ненавижу теряться в догадках.

Мужик, переехав Новый Мост, притормаживает возле НОВОЙ КЛИНИКИ и говорит:

— Я приехал.

— Совпадение. Мне в это же здание.

Прощаемся, чтоб в вестибюле встретиться с Витальевичем и С.В.

Витальевич подходит к этому Олегу со шрамом, С.В. — ко мне. Перебросившись парой фраз, выясняем, что все — по одному поводу. Олег и есть муж Касаевой.

— Ну ничего себе! Совпадения, — бормочу, особо не скрываясь.

— Так это ты? — широко открывает глаза Олег который «Шрам».

— Ну, — развожу руками.

— Да, он у нас ещё на мойке работает. Принципиально. — врезается Витальевич. — Ладно, пойдёмте.

— А в чём проблема? Что не так? — пытаюсь выяснить

обстановку перед осмотром?

— Да всё так. Особо ни жалоб, ни нареканий. — Роняет Олег, когда мы всей толпой валим по коридору. — Просто у нас это первый ребёнок, где-то поздноватый, просто нервничаем. Она — больше меня.

— Понятно. Попробуем успокоить.

Касаева действительно взвинчена, но моментально успокаивается, когда подхожу я:

— Здравствуйте, — даже улыбается. — Посмотрите, пожалуйста, ещё раз перед больницей?

— Конечно. — Доктора и муж за спиной о чём-то переговариваются, потому говорю назад, — тишина в зале. Пожалуйста.

Концентрация. Скан. Всё в порядке, хм. Ещё раз скан. На всякий случай, прохожусь по ней частотой «покоя», переключая её с частоты стресса. Она моментально успокаивается, даже ритм дыхания немного меняется.

— Всё в порядке, — отмираю я. — Тьфу три раза, всё хорошо. Ребёнок вообще спокойнее матери. С моей стороны, никаких проблем. Единственный момент: у ребёнка чуть подстёгнут метаболизм (*но я этого объяснить не буду никому лишнему, кроме докторов — кажется, после моей санации*), роды могут начаться на неделю раньше. Ну, плюс-минус (*вижу, что частота ребёнка уже почти полностью автономна*). Этого не нужно бояться, к этому просто нужно быть готовым, — всё это говорю, обращаясь только к докторам, но Олег и Касаева тоже внимательно слушают.

Заканчиваем чаепитием у Витальевича в кабинете. Касаеву зовут Марина, она очень приятная в общении, достаточно мягкая и, в отличие от Олега со шрамом через весь лоб, на всех действует умиротворяюще и успокаивающе.

— На курс массажа когда пойдёшь? — спрашивает Олег. Мы уже освоились, и нормально общаемся напрямую.

— У меня спорт пока. Через месяц соревнования. Готовлюсь на область. Те курсы, которые хочу — что Сергей Владимирович рекомендует — начнутся только с 10 сентября. Так что, в любом случае, смогу пойти только в сентябре. В других курсах смысла не

вижу: на этих — и знания с навыками на уровне, и диплом — государственного образца, это курсы повышения квалификации от министерства.

— А-а, понятно... — Кивает Олег. — А что за спорт?

— В этот раз — бокс. Ещё плаваю.

— О, где тренируешься? — оживляется он. — Бокс, в смысле.

— У Солопова, на АВАНГАРДе.

— Знаю Солопова! А я у Дондукова на МЕТАЛЛИСТЕ в своё время. — Вижу, что на него накатывают ностальгические воспоминания. — Солопов, кстати, тоже у Дондукова начинал. Но на двадцать лет раньше меня.

— Я слышал эту историю от Сергеича. Типа что Дондукову под восемьдесят — его ещё Сергеич молодым тренером помнит — а он до сих пор тренирует.

— Да уже не тренирует, сидит у ринга и смотрит, как другие тренируют... Ещё буквально лет десять назад даже сам в ринг вылезал, что-то показать мог. А сейчас, конечно, уже только рядом сидит. Но и то молодец!

В этот момент звонит мой телефон. Незнакомый номер. Пожимаю печами и отвечаю:

— Да?

— Александр Стесев?

— Да. Это я.

— Управление ...безопасности по ...области. Александр, нам необходимо встретиться.

— Извините, вы не представились. Я могу спросить ваше имя и звание?

— Майор Кузнецов.

— Господин майор, какова цель нашей встречи? Сама беседа официальная? Каким документом будет подтверждён официальный характер беседы?

— Александр, я настоятельно советую прислушаться к тому, что я говорю. И прибыть по адресу, который будет сообщен.

В принципе, к такому разговору я на всякий случай готовился, ещё когда изучал правила местного периметра (тут называют законами). И знаю, что нужно говорить. Немного действует на нервы, что все резко затихли и внимательно слушают меня, но мы не всегда можем выбирать места контактов и конфликтов:

— Господин майор, вы в курсе, что я — несовершеннолетний? Согласно статьям 484 и 486 УПК, Вы не имеете права ни на какие процессуальные действия со мной без присутствия моего законного представителя или опекуна: родителей или бабки с дедом. Я категорически отказываюсь общаться в нарушение действующих процессуальных норм. В каком качестве вы меня приглашаете на беседу?

В трубке виснет небольшая пауза, потом голос явно на взводе выдаёт:

— Очень жаль, что ты не хочешь прислушаться. Хорошо, пойдём другим путём.

Пожимаю плечами и вешаю трубку. Чего-то подобного в этом обществе логично было ожидать. Местные люди очень болезненно относятся ко все ресурсам, будь то деньги, люди либо необычные способности и возможности. Здесь мало быть полноправным членом общества, чтоб чувствовать себя свободным. Здесь ещё нужно уметь свою свободу периодически отстаивать то от самого общества, то от отдельных личностей, как правило, облечённых властью.

Подняв взгляд, вижу, что на меня смотрят четыре пары широко раскрытых глаз. Спрашиваю:

— Что?

— Кто это звонил? — первым включается С.В.

— Понятия не имею. Представился майором Кузнецовым из Управления безопасности по области.

— Что хотел? — спрашивает Олег странным тоном.

— Говорил, что нужно встретиться. Мой ответ Вы слышали.

— Блин, а я ведь вас предупреждал, — оборачивается Олег к обоим докторам. Которые почему-то сидят с явно виноватым видом.

Хотя, лично мне не ясно, в чём именно они виноваты. Да и вообще, ничего ж не произошло? Ну звонил какой-то местный дебил,

так мало ли их?

Почему-то во всех спектрах напряглись доктора и возбудился Олег:

— Ладно, хорошо, что я тут. Всё как специально сложилось. Кузнецов, говоришь? — набирая номер, он бросает нам через плечо, — Всем тихо! Ало, дежурный? Генеральная прокуратура. Начальник четвёртой службы Бахтин. Код... Пожалуйста, представьтесь.

— ...

— Пожалуйста, зарегистрируйте наш запрос на совместную проверку действий ваших сотрудников, постановление скоро подвезу лично.

— ...

— Нет, не центрального аппарата. Область. Диктуйте входящий номер, я записываю... — Олег делает круговые движения рукой; С.В. хватает ручку, бумагу и под диктовку Олега записывает какую-то абракадабру.

— Пожалуйста, обеспечьте мне связь с дежурным по департаменту внутренней безопасности. Три минуты? Да, на этот номер, жду.

Олег вешает трубку и открывает рот, чтоб что-то объяснить, но в этот момент его телефон звонит опять. Перед тем, как ответить, он секунду смотрит на определившийся номер:

— Служба спецпрокуроров, Бахтин.

— ...

— К вам сейчас дежурный по вашему секретариату спустит наш запрос на проверку действий ваших сотрудников. Запрос срочный. В течение пятнадцати минут от этого момента — время вашего звонка я зафиксировал — жду организации взаимодействия.

— ...

— Нет. Проверка будет сегодня и сейчас.

— ...

— Подполковник, я же с вами не договариваюсь. — Олег отрицательно качает головой, как будто собеседник по телефону его может видеть. — Я вам из вежливости сообщаю. Или вам параграфы зачитать?

— ...

— Нет, не центральный аппарат. Область. У меня на руках — заявление несовершеннолетнего. Звонили ему с вашего оперативного телефона из списка, я этот номер случайно знаю лично. Раньше пересекался. Вам Конституция и приказы Самого — не указ?

— ...

— Вот заодно и проверим накладки в протоколах связи. Из зданий областных управлений. Подполковник, вы лично планируете соблюдать регламент? Наш Генеральный не спит, вы знаете, как он вас «любит». За нами не заржавеет.

— ...

— Отлично. Сейчас буду.

Теперь все смотрят такими же квадратными глазами на Олега. Все, кроме жены. У неё в глазах — умиротворение и обожание, хе-хе. Так интересно наблюдать за влюблёнными парами. Интересно, а у нас с Ленкой такой ж потешный вид со стороны или нет? Надо будет у неё спросить. Она — психолог, сто процентов знает.

— Так, боец, срочно взял лист и написал заяву, — засовывая телефон в нагрудный карман, командует Олег, кажется, мне.

— Что именно писать?

— Отступи поллиста. Пиши с середины. Шапку потом вставишь и я кое-что допишу. Готов? Заявление. Сегодня, дата, время, на мой мобильный номер такой-то поступил телефонный звонок с номера такого-то. Точно укажи номер, с которого звонили! Написал? Далее. Звонивший, представившийся сотрудником управления... майором Кузнецовым, в нарушение процессуальной нормы статьи 446 УПК, игнорируя мои законные требования о присутствии моих законных представителей, требовал незаконной встречи со мной, не раскрывая цели разговора.

Пишу медленнее, чем он диктует. Он вздыхает, встаёт и делает несколько шагов.

— Ввиду возможного несоблюдения органами спецследствия моих законных прав, как несовершеннолетнего гражданина, прошу разъяснить мне мои права в установленном действующим законодательством порядке. Так, зачеркни «органами спецследствия», этого не надо писать... Пиши дальше. В случае подтверждения поименованных нарушений, прошу принять меры для восстановления процессуальной законности в отношении меня. Дата подпись. Написал? Теперь шапка: Начальнику службы специальных прокуроров Генеральной Прокуратуры Бахтину О.М. Копия: Начальнику ДВБ ... Центрального Аппарата... службы... Так, специализированный суд не пиши... Суд я сам заполню, если понадобится...

От такого обилия действий и информации все, кроме Марины, сидят с красными лицами и напряжёнными взглядами. Я дописываю всё, что сказал Олег, передаю ему лист и спрашиваю:

— А что дальше?

— Да тут старая ботва... Есть у нас ещё товарищи, которые местами никому вообще не товарищи... Это чекисты тебя хотели через свой негласный аппарат провести, чтоб лично плюшки контролировать. Формально это категорически запрещено — учитывая, что ты несовершеннолетний. Войны нет. Реальных оснований нет. Но граждане же своих прав не знают. Потому часто прокатывает, особенно с молодыми, как ты. Ещё наши внутренние детали: у нашего Генерального с их начальником службы какие-то личные ревности взаимные ещё с тех пор, как они в Союзе в Зайсане вместе служили. Так-то и семьями дружат, и общаются, жёны вообще вместе всюду ездят, но в таких вопросах — у нас команда: давить их, как тараканов. Если будет за что. Особенно в части соблюдения конституционных прав граждан. Процессуальные нарушения с несовершеннолетними — вполне себе основание... Если это — тот Кузнецов, на кого я думаю, у меня ещё старые вопросы накопились, не было возможности задать... Это даже хорошо, что он тут так подставился... Но то уже не ваше дело, пардон.

Доктора во всём этом действии выполняют роль зрителей театра, поглощённых процессом. Марина, извиняясь, говорит:

— Ребят, извините, отвезите меня домой?

— Конечно! — вскидывается Витальевич. — Серёжа, ты с нами?

— Да, наверное, — двигает бровями С.В.

— Игорь, дай ключи от кабинета, мне с бойцом ещё пять минут надо, — командует Олег и требовательно протягивает руку. О, оказывается, они не чужие.

— Зачем тебе ключ? — вопросительно сверлит Олега взглядом Игорь. — Ты изнутри закрываться собираешься?

— Нет, ты что! — отрешивается Олег. — Чтоб кабинет закрыть, как окончим!

— Ну обойдётся без ключа в таком разе. Хлопните дверью, как пошашите, внизу на охране скажете, чтоб закрыли. Я охрану предупрежу.

— А-а-а, да, точно... Пойдёт... У вас же тут просто больница, — соображает Олег.

Процессия из докторов и Марины скрывается, закрыв за собой двери, а Олег начинает ходить из угла в угол и излагать:

— Смотри. Могу тебя не впутывать. Тем более, это — наши внутренние тёрки между службами. Если коротко, есть Государственный курс на стопроцентное соблюдение законности в *Процессе*. Курс — личная команда и пожелание «Папы». С интересами страны, по логике, тоже совпадает. Но есть на местах люди, которые местами думают и хотят жить иначе. За их «подвиги», «Папа» потом дрюкает нашего Генерального и получается, что виноваты мы.

— То есть, куролесят чекисты, а шишки — на вас?

— Точно. Конкретно Кузнецов — раньше был неплохим чуваком. Не буду говорить, откуда, тебе не по рангу, но раньше я его уважал. Местами. Мы и лично знакомы были. Сейчас в управе он совсем берега потерял. Не в твоём случае, ты — это так, мелочь. В гораздо более крупных моментах. Получается, что государственный курс конкретно Кузнецова местами не касается. Оно бы и хрен конкретно и с ним, и с курсом, но у нас, как у организации, есть свои интересы. И вот их Кузнец регулярно задевает. Ну, за ним ещё люди из их центрального аппарата есть. Их напрямую не прищимишь, но хоть так — через их людей. При старом начальнике их отделения они здорово куролесли. Мы их прихватить не могли — без деталей, тебе не по уровню. Да и тема с грифами. Но — запомнили. И ждали

момент. Сам Кузнец хотел на место начальника отделения. Но когда старый эн о ушёл на пенсию, Начальник Службы вернул кое-кого из-за границы и Кузнец с этим креслом пролетел. В итоге — местами озлобился, считает весь мир виноватым. Все, кто его знает, понимают, что это — до первого залёта. Все просто ждали. Вот сегодня звёзды сложились так, что из твоего, достаточно небольшого эпизода, у меня получится зацепиться и старые клубки поразматывать: несовершеннолетние — отдельная внутренняя политика, все процессуальные нарушения в адрес несовершеннолетних приказано гасить чуть не топором. Приоритет номер один.

— Спасибо, конечно, что вмешались. Вы думаете, я бы сам не разобрался? Можно откровенно?

— Попробуй. — Вижу, что Олег напрягся.

— Мне очень не нравится, когда что-то решают за меня. Вернее, пытаются решить за меня. Разумеется, от этого Кузнецова я б пытался отвязаться. По мере своих невеликих сил, которые не переоцениваю. Но чем Вы сейчас лучше, Олег? Вы же тоже меня сейчас ни о чем не спрашиваете, вытягиваете в ваши разборки?

— Так, понятно. Тяжёлый случай. Ты, кажется, не понимаешь, что тебя сейчас не втягиваю, а наоборот пытаюсь вывести из процесса... Ну давай поговорим. Три минуты. — Олег садится на стул и закидывает ногу за ногу. — Ты сейчас его поставил на место и задел. Шестнадцатилетний пацан — бравого почти сорокалетнего майора. Как ты думаешь, он утрётся? Или попробует добиться своего? Уж не знаю, с какой целью он тебя на встречу звал.

— По логике, должен попробовать добиться своего? Ну вряд ли он чего-то достиг бы к сорока, если б его запросто мог отвадить шестнадцатилетний пацан. Правильно?

— Правильно. Соображаешь. Как ты думаешь, что он теперь попытается сделать?

— Вот тут не знаю, — мимо воли заинтересовываюсь. — А какие варианты, исходя из Вашего опыта?

— Два варианта. Первый — если новый начальник отделения даст карт бланш. Тогда Кузнец может задействовать официальный ресурс управления и плавно подвести тебя к решению тех задач, которые он бы от тебя хотел видеть. Но, думаю, до этого не дойдёт:

их новый начальник — крайне «правильный» пацан, к тому же переведён из-за границы, ему б самому в прокуратуру, кстати... Он с законом играть точно не будет. А своих интересов у него нет — он из такой семьи, что там все интересы на три поколения в порядке...

Олег на секунду прерывается, сбрасывает входящий звонок, мельком глянув на номер, и продолжает:

— Второй вариант. Кузнец через знакомых в полиции задерживает тебя на положенное по закону время вообще силами местного райотдела. За что задержать — найдут, согласен? — Киваю в ответ, — А там, даже за несколько часов, рычагов влияния на тебя намного больше. Развивать тему?

— Хм. Понял. Спасибо, развивать тему не надо. Извините, был не прав. Я не предполагал, что в наше время может идти речь о таком произволе. — Считаю важным объясниться.

— Эх, Саня, — Олег, вставая, хлопает меня по плечу. — Вот поэтому я сейчас вместо дома и жены поеду в паучатник ишачить. Чтоб такого произвола местами было меньше... «Папа» говорит, у нас сейчас может получиться то, во что мы раньше не верили: реально правовое государство и работающее гражданское общество. Ладно, это тема не сейчас и не тут... Значит, смотри. Твой номер у меня есть, я занёс в память. Если ВДРУГ у тебя какие-то непонятные контакты с полицией, другими государевыми людьми — просто поставь меня на быстрый набор и сбрось звонок. Это — на всякий случай. Команда действительна в течение трёх суток. За трое суток мы разберемся.

— Понял. Спасибо.

— Пока не за что... Я думаю, спасибо звёздам, что правильно сложились: с твоей заявой, теперь и сам управлюсь — мне теперь есть за что зацепиться. Твой звонок мне — резервный вариант. Если вдруг задача полиции уже стоит, стоит неофициально, и эту задачу, гхм, не совсем чистоплотные полицейские уже решают.

— Понял. — Вижу, что он колеблется в каком-то вопросе, потому честно продолжаю, — Олег, я вижу, вы думаете, сказать или не сказать что-то ещё.

— Да, думаю. Ладно, говорю. Лично мне проще было вообще тебе ни о чем не говорить. Подождать, пока чекисты тебя прихватят — не важно, сами или через ментов. И уже на том этапе вмешаться.

Свои «палки в конце квартала» я б закрыл без проблем, на таком этапе — даже лучше. Но я сейчас не то чтоб подставляюсь, скажем, работать буду свехурочно. И в рамках работы — идти на конфликт. С не самыми последними людьми, у которых свои корпоративные интересы. Не последний момент, конечно, в том, что ты Марине помог. Говорю откровенно: если б не это — сигнал я б отработал, но явно не с таким рвением. Просто у нас там, — тычок пальцем во потолок, — постоянно говорят, что жить в говне будем до тех пор, пока не начнём с говном бороться в каждом конкретном случае. Вот как-то и нас заразили этой идеей, да. Как ни смешно. Ты — просто хороший пример. Как полезный — на первый взгляд — феномен — помощь со здоровьем — в условиях перекошенной Системы может либо не развиться во что-то по-настоящему великое. Либо — вообще попасть под пресс чьих-то личных интересов и в итоге свалить из страны, как оно обычно сейчас и происходит. Ладно, это всё уже политика, я потому и не хотел эту тему трогать, чтоб пафос не нести. Погнали.

Он встаёт, быстро выходит и уже с лестницы через плечо говорит:

— Выведи мой номер на три дня прямо на экран. Накидки завтра на мойку завезу.

Дома застаю Лену, наполовину пустую бутылку «Лафонтана» и полное отсутствие еды. На фоне орущего телевизора.

— О, Мелкий, привет. Ты вернулся? А мы тут посидели. С Ануш.

— Ты и Аньку поила? — киваю на полупустую бутылку.

— Нет, ты что. Это я с ней наобщалась, проводила, потом сама в одно горло решила стресс снять.

— А с чего стресс? О чём говорили?

— Ну-у, стресс лично у меня от того, что я на себя со стороны смотрю: тебе наша текущая ситуация не кажется нестандартной?

— Есть немного, — улыбаюсь в ответ. — Но каждая настоящая Личность должна быть готова жить не по шаблону.

— С точки зрения психики, отход от шаблона — как раз и есть

стресс. Ладно, я ещё нормальная... Только тебе пожрать ничего не оставили, извини.

— Да ладно, фигня. Сейчас споровим. Ты ещё есть хочешь?

— А что будет? — интересуется Лена.

— Кальмар. Чтоб быстро.

— Да-а-а-а. Буду-у-уу.

Ставлю воду на плиту. Пока закипает, размораживаю в микроволновке кальмара. Быстро потрошу, мою и пластаю на полоски. Бросаю в кипящую воду. Пока отваривается, готовлю соус из зелени, бальзамика и карри с чили. На гарнир быстро готовлю в микроволновке пять булочек из теста номер один — полстакана кефира, стакан муки. Что хорошо, за две минуты уже готова булка.

Раскладываю по тарелкам и набрасываюсь на свою.

— Мелкий, в общем, я пьяна, потому могу признаться. Я сам от себя не ожидала. Мне тут хорошо. В смысле, и тут хорошо, и с тобой хорошо. При этом, я чувствую себя педофилом. Педофилкой. В общем, ты понял.

— Понял. Тебя смущает разница в возрасте.

— Смущает. Нет слов, насколько.

— Лен, а когда эта разница, с твоей точки зрения, может стать критичной?

— Ну-у-у, годам к сорока. То есть — тебе к сорока, мне, соответственно, позже.

— Так чего сейчас ломать голову о том, что будет актуально через четверть века? Тебе не кажется, что это маразм?

— М-м-м-м-м-м, да-а-а. Но эмоции пьяной женщины — страшная штука.

— Не надо было пить.

— Ну, — легко соглашается она.

— Лен, я — спать. Ты будешь ещё тут или ...? — показываю на телевизор.

— Нет. Я тоже спать. Программа за сегодня перевыполнена, — бормочет она со второго раза засовывая ноги в тапки.

Управление ...безопасности по... — кой области. Игорь Кузнецов, не смотря на все старания — пока всего лишь заместитель начальника отделения, специально дал себе остыть час. В «горячем» состоянии никаких действий планировать нельзя — это правило. Горячка — это неточность в оценке ситуации. Планы, рождённые под влиянием эмоций, очень редко обходятся без последствий. Хотя, этот пацан, конечно, выбесил. Пытается играть в умного, скотёнок.

На его права никто не покушается. Живи, дурак! Но от обязанностей уходить тоже не стоит, право. В обществе живёшь, не сам по себе.

Последнее время дела у Игоря не ладились. Должность начальника отделения, на которую он давно «облизывался» и которая, по всем неписанным правилам, должна была принадлежать ему, пролетела мимо носа и досталась пришлому «снаружси». Андрей, этот пришлый, вроде и ничего пацан, но, во-первых, моложе. Во-вторых, большую часть времени проработал за границей и, пропитавшийся тамошними порядками, не «рубил фишку» во внутренних неписанных правилах.

Правило первое: ресурсы должны управляться.

Второе правило: ресурс без хозяина — потерян для страны. Ну и, чего уж, для того, кто на место хозяина может стать...

Третье не правило, скорее пожелание: хозяин своей судьбы — ты сам. Если у тебя проблемы, всё не ладится, виноватых нет. Виноват ты сам. На любое неправильное стечение обстоятельств надо, собравшись, ответить работой. Над собой и ситуацией.

Уже под сорок, мимо должности пролетел. Финансов у ровесников, подавших в бизнес, намного больше. Жена, после общения с подругами — женами этих товарищей — вздыхает и героически ничего не говорит — думая, что он не видит.

Ну да, есть квартира, машина, дача, элитное медобслуживание, но это так, стандарт. Норма жизни. А жизнь проходит. И ничего «острого», в хорошем смысле, в ней не предвидится. Реальной работы не много, что бы ни писали СМИ. На текущих задачах ни имени, ни миллиона не сделаешь. А в серьёзные проекты надо исхитриться встрять. Потому что во главе каждого проекта уже

есть свои люди, такие, как те, кто с должностью начальника отделения прокатили. Коз-з-злы...

Ладно. Пацан — это возможность. По служебной инфе, из сотни тех, кто орёт, будто он — экстрасенс, реальными способностями обладают только два процента. То есть, один из пятидесяти. Пацан, кстати, о себе ничего не орёт. Просто тупо ходит в областную больницу и, судя по докладу агентуры, помогает в острых случаях. Как помогает — не понятно, вотчина главврача.

Вот для начала, разобраться бы с тем, что этот пацан может. Если получится — усилить. Ресурсами Службы, и тренировкой под присмотром. Есть в Службе свои учебные центры... И, помимо нового начальника Андрея, есть люди и повыше. Только к ним надо идти с конкретным делом. А не с догадками и прожектами.

Андрей, мудака, официально поддержать отказался. Ещё тонко намекал. На толстую перемену всего. Щцас! Разбежался слушать... Ты вначале с моё послужи, потом учить будешь...

Остаётся второй вариант. На связи есть люди в полиции, обязанные кое чем. Сейчас организуем взаимодействие и пускай этого скотёнка менты, для начала, примут. Там поговорим... Даже за несколько часов можно многое успеть.

Ладно. Звоним, чего ждать. Уже остыл. Работаем. Теперь можно.

— Коля, привет.

— О, Игорюня! Какими судьбами? В футбол в субботу чего не пришёл играть?

— Да были тут дела... Новый босс, есть что делать. Помимо футбола. Коль, мне помощь нужна.

— Какая? — голос в трубке подобрался.

— Да пацан 15 или 16 лет. Мне бы с ним побеседовать.

— Тю! Так вызывай и беседуй? В чём затык?

— У меня нет формальных оснований его дёргать. Да и тема по моему профилю — надо бы подкатить потоньше. Давай я тебе на него сброшу, что у меня есть, вы его допробьёте и буквально на пару часов с улицы дёрнете?

— ...

— Коль, не молчи.

— Игорь. Звучит не очень. Как бы в анналы не попасть.

— Коль, я не давяю. Нет — так нет. Но я ж не для себя пекусь. Тема горячая, всего сказать не могу. Если соблюдать все инструкции — нас всегда обходить будут. Я ж не ларёк от алкашей защищаю... О прошлом напоминать не буду: вопрос — не личный, служебный. Сам не могу в его рамках решить. Если откажешь — буду считать, не судьба. Без обид.

— Ладно, не агитируй... Х-й с тобой... Шли, что за тип, для начала.

— Договорились.

Здание центрального аппарата... службы ... безопасности. Одна из комнат для спецпереговоров. В комнате — начальник службы специальных прокуроров О. Бахтин и заместитель начальника департамента внутренней безопасности службы И.Т. Комаровских.

— Игорь Трофимович, вот — постановление на негласную проверку вашего сотрудника. Вот — санкция спецсуда. Пожалуйста, читайте, расписывайтесь. Мой экземпляр — если можно, сейчас мне обратно, свой можете потом почитать. У меня мало времени. Время в углу поставьте своей рукой. Да, так. Спасибо.

— Олег, от чего так с места в карьер?

— Игорь, руководство Генпрокуратуры очень озабочено игнорированием вашей службой вообще, и вашим лично департаментом, в частности, прямых распоряжений «Верхнего» командования. Ваши процессуальным кодексом только что жопу не подтирают. Меня очень удручает, что о противоправных действиях ваших сотрудников вам сообщаю я, а не наоборот, — глядя в глаза с короткой дистанции, говорит Бахтин. — Я — не ваш руководитель, но мне, в отличие от вас, на многое не плевать. И, помимо личных интересов, у меня есть моё понимание служебного долга.

Замначальника ДВБ краснеет, глубоко вдыхает, медленно выдыхает, и тихо цедит сквозь зубы:

— Не нужно вешать ярлыки...

— Боже упаси, — перебивает его «прокурорский». — Какие ярлыки, только работа. Пожалуйста, предоставьте мне все расшифровки разговоров с этого телефонного номера, согласно постановления, для начала за последние сутки.

— Хорошо, сейчас займёмся, — хмуро бросает замнач ДВБ.

— Игорь Трофимович, не сочтите за хамство, не знаю, как у вас, а у нас на задачу отводят лимит времени. — «Прокурорский» по прежнему исподлобья смотрит в глаза чекисту. — Эта проверка имеет распланированные этапы. На этап предоставления **этой** информации, по плану, отведено пятнадцать минут. Вот — график проверки с визой Генерального. С вашим начальником службы согласовано. Хотите, он вам сейчас позвонит, продублирует?

— Спасибо, не надо, — цедит чекист. — Олег Николаевич, мне нужно время на получение информации от «связистов».

— У меня с собой незаполненная санкция. Специально для связистов. И как угадал о санкции спецсуда — на выемку истории звонков с расшифровками — тоже позаботился. Подождёте, пока заполню? — неожиданно дружелюбно спрашивает «прокурорский». — Только писать буду минут пять, вам времени тогда меньше десяти минут останется.

По истечение срока — не обижайтесь. Вы — сам себе хозяин, мы вам не указ, но я докладываю генеральному, что ДВБ центрального аппарата... службы ... график проверки не исполняет. О причинах вашего личного саботажа — доложите сами, я ж тут не хозяин, — излишне дружелюбно завершает «прокурорский». — Не смею приказывать, гы-гы.

Чекист берёт лист бумаги, читает, плотно сжав зубы, молча кладёт лист на стол и выходит распорядиться.

Через 15 минут, оба слушают запись: «...жаль, что ты не хочешь прислушаться. Хорошо, пойдём другим путём...»

— О-о-о-оуу, ва-ауу, ну-у-у, Игорь Трофимович, — явно лучится счастьем «прокурорский». — У меня уже нет вопросов по результатам проверки конкретного сигнала. Давайте добьём следующие звонки, и можно прерваться. А то мне ещё за санкцией спецсуда на меру пресечения ехать... Кажется, вы чай предлагали?

Ставлю следующий звонок: «...Коль, я не давлю. Нет — так нет. ... Тема горячая, всего сказать не могу. Если соблюдать все инструкции — нас всегда обходить будут... Сам не могу в его рамках решить. Если откажешь — буду считать, не судьба.»

От светящегося лица спецпрокурора, кажется, можно прикуривать. Комаровских напротив — хмур и молчалив.

— Игорь Трофимович, спасибо за содействие! У меня нет больше вопросов, генпрокуратуре в моём лице всё ясно. Сейчас ещё вот ребятам звякну — пусть в полицию наведаются. Там, похоже, ещё похлеще вашего: ваши хоть свой долг своеобразно понимают, а те вообще готовы исполнять частные заказы посторонних лиц. Впрочем, это уже не к вам... С ментами мы сами разберёмся, да...

— Олег, зачем ты это всё затеял? — пристально глядя в глаза, спрашивает Комаровских. — Всё те ваши старые тёрки?

— Ну, раз мы на ты... — Бахтин не отводит взгляд. — Игорь, закон в этой стране один. И вы — его исполнители. Слуги закона, если угодно. Вы в своей службе по какому-то недоразумению себя перепутали. С хозяевами. А «Хозяин» об этом предупреждал — что не надо так делать. Но у вас — своя свадьба, вам же всё пох-й. Вот у меня есть команда, которую я выполняю: двум законам в одной стране не бывать. А тут — такой шикарный повод. По итогам этой проверки, сейчас будет вынесено решение о более широкой проверке. Эта — была «в отношении...». Следующая — будет уже «по факту...». По многим подразделениям. Поскольку у вас явно метастазы. Твой этот сотрудник — мелочь. Неудачно попал под руку. Ну или наоборот удачно — как посмотреть. Проблема в ином: вы **все** так думаете, как и он. Вы **все** искренне считаете, что законов два: для всех и для вас. И, раз уж мы «на ты», не сочти за труд: подпишись о неразглашении результатов проверки...

— Издеваешься?

— Нет. Я — парень простой. Инструкции соблюдаю буквально. Мало ли что тебе сейчас в голову взбредет.

— Да не буду я никого предупреждать! Сейчас в два часа просто уволим за дискредитацию...

— Ваше право. У меня пока вопросов нет. Соревноваться с вами в скорости не буду: я сейчас на работу. Дорога от вас — как раз мимо спецсуда. Если до того момента, как я буду проезжать

спецсуд, ты мне сам позвонишь и скажешь, что Кузнец отстранён, санкцию на меру пресечения брать не буду.

— Да считай, уже и отстранён, и уволен! Но время дайте? Ты же понимаешь, что мне сейчас надо целое цунами подымать для этого?

— Так не подымай. Я сейчас пойду, возьму санкцию — и сам ему определю меру пресечения. На основании этих вот материалов. На своё усмотрение. Потом — обжалуйте, отменяйте. Если получится... Я ж никого не неволю!

— Что-то мы делаем неправильно, — пронзительно глядя в глаза, тихо говорит Комаровских.

— Игорь Трофимович, ты мне на жизнь хочешь пожаловаться? Так давай, жалуйся! Я тебе тоже пожалуюсь! Что одни жопы мнут, вместо работы, и их специально вызывать надо — из-за их сотрудников! Ты не подумай, я не о тебе, что ты! Ты ж наверняка в здании был, когда я приехал, это просто здание у вас оху-ть какое большое — и ты сорок минут по зданию маршировал, служебную обязанность исполнить! Так, к слову пришлось! А люди из другой службы в полночь ещё не ясно когда спать лягут! Потому что работать приходится и за себя, и за... Всего доброго. Не прощаюсь. Полночь уже была, так что сегодня ещё увидимся.

Мы уже спим после всего, когда звонит мой телефон. Олег, который прокурор. Беру трубку, одновременно выходя из спальни.

— Саня, спишь?

— Уже нет. Слушаю внимательно.

— Ладно, потом доспишь... Я по делу, могу замотаться, забыть — чтоб ты был готов. Помнишь, мы говорили, что у звонившего тебе в клинике взрослого парня есть два варианта дальнейшего общения с тобой?

— Да, очень хорошо помню, — тут же врубаюсь с полоборота. — Будет какой-то из двух вариантов? Может, всё-таки третий — и меня проигнорируют?

— Хе-хе, не мечтай, второй вариант. Уже запущен. Автора этого запуска мы уже... м-м-м... В общем, головы, отдавшей команду,

можно не опасаться. Но голова рукам и ногам успела скомандовать. Ты понимаешь, о чем я, в рамках второго варианта?

— Очень хорошо понимаю. Продолжайте.

— По идее, руки и ноги, перед работой, голову должны ещё раз спросить. Чтоб взаимодействие наладить. Мы сейчас занимаемся головой, тут у неё в её здании ещё несколько таких же голов-родственников оказалось... пока не можем оторваться. К рукам и ногам приступим позже. Пока не ясно, когда. На всякий случай предупреждаю: мой номер держи на экране. Если что — просто тисни звонок. Я буду знать, что делать. Рукам укорот дадим сразу, но пока нет возможности тратить на них драгоценное время — пока местные головы всё не позабывали. Ну, пока. Спокойной ночи.

— И вам.

— Хе-хе, шутник, — весело ржёт Олег на том конце провода. — Мы теперь поспим хорошо если завтра...

Помещение без окон со столом и двумя стульями, намертво прикреплёнными к полу. Друг напротив друга сидят Бахтин и Кузнецов.

— Привет, что ли? Тебя просить представиться для протокола? — не поднимая глаз от заполняемого листа, спрашивает Бахтин.

— Ой, Бахтин, не доставай. Кузнецов Игорь Олегович. Не помнишь? — бросает второй собеседник.

— Помню. Но есть порядок. В принципе, можем и просто так поговорить. Мне это, — тычок пальцем на стопку бумаги на столе, — уже до лампочки. Я свои задачи решил. Ты в курсе, почему ты здесь?

— Предполагаю. Тёрки между Вашим и Нашим. Сведение счётов. Решили через меня кое-кого в центральном аппарате зацепить.

— Мда, Кузнец... С сомнением у тебя всё в порядке... Нет. Не поэтому. Официально довожу. Ты обвиняешься в превышении служебных полномочий и в покушении на незаконное лишение свободы несовершеннолетнего. Сюда плюсю преступный сговор с

ментами — которых ты агитировал тебе помочь. Сговор пресечён. По результатам негласной проверки (тебя же), обнаружено: твои внеслужебные контакты с некоторыми офицерами МВД имели систематический характер. Расшифровка твоих телефонных переговоров за период ... м-м-м... нескольких месяцев однозначно доказывает регулярность, что уже говорит в пользу ОПГ. С тобой во главе, Кузнец.

— Какая ОПГ? — Кузнецов ошарашен. — Ты это серьёзно? Бахтин, ты это *мне* говоришь? Это я организованно и преступно зажирел, загнил и берега попутал?

— Зажирел — нет. Спору нет. Ты не хануга. Ты — искренне дурак... Загнул — промолчу. У каждого своё ощущение реальности. Берега попутал — однозначно да.

Недолгое молчание, во время которого Кузнецов берёт себя в руки:

— Так, ну расшифровку телефона ты физически не мог получить без санкции, так что...

Бахтин, хищно улыбаясь, достаёт из папки два листа и подвигает их к Кузнецову. Кузнецов пробегает по тексту глазами:

— Печально... Значит, меня просто «сливают». Вероятно, у нас «перетряска». И мои от меня просто отказываются. Либо — мною откупаются.

— Нет, Кузнец. Ваши как раз из всех сил пытались вставить палки в колеса. И спустить всё на тормозах. На уровне ДВБ. По инерции. Просто всё меняется. А вы живёте прошлым. Ты — это очень хороший пример того, как нормальный человек ... ладно, с чего мне тебя агитировать... В общем, твои игрища с шестнадцатилетним пацаном, которого ты ментам скомандовал упаковать — это уже днище. И ты искренне не понимаешь, как в том анекдоте, «за чтооооо?», — явно кого-то передразнивает Бахтин.

— Так это ты из-за этого пацана прицепился? — широко открывает глаза Кузнецов. — Ещё ж не сделано ничего?

— Во-первых, менты уже стартовали. У тебя хорошие друзья, Кузнец... Во-вторых, у меня другие задачи. Ты очень переоцениваешь себя. Потому делаешь неверные выводы. Цель — не ты. И даже не

твоя братва в центральном аппарате. Цель — отработка одного упражнения. Отгадаешь, какого? И — кто автор упражнения?

— Да не расположен я сейчас к догадкам...

— Упражнение называется «Стопроцентное соблюдение процессуальных норм. В масштабах государства». А автора теперь отгадаешь?

Что-то неуловим меняется в лице Кузнецова и он после паузы спрашивает:

— «Сам» что ли?

— Он. Иначе как бы ваш Директор и наш Генеральный спелись... Теперь давай заново. Почему ты попал под замес?

— Тебе кратко? Или подробно?

— Нам пока спешить некуда. Можешь подробно.

— «Папа» затеял игру в справедливость. Сразу оговорюсь — не скажу, что я против. Просто как-то это...

— Нереально?

— Да. Именно. Это просто нереально — в привязке к жизненным реалиям. Каламбур получился...

— Кузнец, если б это было нереально, ты б сейчас тут сидел?

— Тоже верно... А ведь Андрей говорил, ч-ч-чёрт. Я подумал — мелет чушь «мальчик»...

— Андрей далеко не «мальчик». В отличие от тебя, у него есть родители.

— Да уж...

— И он от родителей о новых «играх» и новых проектах «Папы» узнаёт, в отличие от тебя, почти что из первых уст. И сразу. Так что — зря ты его не послушал.

— Бах, я не предатель. И не преступник. Что, кроме пацана, мне ещё вменяете?

— Хватит и пацана. Это, ни много ни мало, покушение на незаконное лишение свободы несовершеннолетнего. По нынешним временам «нового курса» — более чем достаточно.

— У пацана — способности. Реальные. Хотел понять, какие именно. Признаю.

— «Паковать» зачем?

— Так привычнее. И какая-то гарантия получения от него ста процентов информации со стопроцентной достоверностью.

— То-то и оно. Ты всё решил сам. Насрав на все правила вокруг. — Бахтин предупреждая поднимает руку, останавливая пытающегося что-то сказать Кузнецова. — Вот как ты сам думаешь... Суд, когда ты это будешь говорить, как отреагирует? Когда на вопрос Гособвинителя ты честно ответишь вот то, что ты мне только что сказал?

— Понятно как...

— Ну видишь. Ты и сам всё понимаешь.

— Бах, давай заново. Я не отрицаю, что если выхлоп с пацана был бы, я б не отбивался от плюшек, премий и повышений. Не отбивался бы. И с удовольствием положенное бы принял. Но чем угодно поклянусь, что это — далеко не все соображения. Лично для себя б его не держал «в рабстве»! И от государства результаты не скрывал бы. Если б я хотел — я давно б с золота жрал, и уж об этого пионера ни рук не марал бы, ни времени б не тратил. Это если б я только бабок хотел. Ну или шире — материальных благ. На моей должности.

— Какие интересные слова... Государство. Ещё скажи — Родина... Кузнец, а для этого пацана — что есть Родина?

— Понятия не имею. Могу сказать только за себя.

— Зря. А я тебе скажу. За него. Для него Родина — это дом, где он живёт. Бабка с дедом. Школа, куда ходит. Чтоб улица по дороге в школу — без воря и алкашни. Чтоб учителя в школе — не неудачники, а как в Китае: уважаемые люди с не самой маленькой зарплатой. И твои служебные необходимости ему — до одного места. Тем более, твои надежды и чаяния. А действия твои, чтоб его вербануть, сто процентов незаконны. Вот поэтому ты тут, Кузнец. Для него Родина — это с девкой нормально по улице идти. И чтоб менты его при этом ни за что не попетали — просто потому, что взрослому дяде вдруг понадобилось то, что у него в голове. Ну или в других частях тела. Чтоб мать его с ума не сходила, когда

менты его по твоей команде изолировать на неопределённое время будут. Когда и телефон отрублен, и пацан из школы домой не попал.

— Мда уж... какая-то я сволочь крайняя получаюсь, да? — одним углом рта улыбается Кузнецов.

— А ты и есть она. Другое дело, что ты сволочь не от личного сволочизма. А искренне по тупости. Все привыкли, что наша «... строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения». Привыкли все — и вы первые. Вот ты — это показательный пример **всем**. Что так думать — ошибка.

Бахтин встаёт со стула и начинает ходить по помещению. Кузнецов слушает, не поворачивая головы.

— «Папа» не строит иллюзий на тему того, что стоит ему только щёлкнуть пальцами — и все тут же с пробуксовкой кинутся исполнять. Он наоборот считает, что надо будет много раз приказывать, карать, снова приказывать — потому, что рефлексy. У Системы есть рефлексy. И эти рефлексy Системы, **устаревшие на сегодня**, надо заново переучить либо перестроить. Каждый винтик Системы — хоть и такой, как ты — **должен до боли в ушах бояться нарушить единый для всех закон**. — Бахтин выделяет интонацией последние слова.

— Понял. — Коротко бросает Кузнецов. — Банкуй. В таком разрезе, всё понятно. Родине нужны мёртвые герои. Не в том смысле, что убитые — а в том, что на чьём-то примере будут дрессировать оставшийся личный состав.

— Воооот. — тянет Бахтин. — Наконец, ты правильно оцениваешь ситуацию.

— Ну, в таком разе, у меня вообще нет шансов выскочить. Одних телефонных разговоров за год хватит, чтоб... не подумай, что трясусь за себя. Просто вслух анализирую.

— Верно. Всё верно понимаешь.

— Сам чего сюда ехал?

— Будешь смеяться. Сейчас скажу — самого от пафоса тошнить будет.

— Да не боись. Мне не до смеха.

— Хотел посмотреть на человека, которого когда-то уважал.

Когда было за что. Хоть и без особой любви.

— Молодец, посмотрел. — Без эмоций говорит Кузнецов.

— Кузнец, один хрен, это уже ни на что не повлияет. Но вот скажи мне. Без протокола. Ты правда искренне считаешь, что вправе гнуть через колено любого — даже мальчишку — если тебе это только **покажется** целесообразным для твоей работы и каких-то мифических интересов Государства, которое, если что, из таких вот людей и состоит?

— Есть элита. Есть плебс. Если без протокола — вот тебе мой ответ.

— Спасибо за откровенность. Вот мы и докопались. Кузнец, есть такая фигня — называется гордыня. Вот её «Папа» и сказал лечить в первую очередь. И лично от меня: есть мнение, что Бог — если он есть — иногда разговаривает с человеком языком жизненных обстоятельств.

— Ты это сейчас мне серьёзно?

— Ну, человеку, который хватается на улице пацана ради того, что ему только померещились какие-то божественные способности у одного — вполне нормальное объяснение, нет?

— Уел...Нечем крыть...

— Ладно. Поговорили — и будя. Я зачем ехал-то... Живи, Кузнец. Твой, как говорят по-модному, кейс переквалифицируется из «в отношении...» в «по делу...». От нас вердикт: неполное служебное соответствие. Резюме по кейсу — на усмотрение твоего героического командования. Вскрытые обстоятельства показали, что подобный уход от процессуальных норм сегодня — не исключения, а правило. То есть, пока в масштабах страны инфа не обработана и даже не до конца собрана, но картина ясна. Её теперь только перевести в читабельный вид. Из ямы нужно вылезать постепенно, чтоб не оторвать себе что-то нужное... Каждый случай разбирается индивидуально. В «ручном» режиме. «Наш» «Вашему» на тебе показал, что хотел...

— А зачем тогда весь этот антураж? — Кузнецов удивлённо обводит рукой вокруг себя. — По-человечески нельзя сказать было?

— А ты бы по-человечески не понял. А твоё героическое командование — и подавно. Тебе твой босс, сам говоришь, пытался

сказать. И что, сильно ты его послушал?

— Согласен...

— Это хорошо, что ты резко стал способен на компромиссы, — ржёт Бахтин, — га-га, всего-то несколько часов тут... А как меняется сознание, скажи?.. По итогам твоей проверки, стали проверять твоих ментовских товарищей. По ним вскрылось такое, что они, как ты, «неполным» не отделаются. Тебя придержал на время, необходимо для завершения всей работы по ним. Ну и заодно — у меня свой приказ. На твоём примере — последнее китайское предупреждение. Вам и всей Системе. Такие случаи быстро разносятся... так что, ты теперь знаменитость, поздравляю. В узких кругах.

— В этом случае, эффективнее было бы довести вопрос со мной до логического конца. — Бесстрастно бросает Кузнецов. — Печальный конец в качестве примера действует эффективнее. Для качественного примера, меня логично не отпускать, а по полной утрамбовать, нет? В чём подвох?

— Ну-у, без ложной скромности, кое что решаю в этой теме и я лично... На «печальные примеры» пойдут другие. Менее чистоплотные, чем ты, в мотивах, скажем мягко. Про тебя скажут — тебе просто повезло. Справедливости ради, откровенно корыстного умысла в твоих действиях нет.

— Это мне тебе спасибо теперь сказать надо, да?

— Своё спасибо оставь себе. Считаю, я с тобой за Валька т о г д а рассчитался.

— Это ещё помнят?..

— Кому надо — все всё помнят. Кузнец, ты меня как не слушаешь... Позиция «Папы» — мы не ищем виноватых. У нас нет цели покарать. Мы просто решаем задачу — навести порядок и исправить процессы. Исправить так, чтоб этого твоего деления на элиту и плебс не было. Почти что твоими словами. «Папе» уже не сорок. И не пятьдесят. Видимо, задумывается о том, что останется после него. И со своей колокольни считает так, как считает. Идея не новая — ты и сам не против. Просто мало кто в неё верит. Ну да, как сказал Наш, «...Христос тоже с двенадцати человек начинал...».

— Ладно, в любом случае спасибо. Не смотря на то, что сотрудииков, уволенных в запас либо фигурировавших в таких вот сюжетах, на службе не восстанавливают...

— Кузнец, у тебя не только с самооценкой нет проблем. С наглостью тоже. Ты не понимаешь, что мог как организатор ОПГ пойти? Со всеми вытекающими? Именно для иллюстративности примера? Чтоб все увидели: если даже **этого** — вот так, то что с остальными будет? Которые ещё и реально в чём-то замазаны?

— Да понимаю, извини... Это нервы...

— Ну успокой свои нервы. Ты — зарвавшийся и тщеславный дурак, это моё личное мнение. Который не научился под сорок лет отличать хорошее от плохого — если речь о методах работы, и инфантильно живущий по принципу «а я так хочу» — при постановке задач. Не слушающий даже прямого начальника. Но человек ты не говно, в вопросах, касающихся служебной эффективности и «денежной чистоты рук», чего уж там. «Папа» понимает, что изнутри Систему не сломаешь. Физика... Только снаружи.

— А что у нас снаружи Системы? — удивляется уже пришедший в себя Кузнецов. — Только вы. Да и у вас, давай откровенно, ты — очень большое исключение. По кличке «Маразм»...

— Точно. Потому «Папа» в узком кругу соратников, куда и Наш, и Ваш, входит, решили создать независимую структуру. Тебе предложение оттуда сделают. После того как отсюда выпнут, это, сам понимаешь, не обсуждается. Дальше — тебе жить.

— Спасибо, наверное, всё равно скажу... Предложение сделают твоими молитвами?

— Оставь своё спасибо себе. Скажем, результаты наших проверок принимаются во внимание. А человек с кличкой «Маразм» определённый вес имеет, как объективная независимая оценочная величина. Которая никогда не гребла под себя. И ездит в сорок с лишним лет на машине жены. У тебя ж детей нет?

— Пока не сподобился.

— А у меня скоро будет. Первый. Вот я сейчас стараюсь делать так, чтоб на его долю говна осталось хоть чуть, но поменьше. И чтоб его такой, как ты, с этими деятелями из райотдела, не

трамбовали «ни за что — просто по щучьему велению». Ладно, будя сантиментов. На всякий случай, на будущее, как отсюда выйдешь: за ментов — друзей своих — себя не казни. Они, в отличие от тебя, не бессребреники. И не в интересах дела куролесили. Так что, им — по заслугам. Подробности узнаешь, как выйдешь. Бывай.

Приятные утренние занятия прерывает телефон. Вначале звонит Олег. Трубку подымаю сразу:

— Слушаю.

— Ты дома?

— Да.

— Накидки я на мойку завёз. Отдал женщине в очках.

— Да, всё правильно. Благодарю за точность. — Улыбаюсь по телефону.

— В продолжение ночного разговора. Отбой тревоги, можешь не волноваться. У нас получилось всё закончить.

— Спасибо. — Не знаю, как его благодарить более развёрнуто, но он, кажется, в этом и не нуждается, поскольку сразу отключается.

Ещё через минуту телефон снова звонит, и снова крайне не вовремя. На этот раз — оба доктора с одной трубы, включенной на громкую связь. Начинает С.В.:

— Саня, ты сейчас сильно занят?

Я не успеваю ответить, как подключается И.В.:

— Есть разговор. Мы тут кое-что придумали, хотим с тобой обсудить. Когда можешь подъехать?

— Если позволите, через небольшую паузу.

— Ладно, только до обеда, хорошо? — это опять С.В.

— До обеда — точно буду.

Не успеваю я повесить трубку, как раздаётся звонок в дверь. Пока влезаю в спортивные трусы и иду к двери, буквально за двадцать секунд звонок переходит в стук и глухой голос из-за двери вещает:

— Полиция, быстро открыл!

В следующие десять секунд опрометью успеваю несколько вещей: первое — набираю с телефона видеозвонок Олегу. Телефон ставлю к стенке коридора так, чтоб в фокус камеры попадал весь коридор до входной двери. Второе — открываю дверь во вторую комнату и запускаю в фейсбуке прямую трансляцию с видом также на коридор. Хорошо, интернет не выключаю в целях экономии времени — живу последние дни по секундомеру. Третье — в правую руку беру теннисный мяч. И четвёртое — открываю двери.

В двери вваливаются два каких-то небритых мужика (правда, трезвых) и одновременно говорят:

— Так, быстро собрался — едешь с нами. — Это первый.

— Александр Стесев? — Это второй.

Держу в голове, что идёт сразу две трансляции. но при даме пасовать — как-то не комильфо. Потому только губами обозначаю:

— Пошли на — й, клоуны. — Звук в трансляцию не попадает, у техники не хватит разрешающей способности.

Небритые мужики приступают к выкручиванию мне рук. Ну, как приступают. Пытаются. Терять мне особо нечего; что происходит — я не понимаю; потому не до миндальничания. Одному бросаю в лоб предусмотрительно захваченный теннисный мяч (двух мужиков за дверью я, естественно, почувствовал. Как и обе их нервные системы, фонящие адреналином). Бросаю быстро. В принципе, удар от мяча — так себе, как газетой. Но даже шлепок по лбу, плюс скорость столкновения, ошеломляют на секунду. Тем более — этого малоспортивного борова.

Пока он отшатывается назад, вскидывает ладони ко лбу, смотрит на мяч, отлетающий от его лба, опускает ладони, зачем-то смотрит на них — просто бью второго по корпусу. Ощущение как железной трубой ткнул в мягкую подушку. Не боец — выбывает.

Первый тем временем судорожно начинает лапать что-то подмышкой.

Не хочу угадывать, что там может быть: местные пока живут исключительно механикой и химией, в моём спектре их вооружение не ощущается. Неожиданности могут быть самые неприятные.

Но мы находимся в 1G. Видимо, тело на генном уровне что-то всё-таки помнит. Потому, как дома на полигоне, делаю шаг вперёд,

бью его правой в корпус, делаю шаг назад и сбиваю с ног левым крюком в голову. Делаю на максимальной доступной мне скорости и концентрации — сзади чувствую, что Лена не утерпела и вылезла за моей спиной меня спасать. Исполняю по «науке»: моё тело уже идёт назад, но кулак при этом ещё летит вперёд. Сергеевич называет это умным словом «фиксация».

Скорость чуть не рассчитываю. Вернее, в стрессе недооцениваю. Пока выполняю все эти телодвижения, теннисный мяч от лба первого всё ещё летит рикошетом мне за спину. Где закономерно встречается с Леной. Если точно — прилетает ей прямо в лицо, район глаза. Похоже, бросил ещё и слишком сильно.

Лена шипит что-то матом, также выбывает из строя и, прижав к одному глазу руку, окинув целым глазом побоище в коридоре, исчезает на кухне.

Повторяю знакомую операцию стягивания рук этим двоим их же ремнями. В темпе, чтоб не терять времени, мало ли что, подхожу к телефону, подымаю его с пола и обращаюсь к Олегу:

— Видели?

— Да, всё видел! Саня, извини мудака, накладка! Уже еду к тебе! Закрой дверь и никого не пускай! Если эти будут шевелиться — не тормози! Я отмажу! Прости дурака! Щас разберусь, как так вышло!

Кажется, местные вообще не управляют своим адреналином.

В течение пятнадцати минут квартира становится похожей на дурдом.

Первым пешком по лестнице, не ожидая лифта, прибегает Олег. Его топот слышу секунд за двадцать до его появления. С трудом выдыхая (кажется, бежал от машины), выдает порциями:

— Саня! Прости! Мои доложили, что сейчас всё закончат — я подумал, АГА! А они, оказывается, этих придурков в отделе ждали! А эти сразу к восьми утра к тебе двинули! Накладка! Саня, прости! Не спал ночь — не сообразил переспросить, что и как!

— Да без проблем. Всё же в порядке в итоге. — Протягиваю ему литровую картонную бутылку с соком. Он присасывается всеми своими габаритами и осушает её в один присест.

— Саня! Бля, извини! — и ударяет себя в грудь рукой, сжимающей остатки сока в бутылке. Остатки сока, естественно, под давлением выплёскиваются ему в лицо. Он отшатывается назад, резко отбрасывает бутылку, спотыкается о того, кому в лоб прилетел мяч, дёргается, как от тока, подпрыгивает и приземляется второму на ногу. Второй с криком боли ногу из-под Олега выдёргивает, подбивая его — и Олег, взмахнув руками, тоже падает в коридоре, глухо впечатав чью-то голову в пол.

В этот момент, в незакрытую дверь ужом проскальзывает какой-то странный тип в одежде, полностью закрывающей лицо, с каким-то местный стволом, который держит двумя руками, хищно обводя этим стволом всё помещение.

Двигается очень быстро. Не как я. Но очень близко. Достаточно быстро, чтобы, в отличие от всех прочих, представлять реальную опасность даже для меня. Особенно с оружием в руках.

Чёрт, только жить начал заново. Девушку нашёл. И Лена сейчас сзади.

Судя по тому, что этот последний держит свой ствол двумя руками, оружие имеет мощный патрон. Местные стенки может и пробить. Дома б точно пробило.

Все эти мысли проносятся, как вихрь, когда отзеркаливаю его шаг и движусь ему навстречу.^[4]

Он почти успевает перевести ствол на меня. Почти. Но мой сигнал в нервах мощнее.

Плюс, местное оружие не сенсорное, а контактное. Это первое, что я выяснил. Иначе говоря, местным мало замкнуть пальцем контакт на спуске. Им нужно надавить на курок мышечным усилием. А всё стрелковое оружие (по крайней мере, которое видел в интернете я) сделано под управление пальцами рук. Мышца, сжимающая палец, проигрывает бедренной в разы. Иначе говоря, пока его палец выбирает слабину ну курке, я уже делаю шаг влево-вперёд, сбивая ему прицел и подходя вплотную.^[5]

Ура. Успел. Вблизи его агрегат мне не страшен.

Перехватываю правой рукой ствол, но левой хлопнуть по магазину не успеваю: этот парень преподносит очень неприятный сюрприз. Он успевает сделать шаг назад и палец уже давит на курок.

В этот момент нас настигает истерический крик Олега с пола:

— СВОИИИИИ!!!

Парень резко поднимает ствол из «горизонта» к плечу, делает ещё шаг назад, и в этот момент в двери появляется его «близнец». Тоже одежда, закрывающая лицо, и такое же снаряжение.

Олег, вскарабкавшись между двумя лежащими телами на четвереньки, машет в таком положении руками и кричит:

— Свои! Отставить!

Лена выглядывает из кухни в одной моей майке. Сквозь майку видно, что под ней — только полосочки на бёдрах. Лена держит под глазом холодное сырое яйцо из холодильника.

Я помогаю Олегу подняться, и он, обретя твёрдость в ногах, начинает распоряжаться или докладывать, я так и не понял:

— Этот — свой, — тычок в меня пальцем. — Эти — те, которых Худой ждёт в ментуре. — Тычок пальцем в два тела на полу. — Но они-здесь.

Поворачивается ко мне и, тыча пальцем в «близнецов» со стволами, говорит:

— Физзащита!

Не знаю, что это, хотя по контексту почти ясно. Отмечаю, что на Лену все пялятся больше, чем стоило бы, если думаешь о безопасности или защите.

Самое интересное, подходя к Лене, физически ощущаю, что она совсем не взволнована.

Как интересно.

Все в стрессе.

Лена — спокойна, как кирпич. Расспрошу, когда всё отгремит...

Двое «близнецов» со стволами оказываются ещё не всей группой поддержки. Я вижу всего пятерых, но возможно, кто-то остался на улице: у них налажена тактическая радиосвязь между членами группы, и первые, проникшие к нам, дают отбой остальным. Вызвав ещё пару поддержки — увести первых двух.

Наконец, всё стихает. С нами остаётся единственный из поддержки (которую Олег называет физзащитой).

— Саня, извини, спасибо! Извини! — Олег всё ещё по инерции обнимает меня каждые двадцать пять секунд, пытаясь при этом что-то написать. Потом плюёт на это и говорит:

— Ладно, щ-щас! — Быстро набирает какой-то номер на экране телефона и кому-то командует:

— Сеня, физики повезли этих ментов к нам. Никого к ним не пускай — я сам скоро буду, пресечение лично оформлю. Позвони в спецсуд Шостаку — только под стражей. Тут целый букет, но я сейчас в стрессе, грамотно не сформулирую. Отбой.

Удерживаюсь от шутки, что в стрессе должен быть я. Кажется, сейчас это будет лишним. И обстановку не разрядит.

Ещё через некоторое время, успокоившись, Олег с «близнецом» пьют с нами чай, героически отводя взгляд от Лены, которая сменила мою майку на мою же футболку (но всё равно просвечивающую, потому всё равно всё видно).

— Саня, накладка, — в двадцатый раз объясняет Олег. — Их в отделе ждали!

Ладно, пусть расскажет ещё раз. Ему надо успокоиться. Я подожду.

Под чай и нервы, остатки вчерашнего кальмара и булок со стола испаряются. Что бы им ещё дать? Режу сыр и колбасу, по окончании которых придётся идти в магазин.

Последний «близнец», оставшийся с нами, снял свою шапку, закрывающую лицо. Вблизи — человек как человек. Не скажешь сходу, что они могут так интересно двигаться. Я уже остыл, потому думаю, что дело всё же не в скорости, а в эргономичности движений. Надо будет проанализировать на досуге.

"Близнец", дуя на пар в чашке, говорит гораздо спокойнее Олега:

— Олег Николаевич, тут в адресе есть что-то, что вам нужно из доказухи взять с собой на оформление?

— Да шут его знает... Саня, я всё видел — но чем чёрт не шутит. У тебя случайно телефон не записывал картинку?

— Телефон — нет. Комп — писал трансляцию на фейсбук, могу сбросить файл.

От избытка чувств, Олега заклинивает на время. Опять объятия.

Через ещё две чашки чая, «близнец» спокойно говорит, отсмотрев «кино»:

— Ловко. Где-то служил?

— Он несовершеннолетний, — влезает Олег. — Какое служил? Выглядит старше.

— Я боксом занимаюсь. Серьёзно. В серьёзном месте, у серьёзного тренера. — Считаю нужным снять все вопросы на всякий случай. — АВАНГАРД, Солопов. Заявился в основной состав на ближайшую область. В зале — постоянный партнёр выступающего мастера спорта в своей категории. Не скажу, что всё время проигрываю в одну калитку, Солопов говорит, второе место точно займу. В финале точно буду вместе с нашим первым.

«Близнец» и Олег успокоено кивают головами.

— Тут — сами понимаете, стресс. Эти двое не представились. Полезли в квартиру. У меня — девушка, ещё и голая. — Понимающие кивания Олега и «близнеца» только что не отрывают им головы. Косясь на Ленины прелести, оба даже покраснели. Ну, скажем, я вижу приток крови, не только в оптическом режиме. — Пусть первое место не займу на области, хотя ещё посмотрим; но вход в призёры — уже кандидат. При этом представительстве на турнире, так как сетка уже почти известна (привираю, но пусть проверят. Мало ли кому известна сетка, когда все всегда мухлюют с жеребьёвкой).

Отпиваю чай и продолжаю:

— Я даже понять ничего не успел. Испугался — раз. Эти драться полезли — а они не спортсмены. Я же не знал, кто они, мало ли. Бил в полную. Голый кулак — перчаток нет.

Судя по успокоившимся Олегу и «близнецу», объяснение всех удовлетворяет. Закрепляю результат:

— Ну, а лезть на выступающего почти что мастера спорта по

боксу, с кулаками... сами понимаете.

— Ну. Слава богу. — Подытоживает Олег.

— А чего за ствол Юрку хватал? — индифферентно интересуется «близнец». — Он ведь мог и дырок наvertеть. Хорошо, обошлось.

— Так а я откуда знаю, кто он? — опешиваю. По моему, так очевидно.

— То мой косяк, — врезается Олег. — Я вам позвонил сюда ехать, сам быстрее успел. Потом поскользнулся, наебнулся, пардон дамы! — Салют Лене чашкой, — а Юрик решил, что тут меня кончают. А Саня решил, что Юрик с ними. Слава богу, рассосалось.

— Не то слово... — бормочет «близнец». — А то б «спасли» пацана...

— Саня, ну мы погнали, — тактично отворачивается от Ленкиных прелестей Олег в коридоре через пятнадцать минут, литр чая, кальмара, булку и колбасу. — В принципе, по тебе вообще вопросов нет — видеозаписи хватит. Больше точно никого не увидишь, можешь спать спокойно! Без твоих родителей допрашивать не позволю, не парься. А их в стране нет, гы-гы. Даже свидетелем не дёрнем. Спасибо за запись! Возможно, кто будет звонить — отправляй ко мне. Вот моя визитка, с титулом. Читай прямо с неё либо фотографируй — и отправляй тем, кто позвонит, изображение визитки. Скажи, подписку давал лично мне. Без моего присутствия, на вопросы, в интересах следствия, отвечать не будешь. Ну, этого не понадобится, но на всякий пожарный, — всё ещё не может успокоиться Олег.

— Олег Николаевич, да не переживайте вы! Всё ж уже в порядке! — не выдерживаю я в конце концов.

— Эхх... Ладно, пока! — и все наконец исчезают из моей квартиры. «Близнец» дисциплинированно ждёт Олега на лестничной клетке, говоря, что после таких приключений его одного теперь точно не оставят до окончания. Окончание чего — не уточняют.

Наконец, мы остаёмся вдвоём.

— УУУУфффф. Слава богу! Лееен, а у нас неоконченное дело осталось, — организовываю себе логичную и доступную разрядку, поскольку пубертатному телу она сейчас нужна. — Только одну вещь скажи.

— Мелкий. Тебе — как на исповеди. Спрашивай, что хочешь, — отвечает она через плечо, не отрываясь от мытья посуды за гостями. — Видишь, даже посуду мою. Постепенно превращаясь в твою покорную рабыню. Хи-хи.

— А ты заметила, что ты — единственная, кто вообще не испугался?

— Ха, естественно. Ты же со мной. Ты контролировал ситуацию, — отвечает она. — Я видела, что ты контролируешь. Чего мне бояться? Только этот свой теннисный мяч ты крайне неудачно швырнул. У меня теперь бланш вокруг глаза.

— Во как, — удивлённо чешу затылок, — ты такая отчаянная?

— Мелкий, я вижу, когда мужик — это мужик! Значит, справишься. Эти двое, что пришли — нет. Ну, как неудачники рядом с кем-то посерьёзнее... Не знаю, как пояснить... В общем, Мелкий, опытная женщина чувствует. Когда — надо бояться, когда — нет. Не боялась потому, что не было страшно. Страшно не было потому, что рядом был ты. Не спрашивай, лучше, чем так, не объясню.

Она наконец домывает посуду и направляется в комнату:

— Ты меня удивил. Факт. Не ожидала. Хотя-я-я, ожидала. И не сомневалась. Такой вот парадокс... Ладно, иди сюда — давай теперь я тебя удивлю, как взрослая женщина. Разок. Или пару, хи-хи...

Не успеваю я сделать два шага в направлении спальни, как настойчивый телефон напоминает, чтоб уже почти обед. И что меня ждут доктора.

— Лен, я забыл, блин, у меня встреча.

Лена возвращается в коридор и загадочно смотрит на меня:

— Мелкий, я тебя поддержу в любом решении. Как Пенелопа. Ночевать явишься? Мне завтра на работу, вещи дома. Я и так у тебя на два дня зависла, как цыганка. У меня, пардон, даже прокладок с собой нет. Одежду твою ношу. И только по дому. Не знаю, как быть. Тебя тут ждать? Домой поехать? Пожалуйста, сориентируй свою Пенелопу по дальнейшим планам.

— Сейчас — встреча. Потом — плавать. Потом — домой заскочу пожру. Потом — в зал. На чистке сегодня два салона, оба уже заехали, и один третий очень просил его успеть, полуторный тариф. Так что, обратно я, наверное, ближе к ночи. — Виновато развожу руками. — Лен, ты не подумай. Я очень хочу с тобой остаться, и никуда не ходить. Но взрослая жизнь — она такая, блин, не получается делать, что хочешь. Есть такое слово «надо». — Демонстративно делаю грустные глаза, когда получаю от неё подзатыльник.

— М-м-мда-а-а уж. То есть, перекладываешь решение на хрупкие женские плечи?

— Ты выше меня ростом, если что.

— И возрастом старше, да... Мелкий, вот ты заметил, что увиливаешь от конкретного вопроса?

— И в мыслях не держал. — Подхожу к ней и кладу руки ей на талию. — Едь за своими вещами, возьми в дверях ключи, у меня есть ещё комплект. Мой дом — твой дом.

— Хм. Вот так всё просто? — Лена смотрит на меня правым глазом, закрыв полностью левый.

— А чего сложности плодить. Тебе тут хорошо?

— Мр-р-р-р, да-а-а.

— Ну а мне хорошо, когда ты рядом. Вот и решили.

— Ну ладно, уговорил. Языкастый. Хи-хи.

— Лен, проблемы и сложности в жизни были и будут всегда. Но самая большая тупость неудачника, по-моему, это вовремя не понять, кто твой близкий человек. И остаться без него или её оставить без себя.

— Эх, Мелкий, если б все мужики так думали... Вернее даже, если б хотя бы понимали... Ты — золото. Кстати. Сегодня я ещё свободна днём. Может, слазить с тобой в твой бассейн?

— Давай. Купальник возьми и шапку. Остальное у меня есть. Приедешь прямо туда? ДФК «ВОЛНА».

— Да. К сколько?

— 14.30 — вход в бассейн. В 14.45 — вход в воду.

— Договорились. Позвоню перед выездом.

Одна из рабочих комнат, примыкающих к кабинету генерального прокурора. За столом, расположенным буквой «П», друг напротив друга сидят Бахтин и генеральный прокурор. Перед каждым лежит своя стопка бумаг, каждый внимательно просматривает листы своей стопки. Генеральный Прокурор перелистывает последний лист и поднимает голову:

— Ну что, Олег, дали им просрать, хе-хе? — Взгляд пожилого уже человека весел и необычно бодр.

— «...Каждому — по делам его», Сергей Семёнович. Всё пропорционально личным заслугам. Ничего лишнего.

— Мы давеча касались **Темы**, — генеральный показывает пальцем в потолок, — «Папа» по безопасности и ментам только что трактором не проехал. В основном, на основании твоих материалов. — генеральный выжидательно смотрит на Бахтина.

— Так и снова, «каждому — по делам его», шеф. Я же, как тот парень из кино, «мзду не беру». И раньше, а теперь — и подавно. Мы столько осиных гнёзд разворошили, что я всерьёз думаю, а к Марине в больнице охрану не приставить ли... Остальные мои коллеги,

вероятно, конфликты лишний раз не обостряют. Вот и получается, что все шишки в лесу — от Бахтина.

— Да оно понятно... «Папа», кстати, подымал тему, кто после меня сюда, — генеральный многозначительно хлопает два раза по подлокотнику кресла. — Те, кто сейчас в кустах отсиживается, чтоб потом к победителям присоединиться, сам понимаешь, всем видны. И потом всё припомнится. А насчёт охраны Марине — брось... Не в Италии живём. Ты — винтик государственного курса, Олег. Те, кто реально что-то мог бы тебе лично противопоставить, от этого курса себя не отделяют. А те, кто и рад бы что-то сделать, не того уровня, чтоб тебе их бояться.

— Сергей Семёныч, есть ещё такое слово — беспредел. Зажатые в угол крысы бывают весьма отчаянными. За себя не переживаю. Но надавить на меня, при желании, реально. Вон, к одному пацану менты вообще в дом вломись. С оружием. До этого — безопасность по беспределу вербовать пыталась. Пацан — несовершеннолетний, почти сирота.

— Это как?

— Родители за бугром. Он типа с бабкой и дедом. Но какой с тех присмотр.

— Ментов тех решил не отпускать? В назидание, так сказать? Кстати, а сколько Мариночке осталось?

— Именно этих ментов нельзя отпускать. Там такие обстоятельства вскрылись... Нельзя их отпускать, если мы Тему не бросаем, — генеральный согласно кивает головой. — А Марине — тридцать четвертая неделя, кажется. Я замотался, срок не отслеживаю.

— Это ещё где-то месяц? — что-то прикидывает генеральный.

— Не совсем. Доктора говорят, пораньше чуть должно случиться. Может даже, пара недель.

— Ну, я тебе тут не указ, с другой стороны. Результаты — нет вопросов. Вернее есть, но не к тебе, хе-хе. А к фигурантам. Ресурс у тебя сейчас есть. Хочешь — приставь к Марине охрану, если тебе спокойнее будет. Только ты ж понимаешь, охрана — это иллюзия безопасности. Если кто-то серьёзно что решит — тьфу три раза — охрана не барьер...

— Да я решил её в частную клинику положить, если честно. Там отдельное крыло на одну палату, доступ ограничен. Присмотр постоянный — раз, и собственная охрана — бывшие СОПовцы.

— А-а-а-а, караевцы? — кивает генеральный.

— Они. И у них у одних из частников лицензия на автоматику. Думаю, попрошу парный пост... на пару недель... не должны отказать. А мне намного спокойнее будет.

— Ладно, что нового по Теме?

— Говорить не буду, это сложно и долго. Читайте. Вот — в разрезе регионов. — Бахтин передает один лист. — Вот — в разрезе служб. — Второй лист. — Вот — статистика по выявленным и доказанным нарушениям. Вот — по тем, где ситуация очевидна, но доказать не можем.

— Ну и что ты сам обо всём этом думаешь? — откладывает бумаги после просмотра на угол стола генеральный.

— Вам официально? Или —...?

— Совместно.

— Нельзя останавливаться на половине дороги. Я бы у Темы наметил три этапа. Первый — показательные яркие процессы, невзирая на личности. Ответственность — исключительно на основании тяжести содеянного. А не пропорционально семейным ресурсам и связям... Чтоб народ поверил, что ЗАКОН — в приоритете. И особенных у нас нет.

— Мда-а-а... революция, однако. Хе-хе. Но лучше — мы, чем народ сам поднимется. Продолжай.

— Второй этап — чистка на всех уровнях всего процессуального аппарата до тех пор, пока в цифрах отчётов не придём к реальным.

— А как ты реальные цифры отслеживать собираешься?

— Так делаем уже. «Чёрные ящики» на каждой прокуратуре, откуда фельдъегери выемку делают. Вскрытие — комиссионно, тут. Камера наблюдения за ящиком, 24 часа в сутки. Система работает. Уже результаты есть.

— Вы всё же запустили, как собирались?

— Да. Но это — вспомогательный инструмент. Это —

контроль Процесса. А сам **процесс** должен качественно исполняться его непосредственными участниками: следствием, нами, судом, адвокатурой и так далее. В общем, если каждый спец на своём месте будет делать, что должен — «Папина» мечта осуществится. А если кадры, которые решают всё, будут работать, как обычно — «контрольный ящик» в масштабах страны ничего не исправит. Он только показывает реальные цифры, но не влияет на них прямо.

— А третий этап какой?

— По логике, воспитание работающей кадровой прослойки во всех задействованных службах. Но этот вопрос — не ко мне. Тут я только за себя ответить могу. Я не воспитатель, тем более — остальных.

— Ну, воспитывать будет антипример уволенных... Ты всё правильно делаешь, что все гайки затягиваешь и никому спуску не даёшь... Держись, Олег. На тебя сейчас с разных сторон будут пытаться давить — не для того, чтоб с курса сбить. Для того, чтоб в свою зону комфорта тебя как можно меньше пустить. Давить будут нешуточно.

— Да оно понятно. Держимся. Никто и не думал, что за неделю на сто восемьдесят градусов развернёмся. Понятно — это на годы процесс. И тут просто каждому на своём месте нужно гнуть запланированную линию. Все эти годы. Тогда за пару-тройку лет мы и придём к нужному результату. Как тот лейтенант Онода.

В больнице оба доктора, как обычно, сидят всё в том же кабинете и традиционно пьют чай с бутербродами.

— О, привет. — мне подвигают третью чашку, отказаться неудобно. — Ты прямо за минуту до обеда.

— Извините. Были сложности с утра. По линии Олега. Не мог выехать раньше.

Доктора слегка возбуждаются и наперебой начинают интересоваться подробностями.

— Сергей Владимирович, Игорь Витальевич, да обычная уголовщина. Извините, Олег сказал никому ничего не говорить. Там следствие в полный рост, предложено обо всём забыть, как о

страшном сне. Главное — меня больше не потревожат. И тех, кто теоретически мог на нас отрицательно повлиять, больше нет. На службе и на должности. А то и на свободе, без деталей... Я только видел, как их забирали, остальное — мои догадки. Олег сказал — расслабиться и жить, как раньше.

— Ну и хорошо... Хотя что-то позитивное в этом мире. — Широко зевает С.В.

— Саша, смотри. Олег Марину кладёт к нам в клинику, до самых родов. Это — пробный камень, «дающий лавину». Самого родильного отделения, как такового, ещё нет. Мы его сейчас лихорадочно запускаем, чтоб успеть до родов Марины. Деньги свободные есть, свободные помещения на четвёртом этаже годятся. Я как знал — сертифицировал сразу всё здание...

— Да зачем ему это? — перебивает Игорь С.В.

— Да я сначала, чтоб не сбиться. В общем, Марина стояла на патронаже и учёте в другом месте. Переводится к нам (по документам у нас уже всё в порядке), с ней вместе хотят перейти некоторые другие такие же, как она. Я нужных специалистов уже обзвонил и предложение сделал. Отказавшихся перейти к нам нет — у нас условия очень хорошие.

— Ну, в городе считается, в НОВОЙ КЛИНИКЕ работать — это повезло. Есть масса плюсов. — Снова влезает С.В.

— Да... С нами уже стали созваниваться и подруги Марины по беременным курсам. Хотят быть клиентами. Ну так сложилось, — скромно краснеет И.В. Что на него обычно не похоже. — Я уже сейчас вижу, что основной наплыв клиентов будет так называемые «сложные» случаи. Вот вопрос ребром: ...

— Два вопроса! — привычно перебивает С.В.

Игорь волком глядит на него, и С.В. демонстративно закрывает рот обеими ладонями.

— Два вопроса. Первый: можем ли мы рассчитывать на тебя в принципе, как на один из инструментов? На постоянной основе? Нам, конечно, нужно будет притереться — у нас слишком разный понятийный аппарат... но это дело техники... Но как инструмент, ты стоишь усилий и времени, чтоб подстроиться друг под друга и вместе — под процессы.

— Даже думать не буду. Конечно ДА.

— И об оплате не спрашиваешь? — подымает бровь И.В.

— Вы правильно сказали. У Вас — лично — есть репутация. Интернет я тоже читаю. Вы имеете репутацию руководителя, который не доит кур, несущих яйца. К тому же, вначале, по мне, надо запустить процесс. Получить результат. Потом — положительный результат. Потом закрепить его стабильность. И только потом — делить плюшки. Я ж вам говорил про свою мечту. А быть задействованным в таком проекте, нарабатывать опыт, плюс ваши с Сергеем Владимировичем рекомендации — я готов на жертвы времени. И риски по оплате, — улыбаюсь в ответ. — С точки зрения дохода, на мойке я зарабатываю вполне пристойно. Работа по вечерам. Так что, вопрос прожиточного минимума я решу и сам, если что.

— Второй принципиальный вопрос. Ты же понимаешь, что тебе нужно учиться?

— Конечно. Анатомический атлас уже учу. Мне сначала не хватает именно этого.

— Это не всё. Это — мелочь типа алфавита. Вторая аналогичная мелочь — надо срочно идти на курсы хотя бы массажа. Такая волшебная палочка, как Олег, будет не всегда. Обязательно надо прикрыться документами. Легальными, рабочими, неоспоримыми. Хотя это — тоже только часть разговора...

— Так с десятого же сентября, нет? — смотрю на С.В.

С.В. как-то подозрительно косится на Игоря, и отвечает мне уже Игорь:

— Диплом задним числом тебе выпишут. Хотя это не главное... надо поехать забрать, выдача только лично в руки. Но это не отменяет знаний и навыков. Самая первая маленькая часть: одного из преподавателей курсов я принял на работу. Он готов тебя натаскать чисто по своему профилю (материальную компенсацию я сам с ним решу, считайте это моей инвестицией). Главное: от тебя нужно такое же самоотречение, как в спорте и на мойке. И я не уверен, что ты сможешь с мойкой совмещать. Сразу говорю: если мойка будет мешать — буду ставить вопрос ребром и делать себе и тебе больно, даже если будет больно. Специалист, который сам по себе сплошной риск, а рассчитывать на него не всегда можно — из-за автомойки — я

сам себя не пойму. Если у меня пациенты будут ждать тебя, пока ты салоны драишь.

— Да понятно, — тру лоб рукой. — Вы знаете, принципиально согласен, но как-то неожиданно из-за материального вопроса. Я всё-таки привык и себя обеспечивать, и не зависеть по деньгам ни от кого. А тут получается — я как в институт поступаю. Ответственность колоссальная, размер стипендии не ясен, из выгод — перспектива. Дадите подумать, как лучше оптимизировать?

Игорь откидывается на спинку офисного кресла, складывает руки в замок на затылке и говорит:

— Ну, есть стандартный вариант решения. Если мы — фактические компаньоны, то риски, как ты сам говорил, как-то надо делить.

— Да, согласен.

— Вот твой риск — это учиться, не зная, куда приведет дорога. Да, это не мойка, где ты свой кусок масла в конце каждого дня получишь. Но это не мойка и с другой стороны, в перспективе то есть.

— Да...

Он, конечно, прав. Но я, можно сказать, только женился час назад. Фактически. И остаться без кормящей работы? Мозгами понимаю, что И.В. и С.В. — это огого какая удача. Которую надо держать руками и ногами. Но чреваточинка опасения и привычки к финансовому комфорту не даёт броситься в омут без оглядки.

Игорь продолжает:

— Отвлекаемся "в сторону", есть вариант. Патронаж стоит порядка шестиста долларов, только нашими деньгами. Часть этой суммы, причем большая, распределяется между профильными специалистами. В их число — де факто — можешь быть включён ты. Соответственно, чем больше женщин у нас — тем выше доходы всех участников процесса. Включая твои. Если откровенно: работать каторжно тебе не придётся. Ты — оружие одного выстрела. Пришёл — увидел — описал нам ситуацию — уточнил по дополнительным вопросам — отвалил. Всё. Основные потери времени *тут* у тебя будут на самообучение. Ты согласен, что это — твоя собственная инвестиция в себя? А не расход денег и не недополученная прибыль?

— Конечно. С этим трудно спорить... Согласен. — Если что, мойку могу по ночам прихватывать. Я ещё не разобрался, но, возможно, эта школа с первого сентября мне не так уж и нужна. Пока, во всяком случае, она за это время лично мне ничем в жизни не помогла. В отличие от медицины и бокса.

— Господа доктора, а вы уверены, что за притоком клиентов дело не станет? Извиняюсь что лезу. Но масса хороших начинаний плохо окончились потому, что не был продуман маркетинг.

— А что есть маркетинг? — интересуется С.В. — То есть, я думаю, что понимаю, но какое точное определение?

— Удержание старых и привлечение новых клиентов, — отвечаю цитатой из учебника.

— Давай в цифрах, — подключается И.В. — В городе за год рождается около сорока тысяч детей. Ну, плюс-минус, но много лет динамика такая. Беременные женщины — это своё отдельное информационное сообщество со своими каналами коммуникации, распространения и сбора информации, в общем, как мафия, гы-гы-гы. На разных этапах они нуждаются в разных услугах. Начиная от точной диагностики на ранних сроках. Кстати, именно тут видим перспективу для тебя — у тебя очень нестандартный, гхм, взгляд на вещи.

— Мне надо научиться и накопить статистику, — встречаю я.

— Конечно, мы пока в принципе обсуждаем... В общем, порядка двадцати — тридцати процентов этого числа рожениц не получают нужного им пакета услуг ни по качеству, ни даже по количеству — подробности долго описывать. Это — то, что называется зона роста. Если появится место, где качество не вызывает вопросов — отток от текущих учётных мест произойдёт моментально. В этой среде информация разносится моментально.

— А финансы? Там же не все платежеспособны? Да и привязывать такое дело к финансам — как-то это... — качаю головой. — Ну, мне не нравится. Я, конечно, понимаю, что совместить подвижничество в области медицины и свои материальные интересы — это утопия. Но мне как-то не комфортно вводить деньги в роли фильтра, когда людям нужна *такая* помощь.

— Ну, даже я скажу, что это — тот случай, когда женщины не экономят. — Говорит С.В. — В принципе, не экономят. По понятным мотивам. Ну и, Игорь как раз нас и собрал, чтоб кое-что рассказать.

— Да. Не надо никаких фильтров. Начать с того, что у нас сейчас по бесплатной программе на конкретно УЗИ к Шаматову очередь состоит из беременных на 90 %. — Говорит И.В.

— Шаматов — городское светило, специализируется уже много лет именно на УЗИ и на ранних сроках беременности. — Поясняет мне С.В. — Ну и своя чуйка у него суперская.

— Конверсия с бесплатных клиентов не так высока, как я бы лично хотел, но... — продолжает И.В.

— Тебе всегда мало! — бросает С.В.

— Да. Но лично мне — всегда мало. Это правда... В общем, конверсия есть. И конверсия положительная. Отслеживается очень легко: по бесплатной программе мы регистрируем все паспортные данные, чтоб не было злоупотреблений. И если человек остаётся на другие услуги — нам сразу видно, по какому каналу он пришёл.

— Э-э-э, стоп! Так ты под конверсией считаешь тех, кто напрямую пришёл за бесплатным, откатался, а потом остался на другие услуги — тратить деньги? — высоко поднимает брови С.В.

— Ну, это первый сегмент, который я учитываю, — краснеет И.В. — Серж, ты не подумай! Мы ж никого насильно не агитируем! Это искренне по своей инициативе! Ну-у, есть ещё их родственники. Их тоже легко отследить по фамилии... В регистратуре, когда фамилия платного пациента совпадает с фамилией бесплатного, мы спрашиваем: не родственники ли? Так что, «воронку продаж» мы отслеживаем...

— Ничего себе у вас технично учёт ведётся, — присвистывает С.В.

— Серёжа, в регистратуре у них около часа свободного времени в смену, мы хронометрировали! — подхватывается что-то доказывать С.В., но потом осекается. — В общем, всё в ресурсе, никто не погибает. Но мы не об этом... Предварительно достигнуты договорённости по получению гранта от государства. Слава богу, и до нас что-то дошло. — Тут И.В. делает драматическую паузу, давая нам оценить грандиозность ситуации.

— Вы не боитесь надеяться финансово на нашу державу в вопросе, где её помощь действительно не помешала бы? — скептически воспринимаю новость я, пользуясь этой паузой. Я уже достаточно пообтерся тут, чтоб понимать, на что категорически рассчитывать не стоит.

— Ты не всё знаешь. Есть государственные программы повышения рождаемости, стимулирования роста населения и тэдэ. До этого момента, они касались только фактической помощи женщинам: материальные выплаты за первого, второго, третьего и далее по нарастающей ребёнка. Эти выплаты уже давно нормально выплачивают, ты просто не сталкивался. — Ну да, сколько мне лет-то. — Сейчас принято решение, что помогать нужно не только после рождения, а уже и до. Вернее, у врачей это решение всегда очевидно, а до финансистов только сейчас дошло. Под сильным нажимом сверху... За патронаж женщин, которые захотят обратиться в Центр Первой Категории (это мы), но не в состоянии оплатить по нашим утверждённым Министерством расценкам, конкретно нашей клинике будет компенсировать Государство. Процедура разработана, я со всеми задействованными встречался, лично в деталях обсуждал, за это можно не беспокоиться. Тема уже полтора года на слуху в узких кругах, но только сейчас окончили согласования всех процедур. — И.В. барабанит пальцами по столу, намекая, что беспокоиться действительно не стоит, но подробностей он не расскажет. — Пока это — пилотный проект. Клиника, которой Государство готово компенсировать эти статьи расходов, должна соответствовать очень многим требованиям как в пунктах лицензии, так и в оборудовании и помещениях. Скажем честно, кроме нас, только государственные могут потягаться. Местами. Некоторые. Но они что-то не горят страстью бороться за гранты, — И.В. пристально сверлит взглядом Сергея.

— А чего ты на меня смотришь? Я при чём? Там всё понятно, для тебя, Саня, объясняю: рабский труд — это когда раб не заинтересован финансово в результатах своего труда. Государственным родильням сегодня, как бы это помягче...

— Да понятно всё, чего уж... Мда. В каком интересном месте мы живём — бормочу вполголоса.

— Так, стоп. Вот давайте фиксироваться на позитиве. — разливает всем остатки чая И.В. — или ещё заварить?.. В общем,

конкретно у нас есть шикарная возможность три — четыре года принимать ВСЕХ. Без исключения. Кто может платить — платит. Кто не может — всё равно наблюдается, лечится, рождает у нас, нам это скомпенсируют. Программа стратегическая, потому многолетняя: Государство, помимо прочего, хочет знать, кто из родивших по программе женщин, в первую же пятилетку, примет решение рожать ещё одного ребенка. И обратится сюда же — в клинику, где условия идеальные.

— Даже не могу полностью дать оценку всему масштабу начинания, — хлопаю в ладоши три раза, — но я почти что в шоке.

— Да мы все в нём, — бросает С.В. — и молчал ведь, змей, — это уже Игорю.

— Я и сам не верил до последнего, — скромно признается И.В. — То есть, отработывал тему добросовестно. Ездил. Встречался. Кормил-поил кого надо. Но верить и увлекаться себе не давал... Знаете, как бывает? Уже мысленно обрадуешься — а потом так грустно разочаровываться... На все рабочие группы в министерстве ходил, в качестве самого первого потенциального ресурса. Потом — всё то же по кругу, но уже в минэкономразвития. Ну, что-то глобально сдвинулось! Значит! Может даже, в масштабах шире, чем город. И мы этот момент не прозевали, не буду гладить себя по жопе... В общем, подытоживаю: не ломаем голову, почему и как. Слава богу. Должно же и у нас было хоть когда-то произойти хоть что-то положительное! Не всё ж бедствия.

— Вы — самые первые, кому говорю. — Продолжая, признаётся И.В. — С кем-то надо поделиться, а не с кем. На какие-то точные решения я сейчас не способен, пока ещё в эйфории, но радоваться уже можно начинать.

— Ну и, Саня, если ты с нами — то мы должны это услышать сейчас. — подключается С.В. — Всё, что мы делали до сего момента, мелочи и игрушки. Если речь о системной работе, у меня лично масса вопросов по твоей интеграции в процессы.

— Э-э-э, господа, вы сейчас о чём? — ёрзаю на стуле. Кажется, пора начинать тревожиться, пока меня без меня не женили.

С.В. отслюнявливает из принтера лист бумаги и начинает на нём рисовать иероглифы:

— Смотри. Базовые функции: приёмное отделение — раз.

Родильное и послеродовое, у Игоря, правда боксовая система, два в одном — но всё равно два. Три: отделение патологии беременных. Четыре: обсервация. Это — больные всякими гриппами, вирусами, грибковыми и прочая микробиология. Сюда вообще доступ ограничен. Игорь, это где будет по плану?

— Четвёртый этаж, через шлюз в новый корпус. — Моментально отзывается И.В., который вместе со мной с интересом следит за рисунком С.В.

— И это — не считая патронажа в поликлинике, так сказать, нулевой этап. Вот теперь смотри, — продолжает С.В. — При постановке на учёт у нас — ты уже нужен, если ты с нами. На ранних сроках с твоей помощью — намного больше возможностей. В патологии — сам понимаешь. В обсервации — тут мы вообще строим грандиозные планы. На тебя. И «волшебное касание разума».

Заинтересованно киваю, так системно я даже не думал.

— Это — только поначалу. Пока ты «сырой», но использовать тебя в узких функциях уже можем. Теперь сам мне скажи: для эффективного решения задач в патологии, тебе надо что-то изучать дополнительно? Сам как думаешь?

— Конечно, — серьёзно соглашаюсь. — Я-то всё вижу, но интерпретировать могу далеко не всегда. Это — для начала.

— На ранних сроках — тебе надо доучиться?

— Тоже да.

— В обсервации — чуть иначе. Работы по «притирке» масса, но с другой стороны... Нам надо на клиническом опыте изучать тебя: с чем ты можешь справиться в одно касание, что — только нам и только консервативно равнять. Что — комплексно, это ты плюс мы в тандеме. Продолжаю. Представь объём, который тебе нужно освоить по каждому пункту, если: прописать учебный план — раз, план практических занятий на реальном материале — два, отработки навыков, если вдруг понадобится тренировка, хоть и та же твоя санация каких-нибудь навороченных вирусов — три. Это уже будет программа огого... Сюда плюсуем то, что ты — ноль в анатомии, биохимии, физиологии... Общая теория, без которой ...

— Что-то как-то всё сложно, господа врачи, — кисло сообщая после паузы.

— Сань, ну ты же не думаешь, что из мединститута выпускают просто так?

— У меня даже начать изучать теорию — не хватит текущих базовых знаний. Я даже с атласом анатомическим — как китайский учу...

Кажется, этот разговор они вместе не планировали. Потому что И.В. смотрит на вещи проще:

— Серж, а если идти параллельно? Допустим, приходит беременная становиться на учёт. Мы её прокатываем по всем нашим процедурам, в конце — смотрит он. Заводим лично его дублирующую карту. Вторую. Параллельную. Где пишет только он, и только — что и как видит в своей «проекции». Эту его вторую карту — никому не показываем. Многие моменты, как я понимаю, у него видны ещё контрастнее, чем у нас, да? — согласно киваю. — Ну и пускай он «ведёт» их параллельно, своим путём! С этой энергетической, или как там, точки зрения. Учить его конечно будем! — подымает руки И.В., останавливая набирающего воздух Сергея. — Но смотри, что сейчас предлагаешь ты! Ты предлагаешь впихнуть в него теоретическую базу меда, а его «проекцию» приложить к ней вспомогательно.

С.В. молча заинтересованно кивает:

— Пожалуй.

— Серж, а ты уверен, что на выходе это будет более эффективно?

Пауза. Доктора с полминуты смотрят друг на друга, думая каждый о своём. Потом С.В. «отмирает»:

— Ты прав. Не ясен ни его личный потенциал, ни потенциал методики. Тема не изученная. Нет ни статистики, ни теории, ничего. Я подсознательно опираюсь на ту тему, которую знаю досконально — но это может быть и ошибка. Классическая доказательная медицина предоставляет больше наработанных объяснений — потому я мыслю с этой позиции. Но если он, какой-нибудь коррекцией частот, на ранних сроках, может спрофилактировать, допустим, гидроцефалию своей «санацией» — то да, глупо впихивать в него всю базу, если внутриутробные инфекции он и так «видит». Глупо впихивать хирургию — до неё вообще не дойдёт... И так далее. Я понял, о чем ты.

— Господа доктора, я не отказываюсь учиться! — Снова влезаю в разговор. — Но давайте подходить профессионально! Давайте назначим специально время, сформулируем список вопросов, задач и инструментов решения. Потом — работа по списку? — Смущённо поясняю, — я не рассчитывал сегодня на мозговой штурм, и сейчас точно думать не в состоянии. Очень не хочу вас подвести, потому надо спланировать. Планировать, с вашего разрешения, буду лично — но под вашим руководством. Игорь Витальевич правильно сказал: мой потенциал мне самому легче проанализировать, не сочтите за наглость...

За приятной беседой с докторами, чуть не пропускаю плановый бассейн. Хорошо, что Лена позвонила перед выездом. Скомкано прощаюсь, хватаю вещи в охапку и несусь в бассейн. Попросив тренера, провожу Лену с общим составом команды. В бассейне она плавает по самой первой дорожке, каждые сто метров висит на бортике, местами привлекает внимание части самцов, плавающих в округе, но у меня нет времени отвлекаться. Анька замечает Лену, подгребает к ней в перерыве и о чём-то минут пять оживлённо общается, размахивая руками. Хм, интересно...

После тренировки, женский пол марширует в женскую душевую; я, соответственно, в свою. Встретимся через пятнадцать минут в холле.

Пока греюсь под душем, пока заскакиваю на 3 минуты в парилку, пока одеваюсь — всё время думаю, как себя вести с обеими в одной компании. В итоге, бросаю ломать голову, машу на это рукой и будь что будет.

Ни от кого ничего не скрывал, никого не обманывал, к Аньке отношусь хорошо, но Лена — уже родной человек. Если говорить о стандартах *этого* периметра, выбор сделан.

С другой стороны, тут есть и другие периметры, где абсолютно легально разрешено иметь несколько спутниц. Там, правда, какая-то особая религия, и ритуал приобщения к ней требует отрезать часть, гхм, как бы это поделикатнее, одной очень нужной мужику детали, но чего заранее ёрзать. Охота пуще неволи.

Будь как будет.

В холле жду обеих ещё минут пятнадцать. Интересно, чем можно так долго заниматься... Наконец они выходят.

Грузимся в Ленину машину и, по взаимному согласованию, решаем свободные полчаса потратить в ЧАО ПИЦЦЕ. Острых тем не касаемся, обстановка на удивление комфортная. Я поначалу ждал «сюрпризов» — мало ли — но потом расслабился и даже где-то пожалел, что есть только полчаса.

В конце, Лена порывается достать кошелёк, привлекая этим внимание соседних столов. Я его быстро выхватываю у неё из рук и запихиваю на самое дно её сумочки, переводя всё якобы в шутку. Пока она роется в сумке, быстро рассчитываюсь сам. Надо будет потом объясниться раз и навсегда на эту тему...

Отвозим Аньку домой, потом едем ко мне. Поесть уже получилось, обед дома не актуален, но пакет плаванья надо сменить на пакет бокса.

— Лен, вот скажи, — говорю, положив руку на её правое бедро. — Ты из вредности или по неопытности?

— Ты про счёт в кабаке? — моментально схватывает она.

— Ну.

— Мелкий, прости. Я подумала не тем местом.

— ???

— Ну я — единственная работающая в нашей компании. Блин, это если не считать твою мойку, — поправляется она. — Ты и так дофига потратил за последнее время — я же обращаю на это внимание... Тебе за твои деньги приходится пахать, достаточно немало для твоего возраста. А у меня деньги просто есть — спасибо семье. Вот я, из тупой куриной заботы, хотела подставить плечо и взять часть расходов на себя.

Набираю побольше воздуха, чтоб начать объяснение, но она заканчивает, снимая все вопросы:

— Я не подумала. Вернее, подумала, но не сразу. Что именно ты это вообще воспримешь как оскорбление или ущемление. Твоего мужского достоинства. Извини, Мелкий... Это не от тупости. Это от того, что я с тобой слишком сильно чувствую себя женщиной, мр-р-

р-р. И мозги временно отключились.

— Вопрос снят, — настроение сразу поднялось. Там, откуда я родом, женщина подключается к оплате счёта только чтоб подчеркнуть дистанцию.

— Мелкий, а давай кроме шуток и серьёзно. Вот я сегодня перевезу какие-то вещи...

— Да хоть все.

— Нет, все собирать неделю. Зимние, осень, обувь — это разные шкафы и половина вообще на втором этаже в зимней спальне... Так, не сбивай. Вот я сегодня перевезу какие-то вещи. Допустим, мы какое-то время живём вместе. У нас — совместные расходы. Что будем делать, если у тебя на каком-то этапе просто закончатся деньги в кармане? Пойми меня правильно, я сейчас, как твоя половина, просто организовываю взаимодействие между нами и пытаюсь понять оптимальный алгоритм для себя лично. Мне вообще ничего не стоит из своей тумбочки дома взять, сколько надо. Но сегодня мы уже знаем, что тебя лично это не устроит. Вот теперь ты говори, что дальше.

— Если я — Мелкий, ты будешь Длинная.

— Смешно, ха-ха...

— Давай так. Планируем: на еду, житьё-бытьё, быт я зарабатываю. Одежду пока покупать не надо. Или надо?

— Мне — пока нет. Я вообще в этой стране не закупаюсь шмотками, я в Дубай летаю на выходные. И дешевле в сумме, и отдых.

— Ну, я пока расту, но себе я тоже куплю, если что... Получается, срочных горящих расходов нет?

— Пока ничего в голову не приходит, — говорит Лена, ловко подрезая городской автобус.

— Ну, тогда живём, как живём. Я не идиот. Если я увижу, что моих материальных ресурсов не хватает, я тут же скажу тебе. Как своей половине. И мы вместе будем решать, что делать. Не подумай дурно. Просто мне кажется, парень должен рассчитывать на деньги девушки в последнюю очередь. Не для того, чтоб обозначить дистанцию — для того, чтоб не терять форму. Не знаю, как

объяснить... В общем, у мужика в мозгу что-то атрофируется, когда он не настроен на стопроцентное обеспечение материальных потребностей своей самки.

— Мелкий, я тя люблю. Эхх. Охота идиотски смеяться, — Утирает она слёзы тыльной стороной ладони. — Ты не подумай, это я не в насмешку. Это я где-то боюсь поверить сама себе... Чмок. И ведь не расскажешь никому...

— Лен, а о чём ты с Анькой сегодня так долго общалась? Ну и вообще — колись, ты специально поехала с ней общаться? Теряюсь в догадках.

— И да, и нет. Поехала — чтоб с тобой не расставаться, если есть возможность побыть вместе. Наивно, да, от взрослой тётки?.. А с ней — знаешь, это подсознание сработало. Щас расскажу... — Лена подрезает ещё один автобус. — В общем, мой папа ухаживал за мамой года два. При этом, он был женат. Мама — очень строгих правил, категорически даже в мыслях ничего не допускала. Но потом они как-то в командировку вместе, или что — история умалчивает. В общем, уходит он из предыдущей семьи. В предыдущей семье, кстати, детей не было совместных, у его первой жены сын от первого брака и всё... Живут они с мамой, но мама видит — он периодически предыдущую вспоминает. Отгадай, что мама делает?

— Понятия не имею! Своих знаний нет, опыта — тоже.

— Мама начинает дружить с предыдущей. Встречаться. Давать ей свои вещи поносить. Покупать её сыну что-то. Приглашать её к нам регулярно. В общем, буквально через несколько месяцев папа сам маме сказал: «Дружи, если хочешь; но в дом её водить не надо. И избавь меня от встреч с ней». Вот наверное сегодня и моё подсознание мне что-то такое навяло. Но ты не парься! В том смысле, что Анька-то мне не конкурентка. Пока, во всяком случае. У меня-то точно нет необходимости настолько технично «сбривать» семнадцатилетнюю малолетку! Упс...

— Ага. А я на год её младше. Жаль, не могу тебя ткнуть под ребро — ты машину ведешь.

— Ну так, на то и расчёт.

Здание Генеральной Прокуратуры. Этаж с табличкой при входе

«Служба специальных прокуроров». Кабинет с табличкой «Начальник службы». За столом, расположенным буквой «Т», Бахтин и ещё несколько человек уже длительное время что-то обсуждают.

— Кто остался?

— Я! — подымается заместитель Бахтина, внешне приятная женщина лет тридцати пяти с холодным пустым взглядом. — По институту «дублёров» — в пределах плана. Ключевые позиции в рамках выделенного диапазона должностей определены. Планы аттестаций составлены. В случае явных несоответствий, приоритетные альтернативные кандидаты намечены, по ним негласные проверки уже идут.

— Как с санкциями обошлись?

— Никак. Берём допуски и негласно проверяем согласно выписки из приказа и при участии их непосредственного начальства: они же все перед аттестацией по процедуре дают подписку — что не возражают против проверочных действий касательно их самих и членов семей. В случае чего — предъявим эту подписку. О ней все просто забывают через несколько лет. Но документ-то бессрочный.

— Хм, логично... Молодец. Вова, что у тебя?

— Все материалы собрал. Заключение подготовил по каждому кейсу... Пардон, случаю. Жду вашей визы — и в суд.

— К тебе пытались подкатить на тему смягчения выводов?

Вова неловко мнётся.

— Вова, почему я должен тебя об этом спрашивать? Почему лично не доложил сам?

— Олег Николаевич, разрешите лично доложить после всего?

— Не разрешаю. Обращаюсь ко всем! Я предупреждал, что сейчас малейшее сомнение будет трактоваться как попытка «соскочить»? Касается всех. Вы думаете, я шучу? Коллеги, я предупреждал об особом фокусе на задачах и особом режиме работы в текущий период. Вова, последнее предупреждение. Ещё раз «замылишь» вопрос — будешь там же, где... В течение часа не выходишь с этажа и пишешь всё письменно. Свободны!

Бахтин остаётся сидеть на своём месте. Все выходят, но его

заместитель возвращается и садится напротив.

— Олег, можно вопрос?

Бахтин поднимает глаза от экрана:

— О, да, конечно.

— Олег, а мы не боимся масштабного противодействия? Лично я, с таким размахом, — она обводит рукой вокруг, — на себя уже плюнула. И лично мне бояться не за кого. Но ведь у других есть семьи. Вовик тебе хотел сказать, что его брата из института отчислили... Незаконно. Он, понятно, «впишется» и всё решит — но потеряет время. Знаешь, что сейчас будет? Нам не могут ничего сказать законно. Не могут ничего сделать силой. Но рой ос закусает даже тигра, если захочет, понимаешь? Тигр не успеет убить всех. Мы тут прикинули... Единственная тактика на противодействие, которая может сработать против нас — это «размотать» нас по куче мелких задач, в том числе личных. Которые, с одной стороны, именно нам ничего не стоит решить — в силу занимаемого положения. С другой стороны, эти задачи отнимут время. Мы провалимся в темпе. Упустим либо территории, либо сектора, либо порядок должностей, в общем, будут «дыры». А «Папа» очень ревниво относится к потере темпа... Если «сбить» с темы нас — с теми, кто придёт после нас на эту тему, будет гораздо проще договориться.

— Я понимаю. — Трёт переносицу Бахтин. — Знаешь, я думал об этом. Но это — тот случай, когда надо просто выбирать — с кем мы, и где. Я лично выбрал. Да, успех не гарантирован, но я себе вдвойне не прощу, если лет через двадцать вокруг будет то же болото, а я буду знать, что мог хотя бы попытаться. А вместо этого сидел, сложа руки. Ир, ты женщина...

— И? — удивлённо подымает бровь заместитель.

— Тебе свойственно колебаться. В общем, представь, что мы — ледокол. И плевать на всё. Должны справиться.

Пришёл домой, Лены нет. Пока чистил машину — не слышал телефона. Она звонила, потом прислала смс. Собирает шмотки, надо ещё что-то помочь родителям, без меня сидеть одна дома не хочет. Будет в час ночи. Чтоб одной на кухне не скучать.

Вроде только пару часов как расстались — а уже чего-то не хватает. Ты смотри, бывает же... Наверное, с гормональной системой связано. Надо почитать.

Интернет-форум беременных женщин «ПЕРВЫЙ РАЗ».

* Ой, девочки, помните ХХХ? Я с ней сегодня разговаривала. Помните, она исчезла в конце апреля со связи? У неё обвитие пуповины, в общем, ребёнок мёртв...

** Ужас!

*** А сама она как?

* Она нормально. Физически. Но никак не успокоится. У неё точно на Пасху всё началось. Говорит, врач прибыл на роды через два часа после начала. Говорит, пьяный — разило на весь бокс. Долгая пауза была после отхода вод, вспомогательный персонал говорил ждать врача, ужас...

** Ой... я плачу...

**** хнык!

***** Вот козел!

** А какой роддом?

* Который на Дружбе, выше Октябрьской. Первый государственный, кажется. И вроде денег с самого начала "занесли" всё как надо...

**** Ужас!

** А что её муж?

* Муж сказал, что отдаст все деньги, но посадит.

***** Да никто не посадит! Врачи — все одна мафия. Экспертами при суде будут тоже врачи! Они своих ни за что не признают виновными, даже пьяных... Никому ведь не охота, чтоб потом их так же. У них у всех круговая порука.

*** Да даже если посадят — что, ребёнка это вернёт, что ли?

***** Да сколько ей лет? Ещё родит! Вся жизнь впереди! У меня вот...

***** Дура!

**** Мотай отсюда, ссучка!!

*** Тварь! Заткнись!

** Модератор, заблокируйте эту дуру. ЖАЛОБА НА КОНТЕНТ.

* ЖАЛОБА НА КОНТЕНТ.

М О Д Е Р А Т О Р: Пользователь ***** не может отправлять сообщения в чат за нарушения правил чата.

Вообще, мозги уже не варят. Надо как-то оптимизировать нагрузку. Или «спекусь» от физически нагрузок с началом школы — если её не брошу.

Или — мозги откажут из-за обучения всей местной медицине. С.В. в принципе дело говорит... Учиться надо.

Ленку что ли припречь для обучения? Она ж может всё популярно объяснить? Кстати, а вот и она.

В двери повернулся ключ и в прихожей зажёгся свет.

— Мелкий, ты тут?

— Да, Длинная. Жду тебя.

— Ну я прибыла! Возьми вещи!

В коридоре стоят два чемодана, которые даже я б поднял на этаж не вдруг.

— Как ты их тащила? — спрашиваю удивлённо. — почему мне не сказала?

— Вот из вредности, Мелкий. В знак протеста.

— ???

— Ты же сегодня не дал мне заплатить? Хотя мне это — намного проще, чем тебе. И на работу из-за этого попёр вечером. А я весь вечер провела с родителями из-за этого, вот! Ну вот я решила: за это я не буду звать тебя тащить чемодан. Я ж выше ростом — сама занесу.

— Так чемоданов два!

— Вот я два раза ходила... Пока в лифт занесла... А ты за это

ждал меня на две минуты дольше, вот.

Через пятнадцать минут, на кухне, спрашиваю:

— Лен, просвети. Обвитие пуповины при родах — почему смерть? Я так понимаю, ребёнок же ещё не лёгкими дышит? или как раз по этой пуповине при обвитии и пережимается всё, что нельзя?

— Мелкий, а нафига тебе это нужно? — широко открывает глаза Лена.

— Для общего развития. Просто интересно. Ну могу я из тебя кровь пососать — в смысле знания покачать? Как из врача-профессионала?

— Да без проблем... Просто необычно... Мне ещё никто в такой ситуации таких вопросов не задавал. Ну слушай. Причин асфиксии много: отсутствие кровотока через пуповину (тугое обвитие пуповиной вокруг шеи, узлы пуповины); плохое насыщение крови матери кислородом (анемия, сердечно-сосудистые заболевания); нарушение газообмена через плаценту (преждевременная отслойка плаценты, предлежание плаценты); родовая внутричерепная травма новорожденного; плохое кровообращение материнской части плаценты (если очень активные схватки, гестоз); мекониальная аспирация; угнетение дыхательных усилий новорожденного из-за влияния медикаментозной терапии матери (наркоз); внутриутробные поражения мозга плода, врожденные пороки развития легких. Наиболее высок риск рождения в асфиксии у недоношенных, переношенных и новорожденных с задержкой внутриутробного развития. Запомнил что-нибудь?

Охота выматериться:

— Даже понял не всё...

— Во-о-от.

— А с этим как-то можно бороться? или это труба автоматом? Вернее, не так спросил... ДО того, как ребёнок родится, как можно установить обвитие пуповиной? Чтоб срочно кесарить там или еще что?

— УЗД. "Труба" смотря где. В отделении сохранения беременности — нет. Там УЗД сделали, предлежание плода знают

поэтому быстро везут на кесаря. На улице — без диагностики — "труба" ребенку и с высокой долей маме. УЗИ проводят как обычное так и доплерометрию (оценка плацентарно-пуповинного кровообращения) так как не всегда на обычном можно рассмотреть узлы, да и кровонаполнение пуповины оно не покажет

— То есть, если пациентка в роддоме уже три дня, и обвитие пуповины в процессе родов, это с высокой степенью вина конкретного врача \ бригады? Или это "смелое суждение от невежества" и даже с идеальной подготовкой этот "перехлест" у какого-то процента случается естественным образом?

— Нет конечно. Какая вина у врача может быть если у него нет доступа к плоду? Асфиксия это примерно 5 % всех родовых случаев.

— Блин. Получается, возможностей профилактики именно этого момента немного? А то и вообще ноль? Я про "перехлест стропы через купол".

— Если именно обвития пуповины — только рекомендации осторожности роженицы с полноводием: больше места — больше маневра ребенку запутаться. А так — да. Дают только общие рекомендации по покою низким нагрузкам и тд

Понятно. Что ничего не понятно...

— Ладно, Лен, я спать хочу... Пошли?

— Пошли. Кстати, Мелкий. Мне Сергей сказал тебя отвезти, куда надо, забрать твою корочку что ты якобы курс массажа и мануальной терапии окончил. Вопросов не задаю, цени! Хотя — от любопытства сгораю, эхх... Вот сейчас будешь показывать, что из массажа ты умеешь. А то пешком пойдёшь за своей коркой...

Рано утром Лена начинает вставать, разбудив при этом меня. Выспаться опять не получилось, потому спрашиваю, не открывая глаз:

— Ты куда?

— Мелкий, мне на работу сегодня.

Вчера, вернее, уже сегодня, после всех развлечений раскладывали её вещи, пересыпали полки в шкафах — подвигая меня с половины полки; в общем, развлекались до поздней ночи. Я, наверное, ещё расту, потому что спать хочу очень сильно.

Босиком бреду на кухню и, почти не раскрывая глаз, готовлю завтрак: омлет с ветчиной и помидорами, кольца баклажанов под чесноком и булки из теста номер один (всё те же полстакана кефира на стакан муки).

Когда Лена появляется уже одетая, её тарелка и чашка с кофе дымятся на столе. Она, увидев сервировку, подходит ко мне, притягивает меня к себе за уши и звонко целует в нос:

— Мелкий, спасибо! Оч-ч-уметь... Лучше, чем у мамы. А себе ты не стал делать? Продукты экономишь, хи-хи?

— Не хочу есть. Спать хочу... У меня — кофе, — киваю на большую литровую кружку с кофе, стоящую прямо на плите.

Лена быстро съедает свою порцию и просит добавки. Хорошо, что всегда готовлю с запасом. Отдаю ей свою часть — я себе ещё сделаю.

— Лен, ты сегодня во сколько будешь?

— Сегодня не буду. Я на сутках.

В этом месте я просыпаюсь.

Вероятно, мои широко открытые глаза очень красноречиво что-то говорят, потому что она тут же реагирует:

— Ииии-хи-хи, спужалси?

— Честно говоря, встряхнулся. Даже не знаю, что сказать.

— А в чем проблема, что ты сейчас чувствуешь? — серьёзно улыбается она. Из всех, кого я знаю, только она умеет улыбаться серьёзно.

— Почему-то резко почувствовал себя брошенной собакой, — с удивлением отвечаю, прислушавшись к ощущениям.

— Мда-а-а, это как-то совсем пессимистично. У тебя же всё равно каникулы?

— Да.

— Ну и приходи после своей чистки ко мне! Додежури́м до утра вместе.

— А можно? Я и не знал, что это допускается.

— Если честно, вообще-то нельзя, но ты ж не чужой, Мелкий! И — со мной. Так что — можно.

— Договорились. Тогда, как закончу у себя, звоню тебе и подгребаю.

Здание Генеральной Прокуратуры. Этаж с табличкой при входе «Служба специальных прокуроров». Кабинет с табличкой «Начальник службы». Звонит внутренний телефон. Бахтин, не отрываясь от заполнения вручную какого-то документа, сверяясь через каждую строку со вторым документом, лежащим рядом, берёт левой рукой трубку.

— Четвёртая служба, Бахтин.

— Олег, ты у себя?

— Ир, тебе заняться нечем? — удивляется Бахтин.

— Гхм... Олег Николаевич! Ало! Повторите, пожалуйста!

— А-а-а, понял, у тебя чужие рядом... Да, у себя.

— К тебе какой-то налоговый с документом, что он И.О. замглавного налогового, в одной руке — и с удостоверением гарнизонного военного прокурора — в другой. Пускать? Или тебя нет?

— Ира, пускай! Его как раз жду!

Через полминуты в кабинет Бахтина без стука входит похожий на него мужчина, тех же лет, осматриваясь по сторонам. Бахтин выходит из за стола, они сближаются, улыбаются, обнимаются и три раза хлопают друг друга по спине, как будто выполняя какой-то ритуал.

— Бах, привет!

— О, Лёлик! А я слышал, что тебя сюда переместили, но так скоро не ждал, привет! Чай, кофе?

— Чай, и если есть что пожрать — тоже не откажусь.

— Лёлик, ты ж без пяти минут главный налоговый области! Га-га-га-а, и голодный?! Пожрать найдём...

Бахтин одним движением включает электрочайник на подоконнике, достаёт из стола две одинаковые жестяных банки, консервный нож, две большие металлические кружки из жести и две столовых ложки. Оглянувшись по сторонам, высоко подпрыгивает, заглядывая на один из шкафов, потом снимает с него полулитровую стеклянную банку с сахаром и литровую — с чаем.

Его собеседник придвигает одну из жестяных банок к себе, достаёт из внутреннего кармана пиджака складной нож-мультитул, раскрывает его и начинает открывать банку. Бахтин в это время открывает вторую. Потом щедро отсыпает чая в каждую кружку и заливает кипятком.

— Ну рассказывай. Что это ты с двумя корками в одни двери, га-га-га.

— О, плов! Консервированный? — удивляется Лёлик, заглядывая в банку. — Ну ты разве не знаешь? Меня к тебе отправили на организацию взаимодействия. Я сам думал, ты мне объяснишь. Что за новости... Мне — приказ под козырёк, причём чуть не от Самого, а я не в теме.

— Лёлик, давай вначале пожрём нормально?

— Нормально — это костёр разожжём, чтоб разогреть банки? А-га-га-га-га, — собеседник Бахтина зачерпывает ложкой содержимое жестяной банки и сразу отправляет в рот. По тому, как он ест, видно, что он очень голоден.

— Нормально — это без вопросов. Хотяя... Короче, смотри. «Папа» напинал всех, чтоб создали так называемый «институт дублёров»: на все принципиальные должности вертикали, которые он лично отметил, одним коллегиальным органом подбираются дублёры — типа «теневого кабинета» в Англии. Про коллегиальный орган я тебе не говорил, а ты не слашыл.

— Без проблем, уже забыл; я понятливый... Так «теневой кабинет» же формирует оппозиция? — удивляется тот, которого зовут Лёликом.

— А у нас — другой орган. Но суть та же... Налоговики — первые в списке на замену, сам понимаешь, почему.

— Да уж...

— Твоя кандидатура — дублирующая на эту должность. По итогам нашей проверки, твоего предшественника решено менять. Ну а поскольку ты — человек военный, вот тебе тупо и всучили предписание. Прибыть по новому месту.

— У нас что, очередная революция?

— Лёш, давай я скажу, что могу?

— Конечно, пардон.

— В общем, есть желание — проект лично «Папы» — перестроить Систему, чтоб уйти от любой элитарности. Лозунг — «Закон один для всех».

Лёша присвистывает, но ничего не говорит.

— Да. Основной драйвер — стопроцентный уход от коррупции на любом уровне. Если это сделать — есть мнение, что Система отстроится сама. И производительность вырастет в разы на любом уровне.

— Сразу вопрос. Бах, а как некомпетентность? Ведь бывает же, что человек и «не берёт», но настолько не на своём месте — по тупости — что работы от него всё равно ждать не приходится?

— Лёш, а тут тоже коррупция, только на уровень выше: значит, его начальник, который не получает от него надлежащего результата, как-то заинтересован лично. И что-то так получает от этого твоего дауна, только лично. А не как прямой руководитель. Раз не меняет откровенного некомпетентного тормоза.

— А если и начальник — тормоз?

— Тогда — начальник начальника. Имеет какие-то свои плюсы аналогичным образом. Если терпит две ступеньки дураков под собой. Ну не бывает так, чтоб ты бесплатно терпел некомпетентное ничтожество. То есть, какой-то минимальный процент, возможно, и является по прямой вертикали клиническими идиотами, но они просто не потянут свои объёмы задач, когда Система вырастит производительность в разы. Их «выдавит» не коррупционная проверка, а очередная аттестация на компетентность. Которая, по задумке, должна проводиться обновлённым составом без всяких скидок на «семейные

обстоятельства».

— «Семейные обстоятельства» — это...?

— Лёш, концепция такая: коррупция бывает явная и скрытая. Явная — тут понятно... Вот ты принимаешь должность по итогам проверки, вскрывшей явную коррупцию. А скрытая — это то, что ты описал, как один из вариантов. Но тебе, если честно, это до лампочки. Твоя задача ТАМ — не с коррупцией бороться. Тебе спустят измеряемые цифры, вот их и решай. Насколько я в курсе. Если кто-то не тянет — всех «под собой» можешь менять не глядя. Не тянуть могут либо по некомпетентности, либо по этой самой второй коррупционной причине. Потому из другого ведомства тебя и взяли. Чтоб ни на кого не огладывался.

— Бах, звучит, как сказка... Я как-то не привык, чтоб такие должности распределялись исключительно из целесообразности, — собеседник выразительно смотрит на Бахтина.

— "Наверху" в узком кругу дозрели до мысли, что если делать то, что всегда — результат будет такой, как всегда. А тут просто нужна политическая воля. Вот "Папа" её и проявил... Не взирая на чины и реалии. Лёш, ну должны же они были хоть один из своих проектов сформулировать так, чтоб его хотелось выполнить?

Оба смеются.

— Не бывает же из ста — сто промахов? — Продолжает Бахтин. — Должны же они хоть раз попасть? Хоть рикошетом?

Оба смеются.

— А тебя к этому делу каким местом? — спрашивает Леша.

— Да я что-то типа системного интегратора... Нас же привлекают для проверок. На наличие коррупции \ соответствие действий уровню компетенции. Там не только ты новый будешь. По госдоходам — вы, как налоговики. Ещё — таможня. Частично — финансовая полиция. В общем, всюду обновления. Вы — новички — столкнётесь с явным и скрытым противодействием. Вот моя задача — сделать так, чтоб вам просто не мешали делать вашу работу. До тех пор, пока ваши законные требования соответствуют общему курсу.

— А курс — это и есть ...

— «Закон один для всех». Да.

— Звучит как сказка.

— Повторяешься. Ты знаешь, какой по счёту в этом самом кресле это говоришь?

Собеседники заканчивают есть и по очереди бросают пустые жестяные банки из-под плова в мусорную корзину.

— Какой?

— Ну вот вчера вечером, например, Душман был. Кто, думаешь, этот плов приволок, что сейчас ели?

— О, как он?! Я думал, плов — твой запас сухпая, ха-ха.

— Не... мой запас сухпая — доширак, — Бахтин открывает ящик стола и показывает плотно забитое пачками пространство. — Душмана на таможеню ставят. Тебя — на налоги. А я — по вашему представлению — наблюдаю за соблюдением законности теми частями Системы, которые под вами. Как-то так.

Собеседники берут в руки кружки с чаем, кладут по очереди сахар из поллитровой банки одной ложкой.

— Бах, а хороший чай!

— Ну так, я ж на должности. Могу себе позволить, а-га-га-га-га!..

— Га-аа-га-га!..

— В общем, мы следим за соблюдением законности на всех уровнях, — Бахтин неопределённо описывает рукой круг над головой. — А к этому относятся, в том числе, правильно и точно выполняемые госорганами функции. По крайней мере, на данном этапе. Хотя, Наш говорит — это ненадолго.

Я провожаю на работу Лену и бегу на пробежку. Сергеевич говорит, что у меня хорошо идёт прогресс и что мне категорически нельзя расслабляться.

После пробежки, отправляюсь поглядеть на инновации в НОВОЙ КЛИНИКЕ. Там идёт монтаж оборудования, подведение

коммуникаций, и ещё куча операций, которые я не понимаю, потому я через пять минут сбегая к И.В., который традиционно достаёт чай и бутерброды.

— Игорь Витальевич, если не секрет. А вот так оперативно смонтировать родильное отделение могут в любой клинике? Если да, почему второго такого Центра в городе нет? А если нет — как вы это организовали?

— Саня, а зачем тебе? — настораживается И.В.

— Да любопытно... Я заметил, что одно и то же дело, порученное двум разным людям или организациям, может дать два полярно разных результата. На примере лично моей работы, от одного сотрудника можно получить идеально чистый салон. А от второго — разбитую по пьянке в хлам машину.

И.В. громко смеётся.

— Саня, я не знаю ответа. Могу только предположить. Мозг — энергозависимая система. И по определению стремится тратить как можно меньше энергии. Это — лень, защитный механизм. Вот большинство людей, по теории сэра Дарвина, плывут по течению. А узкая (во все времена) группа пассионариев к чему-то стремится. Преодолевают себя и двигают развитие цивилизации. Я не историк и не политик, но лично мне кажется, что в нашей стране этот процент между первыми и вторыми разбалансирован. Находится не на природном уровне — расшифровывает он. — Но это — лично моё мнение, как отдельного главврача, запускающего процессы лично. На роль истины в последней инстанции не претендую. Будешь ещё чай?

— Если можно.

— Можно... Кстати, в новой архитектуре у тебя предусмотрен свой кабинет.

— Где? Можно посмотреть? — тут же загораюсь естественным для своего возраста любопытством.

— Рядом с УЗИ, пойдём.

Кабинет УЗИ имеет две двери. Одна — вход в него из коридора. Вторая — в стеклянной стене с односторонней поляризацией — в мой кабинет.

Стекло между двумя кабинетами прозрачно только в одну сторону, с моей стороны. У меня есть пара низких кресел с регулируемым углом наклона спинки, журнальный столик, рабочий стол со стулом, кушетка для осмотров и сейф.

И.В. подходит к сейфу, набирает четыре цифры и достаёт из сейфа ноутбук, бросая мне через плечо:

— Код — один один один один. Нравится? — и протягивает ноутбук мне.

— Очень. — Честно признаюсь.

— В этом ноуте и сейфе хранишь все карты всех пациентов. Поставь пароль. Никому не говори, даже мне. Осваивайся, ключи возьмёшь внизу на охране, когда будешь уходить. Саня, графика приёма ещё нет, потому что не всё готово, но я слёзно прошу тебя привести все свои дела в порядок до следующей недели: очень вероятно, что по УЗИ и по тебе какая-то загрузка уже пойдёт на регулярной основе.

Из НОВОЙ КЛИНИКИ иду в глубокой задумчивости, взвешивая все обстоятельства текущей ситуации.

Перебрав в голове все «ЗА» и «ПРОТИВ», мысленно рисую табличку, где плюсы сравниваю с минусами.

Из несомненных плюсов — возможность скорейшего приобщения к медицине, причём в профессиональной роли. Также — моя легализация в медицине, пусть и через «массажную корку» (куда Лена меня должна отвезти после «суток», надо не забыть взять деньги). Нарботка опыта. Возможная наработка совместных техник с регулярными врачами.

Несомненный минус — высокая вероятность потери основного дохода. В ритме, состоящем из НОВОЙ КЛИНИКИ; плюс школы, которая должна начаться с сентября; плюс спорта, — я работу на чистке не потяну физически. А жену кормить надо, черт.

Лена, конечно, суперская. И поддержит меня во всем на все сто процентов. Но свешиваться на шею *своей* жене ради смутных перспектив в будущем и помощи *чужим* людям сейчас — как-то не интересно. Думаю дальше.

С другой стороны, если подумать ещё. Школу, возможно, можно бросить вообще без потерь. Во-первых, качество школьных знаний, доставшихся мне в наследство, соответствует их количеству: next to useless, по-русски так хорошо не звучит. Иначе говоря, без практической пользы для меня лично. А зачем тратить время на бесполезное?

Пока читал местный интернет, познакомился с некоторыми образцами местной литературы. Один фантаст вообще сформулировал алгоритм, за который его надо носить на руках: в этом мире стоимость информации и методов её сбора стремительно обесценивается, поскольку доступность интернета — это доступ к массивам любой сложности. Вплоть до алгоритмов проектирования турбин промышленных электростанций.

Вместо этого, надо учиться общаться, сотрудничать, анализировать приоритетность и достоверность (он это называет

критичностью), и генерировать новые концепции.

Я бы к его «Концепции четырёх К» добавил упражнения на силу воли. Масса примеров того, что отстаивание своей позиции в этом мире требует не только понимания, а ещё и банальной жизненной стойкости.

Взять хоть и мои примеры контактов с представителями местной власти.

Я уже ловил себя на том, что пока школа мне ни в чём не помогла. Как вариант — уровень требований в ней может оказаться невысоким для меня и сил она отнимать не будет.

Пока по школе — знак вопроса, не хватает информации для оценки ситуации. Со школой решить что-то до моего похода в неё не получится. Откладываем вопрос до сентября.

По спорту — глобальных противоречий нет. Пока рост результатов в одном виде не «гасит» результаты в другом. Правда, плавание текущий я, в отличие от прошлого, не воспринимаю, как приятное для души. Полезное — да. Интересное — да. Но сказать, что я нынешний получаю какое-то эмоциональное удовольствие от него, я не могу. Так что, в случае уплотнения графика, плавание — первый кандидат на вычёркивание из жизненного расписания. Страдать точно не буду.

За размышлениями, дохожу до зала, где переодетый в трусы и майку Сергеевич с «лапами» в ринге руководит Вовиком и ещё каким-то мужиком сорокалетнего (на вид) возраста, примерно нашего веса.

— Саня, привет! Почему опаздываешь? На стене сегодня! Вова с Женей сегодня!

Понятно. Сложным тактическим схемам меня, общим решением, решили пока специально не обучать — ибо мне они в этот раз помогут, как ручной гранатомёт истребителю. Ну или как лазерный прицел на рогатку. Бесполезны, в общем. Моя тактика строится на выносливости, которая у меня намного выше среднего уровня. По остальным пунктам подготовки — достаточно среднего уровня, который у меня уже есть.

Потому сегодня я на стенке луплю завершающие удары двоек и троек, которые оттачиваю на максимальной скорости и максимальной

мощности. С разных дистанций и углов. Без перерыва. Контролируемо усиливая мощность сигнала, подаваемого по нервам к мышцам. Разгоняя мышцы на максимальную мощность.

Монотонная и тупая на первый взгляд работа даёт очень неплохой результат по прошествии времени: я уже не склонен недооценивать автоматизм мышечной памяти. И несущая бетонная стена, на которой оборудована «стенка», уже ощутимо вибрирует и сотрясается под ударами.

Вовик и неизвестный мне Женя тем временем приступают к выполнению какого-то задания Сергеевича. Я, поглощённый своим процессом, не вникаю: не до того.

Около десятка раундов боковым зрением наблюдаю, как они по очереди работают то первым, то вторым номером, периодически меняя рисунок: дальняя дистанция, ближний, подход — серия — выход с акцентированным ударом. Потом Сергеевич что-то говорит (я не слушаю), они сходятся. Женя-левша уходит под левую руку Вовику и бросает свою левую Вовику по корпусу. Я жду, что Вовик крюком в голову сейчас поставит точку в этой тренировке, и сегодняшней Жениной карьере, но этого не происходит: вместо нокаута Жени, Вовик сам сгибается в коленях, падает на колени и упирается руками в пружинящий настил ринга.

Сергеевич спокоен, как удав.

Женя отходит в противоположный угол, стаскивает рукавицы и, тяжело дыша, виснет на канатах, выдыхая в три приёма:

— Вот! Как просили! Я — всё, я сдох, Сергеич!

Я бросаюсь к Вовику, чтоб посмотреть, что с ним. Он в сознании, только стоит, согнувшись, и что-то пытается просипеть.

Сергеевич абсолютно спокоен. Устраиваясь поудобнее на стуле за рингом, говорит:

— Вовик, вот я тебе наглядно доказал. Женя — спасибо! Заходи в любое время! Ты говорил, что на корпус всё выдержишь. Вовик, печень — не вариант! В печень — не выдержишь! Особенно от левши, у которого левая — основная! Саня, да не мельтеши ты, сейчас отойдёт за пару минут! Это не опасно...

Я, делая вид, что слушаю Сергеича, настраиваюсь. Концентрация. Скан. И правда, печень Вовика в проекции сияет

совсем другой частотой, чем остальная брюшина. Получается не резонанс, а взаимно гасящиеся колебания. Также вижу генерацию чего-то, похожего на болевые импульсы, в районе печени, которые «глушат» сигналы, поступающие от мозга.

Говорю:

— Сейчас! — И для отвода глаз беру Вовика за ладонь.

Тут не сложно, контраст очень сильный, механически ничего не повреждено, потому просто посылаю на печень пять импульсов «родной» частоты Вовчика с интервалом секунду. «Частота боли» в печени с третьего раза модулируется в «родную», четвёртый и пятый импульсы — про запас. Вовик разгибается и благодарит.

Сергеевич лениво интересуется у меня:

— Это что было?

— Да у меня девушка — врач, так, мелочи.

Больше никто ничего не спрашивает. Видимо, из общей схемы действия не выбиваются.

Сергеевич подводит итог:

— Вов, ну тебе на сегодня хватит. Я вот специально хотел тебе показать, что по дурости можно и перворазряднику проиграть. Особенно левше.

— Я понял, Сергеич, — сипит Вова, висая на канатах.

— Так, Саня, ну тебе на сегодня — тоже всё. Как *ты* в стену садишь, сильнее, в принципе, и не надо... Я засёк. Двадцать два раунда без перерывов. Ты в бою не сдохнешь таким же темпом?

Ничего себе увлёкся. Я думал, раундов десять прошло, не считал звонки таймера. Отрицательно мотаю головой:

— Не должен. Резерв ещё есть, могу и ускориться.

— Ускоряться не надо. На *этой* области, ты любого «укатаешь» плотностью за первые два раунда. Потом начинаешь вот так садить со всей дури, можно даже в защиту. Оно уже без разницы будет... Если кто-то типа Коваленко на ногах будет убегать — значит, ты его недостаточно измотал. Изматываешь дальше. Через минуту — повторяешь. Если снова нет — ещё взвинчиваешь темп, к четвёртому раунду будет шатать любого. Включая Вовика, да, Вов? — радостно

веселится Сергеевич.

— Пожалуй, — сдержанно выдавливают Вовик.

— А кто такой Коваленко? — не могу не поинтересоваться.

— Да камээс один, очень «на ногах» хорошо стоит. Прозвище — «бегун». Высокий, худой, только дальняя дистанция, очень хорошо перемещается. Ещё встретитесь...

Как обычно, после зала несусь домой, меняю пакет бокса на пакет плавания. Потом привычно несусь в бассейн.

Сегодня в бассейне «заряжают» анаэробную тренировку: много проныров, жёсткий режим в районе минута — двадцать. Это когда проплыл сотню за минуту — отдыхаешь двадцать секунд. Проплыл сотню за минуту девятнадцать — отдыхаешь секунду. Дальше — следующая сотня.

Дистанцию вначале объявляют в полтора километра. После полторашки, тренер говорит без предупреждения:

— Ещё полтора! На психологическую выносливость!

Народ выражает негодование и резко сбавляет темп, выходя из режима. Такое на моей памяти первый раз. Интересно, что это нашему Смолякову стукнуло в голову? Я выкручиваюсь тем, что повышаю гемоглобин в крови и снижаю расход кислорода в тканях.

Кстати, Вовик рассказывал про такое упражнение. Вернее, подобное. Они в армии бегали по десять километров, вылив предварительно воду из фляг. Говорит, только добегаешь десятку — рысишь к воде — а тут команда: отставить! Не пить! Следующие десять километров бегом марш!

Суть упражнения в том, чтоб каждый понял: резервы организма намного больше, чем кажутся. Вовик говорит, на первой десятке думал, помрёт. А на самом деле упал и «сдох» только на четвёртой или пятой десятке.

То есть, организм не хочет бежать первые десять километров, но спокойно пробегает потом ещё пять раз по столько. Ну, почти спокойно.

Не понятно, зачем наш Смоляков такое устроил, но я —

единственный, кто гребёт. Ещё пытается тянуться «в режиме» Анька, но я бросаю за ней следить, так как концентрируюсь на себе.

После тренировки из любопытства прямо из бассейна спрашиваю тренера:

— Виктор Александрович, а что это было? Что за удлинённый марафон «в режиме»?

Все тоже с интересом прислушиваются.

— На соревнованиях бывает всякое, — отвечает Смоляков. — Судорога — ни с того ни с сего, вот на ровном месте. Прямо на старте. Или неудачный старт — и под очки вода затекла. А плыть полтора или восемьсот. Или на развороте после кувырка воды хлебнули. Если растеряться — в лучшем случае, потерянная пара секунд. А это — стоимость всей дистанции. А вот такой двойной марафон — это и на скоростную выносливость, и на психологическую.

Что-то он темнит. Я не ахти какой эмпат, но что-то он лукавит. По нём видно.

После тренировки, по привычке идём вместе с Ануш. По пути, ловлю себя на том, что все мысли — о Лене. Как ни странно, никакого негатива у Аньки это не вызывает.

Из бассейна, не переодеваясь, рулю сразу на чистку. В темпе делаю два салона — чтоб успеть подготовиться к ночному походу к Лене. В конце работы появляется Илья — снять кассу и завезти расходники.

— Привет трудягам! — бахает рядом со мной тридцатилитровую канистру с реагентом на пол. — Ты уже?

— Практически. Сейчас сделаю деодорацию последнего салона — и можно шабашить. Илья, у меня есть разговор. Можем пообщаться?

— Ну я в «стекляшке», — указывает на зону ожидания для клиентов. — Закончишь — жду.

Через пятнадцать минут Илья протягивает мне чашку с кофе, вторую берет сам.

— Саня, слушаю. Уже спиной чувствую, что ты не порадовать хотел.

— Гхм. Ну, не то чтоб «не порадовать», но пообщаться надо.

— Саня, смелее, я понимаю, что идеальный работник — это сказка. Которая очень быстро заканчивается, ха-ха-ха.

— Да не совсем так. В общем, вы в курсе, что я живу один. Кормлю себя сам. Вот задумался о будущем. В перспективе, наверное, хочу поступать в мединститут. Но с моим уровнем, это — очень большой вопрос.

— Не то слово, — соглашается Илья, садится и закидывает ногу за ногу. — Мед — один из самых дорогих институтов в городе. Дороже — только юридическая академия. И то, не факт, что намного.

— Точно. Знакомые из одной клиники сделали предложение. Я помогаю им в качестве вспомогательного персонала — и к моменту поступления имею пару лет медицинского стажа. Что учитывается при поступлении. Плюс — рекомендации самой клиники имеют значение. Плюс — меня там уже сейчас могут начать в чём-то натаскивать, даже в той же анатомии.

— Так. Спасибо, что сообщил. Но если б это было единственным пунктом разговора, ты б просто сообщил об уходе, нет? — быстро ориентируется Илья. — Значит, есть ещё какие-то моменты?

— Меня более чем устраивает работа тут — графиком, доходом и отношениями с Компанией, — честно признаюсь. — Я ещё молодой. Своего опыта мне может не хватить. Мои родители говорили, если не хватает опыта — посоветуйся с тем, кто старше. Не знаю, на что решиться.

— Ну, давай тогда с намерений... Я понимаю, что автомойка для адекватного человека — далеко не предел мечтаний. Не смотря на все доходы. С другой стороны, ты говоришь, по каким-то причинам доход для тебя критичен. И доход, который ты имеешь от сотрудничества с нами, тебя более чем устраивает. Я прав?

— Да. Всё так.

— Давай вместе подумаем. Чисто теоретически. Что может дать тебе две возможности? Первую — оставить за собой доход тут; вторую — высвободить время для работы в клинике? У меня есть моё решение, но именно эту задачу ты должен решить сам. Без подсказок.

Только тогда ты сможешь практически реализовать решение. — В нём опять просыпается акула капитализма.

Я бы мог вступить в спор, что знаю кучу людей, которые отлично знают в теории, какое решение правильное. Но, тем не менее, никогда его не реализовывают. Взять тех же алкоголиков либо вороватых политиков.

Вместо спора говорю то, что просится само на язык:

— Делегирование.

— Подробнее? У меня та же мысль, но как себе это видишь ты?

— Начерно — я сам подбираю персонал, который может меня заменить. В своей возрастной группе, на своём социальном уровне. Я долго думал, кого можно привлечь сюда.

— Что надумал? — живо интересуется Илья.

— С учётом минусов, которые вы упоминали, решение только одно: стратегия по кадрам — как в МАКДОНАЛЬДСЕ. Первое — не прекращаем принимать заказы. Второе — набираем штат с учётом кадрового резерва. Чтоб на каждого работника всегда был кандидат, который может его заменить. Третье — тщательно определяем портрет потенциального работника. ДО приёма на работу.

— И какой ты видишь портрет?

— Трудоспособный, в хорошей физической форме, человек без вредных привычек, временно находящийся в очень сильной материальной зависимости. Согласный на любую честную работу — даже не престижную, лишь бы хорошо оплачивалась.

Я действительно давно об этом думал. Потому ответ готов.

— И кто это в жизни?

— Иногородные студенты вузов, которые учатся по контракту. И семьи которых очень напрягаются, чтоб оплачивать этот контракт. Буквально на грани.

— Хм... Дальше?

— Дальше — по схеме. Рекрутинг. С учётом вышесказанного. Обучение. Адаптация. Создание кадрового резерва. Потом — я им делегирую свою чистку, контролирую результат, при необходимости исправляю огрехи. Но — не работаю всю смену руками.

Илья встаёт и начинает ходить по «стекляшке» вперед — назад:

— Логично. Для получения хорошего высшего образования, можно ещё и не так напрячься. Это я про студентов. Выглядит логично. Как ты себе видишь на практике механизмы контроля? Пожалуйста, подробнее. Я не хочу терять целый сегмент, на котором мы только начали закрепляться. Но и нагребать лишние риски, как раньше, тоже не хотелось бы: одно дело — ты. Мы уже притерлись. Другое дело — незнакомая молодёжь, которой мы будем доверять машины по пятьдесят тысяч долларов.

— Приём на работу — тестовые два-три дня. На этой работе уже по первым пяти салонам можно сказать, будет человек работать или нет. Пьющих я вижу сразу, просто поверьте. Обучение — до недели. Первые смены — только со мной. После того, как видим, что человек готов работать сам, Вы его принимаете на работу официально. Закрепляем за ним материальную ответственность. И вперёд.

Поворачиваю к Илье монитор рабочего компьютера:

— Вот — система видеонаблюдения. Сигнал камеры выводится хоть и на телефон. «Под ключ» стоит триста долларов. Их я готов заплатить сам. Контролирую свой персонал стопроцентно: на этапе приёмки машины — через камеру. После чистки — прихожу сам в любое время, хоть в два ночи. И смотрю качество чистки. Если есть косяки — исправляю сам. С работником на следующий день выясняю причины. Вчерне — так.

Илья ещё какое-то время ходит из стороны в сторону:

— Саш, я услышал. Дай мне, пожалуйста, день подумать. Сейчас ничего не обещаю — но я тебя услышал и навскидку возражений не имею. Мне нужно какое-то время покрутить эту схему в голове с разных сторон. Завтра ты будешь как обычно?

— Да, но до конца недели хотелось бы определиться, как мы движемся дальше. Только определиться. Мне ведь, если ДА, ещё искать людей и обучать их.

— Договорились.

Дома думаю, что бы взять Лене из еды. С одной стороны, она там у себя как-то питалась и без меня. С другой, нельзя ехать в рабочий коллектив с пустыми руками. В итоге, не придумываю

ничего лучше, чем купить колбасы, сыра, лаваш и соус.

Приезжаю в больницу и вызваниваю Лену. Она выходит на улицу возле приёмного покоя из какой-то неприметной двери, открыв её своим ключом изнутри.

— О, привет, идём! — бросает она мне и мы исчезаем за этой неприметной дверью, закрыв её за собой на ключ. Лена долго ведёт меня какими-то коридорами, пока мы не оказываемся в маленькой комнатке, в которой почти нет свободного места: стол, пара стульев, кушетка, маленький холодильник на подоконнике, дверь в санузел.

В этой комнате сидит высокая девушка, такого же роста, как Лена, смутно знакомая по прошлому разу. Лена кладёт сзади руки мне на плечи, направляет к кушетке и говорит:

— Асель, знакомься, Саша. Саша, это Асель, мы работаем вместе. Когда-то и учились вместе, но после моего развода закончили с интервалом в год.

Я немного в курсе реалий, потому спрашиваю:

— Вы — казашка?

— Да, а что, не видно? — смеётся Асель, которая ярко выраженная азиатка.

— Ну, я парень молодой и неопытный, потому заранее извиняюсь, если что не так.

— Мелкий, не парься... Она мне как сестра. Она о тебе всё знает, так что можешь не буксовать, — сообщает Лена.

Ну ладно. Так даже проще. Достāju еду из пакета:

— Доктора, вы голодны?

— О, это ты вовремя! — синхронно трут руки доктора и за пять секунд всё оказывается мелко порезанным и даже разложенным по тарелкам. Откуда-то из-за холодильника извлекаются чистые вилки и ложки. Почти праздник жизни. Три литровых бутылки минералки, предусмотрительно купленных вместе с колбасой, оказываются тоже кстати.

— Слушайте, а у вас все доктора — модели? — спрашиваю почти без задней мысли, вызывая дружный смех.

— Будешь смеяться, но она — и правда модель. — Говорит

Лена, давясь колбасой от смеха. — Во всяком случае, имела такой опыт.

— Когда жила год в Пекине и стажировалась по обмену, подрабатывала на показах мод, — сообщает Асель. — Один выход — примерно шестьсот юаней, до трёх выходов за вечер.

— А сколько это в деньгах? — уточняю, поскольку не в курсе курса юаня.

— Примерно один к шести. Грубо — сто долларов за выход. Но в Пекине это совсем не много, поверь. Хватало ровно чтоб питаться так, как хотелось.

Дальше они продолжают какой-то свой разговор, прерванный, очевидно, моим появлением.

— После 5 месяцев в гнойной хирургии, меня переводят на наркозы для плановых операций, — рассказывает Асель.

— Гнойная — это осложнения после операций, самая неблагодарная работа; там летальность всегда зашкаливает, — поясняет для меня Лена. — А плановые наркозы — относительная халява: подготовленные больные, устоявшиеся бригады, привыкшие к требованиям, всё без лишних приключений.

— Ага. Как правило, до обеда отведешь все наркозы, после пятнадцати — осмотр следующих больных на операцию, запись в историю болезни, и домой в пять вечера. — Продолжает Асель. — С предыдущей каторгой не сравнить. Но когда экстренный случай, ему плевать, что ты сейчас больше анестезиолог и вообще работаешь, считай, в зоне комфорта. Осмотрела я плановых больных на операцию в хирургии. Иду в ординаторскую записать осмотр. Тут из палаты выбегает испуганный хирург, видит меня, хватает и тащит: «Остановка!» — Кричит. — «Он упал, сознания нет, не дышит, синий, что случилось не знаю, только что был нормальным! Там все!»

— Вызывай реанимационную сестру, соду в палату, перчатки! — говорю. Забегаю в палату, отмечаю автоматически время, 16:34, 12 секунд, два хирурга мерно раскачивают больного на кушетке, видимо пытаются провести массаж сердца.

— Перенести на пол больного — говорю. — Где перчатки?

«Их что то нет», — растерянно бормочет медсестра.

Проверяю ротовую полость — полно рвотных масс, блин, придется без перчаток. Очищаю, выдвигаю нижнюю челюсть, дыхательные пути открыты! — набрасываю марлю на рот, два вдоха, 14 толчков на грудину, 2 вдоха, 14 толчков на грудину. А в голове мысли: "Дома есть нечего и, наверное, не будет; уйду я теперь не раньше семи, боже, надо тому больному затребовать альбумин на операцию! Кошмар мы так долго возимся! Почему всё так долго? Где реанимационная сестра? Почему никто, кроме реаниматологов, не умеет правильно проводить реанимацию? "

И кажется, двигаемся медленно, липко, всё очень долго, теряем минуты пациента, у которого, надеюсь, взяли анализы на СПИД и сифилис, потому что я без перчаток.

Гляжу на часы — а прошло только сорок пять секунд. Два вдоха, четырнадцать толчков — и тут он вздохнул. Появилась пульсация, давление 60 на 20. Ура, можно найти вену и ставить систему — соду струйно, преднизолон, полиглюкин. Давление повысилось до девяноста, больной пришел в сознание, прибежала реанимационная сестра, «вовремя»!

«Асель, спасибо», — лепечет хирург.

— Что со СПИДом и сифилисом у больного?

«Взяли, но результатов нет», — жалко улыбается хирург.

— Твою мать! Через 3 дня пришли все анализы больного, слава богу, оказались чистыми. — Заканчивает она.^[6]

Воображение играет со мной злую шутку: когда доктора в конце этой истории смеются, я даже есть не могу: живо представив себе всё в деталях, наверное, на сутки испортил аппетит.

Во время дальнейшего дежурства, девочек периодически дёргают. Мне приказано никуда из этой маленькой комнаты не выходить, что и исполняю.

На маленьком столике стоит маленький ноут Асели, в котором она в свободные минуты что-то ожесточенно педалит, едва не выбивая искры из клавиш. Зависание в сети, впрочем, не мешает ей общаться с нами. Завидую: первый раз вижу человека, который может общаться по двум каналам одновременно. На всякий случай, присматриваюсь: ничего необычного. Мозг как мозг. Просто очень быстро переключает фокус сознания. Интересно, это её личная особенность? Или азиатская? Или профессиональная фишка любого реаниматолога?

Своего ноута я по запаре не взял. Можно было бы поспать — но будить будут каждые полчаса. Да и неспортивно это, если пришёл поддерживать Лену. Кстати, она, видимо, с кем-то о чем-то договорилась, и кроме нас двоих и Асели в комнату больше никто не заходит, только если позвать их по рабочим делам.

Девочек в очередной раз куда-то дёргают. Вернее, дёргают Аселя — что-то нужно срочно заполнить. Я не вникал, что. А Лена плетётся с ней за компанию что-то там засвидетельствовать. После ещё полчаса моих блужданий от стены к стене, они залетают обратно взмыленные, как кони. Лена бросает:

— Мы на секунду! — и они по очереди скрываются в санузле. Хм, загадочно... Во время этой их «пересменки», Аселя выходит, а Лена туда наоборот залетает. Пользуясь моментом, спрашиваю:

— Асель, можно я в интернете посижу? С твоего компа?

— Да без проблем... Только как вернусь — сразу освобождаешь, окей?

— Конечно, — удивляюсь я.

Она поясняет:

— Ну тут делать бывает в паузах нечего, но большинство людей личных компов не носит. Сидят с телефонов. А если нужно какой-то

большой личный текст набрать — на телефоне же это горбато делать. Рабочий комп исключён. Вот все ко мне щемятся. Бывает, дашь человеку на полчаса, пока сама занята — а потом не сгонишь по часу. Вот сразу предупреждаю: как вернусь — ты встаёшь.

— Конечно, разумеется. — подымаю брови.

— А что ты там, кстати, так подолгу пишешь? — интересуется вышедшая из санузла Лена.

— Записки врача, — заметно стесняясь говорит Асель. — Уже почти шестьсот тысяч знаков.

— Какой интересный способ измерения проделанной работы, — смеёмся мы с Леной.

— Зря ржёте, — обижается Асель. — когда было двести тысяч знаков, я эти записки от нечего делать выложила на фейсбуке. Ну, я тогда ни знаками, ни чем-то вообще не оперировала. У меня сразу откуда-то за неделю — двадцать пять тысяч подписчиков. С сотни близких хорошо знакомых друзей. Я тогда в гнойной работала, у нас ещё некомплект по штату был, в общем, домой что называется еле доползала. Взяла как-то в каком-то трансе — и выложила на фейсбук «личные впечатления». Через неделю захожу — мой аккаунт только что не дымится. Более двух тысяч сообщений в личку. Комментарии — живут своей жизнью, за три часа даже четверти не прочла. И отдельно — письмо от одного издательства. Предложили «добить» до пятисот тысяч — и тогда издадут. Но условием поставили — убрать с фейсбука и изо всех других открытых публикаций, если есть.

— А ты что? — живо интересуюсь я.

— А я — самостоятельная восточная женщина. Которая всегда привыкла думать мозгами и все предложения воспринимать критично.

— Так, ты мне тут парня не испортить! — обвивает моё плечо рукой Лена, все смеёмся.

— Так что дальше-то? — тороплю. Правда интересно.

— Ну а дальше я не поленилась, перевела за свободные два дня половину на китайский и послала знакомым в Пекине. Частично — запостила самостоятельно в китайском вечате, чтоб посмотреть реакцию.

— Иии? — это уже Лена. — Ты не рассказывала!

— А чего рассказывать, тебя всё равно в соцсетях нет! Ну что «и»? Врач — он везде врач. Если коротко, издаться вообще лучше будет в Китае, благо, перевести себя сама могу. Там — похожая реакция, но с поправкой на количество читателей в большую сторону. Редактор тамошний потом только стилистику поправит. Хотя, у них всё, что пишет оперирующий в неотложке хирург или реаниматор — автоматически неприкосновенное. Редактор может только рекомендовать. А так, на уровне социального стандарта считается, что «кроить» изложение спасающего жизни врача — неэтично. В общем, этнопсихология, не объяснишь. Там пожить надо.

— А почему издаться лучше в Китае? — спрашиваю я.

— Деньги. — Асель зачем-то плюёт три раза, повернувшись головой назад, потом стучит по пачке с бумагой для принтера, старательно избегая пластиковой крышки стола, потом признаётся, — вот на экран смотрите. Даже говорить вслух не буду, чтоб не сглазить. Это — цифра у нас. И для этого надо отовсюду удалиться, с фейсбука, с контакта, и так далее. А вот — цифра в Китае. Они, правда, считают знаки иначе, но нашими знаками я уже прикинула — семьсот тысяч наших знаков надо. И ниоткуда удаляться не нужно. Я сейчас на фейсбуке оттачиваю, что и как. Сам текст. Потом в китайский текст переношу только чистовой вариант. Вот.

— Мать, ничего себе, ты, оказывается, звезда? — удивлённо присвистывает Лена.

— Ну да, — скромно улыбается Асель. — Тебя ж в фейсбуке нет, ты и не знаешь.

— Да я ж тогда при разводе как удалилась отовсюду, так до сих пор и ни ногой...

— А сейчас-то чего?

— Ну-у-у, сейчас уже, конечно, можно. Особенно бывшего подраконить, муа-ха-ха. У меня теперь Мелкий есть, — Лена кладёт сзади голову мне на плечо. — Но тут два момента. Мелкий у нас ещё школьник — это раз. Стремновато как-то на весь мир сознаваться. А второе — у нас так всё стремительно закрутилось, что я опомниться не успела, как к нему переехала. Да и не до соцсетей сейчас.

В этот момент в двери снова засовывается чья-то голова и

спрашивает:

— Ну вы где? На пяти минут же договаривались?!

Девочки, ойкнув, опрометью кидаются на выход, А я, с разрешения Асели, сажусь на её комп. Флешки с интернетом в нём нет, потому раздаю на комп сеть со своего телефона, выхожу в фейсбук и из любопытства нахожу там Аселю.

Присвистываю. Ничего себе, около полусотни тысяч подписчиков. [\[7\]](#)

«Врачебные записки. Наркоман

27 мая 20.. г. в 09:22

Врачебные записки.

Наркоман

Его перевели из терапевтического отделения с диагнозом пневмония. Не смотря на лечение, состояние необъяснимо ухудшалось. Молодой прокурор из высокопоставленной семьи. Характерное психомоторное возбуждение, сниженный иммунитет, тяжесть течения банальной пневмонии, истощенность натолкнуло на подозрение наркомания. Больной вначале отрицал. Мать при сборе анамнеза закатила скандал, обвинив в не профессионализме, отец хмуро отмалчивался. Но по прошествии 4 часов нахождения в реанимации, больной сам стал требовать наркотики, анализы крови были неутешительны. Решено потихоньку выводить его из абстинентного синдрома.

— мы будем тебе вводить наркотики, они чистые, короче по продолжительности, дозу потихоньку будем уменьшать, время между приемами увеличивать.

— Ты что колел?

— Герыч, ради бога, быстрее вколите!

— Ты должен будешь нам помочь, полного расслабона не получится, херовато будет. Главное — соберись и терпи. Завтра утром тебе проведут гемосорбцию, почистят кровь. — объясняет ответственный.

— Быстрее только!

Назначаем больному также седацию и, зафиксировав руки,

обездвиживаем. После 2 инъекций наркотика проходит 6 часов, действие наркотического препарата уже прошло, больной становится беспокойным. Я сижу в ремзале, единственный врач на все отделение, вся бригада на экстренных наркозах и вызовах. Больной находится в не моей дальней палате, для среднетяжелых. Но сквозь стеклянную стенку вижу подозрительные манипуляции, пациент умудрился развязать левую руку, бегу в палату. Он умудрился выхватить шприц у медсестры и уже размахнулся, чтобы ударить, отталкиваю ее и отвожу от удара, но сама оказываюсь в опасной близости, еле отклоняюсь, игла проходит рядом с глазом.

— Ты что творишь?

— Отпустите меня! Мне срочно нужно домой! — пытается замахнуться еще раз, но обессиленно откидывается на кровать, бросает шприц, пытается развязать правую руку. Делаю шаг навстречу.

— Не подходи, сука! — хватает снова шприц.

— Когда следующая инъекция промедола? — спрашиваю медсестру.

— Через 3 часа — испуганно отвечает.

— Мы тебе сделаем ее раньше, успокойся.

— Говно ваш промедол, только мучаете меня, я не выдержу 3 часа.

— возможно мы сделаем его прямо сейчас, отдай только шприц! — Приготовь диазепам, — тихо командую медсестре.

— Я ему не буду делать инъекцию.

Взяв шприц, вкалываю седативное, через минут 10 больной успокаивается, забираю завоеванный им шприц, как трофей, повторно связываю левую руку. Всю последующую ночь приходилось бегать успокаивать, разговаривать, наркотики по плану кололи реже. На утро дневная бригада провела гемосорбцию, больной пошел на поправку, состояние улучшилось, через 2 дня перевели из реанимации в отделение. Но перед выпиской из больницы больной внезапно умер от тромбоэмболии»

Хм, прикольно. Надо будет Бахтину дать почитать. И посмотреть, что он скажет. Вижу, что случай реальный. Интересно,

это одиночный случай или всё-таки социальное явление? Ещё интересно, как он прокомментирует...

А у неё — действительно талант.

Увлекаясь, чистаю дальше.

«Врачебные записки. Срочно нужны доноры!»

27 мая 20.. г.

Срочно нужны доноры!

Звонок из станции скорой, (редкий случай), бригада реаниматологов, к вам едут 3 кареты скорой, ДТП, 5 пострадавших, состояние крайне тяжелое. Оставляем 1 врача в реанимации, вдвоем бежим в приемный покой, хирурги уже ждут. Подъезжают с мигалками скорые, на носилках завозят окровавленные тела, стоны, плач сопровождающих, кровавое месиво, милиционеры. У 4 пульс прощупываются, у 1 прерывистое поверхностное дыхание, пульс нитевидный, самый тяжелый!

— Аселя, берешь этого пацанчика, мы с Канатом берем по 2 больных на параллельные столы!

Завозим в операционную, пока больных раздевают, моют, вызывают рентгены, набирают кровь на анализы, мы, реаниматологи — анестезиологи, начали уже биться ... Быстро интубирую, подключаю к аппарату искусственной вентиляции, есть! Одна витальная функция взята под контроль, и при этом он не умер! Ставлю катетер в подключичную вену, струйно ввожу физраствор, вливаю за 5 мин 1000 мл, держись, парень, мне бы успеть восполнить твою потерю крови.

Вводный наркоз, хирурги делают разрез — полный живот крови, отсос, нашли сосуд на 10 минуте! Парень, ты фартовый! Давление? — 60/0, неплохо, неплохо. Определилась наконец группа крови, сразу в истории прошу 8 доз плазмы 2 дозы эритроцитарной массы, отправляю в отделение переливания. Через 20 мин приходят 4 плазмы и 2 эритроцитарной, я — красавчик, практически выбила необходимую дозу, начала гемотрансфузию, давление поднялось 90/30. Операция завершена! Больной вышел из травматического шока под утро, остальные пострадавшие также спаслись!

Но утром подходит ко мне мрачный ответственный:

— Асель Тогжановна, за ночь отделение прокапало 50 доз препаратов крови, из них вы — 25, отделение переливания возмущены и готовиться на вас писать рапорт.

— Не, а что я, виновата? У меня 5 тяжелейших больных с ДВС синдромом, я же не пью эту кровь, как бы больным?!

— Впереди праздники, банк крови 3 дня не сможет восполниться, вы должны привести 100 доноров, говорят иначе удержат с зарплаты.

— О, 100 доз крови, — прикидываю в голове, — это же практически моя зарплата за 3 года! Я согласна!

— Хватит ерничать, ищите доноров!

Пришли родственники парня с ДТП, тревожно вглядываются в меня, со страхом ждут известий.

— Состояние стабильно — тяжелое, недавно стабилизировалось давление, пока находится в состоянии медицинского сна для защиты головного мозга, да все есть, но нам нужны доноры, много доноров, сегодня тоже необходима кровь.

— Вы что, доктор! Неужели у вас нет крови! Вам столько ее сдают! Да как вам не стыдно! Мы конечно сдадим, но почему вы требуете много крови? Неужели у вас хватает совести в минуты горя требовать то, что вы обязаны и так нам дать! Мы на вас напишем жалобу!

— И рапорт тоже, и попросите удержать еще с моей зарплаты, но вашему мальчику действительно нужна кровь. Ему, а не мне.

Жалобу и рапорт никто не написал, родственники нашли 20 доноров, еще 60 подогнал другой родитель, директор чего-то, организовав в добровольно— принудительном порядке своих подчиненных»

Как говорят на местном фейсбуке, **ничосе**.

Я тут считал себя героем социальной ответственности, ну, местами — Бахтина. По тем осколкам, что успел ухватить из общения с ним.

А тут оказывается есть люди, намного серьезнее жертвующие собой изо дня в день, годами, без перспективы даже на нормально

налаженные материальные аспекты.

Когда мокрые от пота девчонки появляются в очередной раз, я уже совсем другими глазами смотрю и на Асель, и на Лену.

Поворачиваю экран компа так, чтоб Асель видела, и признаюсь:

— Слушай, я прочёл кое-что. Супер. Ты действительно классно пишешь.

Асель устало улыбается:

— Саш, такое может написать любой из наших врачей. Ну, почти любой. Кто-то меньше, кто-то больше. Я поначалу даже не ожидала, что это кому-то может быть интересно. Писала просто чтоб самовыразиться. И чтоб сбросить напряжение.

— Она у нас — мусульманка, не пьёт, деликатные моменты тоже на минимуме, — закладывает Аселью Лена.

— О! Это религия, где можно несколько жён? — воодушевляюсь, сопоставив то, что читал раньше в интернете.

— Нет, мусульманка — это очень сильно сказано. Жума намаз — не ко мне. Ну, мечеть по пятницам, — поясняет Асель, видя моё непонимание. — Хиджаб не соблюдаю, никаб не ношу. — Мне по прежнему не всё понятно, но она не объясняет. — В общем, да. Сбросить напряжение мне было нужно. Факт. А сейчас, когда замаячила серьёзная финансовая перспектива — это просто стимул быть востребованной не только на работе, а и как член общества. Ну и, ладно, конечно, материальный вопрос: я — не она, — тычок пальцем в сторону Лены. — У меня материально всё сложнее. Для меня источники дохода — не третий приоритет.

— Ну-у-у, иди сюда, я тебя поцелую, моя скромная девочка! — Лена притягивает Асель за хвост к себе и сверху целует в лоб.

— Не всем же свезло с родителями, эхх... Ладно, это мои комплексы! Лена всё знает. Она меня, кстати, и психотерапевтирует порой.

А, точно. Лена ж ещё и психолог, кроме прочего. По второму ненужному диплому.

— Ассоль, скоро конец смены. У меня вон Мелкий сутки на ногах, а у него сейчас сексуальный период. — Видя непонимание, Лена поясняет, — Ну он вначале плавает. Как марафонец.

— Только по пять — шесть кэмэ, — скромно поправляю.

— Потом у него бокс, потом — его работа. Ещё он меня кормит.

— Я в восхищении! — широко открывает глаза Асель и демонстративно всплескивает в ладоши. — Значит, все дотации твоих родителей, сестра, теперь могу взять я?!

Они смеются чему-то своему, мне пока не известному.

— Э-э-э-э-э, стоп! Он у нас есть готовит! Каждый день, вкусно, помногу и разное. Ну и в другом смысле тоже, кормит, да, но мы с ним это ещё обсудим. — Лена тяжело опускает ладони мне на плечи. — Да, дорогой?

— Куда ж я денусь от такого напора, — бормочу.

— Лен, так ты чё, ты сегодня опять не домой? После смены? — почему-то волнуется Асель.

— Эм-м-м... Как бы это поделикатнее, — трёт нос Лена. — Ася, в общем, я переехала к мелкому.

Не понимаю, что происходит, но по Аселе видно, что для неё это очень неприятно. В слёзы она не кидается, но не нужно быть эмпатом, чтоб увидеть резкий провал чуть не в депрессию.

Я понимаю, что я чего-то не понимаю, потому встаю, беру Асель за ладонь, смотрю в глаза и спрашиваю:

— А в чём проблема? Что не так? Она — взрослая девочка, это же нормально. ТЕБЯ что расстраивает?

— Э, Мелкий, а ну убрал руки! — Лена отрывает мою руку от Аселиной и смешно толкает животом на шаг назад. — Ася, я расскажу ему?

— Давай, — в полупрострации соглашается Асель.

— В общем, Аселе тут местами негде жить. Раньше было. Здесь — это в этом городе. По ряду карьерных, материальных и визовых вопросов, эту работу она оставить не может. И ещё какое-то время не сможет, даже если её книгу в Китае издадут и все деньги принесут ей, перевязав верёвочкой. С института, когда я загуляла в процессе развода, меня колбасило и штормило серьёзно. Как-нибудь расскажу, что я на том этапе перепробовала, в общем, вспоминать не охота. Неприятный период, чего уж. Я ж тогда ушла в академку и со связи.

У всех одноклассников резко сократился доступ к возможностям моих родителей — я ж с горизонта испарилась. Оказалось, что это было главной причиной нашего общения, мои родители, в смысле. Из всей группы только Асель не перестала со мной общаться. Ну и на каком-то этапе помогла выйти из той психологической жопы, в которую я сама себя чуть не загнала.

— Потом вышло так что мне негде было жить, — подключается успокоившаяся Асель. — А у Ленки — огромный домина, ещё флигель. Их там всего трое.

— Пятеро с собаками, — говорит Лена, впиваясь зубами в оставшийся кусок колбасы.

— В общем, когда гудели по клубам, боулингам, всё такое, мы часто к Ленке ехали ночевать: места много, комнат — как в замке, и намного лучше, чем в общежитии. Где или воды нет, или света, или пьяные крики всю ночь.

— Да-а-а. В общем, Ассоль стала жить у меня. Ну и нас обеих это более чем устраивает. А сейчас, когда я у тебя зависла, она мне уже два дня телефон обрывает.

— Лен, ну как я дальше могу жить у тебя, если ты сама там не живешь?! Твои родители — чудесные люди!.. — Асель начинает фразу, но не заканчивает.

— Они очень тебя любят! — Перебивает её Лена.

— В общем, мне неудобно жить с Лениными родителями, если её нет рядом. А я за эти годы привыкла, — тяжело вздыхает Асель.

— Мать, а я-то думаю! С чего это ты о моём моральном облике так озабочена за эти дни?! — подозрительно косится Лена на Асель.

— Так а как я тебе могу объяснить, если ты даже носа не показываешь? Не по телефону же? Лен, я съезжаю от твоих родителей. Если ты переехала, — убитым голосом заканчивает Асель.

— Вот Мелкий. Это и есть проблема. У неё сейчас из её доходов — только зарплата. Тут. На неё квартиру не снимаешь.

— Ну, есть служебное общежитие, — без энтузиазма бросает Асель.

— Так, всем стоп. — Решаю я прервать неконструктивный

брифинг. — Лен, вы давно живёте вместе, вернее жили. Сейчас ты у меня, поэтому Аселе негде жить? Я правильно понял?

— Всё точно, — вместо Лены отвечает Асель.

— Лен, так у нас же есть ещё одна комната и квартира.

— Где? — широко открывает глаза Лена.

— Ну где я живу — там две квартиры. А-а-а, я тебе не объяснял. У нас с родителями всегда было две однокомнатных рядом на лестничной клетке. Родители и сестра уехали — ты в курсе. Мне одному столько много. Две кухни — точно перебор. Поэтому мы сделали небольшой ремонт: квартиры соединили дверью изнутри, лишнюю кухню переоборудовали во вторую комнату, а последняя комната второй квартиры — за шкафом в коридоре: ну, мне такая площадь не нужна. Чтоб пыль не летела, я там всё законсервировал, запечатал и на дверь шкаф поставил. Мне туда вообще ходить незачем. Ну, типа резервного помещения. Там, кстати, и второй санузел же — ванна, туалет.

— Да ты полон сюрпризов, мой маленький рыцарь, — подозрительно прищуривается Лена, подходя ко мне и садясь мне на колени верхом. И жёстко фиксируя меня на стуле так, что я даже не могу пикнуть. — Что ты ещё не рассказал своей половине?

— Да я не скрывал. Просто к слову не пришлось. Ну ты у себя дома часто ведёшь гостей по кладовкам, сараям и другим техническим помещениям?

— Мда, логично. Отмазался, — слезает с меня Лена. — А то я уже подумала... Ассоль, что скажешь? — И, не слушая, что ответит Асель, продолжает, — У Мелкого — классно. Уютно, чисто, мебель и обстановка даже мне нравятся. Питание — пятиразовое, если он выходной, и трёхразовое — когда он тренируется или работает. Мелкий, что у нас будет на завтрак сегодня, как вернёмся?

— Ещё не думал. Наверное, лоббио, жареный рис с овощами, пара салатов. Куриное филе в соусе ещё, чтоб быстрее.

— Вооот! — подымает палец Лена. — Асель, в общем, наша семья тебя приглашает, хе-хе. Оказывается, у нас ещё комната, вторая ванна и второй сортир есть... а я и не знала...

— Даже не знаю. Не удобно. — серьёзно сомневается Асель.

Лене, судя по её виду, надоедает кого-то уговаривать и уламывать после смены и она завершает уже без шуток:

— Ася, у тебя есть более близкий человек, чем я?

— Ну, ты же знаешь...

— Вот. А у меня теперь — Мелкий такой же близкий. Когда я говорю — я говорю от нас обоих. Тем более, всё при нём происходит и он сам предложил. Нас ты ни капли не стеснишь, более того, я там даже не подозревала про эту вторую жилплощадь до этого момента. Если мы с тобой — родные люди, ты должна воспринимать всерьёз и моих родных людей?

— О-о-о. Опять эти психологические манипуляции, — кажется, оттаивает Асель. Поскольку перестаёт депрессировать и о чем-то задумывается.

— Нет. Просто логика, — отсекает Лена. — Жду ответ.

— Ну должна...

— Ну вот и воспринимай. Мелкий — тоже мой родной человек. Теперь. — И далее — обращаясь ко мне. — Мелкий, Асель — мой второй родной человек, нууу, не считая родителей, но о родне не будем. Живём ведь вместе мы, а не родня. Так, родня моя! Оба! Итожу: после смены едем к нам с Мелким — двигаем этот шкаф, наводим порядок и заселяем Аселью.

— Там и свой независимый выход есть, — говорю. — На ту же лестничную площадку. Получается, там только кухни нет. Но кухня есть у нас, в общем, разберёмся.

— Мда... Какая-то казахская семья получается... — бормочет Асель, но уже без трагизма в голосе.

— Это как? — неподдельно интересуюсь.

— НУ у нас же помногу детей в семьях. Например, у моей бабушки по маме — пятеро братьев и сестёр. У дедушки — четверо. У мамы и папы — по трое братьев и сестёр. И так далее. Когда мы все вместе собираемся, это сто двадцать человек только до троюродных. К моим родителям, например, запросто может приехать внук сестры бабушки — поступать в институт. Конечно, никакого общежития, живёт только у нас. Если он срежется — слава Аллаху. Но если он поступит — он все пять лет живёт с нами в доме. Другой

вариант даже не рассматривается, просто общество не поймёт.

— А если он на третьем курсе женится? — мне становится ещё интереснее, чем вначале.

Лена в этом моменте разговора начинает истерически ржать: видимо, напряжение после смены плюс она уже знает что-то, чего не знаю я.

— В идеале, должен искать себе жилье. И как кормить. Но часто — приводит жену прямо сюда. Например, со мной мой троюродный брат так два года и жил с женой.

— Теперь я понимаю, почему так ржёт Лена... — бормочу.

— Да, рассказывать тут — мне и самой смешно, — улыбается Асель. — Но попробуй так поживи. Ну, в общем, вот я к вам сейчас рулю как типичная казашка. В типичной большой казахской семье.

— Хе-хе, не парься. Будешь мне помогать моих детей нянчить, — веселится Лена и напряжение остаётся позади.

Далее девочки сдают смену, я их терпеливо жду. В конце концов, мы все грузимся в Ленину машину и едем в её дом — забирать вещи Асели.

По пути к Лене домой до меня доходит, какой вопрос с момента последнего разговора не давал мне покоя:

— Лен, если мы сейчас к тебе, мне нужно заскочить в магазин.

— Нафига? — привычно подрезая кого-то, ещё сильнее нажимает на газ Лена.

Асель, что характерно, на заднем сидении продолжает что-то набирать на своём ноуте.

— Лен, ну мы сейчас познакомимся с твоими родителями, так?

— Ха! Мелкий, снимаю шляпу! Ты даже об этом подумал! Ты молодец. Но — нет, не познакомимся.

— ???

— Ну, во-первых, мы с Аськой живём летом во флигеле, туда вход с другой стороны, а переться вокруг дома лень. Во-вторых, это ты — школьник, у которого каникулы. А мы — на сутках. А мои родители — нормальные работающие люди. Их сейчас просто дома нет.

— Не подумал, — стучу себя пальцем по лбу.

— Мелкий, есть ещё и в третьих, эх-х. Я банально ссу знакомить тебя с батей. — Шёпотом в мою сторону говорит последнюю фразу Лена.

— Вот тут не понял. Это было реально обидно! — делаю унылое лицо.

— Блин... Понимаешь, моему батю спится и снится, особенно после моего первого похода замуж, как какой-то альфонс подбирается через его любимую доченьку к его активам, хы-хы. Оно рассказывать смешно, Мелкий. А жить с этим — поверь, не сильно интересно. Батя — параноик. Что при его образе жизни вполне логично, хотя и тяжело для близких.

— А я по внешним признакам очень похож на этого самого альфонса... — завершаю логически её мысль.

— Ну. Батя ж не знает, что я с тобой вообще ни копейки за эти

дни не потратила, даже на бензин. А начинать знакомство со слов «Папа, только ты не бойся, я ни копейки не трачу — Саша сам обо всём заботится» — самый верный путь как раз таки сам понимаешь куда.

— М-да. Смешно. И что говорит твоё психологическое образование на эту тему?

— Оно молчит. — Хмурится Лена. — На бате и маме мой второй диплом отдыхает. — После паузы, она продолжает. — А если серьёзно — тут надо было профилактировать не сегодня. А лет двадцать назад, когда отец начинал становиться таким, как сейчас. Сейчас у него уже готовые шаблоны и схемы в голове, и стресс — самая первая в обойме реакция.

— Слушай, но это ж не выход?

— Да знаю... Я думаю... Но пока ничего не придумывается.

— Ну у меня есть мысль, — сообщаю после паузы. — Я сам к нему съезжу, как мужик к мужику. Знаешь, если б моя дочь вышла замуж и мне не сказала — я б обиделся... Ты вообще любишь родителей?

— Не сыпь соль на рану, Мелкий... да...

— А почему себя ведёшь, как инфантильная безответственная малолетка?

— Мелкий, ну не ожидала я от себя! Столько времени вообще ни на кого не смотрела, шешен..., как говорит Аська.

— А? Что? Что я говорю? — вскидывается Асель с заднего сиденья, отрываясь от компа.

— Шешен ... — послушно повторяю я за Леной и женская часть аудитории начинает ржать навзрыд. — Только я не понимаю, что это. — продолжаю я.

— Ой, и не надо. И не говори так больше. Пожалуйста. Это очень грубо. — Говорит Асель с заднего сиденья и опять погружается в комп.

— Не ожидала я. Ни от себя. Что смогу. Ни от тебя — что ты такой. — Лена делает губы бантиком и начинает насвистывать какую-то мелодию.

— Лен, давай так. Родители — это самое дорогое. Как и дети. Детей у нас пока нет. Твои родители — мои родители, и наоборот. Согласна?

— Ну-у-у, в идеале, оно-о-о, коне-е-ечно-о-о... — тянет Лена, не отрываясь от дороги.

— Саш, ты прав. На сто процентов. — Врезается с заднего сидения Асель. — Просто Ленка — избалованная инфантильная ссыкливая эгоистка. Когда дело касается её родителей.

— Ну должны же у меня быть какие-то свои заскоки! — бурчит Лена. — Этот — почти что единственный.

— Тогда давай засечём три дня. Если за это время ты с родителями сама не порешаешь, к твоему отцу еду я. Семья есть семья, Лен. И если ты не тянешь те вопросы, которые должна, значит буду помогать. — Делаю картинное лицо, чтоб сбить накал пафоса.

С заднего сидения раздаются восторженные хлопки Асели в ладоши, которая уже пришла в себя и больше не дуется.

— Подъезжаем. — Говорит Асель.

Лена достаёт из бардачка какой-то пульт, нажимает кнопку и металлические ворота в каменном заборе бесшумно отъезжают в сторону.

Ленин дом оказывается огромным монструозным зданием ломаной конфигурации, с какими-то башенками, мраморной лестницей на крыльцо и двумя колоннами перед входом.

Я только присвистываю.

— Да-аа-а, — довольно говорит Асель, беря меня под руку с правой стороны, с левой уже взяла Лена. — Теперь ты понимаешь, Саш, почему я не хотела жить в общежитии? Муа-хаа-ха, как говорит кое-кто.

— Могу догадаться, — продолжаю удивляться. — А где собаки? Вы говорили, ещё две собаки?

— Собаки на выгуле — сообщает Асель, пока мы идём по дорожке, вымощенной чем-то ужасно напоминающим как минимум гранит. — Пока никого нет дома — из собачьего питомника

приезжает специальный человек, выгуливает собак, кормит их в питомнике, и поиграть им там есть с кем. А вечером вернёт обратно.

Мы обходим этот огромный дом по кругу и упираемся в уютную одноэтажную пристройку. Асель и Лена нажимают какие-то кнопки каждая у себя на пульте, в результате чего металлические жалюзи, закрывающие вход, дёргаются то вниз, то обратно вверх.

— Ээй, стоп! — поворачивается к Лене Асель, — ты сейчас мотор спалишь!

— Упс, ты свой пульт тоже взяла? — Лена прячет какую-то пластиковую коробочку в сумочку.

Флигель изнутри оказывается отдельным одноэтажным зданием из трёх комнат, кухни двух санузлов и огромного холла, образующего с кухней студию.

— Это когда я замуж вышла, ну, первый раз, батя эту пристройку сделал, чтоб мы родителям по ночам не мешали, — хмуро поясняет Лена. — Во первых, шумами. Во-вторых, все думали, что у нас дети скоро пойдут...

Вижу, что тема ей не приятна, потому обнимаю сзади за талию и говорю:

— Где Аселины вещи? Пойдёмте, ещё куча дел.

Аселины вещи аккуратно упакованы в чемодан и находятся в одной из трёх комнат.

— Ассоль, это всё? — уточняю. — Лена говорила, что есть ещё какая-то зимняя спальня в основном здании, и там тоже какие-то вещи?

— Зимняя спальня — только у Лены, — смеётся Асель. — У меня эти вещи — все...

— А зимние? А обувь? А осень? — переспрашиваю, наученный об этих пунктах предыдущим разговором с Леной.

Теперь Асель хмуро смотрит на Лену исподлобья:

— Сейчас по жопе дам.

Я ничего не понимаю, потому что Лена отпускает мне подзатыльник со словами:

— Ну где твоя тактичность, поручик?

Тут, наверное, лучше прикрыться возрастом и перевести разговор на другую тему:

— Ну я ещё маленький, пардон. Я же не знаю, о чем спрашивать взрослых женщин, которые настолько старше меня!

Эта фраза стоит мне уже двух подзатыльников с обеих сторон, потому спешу перевести разговор на другую тему:

— Кстати, а почему Ассоль? Это же, кажется, совсем другое имя?

— Ассоль — это прозвище, не имя. Для самых близких. — Объясняет Асель. — Тебе можно — ты с Леной же.

Дома я переставляю шкаф к другой стене, благо ширина коридора позволяет, и мы втроем наводим порядок в последней комнате.

Пока девочки завершают уборку в комнате, я быстро расконсервирую и проверяю сантехнику и разводку электричества. Когда-то эта спальня принадлежала мамане и бате (моим), потому здесь — лампочки-споты, утопленные в потолок; четырёхспальная кровать на двоих на полкомнаты и вообще — комфорт и уют.

Блин. Знал бы, что так обернётся — сразу бы с Леной сюда заселился, а Аселью б в той комнате поселил. Но сейчас переигрывать будет уже не правильно, эх.

Лена внимательно смотрит на моё лицо секунды три и, видимо, что-то читает по моему выражению лица. Потому что подходит, берёт меня под руку и говорит вкрадчивым голосом:

— Ась, ну ты обживайся, мы к себе. У нас ещё интимные процедуры с утра — пубертат как никак. Санузлы у тебя свои.

После этих слов мы с Аселей синхронно краснеем, но ситуация не та, чтоб спорить. Потому под руку с Леной топаю на нашу половину.

— А хорошо, что входы в комнаты из коридора, и нет проходных комнат, — бормочу по дороге.

— Мелкий, колись, — бьёт Лена меня локтем по рёбрам, когда

мы закрываем дверь в нашу спальню. — Тебя жаба давонула за эту сегодняшнюю спальню Аселе? Жалеешь?

— Да нет, вернее, не совсем. Просто мне одному эта комната была крайне неудобна — самая дальняя, самая оборудованная, пока тебя не было — и не нужная. А сейчас получается, что я отдал самое лучшее Аселе, которая мне — чужой человек. А вторая половина ютится со мной на полуторном диване, блин.

— Мелкий, иди сюда — я тебе ещё раз дам по рёбрам. Аселя — моя сестра. Запомни. Не важно, что не кровная. Значит — и тебе тоже не чужая. Это раз. — Сообщает Лена, падая спиной на диван и начиная стаскивать с себя джинсы. — Второе — ты абсолютно правильно поступили по казахским меркам. Всё лучшее — гостю. Ты заметил, что Асель не спорила? При том, что она супер стеснительная и у неё мания — она боится кого-то задеть либо стеснить?

— Да, точно.

— А знаешь, почему она не спорила?

— Почему?

— Именно потому, что ты абсолютно стандартно поступил в её родной шкале ценностей. У них вообще, если гость в дом — бедные хозяева могут родных детей голодными на неделю оставить, но гостю отдадут самое лучшее. Из еды, спального места, и так далее.

— Во блин, бывает же, — удивлённо пожимаю плечами.

— Да, Мелкий. Народов на земле много. И у каждого — свои стандарты. Я когда с ней у её родителей была — вот это был стресс. Для меня. Семья крайне небогатая. Я — сам видишь, из какой семьи, дома у меня ты сегодня был... Вот представь, как они растопыривались, чтоб я не чувствовала разницы между их трёхкомнатной квартирой, в которой живут пять человек, и домом моих родителей, муа-ха-ха.

— И как? Правда не было разницы? — мне искренне любопытно.

— Шутишь? — закрывает один глаз Лена. — Конечно была. Но я же не буду об этом им говорить. Тем более когда в доме всего один туалет на три комнаты, эх... Ладно, не будем о грустном. А стресс представляешь какой — когда вся эта куча людей пытается тебе уделить внимание, а ты наоборот хочешь тишины и побыть одной?

Ладно, не будем о грустном. Мелкий, мы твой пубертат будем профилактировать или я тебя зря жду на кровати? — спрашивает Лена, наконец освободившаяся от джинсов и кое-чего ещё.

— А ты уверена, что хочешь? По тебе не скажешь, что тебе именно этого прямо сейчас очень не хватает, — говорю с сомнением.

— Я уверена, что когда пацану шестнадцать, и это **мой** пацан, я лучше сама обо всём позабочусь... Чем ему в голову будут бить ненужные гормоны... Иди сюда, Мелкий, я всё-таки врач. Опять же, любофьфь — страшная штука. Не заставляй меня лишний раз говорить банальности...

Слышно, как по кухне ходит Асель. Мы валяемся у себя в комнате. Спать лично мне вроде бы уже поздно, а выходить из дома — ещё рано. Лена не спит со мной за компанию.

— Лен, а чего вы работаете врачами, а не моделями? Асель вон даже опыт имеет в Китае. И, как по мне, деньги более чем приличные, особенно если с нашими деньгами сравнивать. О качестве жизни даже не заикаюсь — возможно, я ещё слишком мало знаю об этом мире.

— Ну, лично я вообще работаю врачом не из-за денег. Меня б родители прокормили и так, как понимаешь. Включая моих детей и внуков. И если б я жила в Китае — тоже бы прокормили. А работаем, наверное, из чувства долга. Лично мне нравится лечить. Аське — тоже. У меня была с детства мечта: делать что-то, что будет по-настоящему полезно людям. Меня всегда воспринимали, как придаток отца. Как его продолжение. Вот мне хотелось сделать что-то, чтоб и самой себя чувствовать не пустышкой. Я ещё когда в школе училась, знаешь как достали мажоры всех мастей? Очень хотелось от них дистанцироваться.

— Хм, а по стереотипным признакам, ты сама — мажорка. — Говорю задумчиво. — Тот есть, лично я вижу, что это — далеко не так. Но если оперировать стереотипами —...

— И не говори. Знаешь как доставало всегда? Если в мед поступила — значит, это мама помогла. Если школу хорошо окончила — это потому, что администрация школы с батей боится отношения испортить. Вдвойне обидно, потому что всегда училась сама. А в меде — вообще, пахала, как проклятая. Чтоб что-то кому-то доказать. Но общественное мнение — оно ж такое. Если оно решило — не поспоришь. Ну и я на каком-то этапе решила, что делать надо что-то такое, чтоб результат сам за себя говорил. Врач — самое оно. И по духу мне близко.

— А Асель?

— Ой, Мелкий, у неё — своя история. Я, конечно, всё знаю в подробностях, но ты лучше её сам расспроси, хорошо? — И затем без всякого перехода, — Мелкий. А она тебе как женщина нравится?

— Вполне. Но это же ничего не значит.

— Мр-р-р-ррр, это хорошо. Что ты такой правильный, волевой и ответственный. Мелкий, погнали сегодня вечером в кабак? Чего-то так хочется оттопыриться. Пока лето, пока летние площадки открыты?

— Ум-м-м-м... Так, ну плавание могу пропустить. Это часа три посплю. Потом — зал и чистка. На чистке — серьёзный разговор по дальнейшей работе, пропустить никак. Плюс — деньги ж нужны, надо зарабатывать. Если только после одиннадцати ночи?

— Про деньги говорить не буду — ты всё сам знаешь. У меня есть... О, Мелкий, а давай так? Давай заведём в доме тумбочку — и будем в неё класть, кто сколько может?

— Да без проблем. Клади, что хочешь, куда хочешь. Я же всё равно буду брать только те суммы, которые сам заработал, — улыбаюсь.

— Мда... Ладно. Слушай, не хочу лезть не в своё дело, но я последнее время вижу, что ты здорово чем-то пригрузился. Буквально последние несколько дней. Не хочешь тогда хоть проблемами поделиться со своей второй половиной?

— Это так заметно? — удивляюсь.

— Ха, конечно, Мелкий. Женщина всегда чувствует своего мужика. Особенно если она — взрослая, образованная врач и опытная. А мужик — мелкий. — И она показывает мне язык.

И я, не раздумывая, выкладываю всё о нервной системе, которую вижу; о НОВОЙ КЛИНИКЕ, куда получил предложение. Выкладываю, почему его получил, рассказывая и про деда с отёком лёгких, и про Марину Касаеву — жену Бахтина, и про ту девочку на перекрёстке с разорванным сосудом, и про деда с эхинококком в печени.

— Конечно, сказала бы, что похоже на шизу. Но других синдромов нет, хи-хи. Да и я сама что-то такое подозревала, когда Сергей стал тебя дёргать периодически. И этот твой атлас анатомический, который ты учишь, как маньяк, а-а-аха-ха-ха-ха. Слушай, мелкий, а ведь все признаки мании! — И, глядя на моё вытянувшееся лицо, добавляет, — да расслабься! Верю! Опять же, о прокуроре Бахтине я слышала намного раньше, чем с тобой

познакомилась. И то, что он к тебе приехал за пять минут, сам забрал этих ментов, никак не объяснить кроме как твоими личными с ним отношениями... При всём моём уважении к Олегу Николаевичу.

— О, ты его знаешь?

— Ну у тебя лично видела же — раз. Ты ещё его личную визитку в прихожей положил. А заочно — да, слышала в других местах. От знакомых отца.

— Ну тогда давай, советуй. Вот моя дилемма: с одной стороны, химчистка — мой прожиточный минимум. С учётом того, что у меня — молодая красивая жена, о которой надо заботиться. И строгий тесть, который обо мне ещё не слышал, но ужасно опасается альфонсов.

— Мр-р — рр, продолжа-а-ай, про молодую жену, да-а-а-а, хихи.

— А с другой стороны, чистка — решение моих личный проблем. Если говорить о твоём пути — быть полезным обществу — эта чистка прямо вредит тому, что я мог бы сделать в больнице. Реально полезного. Вот сижу на распутье. Я говорил на мойке с директором, он сегодня должен сказать, дадут ли мне самому набрать персонал и управлять процессами удалённо. Чтоб руками не я работал.

— Да чё тут говорить. До первого очевидного решения ты сам додумался — набор персонала, который подчиняется тебе. Тут только дождаться ответа. А по второму пункту — сейчас подумаю, как бы по деликатнее сказать, чтоб тебя не обидеть, моя ты радость.

— Да говори в лоб! — начинаю сердиться.

— Если в лоб, то лови. Ты выбери, кто ты: самостоятельный эгоист, которому личный доход — приоритет номер один? Или — социально ответственный парень, который готов жертвовать личными интересами ради общества? В данном случае — жертвовать гарантированным доходом ради гарантированной помощи тем, кто в ней нуждается. Что тебе дороже? Свой комфорт? Тогда мойка — твоё всё. Или — социальная, как ты говоришь, ответственность? Тогда не упираться с мойкой. Учись лечить. Деньги же в семье есть, с голоду не опухнем. И ты напрасно игнорируешь, что я старше. И мой вклад на этом этапе может быть весомее твоего. Тебе мало жить спокойно: ты хочешь, из какого-то инфантильного упрямства, искусственно

завысить планку цели: и рыбу съесть, и пивом запить. Чтоб сказать культурно...

Лена два раза глубоко вздыхает и продолжает:

— Ты наметил несколько целей в параллель. И не хочешь ни от одной отказываться. Но во взрослой жизни так не всегда получается. Более того, почти никогда не получается! Надо чем-то жертвовать. А ты хочешь и дорогу святого — и чтоб личный комфорт не пострадал. Причём, какой комфорт? П С И Х О Л О Г И Ч Е С К И Й! Мелкий, я б ещё подумала, что тебе сказать, если б у нас дети по лавкам пищали и жрать было бы нечего! Хотя я тебе и говорила, что поддержу тебя во всём... Но это же не так! Деньги же у нас есть! Просто ты капризничаешь, как ребёнок — не хочу из этой песочницы, хочу оттуда! Фух, ладно. Что-то я разошлась. В общем, мой совет: плюнь на мойку. Если получится проделегировать — хорошо. Не получится — ... Без мойки проживём. И без твоих денет, ученик школы, хи-хи. Чтоб тебя успокоить: не всю жизнь проживём, а до какого-то времени. Пока всё не устаканится. По твоей логике, мне надо было на мед деньги не у родителей принять, а искать в других местах. Хи-хи, боюсь представить где. Ну и что, что стала бы хорошим врачом на десять лет позже? Зато — самостоятельно... Если ты с обществом — то и его руку помощи не отталкивай. Если ты сам по себе — не считай себя обществу обязанным. Вот. Теперь точно всё.

— Озадачила. Спасибо. Так, давай тогда я сплю. Бассейн сегодня пропускаю. Вечером идём в кабак.

— Умница. Чмок. Я тоже спать хочу — отрубаясь. Спим!

В обед выползаю на кухню. На кухне оказывается, что ничего готовить уже не надо: Асель всё сделала, пока мы спали.

Кладу из большого казана большую миску плова и незаметно для себя всё съедаю за минуту. Подумаю, кладу ещё раз. В этот раз заставляю себя есть медленнее. За лишний вес, Сергеевич сдерёт три шкуры. А на плавании я сегодня калорий не тратил.

Лена спит, Асель, судя по проекции, тоже.

Сумка с вещами для зала готова и стоит у выхода. Одеваюсь как можно тише, выхожу, тихо закрывая за собой дверь и только на лестнице, чтоб никого не разбудить, набираю И.В.:

— О, привет, Саня. Срочно? Могу через десять минут.

— Я хочу подъехать, как раз через десять минут. Можно?

— Нужно! Жду!

Для разнообразия, у И.В. сегодня кофе и бутерброды с рыбой. Жаль, что я уже плотно поел.

— Саня, привет ещё раз. Подумал?

— Да. Игорь Витальевич, тут нечего думать. Работать надо. Вопрос прожиточного минимума пока утратил актуальность и решился немного другим путём. Ну или решится. Такой вопрос: а как Вы себе видите мою интеграцию в процесс?

— Мм-м-м-м... Хороший вопрос. А вот давай всё и запишем. Первое — это новооткрывающееся родильное отделение. Предлагаю: на этапе нашей диагностики ранних сроков ты уже подключаешься и осматриваешь после УЗИ в своём формате. Осмотровый кабинет у тебя есть.

— Это не привлечёт ненужного внимания? Я ж осматриваю своеобразно. Не всем объяснишь, что я делаю, — сомневаюсь вслух.

— Объяснять ничего не надо. Ты будешь оформлен как массажист. Есть же специальные техники по стопам, рукам и так далее? Вот с твоим дипломом, за которым ты съездишь, будем в качестве дополнительной услуги проводить твой расслабляющий якобы массаж стоп. Для пациентки — бесплатно. Для тебя — возможность **твоего** осмотра. Первая задача — накопление практического опыта, что ты видишь, как ты видишь, и как это соотносится с нашими результатами и данными.

— Хм... Тут надо не один месяц копить данные. Если «вести» женщину несколько месяцев, от момента моего первого осмотра и до рождения ребёнка — целый путь. А для накопления статистики, таких путей желательно бы побольше, чем десять...

— Я тебе говорил о цифрах. Счёт может идти на сотни в год — точно. Я бы считал не «душами», а сроком. За полгода — год, по твоему направлению уже будет достаточно статистики, чтоб мы могли что-то обобщить и сделать выводы. Но это — только первое. Ещё есть второе: это уже без тебя выявленные патологии. Ты как

минимум должен смотреть на них в своей проекции. Я сейчас не берусь предсказать, что может всплыть — слишком много вариантов. С патологиями — также надо понять, в чём ты реально можешь корректировать ситуацию, как с Касаевой. Вот на этих двух моментах я бы сосредоточился. Минусы для себя уже видишь? Или озвучить?

— Получается, я должен минимум раз осмотреть каждую. В случае коррекций — то и больше одного раза. Получается, я должен быть доступен для каждой пациентки этого отделения в течение года.

— Точно. Иначе говоря, надо просто ходит на работу. Саня, давай так. Завтра будет график записи на следующую неделю. Пока — только УЗИ, до диагностированных патологий ещё не добрались. Вот давай ты для начала попробуешь подключиться к этому графику УЗИ? Пока ничего добавить не могу. Если будет что-то, где мы сами откровенно не справляемся — об этом ты будешь узнавать лично от меня. Но таких случаев не так много. Может, до десятка из сотни.

Зал бокса встречает какой-то дурацкой ритмичной музыкой, которую Сергеевич врубил через внутреннюю трансляцию. Эта музыка немного действует на нервы и мешает сосредоточиться. Подхожу к Сергеевичу и сообщаю.

— Привыкай! На соревнованиях очень часто фоном идёт шум трибун, он действует на нервы гораздо больше.

Возвращаюсь к стенке и пытаюсь выполнить советы Сергеевича. Через какое-то время у меня получается отстроиться от всех посторонних шумов и концентрироваться только на своём упражнении. Вовы сегодня нет. Сергеевич оставляет мне ключ от зала и куда-то быстро исчезает.

Подход. Удар. Отход. Меняем руку и ногу. Подход. Удар — отход. Меняем руку и ногу. Подход. Удар — отход...

Из спорткомплекса выхожу через два часа, спать хочется мертвецки, но ещё разговор с Ильёй на чистке. И работа.

Илья забегает буквально на минуту, чтоб сказать, что он подумал и что они не против попробовать. Заодно он оставляет мне телефон офис-менеджера центрального офиса, которой можно поручить разместить объявления о рекрутинге, обзвонить потенциальных кандидатов, назначить предварительные встречи — в общем,

сбросить всю рутинную работу.

Раньше я с центральным офисом и менеджером дела не имел. Это — царский подарок, сэкономит кучу времени. Так честно Илье и говорю.

— Ну я готов двигаться вместе и идти навстречу. Человек всё равно на окладе, время свободное есть. Пусть в твоих задачах поможет, если это тебя разгрузит.

Илья исчезает, а я принимаю единственного на сегодня клиента на чистку — трёхсот пятидесятый лексус, на котором приезжает приятная женщина лет тридцати.

— Вот квитанция, подпишите, пожалуйста, наш экземпляр. Вот — ваша с нашим штампом.

— А когда будет готова?

— Вам когда нужно?

— Чем быстрее, тем лучше. Когда возможен самый ранний вариант?

— Потолок чистый, если его не трогать, за три с половиной часа управлюсь. У вас кожа, ей сохнуть почти не надо.

— Давайте тогда через три с половиной часа. И запах можете чем-то вывести?

— Деодорация салона входит в стоимость. Делаем автоматически.

Она убегает, а я начинаю вытряхивать из салона мусор в виде банок из-под напитков, упаковок жвачек, пустых пачек из-под сигарет. Параллельно в отдельный пакет собираю условно вещи, не подлежащие выбрасыванию нами: квитанции с парковки, зонтик, ручки, блокнот, наушники и подобные мелочи.

Работаю строго по собственной процедуре, потому, когда из-под переднего сиденья извлекаю явно мужские наручные часы, сразу поднимаю их вверх — для фиксации камерой, и отправляю в тот же пакет с остальными вещами из салона. Пакет «на камеру» печатаваю и запечатываю.

Кожа чистится хорошо, потому заканчиваю раньше, чем планировал.

За машиной хозяйка приезжает не сама, а с каким-то мужчиной. Видимо, от недосыпа работаю строго по процедуре и вначале делаю — а потом думаю:

— По салону есть претензии?

— Нет, всё отлично! — щебечет женщина, держа под руку своего спутника.

— Будьте добры, подойдите сюда, — зову её к себе и начинаю в секторе камер передавать ей по одной вещи из опечатанного пакета, которые она почти не глядя бросает в багажник. — И вот, под передним сиденьем были часы — пожалуйста.

Что-то я наверное сделал не то, потому что с её лица улыбка моментально спадает, а её спутник, пришедший с ней, подходит поближе и как-то странно краснеет.

Причины этого до меня доходят чуть позже, когда я выпроваживаю их вместе с их машиной выяснять отношения на улицу.

Я уже закрыл мойку, включил сигнализацию и топаю домой, а из лексуса на парковке доносятся два голоса на повышенных тонах.

Мда, неудобно получилось...

Дома меня ждут девочки, готовые к выходу.

— Привет, Мелкий!

— Привет, Саша! Мы тебя ждём — из окна видно, когда ты заканчиваешь, — это к Лене в коридоре присоединяется Асель.

Откровенно говоря, хочу спать, как собака. Кажется, отбояриться от похода в кабак не получится. А пускать их одних я не собираюсь: у меня уже включились собственнические инстинкты. В адрес Лены — так точно.

Быстренько переодеваюсь, со вздохом достаю деньги из заначки, спускаюсь вниз и вслед за девочками грузюсь в машину:

— Куда поедем?

— Аська, ты куда хочешь? — выруливая со скрипом колёс на

трассу, спрашивает Лена.

— М-м-м... Я хочу танцевать.

— Упс. А я хочу жрать, — признаюсь я.

— А я хочу и танцевать и жрать, — задумчиво выдаёт Лена. — У кого какие предложения?

— У меня — никаких, я ещё маленький. У меня ни опыта по таким местам (пока что), ни статистики. Чтоб перед вами не опозориться. Вдруг заведу куда-нибудь не туда... — Сразу отбояриваюсь от ответственности за выбор места.

— Значит, нужно место, где и танцевать, и кухня хорошая, — итожит Асель. — Может, СПЕРАНЗА?

— Давай начнём оттуда. Не понравится — переедем, мы всё равно на колёсах. — Соглашается Лена.

Приезжаем к двухэтажному отдельно стоящему зданию пятьдесят на пятьдесят метров. Оплатив за всех за вход, сразу «попадаю» на половину дневного заработка. Настроение начинает не то чтобы портиться (мне для Лены с Аселей не жалко) а скорее протестовать против такой нерациональной траты ресурса.

Администратор от входа лично провожает нас на второй этаж, где музыка гремит так, что вибрируют даже стены. Мне некомфортно, но сказать об этом тоже не могу — чтоб не портить настроение остальным. Я уже заметил, что Лена болезненно воспринимает, когда мне нехорошо.

Пока я осматриваюсь — я впервые в таком месте — девочки занимают один из столов, отделённый круглым барьером из сплошных кресел, и машут мне рукой. Трясу пальцем в ухе, не чувствую облегчения и направляюсь к ним.

И что они находят в таких местах?

Асель подвигает мне меню со словами:

— Я дома плотно поужинала. — Причём кричит это изо всех сил, чтоб я на противоположной стороне стола её услышал.

В меню очень неплохой выбор блюд, а о ценах я стараюсь не думать, чтоб не впадать в депрессию.

Официант, принимая заказ, наклоняется к самым нашим ртам, но

здесь это бесполезно. В итоге, молча натыкиваем наш заказ пальцем по меню.

— Ленка, а как нам тут с тобой разговаривать?! — ору ей в ухо, наклонившись к ней вплотную.

— А никак! Тут только танцевать, бухать и жрать! — кричит она в ответ точно так же.

Асель, не дожидаясь заказа, кладёт сумочку на свою половину кресел, тыкает пальцем в неё, потом мне в грудь и исчезает в мешанине тел на танцполе. Лена снова наклоняется над моим ухом:

— Я тоже! — И исчезает вслед за ней.

Наш заказ начинают подавать буквально через три минуты, я впечатляюсь скоростью работы кухни.

Минут через десять я за столом всё ещё один. Вначале съедаю то, что заказал сам. Хм, фасоль я бы приготовил иначе, но так тоже вкусно. Потом пробую то, что заказала Лена. Ничего особенного — салат как салат. И мясо как мясо. К тому же, оно уже остывает. Блин. Как она будет есть холодное.

Следующие пятнадцать минут я пью какой-то вкусный вьетнамский (судя по заказу) чай с какими-то травами и мёдом, а потом, так никого и не дождавшись, плюю на условности, достаю свой телефон, нахожу в интернете анатомический атлас и погружаюсь в его чтение.

От чтения меня отвлекают взмыленные, тяжело дышащие девочки, которые падают за стол, как мокрые мешки на асфальт. Видимо, бог всё таки есть, потому что музыка становится потише и становится можно разговаривать.

— О, моя еда! — кидается уничтожать содержимое своей тарелки Лена.

— О, чай остыл! — наваливается на чайник с остатками вьетнамского чая Асель.

Минут через пять они отчёркивают ногтями в меню следующие заказы, которые мне надо будет сделать официанту, когда он подойдёт, а сами снова исчезают на танцполе.

А я возвращаюсь к вопросу соединения костей туловища и головы, связок позвоночника и реберно-позвоночных суставов.

В таком ритме мы развлекаемся ещё часа три. Мне перехотелось спать; делать нечего — только читать; и я успеваю прочесть достаточно много, если сравнивать с чтением дома после работы. Сообщаю об этом Лене, когда она в очередной раз падает за стол, как сбитый истребитель, и присасывается к кувшину с лимонадом. Она заглядывает в мой экран, трёт несколько раз ладонью мой затылок и говорит:

— Кому что, а лысенькому — расчёсочка. Ты вообще принципиально решил не танцевать?

— Да я и не умею, и не тянет.

Лена удивленно подымает брови:

— Не подумала! О, как раз медленный, погнали поприжимаемся друг к другу на танцполе!

Дисциплинированно выполняю. После совместного медленного танца начинаю думать, что в этом что-то есть, но тут снова включают что-то невообразимое из музыки и я позорно ретируюсь. Впрочем, смотреть, как красиво танцуют красивые девочки, мне нравится. Минут пять или десять. А потом меня снова ждут анатомический атлас и вьетнамский чай.

Под конец, Асель смеётся:

— Обычно, когда старый папик выгуливает молодых девочек в кабаке, девочки танцуют, а он за столом читает.

— Муа-ха-ха, а у нас — взрослые тётки танцуют, а Мелкий, как папик, сидит и читает. — Подхватывает Лена.

Из ночного клуба вываливаемся уже под утро. Я жалуюсь на то, что режим опять пошёл в разнос и по приезде домой сразу ложусь спать. А девочки вдвоём маршируют на кухню и о чём-то там ещё разговаривают.

Снова сплю до обеда и пропускаю пробежку. Выползаю на кухню — девочки уже там.

— О, а вы что, не ложились? — спрашиваю.

— И поспали, и проснулись. Лично я есть хочу, — говорит Лена.

— А я думаю, надо заново регистрироваться или нет? —

завершает Асель.

— Сейчас не понял. Подробнее можно?

— У неё — вид на жительство. По закону, она обязана сообщать, где живёт, сейчас за этим очень пристально наблюдают, — говорит Лена.

— Так... доверенность родители оставили. Как раз на этот случай — чтоб бабку с дедом мог сюда прописать, если что. Только вот я не знаю, я могу это один сделать — мне же шестнадцать. Или надо идти с дедом, как со своим законным представителем. — Думаю вслух. — Бахтину что ли позвонить спросить? — вопросительно смотрю на Лену.

— С ума сошёл? — широко открывает глаза она. — Не вздумай. Не тот уровень. Это как из гаубицы по воробьям, одного убил — остальных напугал... Ася, не парься. Если тебя придут проверять — они ж приедут вначале по моему адресу. Нам родители передадут. Потом примем меры: или перепропишешься сюда, или мой отец им даст пару тысяч, чтоб записали результаты проверки, как надо. Цена вопроса — обед в бистро, отец найдёт такую сумму. Не волнуйся.

— Ну хорошо, плюс они же могут и по месту работы проверять — а там вообще всё идеально.

— Да и с твоей работой, если я правильно понимаю, Ленины родители всегда смело могут говорить, что ты или на сутках в неотложке, или задержалась на работе после дежурства, не важно какого. — Подключаю свои мозги я. — НО если что — командуйте. В любой момент.

— Да не надо ёрзать, это Аська у нас всего боится, гастарбайтерша, хи-хи.

— Ладно, девочки, я понёсся. У меня уже все сроки вышли. Извините, сегодня готовлю не я — времени нет.

— А и не надо. Когда Аська есть — с готовкой нет вопросов, — потягивается Лена. — Она тоже любит готовить. К тому же, ещё половина казана плова есть. А салат я и сама построгаю.

Сегодня я топаю в офис компании, где работаю: офис менеджер сказала, что поможет с поисками персонала, но моё присутствие

необходимо.

Нахожу на проспекте Дружбы двухэтажное здание с вывеской в виде анимированного автомобиля, чистящего себе зубы зубной щёткой, поднимаюсь на второй этаж. В первой же комнате без дверей нахожу нужного мне человека.

— Здравствуйте, вы — Наталья? — сверяюсь ради проформы.

— Да. А вы — Александр?

— Точно. Илья сказал, что вы мне поможете.

— Проходите. Вот рядом кресло — садитесь, чтоб видеть мой монитор. Какой персонал вам нужен?

— Мне нужны сменщики на химчистку салона.

— Уже обкатанные или можно новичков?

— Илья говорит, в нашем случае нужно новичков.

— Оплата?

— Порядка эквивалента сорока долларов за выстрел.

— График работы?

— По согласованию, во второй половине дня, от двух до семи дней в неделю — на усмотрение работника.

— Предпочтения?

— В идеале — студенты ВУЗов...

...

Под мою диктовку Наталья заполняет формы на нескольких сайтах поиска персонала, попутно заводя папку на рабочем столе компьютера:

— Сюда буду сбрасывать тех, кто предварительно согласен. Эта папка синхронизирована с такой же на рабочем столе компа на вашем объекте, я уже создала и там через сеть. Вы со сколько там обычно?

— С шести, семи вечера до упора.

— Ну вот в шесть вечера можете смело смотреть результаты поисков за день.

— Наташ, я — новенький, не просветите, а что мне надо было

сделать, чтоб не загружать вас? Чтоб обойтись самому в этом случае? — Решаю вынести максимум полезных навыков из ситуации.

— Во-первых, знать рейтинг городских рекрутинговых компаний и сайтов, по рабочим и неквалифицированным специальностям в частности. Например, ХЭДХАНТЕР специалистов именно на вашу работу не даст: аудитория не та. — Начинает пояснять Наталья, не отрываясь от компа. — Во вторых, завести и оплатить там свои аккаунты. В третьих, разместить объявления. И самое главное — ваш контактный телефон должен работать всё время.

— То есть, Вы не только помогли мне разместиться, а ещё и будете звонки принимать? — удивляюсь.

— Конечно. Ваша чистка не сильно отличается по требованиям от общих критериев специалиста автомойки. А опыт подбора такого персонала в компании более чем достаточный.

— А что дальше? — не могу остановить своё любопытство, пока не «прозвоню» всю цепочку шагов до конца.

— Дальше — те, кого потенциально интересует наше предложение, звонят на контактный номер. Я провожу первичный опрос и отсеиваю тех, кто заведомо не годится.

— А это кто? — мне снова любопытно.

— Во-первых, люди без регистрации по месту жительства в городе или области. Во-вторых, неготовые предоставить справку о несудимости и справку из психо-неврологического диспансера. В третьих — откровенно неадекватные лица, их тоже бывает слышно по телефону. Например, звонящие в нетрезвом состоянии...

В этот момент мимо нашего кабинета проскакивает Илья, замечает нас, останавливается, возвращается и здоровается:

— О! Привет! Уже тут? Успешно? — И, не дожидаясь моего ответа, командует, — Пошли со мной. Наташа, у тебя с ним всё? Или ещё что-то осталось.

— Я всё сделала. Александру интересны детали процессов, но для меня это не критично.

— Отлично. — И, поворачиваясь ко мне, — за мной.

В своём кабинете, Илья падает в кресло, кивает мне на второе и

спрашивает:

— Ты уже продумал, как будешь тестировать и адаптировать кандидатов?

— Да.

— Расскажи.

— Первый день — пробная чистка, один салон. Проверяю кандидата на два момента: на месте ли он психологически, работа монотонная — не всем дано. Второй момент — аккуратность в деталях. У нас всё на мелочах...

— Саня, без деталей, я понимаю.

— Второй день — один или два салона чистит самостоятельно. Я сижу в «стекляшке» и контролирую оттуда. Если есть недочёты или неправильные навыки — исправляем. Третий день — берём три салона, чистим вдвоем. По итогам трёх дней — принимаю решение. И если ДА — веду к вам на заключение договора. С материальной ответственностью.

— Нормально... Ты думал, мужчины или женщины лучше?

— А это имеет значение? — искренне удивляюсь.

— Может иметь, может. Впрочем, ещё рано. Ладно. Ну давай! Желаю, чтоб сегодня уже было кого смотреть!

На плавании всё как обычно, кроме одной детали. Ануш очень сдержана в общении, как будто на что-то сердится. Я, конечно, догадываюсь о подоплеке похолодания, но всё равно местами неприятно.

После тренировки по инерции жду её, чтоб уйти из бассейна вместе, но она, попрощавшись, садится в какой-то НИССАН темноволосому кудрявому брюнету родом явно с юга. Ну ладно. Что-то где-то царапнуло в душе, конечно. Но слава богу: она — хорошая девочка. Пусть у неё всё будет хорошо. Моя позиция собаки на сене — как минимум не конструктивная. Тем более, порывшись в себе, я ещё несколько дней назад понял, что не могу сказать, что люблю её.

Про Лену — могу.

Про Аньку — нет.

Так что, всё хорошо, что хорошо кончается.

В зале под руководством Сергеевича всё пролетает, как обычно. Вовик на удивление быстро растит свою выносливость. И сейчас мне приходится выкладываться по полной, чтоб измотать его хотя бы к концу третьего раунда. Но схема Сергеевича в четвёртом раунде пока еще работает безукоризненно, даже с Вовиком. Который далеко не лентяй, и ко мне должен был приспособиться. Кстати, Вовик, наслушавшись Сергеевича, над своей выносливостью работает гораздо больше меня. Правда, у меня прогресс идет быстрее... Из-за чита с гемоглобином — в том числе.

Кстати, присмотревшись к Вовику, я вижу, что у меня в тканях ощутимо больше кислорода. Интересно, это из-за плавания? Всё таки там анаэробные режимы, и уже много лет. Или — это лично моя специфика? Надо дома расспросить Лену, она сто процентов может помочь вычислить.

После зала забегаю в НОВУЮ КЛИНИКУ, где встречаю обоих докторов. Как обычно, за бутербродами и чаем.

Интересно, И.В. всю жизнь так живет? Или это только я попадаю на такие моменты?

Доктора просят посмотреть какого-то своего товарища, говоря, что при нем можно говорить в открытую. Товарищ сидит в углу в кресле и листает какой-то журнал.

— Хорошо, конечно, — отвечаю. — Но мне б всё таки кушетку. И — скажите, в чём вопрос?

— Ой, пардон, точно! — вскакивает И.В. и ведёт нас в ближайший пустой кабинет с кушеткой.

По дороге обращаю внимание, что у их товарища странная хромота от тазобедренного сустава.

— Можете не говорить, — сообщаю. — Сам вижу.

— Да и мы видим, — бормочет С.В. — Но не видим. Такой вот парадокс.

— Серёга не прав, — подключается Игорь. — Мы видим

проблему. Но не понимаем, откуда она берётся. Случай не то чтоб типичный, но достаточно распространённый. Паше — кивок на товарища, лежащего на кушетке — всерьёз в хирургии предложили вообще искусственный сустав. И эта картина — очень типичная последние годы по городу. Глянь, что ты видишь? Мы видим сегодняшнее состояние, но нет компетентного единого мнения о причине. Я сейчас даже не о своей клинике, а в общем.

Доктора отходят на два шага мне за спину и замирают.

Концентрируюсь. Скан. Увеличение (я недавно научился будто бы включать «зум» — увеличивать проекции отдельных участков). Скан. Так, тут целая цепочка... иду по ней вверх... Вижу.

Проверяем. Заново. Скан. Зум. Есть контакт. Вот цепочка. По ней вверх. Подтверждается.

— Будьте добры, перевернитесь теперь на живот, пожалуйста, — прошу товарища докторов. — И поднимите рубашку вверх со спины.

Из кармана достаю три мелких монетки:

— Вот здесь у него немного смещён межпозвоночный диск. — Кладу первую монетку на спину. — И вдоль вертикальной оси, но больше — вдоль горизонтальной. Всё бы ничего, но к этому диску примыкает какой-то вредный нерв. Именно этот нерв выбивается из нормальной частоты. Почему-то выбивается так сильно, что сигнал от него идёт по цепочке, — кладу вторую монетку на спину, — и финиширует в синовиальной оболочке тазобедренного сустава, — третья монетка ложится на таз. — И смотрите, что получается: у него нарушена выработка синовиальной жидкости. Из-за этого идёт «вторжение», — доктора кивают, так как понимают не хуже меня. — Но это — конец процесса. Я тут читал недавно... Вы некроз тканей уже видите на МРТ?

— Да, — удивленно подымает брови С.В.

— А «запускать» сустав обратно хотите попробовать плазмолифтингом?

— Точно, — с pokerфейсом отвечает И.В.

— Но это только часть проблемы. Понимаете, сигнал, который приходит на нервы суставной сумки, искажен и по частоте, и по фазе. Искажён налагающимся сигналом из этого нерва в позвонке. Мне кажется, у него регенерация тканей в суставе нарушена именно

потому, что «несущая программа» регенерации по нерву «забивается» из позвонка. Если понятнее, — вижу, что товарищ вывернул голову почти назад и пытается изо всех сил ничего не упустить. — Ваша жена варит вкусный суп. Это — нормальная регенерация сустава в процессе естественного износа. — Три кивка. — В процессе варки, ей в ухо летит сажа, в глаза — пыль, в уши — резкие шумы. Это — сигнал от того позвонка в данном случае. Какой суп в итоге получится?

— То есть, ты считаешь, что сустав нельзя рассматривать в отрыве от позвонка? — обращается только ко мне И.В.

— Да. Лично я ни на чем не настаиваю, но в моей проекции всё выглядит именно так. Понимаете, **каждый** сигнал в нервной системе имеет источник, канал прохождения и — в финале — точку срабатывания в конце канала. Не знаю, как это объяснять и доказывать вам, но конкретно этот случай — весьма очевидный с точки причинно-следственных связей. Тут просто **видно**: программа, сбой в ней, источник сбоя.

— Да не надо ничего доказывать, — бормочет С.В. — Хуже никак не сделается. В любом случае, гиперэкстензия и физкультура не повредят. Вначале вытянем его на гиперэкстензии, потом будет качать спину. Позвонок на место станет — это же никак не плохо. Тем более, там действительно смещение, что правда то правда.

— Да кто бы спорил. — Трёт переносицу Игорь. — Единственное, это не отменяет плазмолифтинг.

— А я и не предлагаю, — отвечаю ему. — Чем больше сигналов на нормальную регенерацию подаётся — тем быстрее организм её выполняет. Ваш плазмолифтинг, насколько я успел разобраться, просто дублирует этот самый сигнал на регенерацию по другим каналам связи внутри организма, только и всего.

Через пять минут, отпустив хромающего товарища, доктора наливают мне вторую чашку чая:

— Ты смотри, какой прогресс, — смеётся И.В.

— Сразу видно — товарищ читает атлас! — отражает рефреном С.В. — Надо бы подумать, где ещё подобные затыки надо рассматривать не симптоматически, а как искажение этого самого его сигнала.

— Господа, давайте не торопиться?! — спешу остановить общий энтузиазм. — Давайте вначале откорректируем ситуацию хоть на пятьдесят процентов с конкретным пациентом?!

— Да откорректируем, — машет рукой И.В. — то, что ты сказал, логично ложится недостающими элементами мозаики в нашу картину мира. Как бы дополняя.

Выходя от докторов, принимаю звонок Натальи из офиса, которая говорит, что пара первых кандидатов сегодня подойдёт.

Когда прихожу на работу, застаю перед входом парня и девушку. Веду знакомиться в «стекляшку».

— Здравствуйте, я — Саша.

— Марина.

— Славик.

— Где учитесь?

— Радио-электроники. На контракте. Нас опрашивала ваша менеджер в офисе.

— Ну, она делает только предварительные выводы, работать то мне с вами. Переодевайтесь вон там, жду вас у машин.

Затем в течение часа объясняю, показываю и учу, что и как. По истечении часа, кажется, они врубаются и остаются чистить каждый свой салон. Пользуясь моментом, засыпаю прямо сидя на диване в «стекляшке». Просыпаюсь часа через два — они уже как будто почищают.

Подхожу к машинам. Смотрю. Спрашиваю:

— Слава, а это заднее сиденье ты чистил?

— Да. Видишь — оно же ещё мокрое.

Что оно мокрое — я вижу. Но я также вижу, что пятна не вывелись. И когда оно высохнет, разводы на нём останутся. Его придётся перечищать через четыре часа. Сообщаю об этом Славе, он добросовестно начинает пыхтеть, проходя сиденье ещё раз.

У Марины — точно такая ситуация.

До меня начинает смутно доходить. Набираю Лену:

— Ты сейчас очень занята?

— Для тебя — нет. А что хотел? — настораживается на всякий случай она.

— Помощь твоя нужна. На три секунды. Можешь подойти на мойку?

— Прямо сейчас?

— Да.

— Хорошо, иду.

Слава богу, что мы живём через дорогу. Потому через пять минут Лена появляется в боксе и подходит ко мне:

— Я тут.

— Спасибо, что пришла. Лен, пожалуйста, не привлекая внимания, можешь посмотреть оба задних сиденья в обеих машинах? Как будто ты ещё одна сотрудница?

— Без проблем. А что искать то? Или — зачем смотреть?

— Понимаешь, кажется, я вижу пятна, которые они не видят. Специально отбирал салоны с пятнами колы и кетчупа на тест — они сложно выводятся, и на них хотел проверить новичков. Вот пока сидение мокрое — они, кажется, не видят пятен. Я — вижу. Если не отчистить до конца, эти пятна «проявятся» после высыхания часов через шесть, и салон надо будет перечищать.

— Мда... Ладно, жди. Сейчас сделаю.

Лена, изображая праздную зеваку, дефилирует туда, обратно, вокруг, возвращается ко мне:

— Мелкий, там нет никаких пятен. Просто мокрые сидения. Что будет, когда высохнут — черт его знает. Похоже, ты прав. Но больше я тебе ничего не скажу, потому что как вырастают пятна на сохнувшем салоне, я не знаю.

Лена целует меня и уходит домой.

Мда. Ситуация. Такого я даже и не ожидал. Похоже, моя классная идея с делегированием чисток накрывается медным тазом, не успев начаться.

Подзываю ребят к себе:

— Спасибо большое, Компании всё ясно. Мы рассматриваем ещё кандидатов. Извините, не могу объяснить причин, но предложить вам эту работу сейчас мы не сможем. Сразу оговорюсь: проблема не в

вас. Пожалуйста, не принимайте на свой счёт и извините нас за беспокойство.

Кажется, они ухахались так, что их уже это даже не огорчает.

Ну да, первый салон — он такой...

Рассчитываюсь как за полный рабочий день из своих денег и провожаю их из бокса: они не виноваты. Такой расклад мне и в голову прийти не мог.

В принципе, из того, что я знаю о медицине, даже дальтоники не считают, что чего-то там не видят в цвете, пока их не выявляют по случаю врачи на цветных таблицах.

А уж такое...

Кажется, теперь я понимаю, почему у нас получается чистить так быстро и качественно: я просто с первого раза убираю всё то, что обычный сотрудник будет обнаруживать несколько раз после высыхания.

Соответственно, у другого человека или останутся пятна, или чистка будет длиться до суток, причём без каких-либо гарантий полной чистоты.

За три следующих часа добиваю оба салона — половину пришлось переделывать заново — и без сил тащусь домой.

Прихожу вымотанный и здорово расстроенный. Понятно почему.

Дома обнаруживаю свою половину на кухне, смотрящую какой-то фильм. Накидываю себе плова из казана и присоединяюсь к Лене на диванчике за столом:

— Спасибо Аселе, — говорю, продолжая жевать. — Вку-у-усно-о-о.

— Мелкий, ты ж и сам чудесно готовишь? — подозрительно вскидывается Лена. — Что это за многословные благодарности в адрес молодой, фигуристой самки?

— Хе-хе, тебе не понять, — салютую вилкой. — Я-то и могу приготовить, и готовлю. Но у пищи же своя энергетика. Иногда ведь хочется съесть что-то, приготовленное чужими руками. Своя кухня приедается! Тебе не понять, любитель бутербродов с сыром. Я вот

даже когда что-то новое готовлю — всё равно чувствую, какой будет вкус. Заранее. А хочется же сюрпризов в послевкусии!

— Ну, двигайся сюда, мой мелкий любитель сюрпризов, — говорит Лена и, упираясь мне в спину грудью, начинает массировать мне виски; как всегда, читая мои мысли. — Тебя расстроило, что не получится нанять людей вместо себя?

— М-м-м-м-м... М-мда-а-а-а... О-о-о-о-о... — Только и могу выдавить из себя. — Хорошо-о-о-о то ка-а-а-аак.

— А то... Массаж головы — единственное, что я освоила, когда ездила к Аське в Пекин. — Гордо сообщает Лена. — А ещё её там скорпион за губу укусил. — Зачем-то добавляет она.

— М-м-м-ммм... НЕ ОТВЛЕКАЙСЯ! Да-а-а-а-а-а... — По голове, мозгу, затылку как будто проносится тёплая волна, сбрасывая напряжение, успокаивая и расслабляя.

В этот момент в дверь кухни раздаётся осторожный стук и появляется голова Асели:

— А чем это вы тут занимаетесь?

Я не отвечаю, мне не до того. Просто молчу. Лень шевелить языком и мозгами.

— Хорошо-о-о-о то ка-а-ак!

Закрыв глаза, сижу, замерев с вилок у рта и не имею ни сил, ни желания даже шевелиться.

— Напряжение покидает мою го-о-о-олову, — медленно растягиваю слова, — мои клетки расслабля-я-яются, расслабля-я-яются...

— Клетки не могут расслабиться! — влезает, куда её не просят, Асель и входит на кухню. Чувствую, как Лена бросает на неё сдержанно напряжённый взгляд, но это, похоже, чувствую только я.

— Мать, мы тут немного заняты! — деликатно намекает Лена, видя, что кое-кто не реагирует.

— Да без проблем, вы мне не мешаете! — не задумываясь, выдает Асель, и мы с Леной синхронно хмыкаем, еле сдерживая смех.

— Ладно, потом закончу, — бормочет Лена и отодвигается от меня. — А то у меня такая тактичная сестра, что просто обосраться

КАК ОНА МНЕ СОВСЕМ НЕ МЕШАЕТ В ИНТИМНЫХ МОМЕНТАХ...

До Асели, кажется, что-то начинает доходить, она смущается и говорит:

— Я вам немного помешала?

— НЕТ! — синхронно выпаливаем мы и снова хмыкаем. — У нас спальня есть, не беспокойся, — добавляю я.

Через пятнадцать минут, когда я, доев, перемещаюсь в спальню, Лена следует за мной. Ложусь на диван лицом вниз и прошу:

— Продолжай, пожалуйста! Так хорошо было. Сейчас расслаблюсь и усну.

— Мда уж... Вот он — минус жизни с кем-то. — Философски замечает Лена, усаживаясь на меня сверху. — Аська, конечно, суперская, но всё, что касается интимного такта, у неё наглухо отбито.

— Вероятно, в силу невеликого опыта? — предлагаю объяснение я.

— Отчасти. Блин, чего-то вспомнилось. А мы с бывшим ведь пробовали... То, что не надо... И Аська, кстати, при всём своём карликовом опыте, абсолютно правильно предсказала финал.

— Интере-е-сно-о-о, **но** ле-е-ень расспра-а-шива-ать...

— Она сказала, что пары, которые попробовали... что не нужно..., потом всегда распадаются. Привела какие-то свои аргументы, к которым я не прислушалась — в силу того, что я гораздо опытнее. А вот оказалось, что устами младенца говорила истина.

— Ле-ен, продолжа-аа-ай, сейчас засну — не буди-и-и...

А утром часов в 9 звонит дед и сообщает, что они с бабулей скоро заедут в гости. Я его честно предупреждаю, чтоб он не пугался: у меня сейчас живёт моя девушка и её подруга. Дед только хмыкает:

— Не волнуйся, Сань. Всё путём.

Развиваю бурную деятельность. Замешиваю тесто на оладьи. Пока готовлю тесто — разогреваю сразу две сковородки, чтоб

быстрее жарить. Пока между переворачиваниями жарятся оладьи, в блендере перегоняю килограмм малины (она сейчас дешевая летом) вместе с сахаром в джем. Дожарив оладьи, успеваю выскочить в магазин за сметаной, кефиром, творогом — почему-то бабуля без этого считает любой приём пищи неполноценным.

В кухню, видимо, учуяв запахи, из нашей комнаты появляется Лена, из одежды — в одних стрингах и тапочках; а со своей половины — Асель.

— По какому поводу банкет? — широко открывает глаза Асель в мою сторону. Потом обращается к Лене, — А ты чего так вышла? Ты не хочешь одеться??

— Я у себя дома, — меланхолично бормочет Лена и подцепляет пару оладьев из стопки. Потом макает один в джем, второй — в сметану и начинает их есть с двух рук, откусывая по очереди.

Я отвечаю Аселе:

— Да бабушка с дедом звонили, сейчас подъедут. Вот, чтоб было чем встретить. Они-то есть всегда избегают, чтоб не напрягать, но чаю попить с оладьями — вариант. Не откажутся.

Глаза Асели открываются ещё шире, а Лена задумчиво чешет затылок прямо рукой с зажатым оладьем:

— Мелкий, а волноваться надо?

— Неа, — беззаботно отвечаю. — У нас, вернее, у них, дед главный. А он меня всегда поддержит. Тем более, в таком вопросе. У него один критерий: кормишь себя и семью или нет?

— Ну, с этим у нас всё в порядке, — так же меланхолично бормочет Лена и подцепляет следующую пару оладий.

— Лен, но ты всё же оденься, — вежливо прошу перед тем, как рассмеяться вместе с Аселей.

Лена смотрит на себя, переводя взгляд с одной ... на другую, потом говорит, пытаясь проглотить:

— Ну фазумефется!

Когда раздаётся звонок в домофон с первого этажа, я в спортивных трусах дожариваю оладьи, а девочки только что не

сверкают, напоминая моделей из модной прессы.

— Ничего себе, вы реактивно собрались! — удивлённо присвистываю, направляясь к двери. — Я думал, женщины долго приводят себя в боевой окрас и ещё дольше одеваются.

— У меня же профессиональное. Я ведь местами — неудавшийся визажист. — Отвечает Аселя.

— А я просто красивая, — пережёвывая очередную пару оладий, говорит Лена.

— Вот ты неблагодарная! — Начинает возмущаться Асель, — это же я тебя красила!

— Эх, не дала обмануть Мелкого, — веселится Лена.

Когда через минуту в квартиру входят бабушка и дед, бабушка, судя по всему, уже предупреждена дедом. Потому что радушно со всеми здоровается, громко не удивляется и вообще ведёт себя на редкость корректно. Неожиданно.

Знакомимся прямо в коридоре, потом Лена с Аселей буквально «на руках» притаскивают их на кухню и усаживают за уже накрытым столом.

Проходим на кухню, где Лена садится рядом со мной, подавая мне всё и не давая даже налить чай — поскольку наливает сама. Аселя на стороне бабушки и дедушки то же самое проделывает с ними.

По бабушкиному виду и украдкой бросаемым взглядам вижу, что ей всё нравится, но она старается ничего не показывать.

Дед, улучив момент, показывает мне за спинами всех поднятый большой палец. Ну, кто бы сомневался... Дед в молодости был о-го-го... Во всех отношениях. Вот уж с кем у меня никогда не было проблем в коммуникации.

— Давно у тебя не были, лето, есть что делать — а ты вон как развернулся. — Весело бросает дед в перерывах между оладьями и малиной. — Кстати, а почему к нам за малиной не заедешь? У нас сохнет, девать некуда. Зачем покупать? Лен, почему его к нам не отправишь?

— Да малина сейчас дешевая, — отвечаю. — И мне просто некогда. Я сегодня с работы пришёл около двух ночи. Сейчас учиться

буду — надо кое-какой учебник почитать. Это часа два. Потом — две тренировки. Вечером — опять на работу. Хотел на работе взять подчинённых, чтоб меньше пахать, но не получается, долго объяснять. — Коротко докладываю деду всю диспозицию.

— Вы знаете, Анатолий Степанович, я этот момент просто упустила. — Вставляет Лена и сдаёт меня с потрохами. — Мы относительно недавно вместе, он о вас много не рассказывал. Ну а мне же неловко самой напрашиваться. Хотя к вам съездила бы с удовольствием.

Итогом переговоров в течение следующей минуты становится обещание на выходных приехать втроём к бабушке с дедом.

Ещё через пять минут мне нужно выйти на минутку, а когда возвращаюсь, на столе уже стоят полбутылки Лениного арманьяка, который пьёт дед, BAILEY's, который пьют бабушка и Асель, и пара копчёных кур, расчехлённых дедом из проднабора, предназначавшегося для поддержки меня из деревни.

Понимаю, что заниматься сейчас — не вариант. К тому же Лена, уловив моё намерение потихоньку свалить к себе в комнату, показывает мне кулак и, положив руку на моё бедро, неожиданно сильно заставляет сесть на место.

Плюю на время в очередной раз и плыву по течению.

...

... — да он с детства такой самостоятельный! — Рассказывает бабуля Аселе обо мне. — Мы за него и не переживаем. Он же давно один живёт...

Лена тем временем обсуждает с дедом что-то из жизни неотложки, где они, как оказалось, общались во время попадания деда туда этим летом.

— Лен, а ты уверена, что деду алкоголь сейчас можно? — деликатно врезаюсь в их беседу, которая уже минут пять живёт своей жизнью. Независимой от меня.

— Да, эта доза — вообще без проблем. Я ж помню весь его анамнез, — отмахивается Лена.

Кажется, я единственный чужой на этом празднике жизни. И чего было мне не дать пойти в комнату? Сейчас бы атлас читал. Тем

более, надо кое-что выяснить.

Асель, раскоординированная после нескольких рюмок ликёра, говорит:

— А нам азиатам много же и не надо, — и задевает локтем подставку с ножами, которая оглушительно падает на пол. — Шешен а... — начинает Асель, пытаясь наклониться за ножами, но промахиваясь.

— *Уайымдама, барлыгы жақсы, қызым.* — Отвечает ей бабушка и подбирает с пола всё, что рассыпалось.

Кажется, только у меня одного сейчас глаза по рубль двадцать. Надо будет потом расспросить бабулю, что это было.

Ещё через минуту Асель с бабулей затягивают какую-то песню, которую я не понимаю^[8]. Определенно, задам потом вопросы.

К счастью, всё рано или поздно заканчивается. Арманьяк у деда заканчивается тоже. как и ликер у бабушки и Асели.

— Ну, спасибо, что приняли! — подымается из-за стола дед.

— Мы тоже хорошо приняли, — хихикает бабуля, не обращая внимания на его грозный взгляд, — и ничего, что с утра. С утра не выпил — день на смарку, — и они странно смеются с Аселей.

— Слава богу, ты не пьёшь! — тихо говорю Лене.

— Мелкий, я как раз пью! — возмущается она. — Просто кто твоих сейчас в деревню повезет, если и я накидаюсь?

— Упс. Не подумал. Ты — золото, — и проникновенно тянусь к ней, чтоб поцеловать.

— А то...

Наконец, скопление народа рассасывается. Бабушка, дед и Лена уезжают на Лениной машине вначале по каким-то своим делам по городу, потом — к себе в деревню. И говорят, что Лена сегодня может не вернуться, чтоб мы не волновались.

Асель походкой зомби идёт в свою комнату досыпать.

А я, сменив в сумке так и не использованный сегодня пакет для плавания на пакет для бокса. несусь на спорткомплекс. Попытаюсь не пропустить хотя б Сергеевича.

По пути на спорткомплекс, звоню Илье и огорчаю его. Говорю почти правду: что у меня особое зрение, и я не так вижу цвета. Обычно это кроме медкомиссии в военкомате никому не интересно, но тут оказалось, что это помогает видеть пятна на мокром.

Говорю, что ни вчерашние двое работников, ни моя девушка, приглашённая для проверки и более всех заинтересованная в найме работников, не видят того, что нужно.

Илья ошутимо огорчается и предлагает не рубить сгоряча. Останавливаемся на том, что работников он будет присылать, раз уж разместили объявление, вдруг кто и сгодится. Но я честно советую ему не особо обнадеживаться.

В зале полно народу. Видимо, уже начали возвращаться все, разбредавшиеся на лето. Сергеевич устраивает мой нелюбимый аттракцион «все по кругу», когда на каждого нового противника идёт только один раунд. Я, как обычно, не успеваю ни к кому приспособиться, как пора менять партнёра. В общем, всё без изменений.

Потом все расходятся, Вовик идёт в сауну на первом этаже на час, а я полчаса сажу в стену под задумчивый взгляд Сергеевича, сидящего прямо на ринге и болтающего ногами в воздухе все эти полчаса.

— Саня, ты в шахматы играешь?

В шахматы я играю ещё с той жизни. Что и отвечаю:

— Да, конечно. Но давно не играл.

— Ну пошли поиграем. Не торопишься?

— Ну, вечером на работу, но время ещё есть.

У Сергеевича садимся за его шахматный стол, который он использует на все случаи жизни, расставляем фигуры и стартуем.

Первую партию неожиданно проигрываю. Из-за обидного зевка в дебюте.

Вторую — тоже.

На третий раз, у меня закрадывается подозрение, что я не

случайно зеваю. Честно спрашиваю Сергеевича.

— Саня, у меня первый разряд. Я не знаю, случайно ли ты зеваешь. Но теории дебюта ты не знаешь сто процентов. Кстати. Чего ты хочешь от жизни?

— Сергеевич, я Вам врать не хочу. А если скажу серьёзно — буду выглядеть идиотом.

— А ты попробуй. Не чужие же.

— Только не смейтесь. Я хочу, чтоб человечество поняло, что оно едино. Это стратегически. А если на этом этапе — хочу свою генную лабораторию. Чтоб ген старения расшифровать. Чтоб генетические предрасположенности к болезням корректировать. Вот.

— Мда, неожиданно. — После паузы говорит Сергеевич. — Знаешь, я в курсе же, что ты один живёшь. И порой даже некому сказать тебе, как ты со стороны выглядишь. И куда движешься. Я тебя затем и позвал, чтоб сказать: Саня, ты правильный. И всё делаешь правильно. Что ты на бокс пошел — хорошо, это очень помогает гнуть свою линию хоть в партии, хоть в жизни, хоть в бою, не обращая внимания на встречные удары. Бокс — он даёт гораздо больше, чем кажется непосвящённым. Вот единственное, считай предостережением старшего товарища: ты можешь неверно оценивать масштаб происходящего. Как в шахматах. Ты думаешь — ты прозевал. Пять раз подряд. А я вижу, что ты ни одного стандартного дебюта не знаешь... Понимаешь, о чём я?

— Спасибо. Я очень серьёзно обдумаю Ваши слова.

— Да не бери в голову. Нет никаких ни предчувствий, ни предсказаний. Просто вместо твоего отца счёл необходимым тебе это сказать. Ну или вместе с отцом — уж не знаю, какие у вас взаимоотношения.

Тут в дверях тренерской появляется голова Вовика:

— Сергеич, а можно со мной партию?

— Да без проблем, Саня ж на работу уже? А я б еще часок поиграл, да не с кем.

— Ну, мне домой ещё зайти, — зачем-то признаюсь я. — У меня девушка бабку с дедом в село повезла, её подруга пьяная одна дома осталась.

— Чего ж так в гостях нажираться с утра, — неодобрительно ворчит Сергеевич, не отрываясь от доски.

— Так она казашка, азиатам же много не надо.

Вовик делает стойку на эти слова и перестаёт играть:

— Познакомь?

— Вов, считай сестра моей. Живёт у нас. Очень порядочная и застенчивая. Ещё и врач. Зачем оно мне надо? — откровенно отвечаю Вовику.

— Я серьёзно! — заводится тот.

— Ваня, это Вовика давняя мечта — невеста не европейка, — хихикает Сергеевич.

— Саня, давай так. Просто идём к тебе в гости. Друзья ж, в конце концов.

Ну, как бы да... Бокс — он сближает, чего уж. Я заметил, что в этой секции психология отношений — совсем не такая, как везде. Сорокалетний мужик, приехавший к Вове на спарринг по просьбе Сергеевича и нокаутировавший его в печень, например, вообще — судья облсуда. Величина, что ни говори. А тут — без амбиций и такой как все. Ещё пацанов по пути развёз, он на машине.

— Просто идём к тебе в гости. Поишь меня чаем полчаса и угощаешь ужином. А потом я уйду. — С видом кота из одного мультфильма говорит Вовик.

Сергеевич тихо хихикает, выигрывая под шумок и у Вовика.

Когда привожу Вову на ужин, Асель уже пришла в себя и что-то готовит на кухне.

Представляю их друг другу и прошу Асель на пару секунд в коридор. В коридоре честно докладываю ей подоплёку:

— Ась, услышал о тебе — не отстал, пока не напросился. Я его через полчаса выставлю, мы только поедим.

— Саш, спасибо за беспокойство, но не надо его никуда выставлять, — тихо отвечает Асель, пронзительно глядя мне в глаза.

В общем, я перестаю что-то понимать в этом мире. Когда я ухожу на работу, эти двое хихикают на кухне, как будто сто лет знакомы, и только что не едят друг друга глазами.

Хм.

Сегодня три салона. Кандидатов на работу нет. Работы часов на семь. Делаю второй салон, когда на мойку прилетает взъерошенная Ленка и начинает дико ржать, повиснув у меня на шее.

— Лен, ты чего? — улыбаясь, спрашиваю её Мне уже самому смешно — но надо понять, по какому поводу веселье.

— Мелкий, отвезла твоих! Вначале к их друзьям. Так они ещё добавили. Потом закупились в КАРФУРе гречкой, рисом, в общем, бакалея. Отвезла их в деревню Сто километров, кстати! В один конец. Они мне ведро малины передали, еле на этаж занесла! Открываю дверь — и решила, что там ты с Аселей!

— ??? — Наверно, моё удивление можно резать ножом.

— Ну, я так подумала... Потому что звуки, темно в её спальне и фигура, вес, всё как у тебя!

— Ну, я не знаю, как оно со спины, но Вовик же в моём весе. Естественно, мы похожи... — начинаю рассуждать вслух.

— Не настолько. Если присмотреться. В общем, я рада, что ты тут! — абсолютно непоследовательно завершает Лена. — Ты скоро?

— Часа три ещё.

— Я посижу у тебя в «стекляшке»...

Нас обоих разрывает смех. Боюсь представить. Что там было.

Пока я дочищаю первый салон, Лена слоняется по мойке. Она заглядывает в каждый угол, потом делает себе кофе в «стекляшке», потом делает мне кофе в "стекляшке" и в итоге приезжает в бокс, сидя верхом на офисном стуле на колесиках.

— Мелкий, мне скучно. Поговори со мной.

— Да без проблем! Только тут сиди рядом, чтоб общаться можно было.

— Ещё кофе хочешь?

— Нет, спасибо. Слушай, а чего Асель так в разнос пошла? Если ты там ни в чём не ошиблась на тему, чем они занимаются.

— Какое ошиблась?! — негодует Лена. — Как тут можно ошибиться?! А насчёт «в разнос» — ну-у-у, есть у меня мысли. — Уже спокойно заканчивает она. — Ты ж про свой бокс рассказывал?

— Да.

— А ты видел, каким глазами она смотрела, когда ты про Вову упоминал?

— Нет — удивляюсь до максимума. — А какие выводы тут можно сделать?

— Ну-у-у, ты говорил, он после армии?

— Да.

— Это раз. Два — твоего веса, значит, примерно такой как ты. Третье — она овен. Темпераментный, строгих правил, но до ужаса романтичный. А ты ещё сказал, что он немногословен, что тебе с ним хорошо тренироваться, что мужик настоящий, и тэдэ. В общем, пока она слушала, глаза у неё были, скажем так, много говорящие. Эт я тебе как её подруга, сестра и психолог говорю.

— А чем овен в этом вопросе отличается принципиально от остальных?

— Ну-у, овен способен самые принципиальные решения принимать, подбросив в воздух монетку. Чуть не в вопросах жизни и смерти. За полсекунды. Если верить гороскопам.

— А мы с тобой верим гороскопам? — спрашиваю, пытаюсь вычистить пятно на полу.

— Скажем, мы с тобой, как профессионалы, не можем игнорировать определенных закономерностей. А они есть, — не зная, чем заняться, наматывает Лена локон на палец.

— Получается, она себе что-то придумала, а сейчас просто сравнила картинку в реале со своим впечатлением?

— Ага. И похоже, особой разницы не уловила, — задумчиво рассматривает этот самый локон Лена.

— Ну ладно... твоя подруга — мне то что... Хотя, что-то я не уверен, что вторая семья на нашей территории — это прям комфорт. — С вопросом смотрю на Лену.

— За это не бойся. Этого я сама не потерплю. Твоя шея — только моя, Мелкий. И у меня на неё грандиозные планы. Я не допущу никого кроме себя, висящего на ней, хи-хи.

Я продолжаю чистить, а Лена продолжает слоняться по помещению и теревить всё, до чего дотянется. Через какое-то время она подходит ко второй машине, в которой сейчас работает ультрафиолетовая лампа для санации бактериального фона, скапливающегося в "карманах" системы вентиляции, отопления и кондиционирования.

— Мелкий, стоп!

— Чего тебе? — не отрываюсь от выдраивания ковролана перед задним сиденьем.

— Иди сюда!!

Разворачиваюсь к ней:

— Тебя что-то укусило? Что с тобой?

— Вон пятно на разделителе, так? В форме вытянутой вниз кляксы?

— Ну да. А почему... Стоп! Ты что, видишь это пятно?

— При подсветке этой лампой — вполне. — Указывает Лена пальцем на пятно, которое я замочил и оставил "откисать".^[9]

— Так, я вижу и с подсветкой, и без... А ну-ка, пошли ко второй

машине.

Во второй машине я замочил пятна фруктов на заднем сидении, но тоже ещё не мыл водососом. Сиденье ещё мокрое, но пятно окончательно не смыто.

— Лена, а тут что видишь?

— Да вот оно, — и она ведёт лампой точно по контуру пятна. — Пятно.

— Ух ты. Ни за что бы не подумал!

В итоге, обычная ультра-фиолетовая лампа даёт вполне чёткую картинку обычным глазам почти по всем десяти пятнам из десяти. С плохоразличимыми в ультра-фиолете пятнами тоже можно работать, но нужен хороший свет.

— Всё не так уж плохо. Кажется, вариант с персоналом ещё не умер, — резюмирую, бережно отнимая коробку с лампой у Лены и тщательно закрывая её на ключ в своём металлическом шкафу.

— Во-о-о-о-оот! — поднимает Лена вверх указательный палец.

— Кто бы спорил! — кладу запястья ей на талию, поскольку кисти рук мокрые. — где-то час остался. Дотерпишь?

— Дотерплю.

Когда через час мы приходим домой, даже я вижу, что Асель только что не светится изнутри, и порхает по дому бабочкой. У Вовика на кухне такой же довольно-пришибленный вид. У меня нет сил на дипломатичность, потому рублю в лоб:

— Ну как, сходил в гости?

Вовик краснеет и отводит глаза. За него коршуном заступается Асель:

— Всё в порядке!

Но к ней подходит Лена, накрывает её рот своей ладонью и говорит:

— Мать, береги темперамент! Мы без претензий. Мелкий устал просто. Там каторга, не работа. Я ходить и просто смотрела — и то устала! А он это всё чистит...

Вовик мнётся, но всё же прорезается:

— Я бы хотел забрать вещи Асели. Сань, я тебе всё потом объясню.

— Да мне-то что!

— Мда... И кто-то когда-то критиковал мою неосмотрительность, — ласково цедит сквозь зубы Лена, пристально глядя Аселе в глаза. — И необдуманность в быстрых решениях.

— Да оставайтесь хотя б переночевать тут! — говорю. — Вовик — мой друг. Аселя — Ленина подруга и даже больше... Как понимаю, разных комнат вам уже не надо... Кстати! Вовик! А ты кто по гороскопу?

— Овен, — удивляется Вовик, — а что?

— Да нет, ничего, — хихикаю я, выталкиваемый Леной из коридора в направлении нашей комнаты.

Утром кухня за завтраком выглядит, как место семейного сбора. Мы вчетвером, сидящие на противоположных концах стола, поглощаем кучу, приготовленную, думаю, Аселей — мы с Леной встали позже них, а с утра на кухне что-то грохотало. Или кто-то.

— Вовик, слушай, а я ж и не спросил. А ты с родителями живешь? — вспоминаю, что хотел.

— Умгумгм, — кивает, глотая беляш, Вовик, — В основном с маманей. Отец от нас отдельно, но пару дней в неделю бываю и у него. Они в разводе, так что мотаюсь между двумя домами.

— Если хочешь — живи пока тут. Можем начать пока так, потом определимся. — Продолжаю. Эту тему мы с Леной обсудили, так что сейчас я говорю от имени нас двоих.

— Ася, где тебе удобнее? — в лоб рубит Лена, говорившая ночью, что Асель очень опасается жить со свекровью. Какая-то не очень радостная история из прошлого, без деталей.

— Ну, мне вообще с тобой удобнее... — смущается Асель. — Если ты тут — то, наверное, тоже пока тут.

— Я тут, это даже не обсуждается, — откусывает Лена кусок хрустящего огурца. — Если мы таким кагалом завалимся в наш с

тобой флигель, да ещё пожить — моего отца с приступом тот час увезут. Я вон Мелкого не знаю, как ему представить.

— Ну тогда, Вовик, решайся. На первых порах вы нас не стесните, а потом что-то уладится. Или решится.

— Да я не против. Как по финансам будем? — сразу берет быка за рога он.

— Мы с Леной составляем меню на неделю, — вступает Асель. — Пишем примерную смету, закупаться всё равно на Лене проще — машина. Потом делим пополам между семьями. Так же можно и с квартплатой.

— Да ну, бог с вами. От того, что вы тут, у меня ж ни больше, ни меньше счёт не изменится. Квартплатную тему проскакиваем, — говорю я.

— Ну, одежда у нас с Аськой общая, мы как-то поделимся, — врезается Лена. — А мужики сами о себе позаботятся, да?

— Вчерне так, — суммирую.

Через пару минут, в нашей комнате, лежа крестом на диване, говорю:

— Вот так за какую-то неделю население моей квартиры увеличилось в четыре раза. Ещё б теперь кота-а-а и соба-а-аку.

— Тебе некомфортно? — серьёзно вскидывается Лена.

— Да бог с тобой! Что за материнские инстинкты, — смеюсь. — Если бы мне было некомфортно — Вова сюда бы вчера даже не вошёл. Поверь. Скорее, непривычно — столько лет один. А квартира же не маленькая — Аськина комната у меня вообще запечатана стояла, ты видела. Так что...

— Мелкий, я тебе говорила, что когда ты у меня весь такой не по годам взрослый и благородный — у меня прям бабочки?

— Где? Какие? — не сразу соображаю, о чем она.

— Мр-р-р, вот ты тормоз, Мелкий, подвинься, сейчас всё продемонстрирую...

НОВАЯ КЛИНИКА встречает новым расписанием УЗИ на

неделю. Доктор Шаматов — пятидесятилетний пожилой мужик — ведёт приём с восьми утра до шести вечера с часовым перерывом. И на две недели вперёд всё расписано. Шесть дней в неделю.

После него — какой-то второй доктор, но туда записи почти нет.

Захожу к И.В., предварительно постучав.

— О, Саня, привет, — привстает И.В., подавая руку. — Видел расписание?

— Да. Честно говоря, не знаю, что с этим делать. Шаматов пашет так, как я не могу.

— Ну, Али Шафетович — светило, да... У него и стоимость выше, хотя тебе это не актуально. Саня, мы тут без тебя думали. В-первых, Шаматов не в восторге от того, если ты будешь присутствовать постоянно. Он, честно говоря, без энтузиазма отнёсся к твоему подключению в принципе. Потому предлагаю: месяц ходишь когда можешь. Но не менее двух часов в день. Это — от четырёх до шести пациентов. Это — произвольная программа.

— Есть обязательная?

— Да. Те случаи, когда мы уверены, что ты нам нужен — вот как с Касaeвой — планируем заранее на субботу, воскресенье либо по согласованию с тобой. И вот эти «обязы» ты уже выпахиваешь по команде. Но в сумме тоже вряд ли более пяти часов в неделю, судя по тому, что я по твоей работе видел.

— Принято. Спасибо за понимание. У меня тут случайно семья подросла, мне без финансов сейчас...

— Кстати о финансах. Компетентно заявляю: конверсия с бесплатных клиентов смысл имеет. Финансовая эффективность положительная. Держи.

Через стол скользит конверт, который я не спешу брать.

— Игорь Витальевич. Я очень вас люблю. Но так не бывает. Не бывает так, чтоб бизнесмен добровольно признался в прибыли, о которой он может не говорить. И потом ещё с этих денег добровольно делился с компаньоном. Который и так будет отдаваться на все сто. В чем подвох? Вы решили взять меня на буксир? Финансово?

И.В. встаёт, глубоко вдыхает и делает несколько шагов по

кабинету.

— Вот сейчас было обидно, — говорит он. — Я даже не о порядочности, хотя при случае спроси у Сергея: есть ли хоть кто-то в мире, кто может меня упрекнуть в том, что я недоплатил ему либо не рассчитался с ним. У меня есть мои взгляды, не то чтоб религиозные, но в карму я верю. Я ещё с института свято соблюдаю правило: каждому, кто тебе помог, надо заплатить. Не обязательно деньгами, можно иначе. Но принцип — ни одно доброе дело нельзя оставлять без посильного воздаяния. Я не кричу, что я супер верю в бога. Но я твёрдо знаю, что пока я соблюдаю этот принцип, у меня будет всё: финансы, положение, любимая работа, приятное окружение. И я так же твёрдо знаю, и не собираюсь даже проверять: если я начну этот принцип нарушать — бог у меня всё тут же отберет. Ты мне веришь?

Неудобно получилось. Вижу, что он не врёт. Но вначале я подумал, что это они с С.В. просто решили пацана «на буксир» взять, типа из жалости: живёт один, пашет на мойке, всё такое.

Встаю, подхожу к И.В., беру его за руку, которую пожимаю обеими своими:

— Извините. Я не просто Вам верю, я вижу, когда врут. Вы сейчас искренне верите в то, что говорите.

— Правда видишь? — тут же заинтересованно переключается на другую тему И.В. — С каждым?

— Почти. Если с кем-то знаком лично — то вообще без вариантов.

— В смысле, тебя не обмануть?

— Точно. Только не говорите никому, хорошо?

— С ума сошел? Это такой чит! — весело смеётся И.В., падая спиной в кресло и откидываясь назад. — Саня, какой вопрос я тебе сейчас задам, ты уже понял? Раз знаешь меня хорошо.

— Вы сейчас спросите, в каких объёмах можете рассчитывать на эту мою помощь в работе, — улыбаюсь в ответ.

— И-и-и??? — с нетерпением тянет И.В.

— Игорь Витальевич, если от этого зависит наше функционирование или существование — например, ваши договоренности с Государственным Финансированием — то в

полном объёме. Я более Вас не заинтересован, чтоб Вас обманули. В мелких бытовых моментах — не обессудьте.

— С мелкими бытовыми я справлюсь и без тебя... Спасибо! Вот с государевыми людьми — тут твоя помощь неоценима, да...

— А в Бахтина Вы не верите? Если вдруг — тьфу три раза — Вас начнут пытаться обмануть, что-то отжать, где-то прищемить?

— Верю. Бахтин — это ключевой элемент нашей безопасности, только это секрет. Тоже не болтай. Но — что всегда имеет хороший руководитель?

— Что?

— Резерв. Вот теперь у меня резерв есть. Кстати о Бахтине. Марина уже лежит у нас.

— Так отделение ещё не открыли же?

— Для неё — уже открыли... К ней охрана приставлена — Бахтин чего-то опасается, пойдём я тебя представлю их старшему по объекту, её попрошу тебя посещать каждый раз, когда ты в клинике. Твоё воздействие ей очень показано. Да и успокаиваешь ты её очень хорошо, а тревожность у неё периодически прорезается.

Мы проходим через весь корпус, поднимаемся на четвёртый этаж, И.В. своим ключом открывает какую-то перемычку в соседнюю пристройку и нам в нос упираются два ствола.

— Игорь Витальевич, вы же должны звонить перед открытием двери, — укоризненно говорит светловолосый крепыш в сером комбинезоне, забрасывая какой-то длинный ствол за спину.

Его напарник молча отодвигается в сторону.

— Блин, старость, — хлопает себя по лбу И.В. — Прости, Валера. Знакомься — это Саша. Он будет к Марине ходить каждый день. Передай по смене, пожалуйста.

— Мы его знаем заочно, — отвечает крепыш, едва мазнув по мне взглядом. — Через Олега Николаевича.

Ну да, там могут быть свои возможности.

— Саша, вот тебе номер, — крепыш протягивает мне визитку с

одним номером. — На время нахождения Марины, жены Олега Николаевича тут, ты относишься к списку лиц, имеющих к ней неограниченный доступ. Пожалуйста, звони каждый раз, когда будешь сюда идти. Не забывай.

— Без проблем, — соглашаюсь с логичной мерой.

Это если ко мне менты в квартиру нагло пёрли, а я вообще никто, то как могут пытаться на Бахтина надавить? Не хочу даже фантазировать... Конечно, мы живём не в Техасе и не в Гарлеме, но последние пара недель мне явственно продемонстрировали, что лишней осторожности не бывает.

Мы проходим дальше по шлюзу и попадаем в пристройку.

Там в отдельной палате лежит Марина. Она улыбается, увидев нас, машет рукой и говорит:

— Игорь, ты его привёл наконец? Я вас с утра жду.

Упс. Кажется, И.В. забыл не только охране позвонить перед открытием дверей. А и мне — передать привет от Марины.

— Я тоже рад вас видеть, — искренне отвечаю ей, не сдавая забывчивость Игоря. — Сейчас сполосну руки и гляну Вас.

Пока минуты две держу руки под проточной водой, чтоб сосредоточиться, И.В. с Мариной обсуждают вопросы диеты, режима дня, взаимодействия через охрану и время визитов Олега.

— Я готов, — говорю. И.В. послушно перемещается мне за спину.

Концентрация. Скан. Ещё раз проверка. Скан. Скан. С чистым сердцем сообщаю вслух:

— Всё в порядке, только тревожится почему-то. Чистой воды психика.

— Можешь помочь? — спрашивает И.В., собравшись.

— С ней — запросто, Марина, дайте левую руку.

Марина послушно протягивает ладонь.

Импульс.

Марина на глазах меняется и начинает улыбаться.

— Ну вот и всё, — говорю. — Раз в день буду повторять. Мне не

сложно.

— Спасибо, — улыбаясь, берёт меня второй рукой за руку Марина. — Действительно помогает.

— Саня, мне ещё тут поговорить нужно. Если хочешь — посиди с нами. Этот где-то на полчаса. Или, как вариант, можешь пока сходит к Шаматову. Посмотри «сквозь стекло», начни набирать статистику.

Что я и делаю. В коридоре пересчитываю деньги. Порядка двух дней работы на мойке. Не бог весть что, но в рамках зарплат медработников — более чем существенно. Примерно за недельный период или около. Приятно.

Перед проходом к себе через кабинет УЗИ, убеждаюсь, что у Шаматова никого нет и вежливо стучусь:

— Разрешите пройти к себе? Я — Саша.

— Это тебя ко мне на усиление? — сдержанно интересуется «колобок» лет пятидесяти, с залысинами, абсолютно неспортивного вида и похожий на Айболита, только без бороды.

— Я не на усиление, Али Шафетович. Я по своей теме, просто буду смотреть из-за стены. Если получится — буду благодарен Вам за демонстрацию всех сложных случаев либо патологий, которые вскрываете Вы при приёме.

— Ладно, посмотрим, — оттаивает «колобок». — Только не шуметь во время моей работы, не ходить, звуков не издавать.

— Конечно! Я читал правила, — улыбаюсь. — А когда у Вас сегодня первый приём?

— Первый был несколько часов назад, — указывает он на часы. — Сейчас пациентка не смогла приехать. Следующая по плану через пятнадцать минут. Можем пока чаю выпить. Давай хоть познакомимся нормально.

Заливаем одноразовые пакетики кипятком из диспенсера, сахара нет. Надо будет озаботиться и купить: чай из пакетика выпить ещё могу. Но без сахара?

— Али Шафетович, я, с одной стороны, хочу как можно меньше вам мешать. С другой стороны, мне бы хотелось как можно больше практического опыта у вас почерпнуть.

— Саша, а ты можешь сформулировать, какой тип специализации ты представляешь и что именно ты решаешь «в спайке» со мной?

— Игорь Витальевич сказал, он вам сам всё объяснит, — развожу руками.

— Ну что-то он ничего не объяснил... — бурчит Шаматов. — Ладно. Тогда рассказываю, как туристу. Именно у меня — уже много лет специализация. Как-то исторически сложилось, в основном УЗИ, беременность. Если планово — это три основных группы обследуемых: десятая тире четырнадцатая неделя — подтверждение беременности. Девятая тире двадцать четвертая неделя — признаки патологий, оценка развития малыша. Тридцать вторая тире тридцать четвертая недели — предлежание, развитие малыша, признаки патологии плаценты.

— Понятно, — старательно записываю всё в блокнот. — Не ясно только, где И.В. видит моё участие в этом... — бормочу.

— Мне тоже, — чокается со мной чашкой Шаматов. — Но давай конструктивно. Игорь говорит, то, что тебе нужно, ты на семьдесят процентов вообще видишь из своей комнаты через стекло. Это так?

— В общем, да.

— Не буду спрашивать — что ты видишь, Игорь однозначно не дурак и из ума не выжил; раз сказано — значит надо... Вопрос: ты сам чем-то можешь быть реально полезен? Если ДА — в каких клинических случаях?

— Однозначно, в случае внутриутробных инфекций, — чётко отвечаю. — И инфекций у беременных вообще, у беременных же это

— особая проблема, насколько я понимаю. Скажем, даже если у неё фарингит, бронхит, отит и так далее — я уже могу помочь. Возможно, есть что-то ещё — но вот для этого я тут. План был такой: все отклонения, что фиксируете Вы, Вы потом, после ухода пациентки, говорите мне. И наоборот: если что-то через своё стекло вижу я, что лично для меня отличается от стандартной картины — я тут же сообщаю Вам. По внутреннему телефону, насколько я знаю от И.В., наши с Вами аппараты только для этого и стоят на столах.

— Да... Саша, про инфекции — не шутка? — вливается в меня глазами Шаматов.

— Али Шафетович, не люблю отвечать на такой вопрос. Давайте сделаем так: если Вы считаете меня шутником, И.В. — тоже шутником, который «подсадил» меня к Вам поиграться (ибо ничем иным тогда нельзя объяснить шестнадцатилетнего пацана рядом с Вами, корифеем как минимум в городском масштабе), — делаю вдох, — спросите у И.В. одно слово в связи со мной: Касаева.

— Да Мариночку как раз я знаю! Об этом я слышал... От Игоря, — задумчиво теребит кончик карандаша Шаматов. — Я просто не знал, что это — твоих рук дело. Мариночку я и веду с самого начала! Давай тогда так.

В этот момент звонит его мобильный. Он коротко что-то отвечает и продолжает:

— Раз есть такая уникальная возможность — не спрашиваю деталей — я во время самого первого обследования тогда всем женщинам говорю, чтоб в случае **любых** инфекций шли к нам. Это — самое полезное для всех наше с тобой взаимодействие. И первое, что приходит в голову. Принимается?

— Да, конечно.

Здание Генеральной Прокуратуры. Этаж с табличкой при входе «Служба специальных прокуроров». Кабинет с табличкой «Начальник службы». У Бахтина звонит мобильный телефон, лежащий на столе. Бахтин, не глядя на экран, нажимает кнопку гарнитуры, вставленной в ухо, и продолжает что-то заполнять на цветном бланке с гербовым логотипом Генеральной Прокуратуры.

— Слушаю, Бахтин.

— Олег, привет.

— О, Лёлик! Привет героям, наполняющим бюджет. Я сейчас чуть занят...

— Я по работе.

— Слушаю внимательно, — моментально подбирается Бахтин.

— Нужен совет. Помощи не прошу — тут я сам должен управиться. А то если сейчас ты вмешаешься, размахивая шашкой, я потом без тебя ничего сам решить не смогу.

— То понятно. Говори, что хотел.

— Я просто объясняю все вводные. Итак, ситуация. У нас есть список льготников по сельскому хозяйству.

— Дотационники? Животноводство, племенной скот, экспортные программы на Китай? — демонстрирует неожиданную осведомлённость Бахтин. — Или растениеводство в зоне рискованного земледелия?

— И то, и то, — немного удивляется осведомленности Бахтина собеседник, но тут же продолжает дальше. — Есть стандартный порядок освобождения нами их от налогов конкретно в этом году. Всё по процедуре, Закон давно принят, в Законе о бюджете на этот год они тоже есть.

— Затык в чём?

— Чтоб я снял с них обременение по гос. ссудам, и применил нулевую налоговую ставку налогообложения, мне в ЛОТОСЕ необходимо подтверждение от Министерства Сельского Хозяйства. Формальность. Один клик — птичка напротив строки «СОГЛАСОВАНО».

— Продолжай.

— Ты уже сам всё понял. И фермеры, и крупные хозяйства обивают у меня пороги с просьбой продлить срок сдачи деклараций и заявлений: в срок от МинСельхоза у них просто физически не получается получить подтверждение факта сельскохозяйственной деятельности.

— Так... Фермеры прямо к тебе в управу идут? Или у себя в районах в районные налоговые?

— Снизу вверх. Вначале — в район. Потом — когда там ничего не решается — ко мне. Сегодня вот двенадцать заявлений.

— Вот козлы... — не сдерживается Бахтин. — Ты же понимаешь, к чему намёк?

— Я тебе потому и звоню. Это — не просто намёк. Один майор с авиаполка, сейчас на пенсии, заходил, он теперь фермер. Лично знакомы. Ему в Сельском Хозяйстве открыто в лоб сказали: или тысяч на бочку, или подтверждение он будет ждать аккурат до закрытия бюджета этого года. Я со своими говорил — там в Сельском Хозяйстве чуть не ежегодный план: какой процент дотаций на сельское хозяйство должен вернуться обратно наличными. Вот теперь ты мне скажи, что делаем.

— У меня есть моё впечатление. И мой вариант решения. Ты скажи сперва, что думаешь?

— Олег, мне — если по должности, то вообще по шарабану. Я могу строго по закону послать этих фермеров, и буду прав. Это если по букве закона. Но они ж банкротиться по осени начнут. Если говорить с точки зрения времени, мне их проще послать, чем разбираться. Ты же понимаешь, что на то и расчёт?

— Да... Судя по всему, раньше так оно и работало. Твой предшественник в хитросплетения не вникал. Если проще отказать, да ещё и по закону — так и делал. Итог какой?

— Понятно какой... Теперь дай совет, как за эту дурацкую галочку в ЛОТОСЕ и топором не махать, и вопрос решить.

— Есть установленные Законом сроки рассмотрения Сельским Хозяйством заявлений сельхоз производителей?

— Да. До 25 дней по таким вопросам.

— У «фермеров» есть ответы от СельХоза?

— Нет, на них просто забили и никто не отвечает.

— Ну тогда в ЛОТОСЕ пиши мне заявление от своей налоговой. Так и так, в связи с систематическим несоблюдением установленных Законодательством сроков прохождения рабочей документации в Министерстве Сельского Хозяйства, в такой-то период на такую-то сумму «подвисло» столько-то обязательств в госбюджет и столько-то незаконного обременения частных фермерских хозяйств.

— Уже ваяю, дальше? — чуть издалека доносится голос собеседника. Слышно, что он поставил телефон на громкую связь и что-то быстро выстукивает по клавиатуре. — Заяву на тебя лично?

— Так точно. Только поставь две галочки: напротив моего имени и напротив должности. Цифры можешь вообще от балды в десять раз завысить.

— Та-а-ак... мину-у-уту... Набрал.

— Регистрационный системой присвоен?

— Да.

— Отправляй мне, по регистрационному номеру в реестре исходящих поставь в копию Концелярию МинСельХоза.

— Упс... Не додумался. Что дальше?

— Дальше — два варианта. Первый: фермеры прямо сегодня начнут получать свои подтверждения, а ты — галочки в ЛОТОСЕ напротив каждого заявления. Второй вариант: если за 24 часа ничего не меняется, я, в соответствии с кое-чем, сегодня неафишируемым, завтра с утра отправляю туда, кого надо. И в установленном порядке задаём вопросы по вымогательству взяток на госслужбе. Начальников управлений, думаю, прикроем сразу. Чтоб стимулировать точное выполнение правил теми, кто пониже. Как минимум, на два-три месяца на период следствия.

— Ничего себе, — в трубке раздаётся свист собеседника.

— Да ты ж у нас до жопы военный. Ты ж не в курсе, в декабре начальника ВетКомитета Хасанова закрыли. За это самое. Я лично. Уж как его родня и просила, и угрожать пытались... Если до них не доходит по-хорошему — будем объяснять иначе.

— Бах, спасибо! Один идиотский вопрос. А раньше почему так не делали? Ну, там, три года назад? Мне майор-авиатор говорит, давно так всё шло.

— Раньше Министр Сельского Хозяйства был вице-премьером. И сам знаешь, чьим человеком. А сейчас «Папа» предложил всем апеллировать не к родственным и дружеским связям, в том числе к нему лично, а к Закону. Который...

— «...один для всех». Помню, понял. Бах, а ты не боишься? Ладно, это я не сдержался, любопытно, можешь не отвечать.

— Как раз отвечу. Лёлик, я боюсь, что мой сын будет через двадцать лет не мясо на экспорт выращивать, а униженно лбом у таких мудаков об паркет стучать. Такую вот галочку вымаливая... А меня уже не будет.

— Ладно, понял, пардон, что в личное попал. О, Бах, ты видишь?!

— Что вижу? — несколько рассеянно отвечает Бахтин. — Лёлик, извини, мне тут тоже есть малость что делать.

— Вот я тебе отправил в ЛОТОСЕ три две минуты тому — уже две «галки» зажглись от МинСельхоза!. Из двенадцати за сегодня! Бах, как так-то?! Канцелярия МинСельхоза — потом профильное управление или комитет, или ветеринарка, или растениеводство, тоже канцелярия — потом начальнику службы — потом исполнителю — потом обратно вверх! По этой же цепочке! Бах, как это можно успеть за две минуты?! Всю цепочку туда — обратно?!

— Это ты не у меня спрашивай. Я ж тебе говорил... Лёлик, удачи. Если каких «галок» не появится за сегодня — маячь.

— Ок, в 18.00 наберу, если надо будет.

— Нет! Лёлик, в ЛОТОСЕ! В ЛОТОСЕ отпишешь! Официально отправишь! МинСельхоз — в копию! Потом звони...

— Принял. До связи.

— Пока.

Уже несколько часов сижу с Шаматовым, вернее, в соседнем кабинете за стеклом. После каждой пациентки, Шаматов подробно мне поясняет, что за случай, особенности, его действия, его выводы. Патологий нет. Во время очередного «окна» между посетительницами, спрашиваю:

— Али Шафетович, а зачем они к Вам валят таким косяком? Ведь нет же оснований, если все здоровы?

— Ну, плановые обследования положены, — смеётся Шаматов, — но вообще — в точку. Вопрос чисто психологии. Сейчас одну вещь расскажу — только никому дальше не транслируй.

— Я — могила. Спасибо заранее, — улыбаюсь в ответ.

— В акушерстве вообще любят, когда к ним на работу поступает мужчина. Женщины в период беременности очень сильно всё ощущают на уровне инстинктов, и наличие здорового крепкого самца действует успокаивающе. На моём месте, любой мужчина крепкого плотного телосложения, с низким голосом, чувством юмора и профессиональными навыками будет пользоваться успехом у беременных, — улыбается Шаматов. — Что категорически не отменяет профессиональности нашего подхода и твоих новооткрывшихся талантов! Помощь по списку инфекций — это неоценимо! В хорошем смысле! Правда, не обессудь, не буду очаровываться, пока лично не увижу.

— Дай бог, чтоб и не увидели, — бормочу.

После Шаматова, поднимаюсь к И.В. и стучусь в двери. В кабинете обнаруживаю, как обычно, чай и бутерброды. Начинаю понимать, что у И.В. это что-то типа стиля жизни.

— Игорь Витальевич, зайду на секунду?

— Заходи! — встаёт из-за стола он, протягивая руку. — Ну, как первый день?

— С Шаматовым вроде контакт наладил. Отсмотрели вместе четырнадцать женщин. Он всё поясняет, что видит. Но сегодня по большей части — десятая тире четырнадцатая неделя, подтверждение беременности.

— А ты что видишь?

— Ну саму беременность научился видеть. Она смотрится как автономная генерация. В принципе, теперь, если надо, могу на ранних сроках наличие беременности диагностировать. Только не понимаю, зачем это актуально.

— Не скажи...

— Ещё договорились с Шаматовым о том, чем я уже сейчас могу быть полезным.

— Чем?

— Да инфекции. Внутриутробные — фокус номер один. Ну и,

если к нему приходит кто-то даже с бронхитом, фарингитом, ринитом и так далее — тоже saniрую. Для профилактики, он говорит, любая инфекция для беременной — лишний риск осложнений туда, куда не надо.

— Мда уж-ж-ж-ж, — грызёт И.В. кончик карандаша, — в принципе, на поверхности лежало. И почему мы сами не додумались?

— Ну, у вас фокусы на другом, хоть и то же гос финансирование.

— Всё так, но эта твоя санация, даже для профилактики, бесценная вещь. Это же сколько всего избежать можно, даже на тысяче человек, если профилактировать любую инфекцию в процессе беременности... — И.В. погружается в какие-то расчёты карандашом на листе бумаги. — Так, давай оценивать в цифрах. Я тут прикинул, сколько человек на патронаж можно ожидать уже со следующей недели. А ты, максимум, сколько можешь санировать с внутриутробными инфекциями в день, если они будут?

— На одну надо порядка трёх минут. И пара минут восстановиться. Если с перерывом на обед — то хоть целый день могу. Оно очень контрастно видно в проекции, легко saniруется. Если судить по Марине Касаевой. У неё типичный случай?

— Да, вполне. И что, saniруется вот так совсем не напряжно? — поражается И.В., промахиваясь рукой мимо очередного бутерброда и цепляя его со второго раза.

— Ну, с чем бы сравнить... Вам будет тяжело представить себя в красном пиджаке? Усилием воли?

— Мм-м-м... пробую... Да не особо.

— Сколько раз сможете за день?

— Да хоть целый день.

— Ну вот тут то же самое.

— А-а-а, понял. Да целый день — это перебор, ты что. Именно этот вид патологий — вообще достаточно большая редкость. Тут скорее надо будет, ты правильно сказал, всякие бронхиты, риниты и прочую гадость санировать. Вот лично у моего брата младшая дочь родилась с пороком сердца скорее всего из-за того, что его жена бронхит на ногах во время беременности переносила. — На не самой мажорной ноте поясняет И.В. [\[10\]](#)

— Зачем так над собой издеваться? — искренне удивляюсь.

— Работала начальником маркетинга у самого крупного оператора мобильной связи. Десять часов в сутки — работа. Постоянно быть в форме. Во всех отношениях. Масса командировок зарубеж, в том числе Швеция, Финляндия по три месяца в году на обучение. Престижно же! Гори оно огнём... Зарплата в пересчёте — несколько тысяч долларов в месяц. Не могла пропустить работу даже один день без последствий для эффективности процесса. Плюс, у них летом здание закупорено и включены кондиционеры, а это ужас какой бактериальный фон. Вот и результат... Ладно, мою семью проехали... Твоя профилактика инфекций у беременных — типичный пример когда ты можешь быть более чем нужен и полезен. Что, вроде пока всё?

— Да. Спасибо за бутерброд, вкусно, — искренне благодарю. — Могу идти?

— У нас к тебе пока вопросов нет. Ходи пока к Шаматову, как ходишь, на следующей неделе официально объявлю всем на собрании Клиники личную ставку от патронажа. Раз ты у нас будешь с инфекциями сражаться, теперь ты автоматически в штате. Де-факто. Кстати! А что у нас с дипломом? Ты съездил, куда я просил?

— Вот сейчас выхожу от вас и еду.

На улице меня уже, как договаривались, ждёт Лена: за дипломом ехать на другой конец города, практически в пригород. Сажусь в машину, пристёгиваюсь и она резко трогается с места так, что меня буквально впечатывает в спинку сиденья.

— Как первый день на новом месте, мой маленький герой? У тебя вид слегка усталый.

— Да ты знаешь, физически не тяжелее мойки, конечно. Но очень много нового, плюс я не всё понимаю.

— Не хочу лезть в мужские дела, когда ты не просишь, Мелкий, но говорю как твоя половина и профессиональный врач по совместительству: возможно, тебе не нужно «смотреть» с точки зрения нашей медицинской теории. Как бы это объяснить...

— Знаю, И.В. говорил. — Врезаюсь в паузу. — Когда они с С.В. это при мне обсуждали. Я, в принципе, и не собирался глубоко погружаться в ваш взгляд на вещи — на этом этапе. Но знаешь, когда несколько часов в одном кабинете, сам Шаматов — явно звезда, причём не «надутая», когда он всё это время работает — а ты сидишь рядом, — сложно не поддаться «давлению». И не начать вникать в объяснения.

— Наверное, — беззаботно пожимает плечами Лена. — Моё дело предупредить. Мы — врачи — уже подсознательно мыслим с позиций доказательной медицины. А твои, м-м-м, способности — не ясно какой потенциал.

— Вот ты сейчас словами Витальевича говоришь. Он так и выразился, что возможности С.В. имеют чётко ограниченные доказанные пределы. А мои — пока не ясно, какие пределы имеют и имеют ли.

— Точно. Прямо не ожидала от Котлинского такого здорового подхода... Хотя ладно, чего я, это же Котлинский.

— Котлинский — это...?

— Твой Игорь Витальевич.

— Не знал его фамилии.

— Теперь знаешь. Кстати, у него весьма специфическая репутация. Как врач-практик, он всю жизнь — объект обильных, хоть и незлобных шуток, чтоб сказать мягко. Но все без исключения, кто с ним пересекался — пациенты, коллеги, младший медперсонал — если и не боготворят, то, как минимум, без исключения благодарны.

— Лен, а как так? — против своей воли заинтересовываюсь. — Он сам говорит, что как врач он ниже среднего, и не скрывает даже от меня, что С.В. его за врача вообще не считает. А ты говоришь —

ему все без исключения благодарны. Как это возможно?

— Я с ним лично знакома мало, и то через Сергея, но скажу, что вижу. Понимаешь, он хороший врач не как врач. Да, такой парадокс... Он хорош, как ответственный человек, который берется за любого пациента и полностью гарантирует результат. Да, он не может поставить диагноз, он не помнит протоколов лечения, он не помнит и не понимает биохимии и так далее. НО. Он с полпинка организовывает процессы так, что мгновенно вскрывается главная проблема. А менеджер он отличный. Вскрыв проблему, он очень быстро запускает процессы так, что решением занимаются лучшие. Вот недавно он в Центре паразитологии за полдня через нас одному пациенту и направление пробил, и операцию, хотя там всё очень рискованно, и хирурга лучшего как-то замотивировал — в общем, очень помог там, где вообще все опускали руки. Именно из-за того, что волокита огромная, а результат — сомнительный.

— Это не дедушка с эхинококком в печени?

— Да, откуда знаешь?

— Так я диагноз уточнял... Витальевич что-то на рентгене увидел, сразу меня вызвал. В моей проекции — откровенный паразит, без вариантов.

— Прикольно. — Присвистывает Лена. — Вот это и есть весь Котлинский. Сам даже рентгена расшифровать не может, но за полдня решил то, что даже Сергей решал бы с неделю и не факт, что решил бы.

— А в чём загвоздка с пациентом?

— По индивидуальным противопоказаниям, у пациента с наркозом проблемы.

— Но там всё нормально?

— Более чем. Уже прооперировали, всё почистили, Котлинский ему ещё какой-то санаторий бесплатно выбил. Для реабилитации. У него ж свои подвязки в ОблЗдраве. А как он хирурга и анестезиолога мотивировал — я даже представить не могу. Вернее, не хочу.

— Парадокс, — смеюсь. — Как врач — ноль или около, причем и сам это говорит. Но решил врачебную проблему быстрее врачей. И успешно, хотя все кричали о рисках.

— Я об этом и говорю. Он не может помочь как врач — да к нему никто и не рискнёт, давай честно. Но как менеджер, знающий врачебную кухню, очень эффективен. Знаешь что самое интересное? Я вот навскидку не могу припомнить ни одного случая, чтоб кто-то говорил, что Котлинский кому-то отказал либо в его клинике чего-то не добились. Пусть даже так — организовав направление в профильный центр.

— А вы?

— У нас бывает... не в нашу смену. Но бывает... А ты у Шаматова чему-нибудь научился? — переключается Лена на более актуальное.

— Знаешь, научился определять беременность на ранних сроках. В моей проекции очень контрастно видно. Только не ясно, какая от этого практическая ценность?

— Никакой, — смеется Лена. — Хотя-я-я, единственное, что в голову приходит, это диф. диагностика опухоли яичников дробь матки. Но это слишком притянута...

— Даже не понял, о чем ты.

— Забей. Так, Мелкий, мы приехали. — Лена с визгом тормозит в полуметре от каменного забора. — заболтались — не успела тебя проинструктировать. Сейчас ты стоишь у меня за спиной, не высовываешься и не лезешь со мной спорить при людях. Понятно?

— Да.

Лена уверенно ведёт меня внутрь двухэтажного каменного здания, окружённого забором, с вывеской «ВТОРОЙ МЕДИЦИНСКИЙ КОЛЛЕДЖ», поднимается на второй этаж и входит после короткого стука в дверь с надписью «Зав. учебной частью». Протискиваюсь в дверь за ней и вижу за письменным столом усталую женщину лет пятидесяти, следящую за собой, но очень устающую на работе.

— Здравствуйте, Нина Ильинична?

— Да.

— Вам Стеклов звонил насчёт меня. Я с ним работаю в одной смене.

— Сергей Владимирович, из неотложки?

— Да.

— А вы — Елена?

— Да.

— А это и есть ваш брат? — Нина Ильинична смотрит на меня усталыми глазами раскаявшейся анаконды.

— Да, это он. Мы с ним на разных фамилиях, у нас отцы разные.

В этом месте я очень удивляюсь, но добросовестно исполняю всё, о чем договорились с Леной в машине. Начать что-то доказывать сейчас будет действительно глупо.

— Какой диплом вам нужен?

— О Курсе массажа, государственного образца.

— С медицинской подготовкой?

— Если можно. Что это по деньгам?

— Для Сергея Владимировича — сумма та же, просто бланк немного другой и заполнить нужно иначе. Присаживайтесь, — Нина Ильинична указывает на стулья, стоящие вдоль стены, и начинает что-то быстро строчить ручкой, сверяясь с каким-то листиком, в сине-зелёной книжечке. Наверное, это и есть тот самый диплом.

Через три минуты молчания и скрипения ручки, хозяйка кабинета передают Лене раскрытую книжечку:

— Проверяйте.

— Всё точно, — Лена секунд пятнадцать читает по диагонали, потом убирает документ к себе в сумку. Из сумки достает плотный конверт, протягивает его хозяйке кабинета и говорит, — пересчитайте, пожалуйста. Что с внесением в Единый Реестр?

Нина Ильинична, не чинясь, быстро пересчитывает содержимое конверта, кивает сама себе, поднимает голову и, достав из верхнего ящика стола какой-то бланк, протягивает его Лене:

— Вот коррективы в последнюю экзаменационную ведомость. Оригинал завтра сдадим через курьера, я же не могла до вашего прихода. Внесут в течение недели, если по закону, по факту — даже быстрее, дня три. Не беспокойтесь. Пусть ваш брат распишется в ведомости, пожалуйста.

Быстро расписываюсь, прощаемся и выходим. В машине, демонстративно потирая руки, обращаюсь к Лене:

— И что это было, сестра? — после чего мы оба начинаем смеяться.

— Мелкий, там Сергей и Игорь договорились по своим каналам, надо было быстро приехать, расплатиться и внести в единый реестр. Проще всего — сказаться родственниками. Это снимает все ненужные вопросы. Приехать должен был строго кто-то из врачей. Ну а я — из такой семьи, что и вопроса не возникнет, откуда у нас ресурсы на покупку диплома. В нашей среде все друг друга знают, и меня, как коллегу Сергея, Нина сто процентов опознала по описанию.

— Знал бы Бахтин, чем мы занимаемся... — бормочу.

— Насколько знаю от Сергея, это Бахтин сказал тебя легализовать. Принимая во внимание, что существующие методики аттестации никакой адекватной оценки твоим талантам не дадут... Бахтин тут как раз наоборот — проявил несвойственную ему гибкость... Он вообще имеет репутацию бескомпромиссного. Просто тут же вопрос не финансовый, и не личной выгоды. Ладно, Мелкий, мне самой неприятно! Но что делать, если законодательство не готово к приёму такого талантливого и необычного Тебя! В свои тёплые объятия. А помогать людям **реально** ты можешь уже сейчас. Вернее, не столько ты, сколько мы — врачи — с твоей помощью.

Комплекс Кабинета министров. Одна из комнат для общих совещаний. За большим овальным столом — группа людей, частично в форме таможенной службы, частично — в форме юстиции. Два места занимают два человека в штатском, на одного из которых все без исключения обращают внимание.

— Так, начинаем, — объявляет один из тех, что в штатском. — Кто не пришёл или опаздывает — ему же хуже. Таможня, кто от области, вам первое слово.

— За текущий период, нами проверенно грузов на ... миллиардов. Взыскано в бюджет... миллионов, что составляет 115 % от запланированного финансового потока. Задача по доходам в бюджет выполнена в полном объёме с опережением на 23 % времени. Доклад окончил, — браво рапортует выступающий в форме таможенного департамента.

— Добавить ничего не хотите? — интересуется всё тот же человек в штатском.

— Есть сводка по контрабанде. Всего пресечено...

— Не нужно. Спасибо. Ваша позиция ясна, как раз по этому поводу и собрались. Виктор Алексеевич — от МинЭкономРазвития. — Представляет второго штатского первый. — Он вам сейчас озвучит кое-что, гораздо более интересное. Виктор Алексеевич, пожалуйста.

— Рассматриваем тот же период. Можно доску? — спрашивает второй штатский, поправляя очки. От потолка автоматически опускается доска, второй штатский подходит к ней и быстро рисует цифры. — Вот — цифры таможни. По нашим данным. Мы совпадаем? — обращается он к предыдущему докладчику в форме таможни.

— Плюс-минус процент, — отвечает предыдущий выступавший, — у вас данные на вчера из ЛОТОСА. У меня — сегодняшние оперативные.

— Это хорошо, это непринципально, — снова поправляет очки штатский из МинЭкономРазвития. — Итак, за тот же период. Таможней досмотрено и пропущено на таможенную территорию Государства товаров на сумму... При этом, семьдесят пять процентов товаров оформлены с задержкой по времени. Это от одного дня до двух недель в среднем, смотря какой код ТН ВЭД.

Предыдущий порывается что-то вставить, багровея, но первый штатский его прерывает движением руки:

— У Вас было слово. Не мешайте.

— Но господин вице-премьер!.. — пытается продолжить таможенник.

— Вы меня не слышите? — коротко бросает первый штатский, и таможенник замолкает, продолжая багроветь. — Продолжайте, Виктор Алексеевич.

— Семьдесят пять процентов товаров оформлены с задержкой по времени. Примерный ущерб от задержки таможенного оформления составляет ... миллионов.

— Это больше или меньше суммы перевыполнения? —

спрашивает вице-премьер.

— Больше раза в три. Тут ещё нужно учитывать не прямые убытки предпринимателей: мы учитываем только средний процент по кредиту, который «капает», пока таможенное оформление товара задерживается. А есть ещё потери доброго имени предпринимателя, которому сорвали сроки. Есть ещё штрафы и неустойки по контрактам. Есть недополученная прибыль. Например, оборудование для мясокомбината ВЕКТОР задержали на три недели на границе сверх нормы оформления. Конкретно этот комбинат продаёт около десяти тонн в сутки, вот двести тонн он недопродал в этот месяц. Это — пример. Такие убытки есть, они даже больше основного ущерба, но мы не можем их учесть, так как они индивидуальны в каждом случае.

— Поня-я-ятно, — тянет вице-премьер. — А прокуратура что добавит? Кто от прокуратуры скажет?

— Давайте я, — поднимается заместитель Ирина, заместитель Бахтина. — Первое. Выборочные проверки по отдельным таможенным постам показали: регламенты документооборота не соблюдает девяносто пять процентов личного состава. Правила работы со служебной информацией не соблюдает более семидесяти процентов личного состава. На каждом из проверяемых постов зафиксированы систематические случаи «слива» информации «налево», равно как и из Центрального Информационного Центра Таможни. Вот — протоколы выемки документов...

— Не надо, — обрывает вице-премьер. — Протоколы — не мне, сразу в суд. Спасибо. Алексей Викторович, а в процентах, как бы вы оценили эффективность работы таможни? Если уместно спросить, положительно или отрицательно? Что ЭкономРазвитие думает, так сказать, кулуарно? Пожалуйста, не стесняйтесь.

— Да мне не по чину стесняться, — неожиданно жёстко отвечает похожий на колобка второй штатский человек в очках. — Могу предложить такую модель: ожидается, что существование таможни отвечает двум требованиям: первое — регулирует товаро — и финансовый оборот, не буду в деталях, все понимают функцию. — Все присутствующие кивают. — Вторая функция, вернее, критерий оценки — таможня **не должна тормозить** экономические процессы. Пример: Завод ферро-сплавов везёт оборудование. По плану — за

месяц закупает, привозит, ещё месяц монтирует. В первый месяц заложено время на таможенное оформление, согласно Таможенному Кодексу. Вот если оказывается, что сроки срываются исключительно по вине Управления Таможни — мы такие срывы рассматриваем как невыполнение Таможней второй функции. Согласно позиции «сверху», — человек в очках обводит взглядом всех присутствующих — Таможня должна помогать, а не мешать развитию Государства. Я понятно излагаю?

— Вполне, продолжайте, — закидывает ногу за ногу вице-премьер.

— Вот с точки зрения этого второго критерия, таможня в этом периоде затормозила более пятнадцати процентов производителей ВВП — это если грубо — на общую сумму четыреста три процента от своего бюджета. Ну, говоря проще, таможня «добывает» одну картофелину в бюджет, но портит четыре картофелины окружающим, — человек в очках протирает очки, присутствующие смеются за исключением тех, кто в форме таможни.

— У меня нет больше вопросов, — бросает вице-премьер. — Таможня, остались. Остальные — огромное спасибо, не задерживаю. Прокуратура, надо объяснять, что делать дальше? Хорошо, что нет. Генпрокуратуру прошу быть на связи, пожалуйста, Ирина, да? езжайте сразу в спецсуд, когда доедете — вам позвонят из канцелярии Премьера. Сегодня же прошу начать проверку законности деятельности таможенных постов по списку...

Выходящие из зала для совещаний слышат слова Премьера:

— Таможня, никто не выходит до моего разрешения. Ваши мобильные телефоны опечатаны и уже изъяты для дальнейшей оперативной проверки, санкционированной судом. Я здесь — для обеспечения результативности...

— Ты сегодня, как обычно? Весь день «на шпагате»? — спрашивает Лена, паркуясь у нашего дома.

— Знаешь, нет. Именно сегодня беру тайм-аут и спокойно сижу дома. Почитать хотел кое-что, спокойно подумать. От плаванья решил день отдохнуть — чувствую, что организм не восстанавливается. На бокс Сергеевич сейчас тоже разрешил ходить

через день — говорит, какая-то нагрузка не до конца усваивается. Возможно, на мойку вечером выйду — если сотрудников удастся вызвать, которых прошлый раз «забраковал». Попробую с ними второй заход, с ультрафиолетовой лампой. Но без фанатизма.

— О, тогда и я дома побуду, раз ты дома.

— А ты куда-то хотела?

— Да к родителям думала... Но теперь не поеду.

— Лен. А ты помнишь, что у нас остался вопрос знакомства с твоими родителями? И сроку была неделя?

— Да помню, — отмахивается Лена. — Но ты даже не представляешь, как душа не лежит... Отец сто процентов будет пробовать тебя на прочность.

— Лен, это — не тот случай, когда позиция страуса — твоими словами — что-то решает. Ты согласна, что в будущем ты мне сама не простишь, если сейчас из-за меня у тебя напрягутся отношения с самыми дорогими тебе людьми?

— Откуда такие глубокие познания в психологии? — удивлённо спрашивает Лена, ударяя меня в плечо кулаком. — Ты что, только прикидываешься маленьким, коварный монстр?

— Это же очевидно. И сразу имею предложение. Большой зуб надо рвать, не затягивая. Поехали? Раз всё так сложилось?

— Ладно... но я тебя предупреждала... — неохотно тянет Лена, выпарковываясь и руля к трассе.

Так смешно видеть, как Лена откровенно трусит и нервничает, шагая вместе со мной по дорожке к главному входу своего монструозного дома.

Подымаемся по лестнице, оказываемся в большом холле, и Лена громко кричит:

— Ма-а, па-ап, я дома.

— Подымайся, — звучит какой-то мужской голос со второго этажа.

— Я не одна!

— Вижу! — отвечает тот же голос.

— Камеры, — шепчет мне Лена, крепко сжимая мою руку.

Мы поднимаемся на второй этаж и по коридору попадаем в кухню, совмещённую с гостиной, где мужчина лет пятидесяти, повадками неуловимо похожий на И.В., сидит в кресле напротив женщины его же возраста и держит в руках какую-то книгу.

— Всем привет, со мной Саша, — как-то зажато говорит Лена.

— Здравствуйте, — отзывается женщина, не поворачиваясь к нам, включая телевизор и делая его погромче.

— Приветствую, — говорит мужчина, не вставая и не подавая руки. — Чем обязаны?

М-да. В принципе, можно уходить. Не нужно быть эмпатом, чтоб прочесть по лицу отца Лены все варианты развития событий.

— Ты была права, — поворачиваюсь к Лене. — Извини, что сразу не послушал. Но это всё равно надо было сделать. Просто чтоб своим детям потом в глаза нормально смотреть. Подожди меня внизу, хорошо? Дай мне две минуты?

Сжимаю чуть сильнее её руку, она послушно кивает, не прощаясь, разворачивается и идёт вниз.

Около секунды собираюсь с мыслями, киваю своим мыслям и обращаюсь к отцу Лены:

— Роберт Сергеевич, я ехал сюда из вежливости. Познакомиться с отцом своей девушки, которая живёт у меня; возможно, поддержать какие-то отношения — чтоб родители моей девушки не волновались за неё саму. Лена, конечно, умная и взрослая, но очень эмоциональная — лично я очень волнуюсь, когда она где-то без меня. Думал, что вы волнуетесь аналогичным образом. Судя по тому, что я вижу, я ошибался. Меня зовут Александр Стесев, у нас с Леной самые серьёзные отношения и мне очень жаль, что я зря потратил время, оторвав и Вас понапрасну. С Леной всё в порядке, она в надёжных руках, это всё, что я хотел сказать. Вы ничем мне не обязаны, как и я вам. Честь имею. — Разворачиваюсь и выхожу. Ленина мать делает погромче телевизор.

Возле машины застаю Лену, плачущую навзрыд, словно ребёнок.

Отбираю у неё ключи от машины, бросаю их на переднее сиденье машины, захлопываю дверь и, обняв всхлипывающую Лену за плечи, вывожу её через механическую калитку. Хлопаю себя по лбу, достаю из Лениной сумочки все электронные пульты, какие есть, не разбираясь, возвращаюсь к машине и кладу их рядом с ключами на переднее сиденье. Сверху ещё добавляю её ключи от этого дома.

Такси останавливается сразу. Лена продолжает какое-то время всхлипывать у меня на плече, потом звучно высмаркивается в подставленную мной, как ребенку, салфетку и уже спокойно бурчит:

— Спасибо, Мелкий. Я рада, что ты есть...

А потом мы долго целуемся, пока машина неспешно «собирает» все пробки по пути через центр города.

У меня на задворках сознания теплится мысль, что прямо в машине мы позволяем себе действия, очень далеко выходящие за рамки приличий. Но это нужно нам обоим: ей, чтоб успокоиться. Мне — чтоб успокоить её. Потому, лично я не стесняюсь. Она — и подавно. Спасибо водителю за тактичность, он даже в заднее зеркало лишний раз избегает смотреть.

Поднимаемся домой. Слава богу, Асели с Вовиком дома нет. Сейчас на кухне они были бы некстати. Быстро готовлю суп из чечевицы, как самое быстрое блюдо, пока Лена шмыгает носом на соседнем стуле. В холодильнике обнаруживаю полную кастрюлю беяшей вперемешку с баурсаками — видимо, Аселя постаралась. Разогреваю в микроволновке с полдесятка — и кормлю Лену ими вместе с супом. Поев, она немного успокаивается.

— Мелкий, как мы жить будем? — спрашивает она с видом отца семейства, пропившего всю получку и проснувшегося утром в «тёплых объятиях» разгневанной жены или даже тёщи.

— Как и раньше, — глажу её по затылку и шее. — Лично для меня ничего не изменилось.

— Эхх, — тоскливо изрекает Лена. — Не знаю, как оно сложится, но, похоже, осеннюю и зимнюю одежду надо всё-таки в бюджете предусматривать.

— Не беспокойся. Всё решим. — Продолжаю гладить её по затылку.

— Мелкий, а что у нас с деньгами? Вот прямо на сейчас? Фотография дня? — продолжает шмыгать носом Лена. — Извини, что я к меркантильному, но у меня паника. Чувствую себя брошенной собакой...

— Всё нормально. Так, по деньгам. Лен, я плохо рассмотрел, ты сколько отдала за диплом? Долларов пятьсот?

— Четыреста пятьдесят, — шмыгает носом, — ты что, успел посчитать?

— Я — нет, а когда Нина Ильинична считала, просто смотрел на её руки. Подожди секунду.

Иду в комнату, в ящике письменного стола достаю конверт с первым гонораром от докторов и возвращаюсь на кухню.

— Лен, держи. Эта сумма изначально предусматривалась — мне на диплом ещё Бахтин через Котлинского передавал.

— Да ладно, клади в тумбочку, — вяло отмахивается Лена, — у нас теперь всё общее, — и снова шмыгает носом.

Кладу эти деньги на стол. Выкладываю следом из конверта все свои сбережения от химчистки. Добавляю деньги, присланные отцом и матерью бабушке: в последний визит, бабушка с дедушкой отдали мне треть всей суммы со словами, что мне теперь нужнее. Я тогда при людях не стал спорить, а теперь оказывается, что кстати. Вспоминаю про сегодняшний конверт от Витальевича, лезу за ним и достаю его.

Лена удивлённо смотрит на стопку банкнот на столе:

— Мелкий, это что?

— Ну ты спросила — сколько у нас денег. Я провёл ревизию всей моей текущей наличности. Вот всё, что есть на текущий момент. Вечером, судя по всему, продолжу карьеру на мойке, хе-хе. Значит, ещё принесу. — Улыбаюсь.

— А откуда столько? Моей зарплаты сейчас будет хорошо если баксов триста в пересчёте. Откуда у тебя столько?

— Я же работаю, — искренне удивляюсь. — Трачу только на тебя. С тобой вместе. Ну, еда ещё. Командировки и соревнования в спорте оплачиваются, кстати, там ещё откладываю! Суточные — пятьдесят евро, стараюсь столько не проедать. Кстати, у меня ещё на спортивной банковской карте где-то сто пятьдесят евро есть. Если нам критично.

— Да на фоне этого — не критично, — Тычок пальцем в сторону стола. — А сколько ты зарабатываешь? Извини, что сейчас так ребром, но теперь хочу четко оценить обстановку, в которой мы с тобой оказались, — беззащитно краем рта улыбается Лена.

— Вот теперь не ясно... До этого момента, одна химчистка стоила вначале пятьдесят долларов, моя доля была сорок пять процентов. Потом ставка выросла до шестидесяти пяти — семидесяти долларов, моя доля выросла до пятидесяти процентов. В день я чищу два-три салона. Точнее, пять салонов в два дня, это устоявшийся ритм. Зимой чисток будет меньше, потому запас на зиму начал откладывать сейчас. Бахтин выдал за Марину на диплом вот, — указываю пальцем, — и сегодня Котлинский выдал за конверсию с бесплатных услуг. Вот, — показываю на последнюю сумму. — Ещё треть родительского перевода — моя. Это где-то двести в месяц,

опять же в пересчёте. До этого не брал, но в этот раз бабушка всучила. Когда они приезжали. При вас не стал с ней спорить.

— Мелкий, не скажу, что я успокоилась, но ты меня сейчас так удивил, что уже не интересно реветь! — Широко открывает глаза Лена. — Ты, получается, реально зашибаешь штуку в месяц? В твои годы? Не-ет, я, конечно, знала, что ты мужик; и за тобой — о деньгах даже не думала, вообще без оглядки рванула... Но, кажется, всё оказалось намного менее драматично!

— Чуть больше штуки, если на баксы. Если учитывать доходы от Котлинского — под две. — Скромно смотрю в чашку с чаем. — Правда, это сейчас, когда сезон по чистке и когда у меня нет школы. С сентября, конечно, будет не так интересно. Ну и — я же вкалываю. Ты же сама была у меня на чистке.

Лена присвистывает:

— А я всю дорогу ломала голову, как мне на триста баксов в месяц школьника к школе одеть, себе теперь весь гардероб заново, и рассчитываю, на сколько хватит растянуть косметику! Ещё обрадовалась, что Аська с нами — на продукты меньше тратить! И прикидываю, как Аселе технично сказать, что половина квартплаты всё-таки актуальна!

— погоди, это какого школьника ты думала одевать? Меня что ли? — настаёт моя очередь изумляться. — Спасибо, конечно, но я пока и сам справляюсь!

Вижу, что её настроение постепенно приходит в норму.

— Ленка, а ты ещё более безбашенная, чем Асель. Если рванула со мной, не раздумывая. Хотя, не думал, что материальный вопрос так важен.

— Это потому, что тебе шестнадцать. И ты не отвечал за других. — Видя мой скептический взгляд, она стушевывается и поправляется. — Ну да, Опять была не права. Мелкий, ну никак не привыкну, что ты — целый мужик! В своём детском возрасте! Пардон, я нечаянно, — продолжает каяться Лена, — я сейчас поняла. Я тебя подсознательно сравниваю со своим бывшим. И ни одно из сравнений не в его пользу. Я просто не привыкла к **такой** мужской самостоятельности — беззащитно разводит она руками. Я пользуюсь тем, что её руки разведены, подхожу на шаг и прижимаюсь к ней, чувствуя, как сплетаются её руки у меня на шее.

— Деньги — фигня. — Уже успокоившись, продолжает она. — Они как воздух. Его категорически недостаточно для счастья, но ты очень быстро чувствуешь, когда воздуха вдруг мало. И вообще... у меня истерика... Из-за родителей. Вот я чушь и несу. Да, обнимай меня. И затылок, да, вот так. Теперь с мойкой придётся умерить активность? Из-за клиники?

— Тут пока не ясно. Котлинский мне сегодня сказал, что со следующей уже недели набираем на патронаж. В новое акушерское отделение. Я в штате — де факто. Как минимум, все инфекции — мои. Только сейчас всё обсудили с Шаматовым и Котлинским. Котлинский говорит, на той неделе будет собрание акушерского отделения, я участвую. И он каждому объявит, сколько его личный процент от принятых на патронаж. По идее, не должны обидеть. Насколько я успел узнать Котлинского.

— Не то слово, — задумчиво говорит Лена. — С мойкой, конечно, не сравнить, но и с моей зарплатой тоже. Зная Котлинского. У него, в принципе, все за счастье работать идут — все условия созданы раз плюс зэпэ выше чем по городу — два. Ладно. Будем считать, ты меня пропсихотерапевтировал.

— Вот не думал, что ты такая меркантильная, — улыбаюсь.

— Не-е-ет, Мелкий. Не выйдет. Я уже успокоилась. Не подденешь. Я успокоилась не потому, что меркантильная. Потому что я не меркантильная. А потому, что убедилась: мой парень — мужик. Это нас всегда успокаивает, знаешь ли... Иди сюда...

— Нас — это кого?

— Женщин, тормоз. Молчи...

— Мелкий, можно с твоего компа на пять минут в сеть войти?

— Да без проблем, шагай куда надо, пароля нет.

— А вот заставка — введите пароль, это что?

— Просто нажми ENTER. Там нулевой пароль. А нафига тебе? Если не секрет. Ты ж не любитель социальных сетей?

— Да какие сети! У меня банковская карта отцовская осталась, я её по запаре не выложила, сам понимаешь... — бурчит Лена, что-то

сосредоточенно рассматривая на экране. — Не до того было...

— И-и-и?

— Ну поехать сейчас вернуться из-за этого — слишком картинно. Выкинуть или сломать — не интересно. Вот сейчас с неё в хоумбанке на Аськину карту всё переведу, пусть хоть ей подарок будет, потом аннулирую саму карту — и ебись оно всё конём.

— Ле-ен, это что сейчас было?

— Где? — не отрываясь от экрана, бормочет она.

— Что ты сказала?

— Ой. Пардон... Вырвалось... Больше не буду. Обещаю.

Дом Лениных родителей. Каждый в зале наверху читает что-то своё.

— Зоя, кажется, собак привезли. Ты спустишься? — спрашивает отец Лены, не отрываясь от монитора, услышав звук подъехавшей машины.

— Да, как раз прогуляться хотела.

Через какое-то время мать Лены быстрым шагом возвращается обратно, даже не сняв уличной обуви. По ней видно, что она очень спешила и очень взволнована.

— Роба! Роба, оторвись от этого долбаного компьютера!

— Что? Зая, ну что такое? — Роберт Сергеевич снимает очки и смотрит поверх монитора на жену.

— Ленка машину оставила!

— И что? — недоумевает Роберт Сергеевич. — С чего переполох?

— Вот в машине что! — Зоя Андреевна вываливает прямо на клавиатуру его компьютера ключи, брелок от машины, пульты управления воротами и дверями дома.

Роберт Сергеевич несколько секунд смотрит на это, потом чешет затылок и отодвигает от себя лептон.

— Мда-а. Дела-а. — Задумчиво тянет он.

— Я тебе говорила, что ты довыдываешься?

— Зоя, но родителей так через колено гнуть тоже нельзя. — Неожиданно жёстко возражает Роберт Сергеевич. — Я в своём доме такого точно не потерплю.

— Роба, мне и самой не сильно хочется с очередным придурком общаться! Но ты видишь — она вообще ушла!

— Ой, Зая, не кипишуй... Самое главное, карты ж нет. — Начинает анализировать Роберт Сергеевич. — Значит, карту она у себя оставила.

— Какую карту?

— Ну я вам на восьмое марта от банка делал. Там же неснижаемый остаток вообще на Дубай прописан, не переживай. Если надо — она себе сама машину купить может, пока карта с ней... Не такую, конечно, но может.

В этот момент телефон Роберта Сергеевича начинает играть повторяющийся сигнал. Он берёт телефон, смотрит на экран, переводит взгляд на жену и беспомощно говорит:

— Она карту аннулировала. Вот уведомление пришло. — И поворачивает телефон экраном к жене. — Сейчас проверю, сколько она наличными сняла!

Роберт Сергеевич подвигает лептоп к себе обратно, смахивает с клавиатуры все пульты и ключи, выстукивает пароль и через минуту так же растерянно поворачивается к жене:

— Зоя, она вообще последние восемь дней деньги не снимала. И ничего не покупала. А сейчас карту аннулировала. Перед этим на Аселькину карту остаток сбросила.

— Роба, я не знаю, что ты сейчас будешь делать. Но я тебя сейчас послушала — и вот какой результат. Я не буду сейчас ни истерить, ни ругаться. Но я хочу, чтоб вечером моя дочь была дома. Со мной. Ты понял?!

— Да я теперь и сам этого хочу, — начинает лихорадочно листать список контактов Роберт Сергеевич. — Как неожиданно, ты смотри... Что бы это значило? Сейчас Комару звякну, что там за Александр такой...

Роберт Сергеевич набирает номер, который поначалу долго не

отвечает.

— Комар, привет!

— ...

— Да твоими молитвами... Выручай! У меня тут проблема, с Ленкой.

— ...

— Да не-е-ет, жива-здорова. Переехала жить к парню. Сейчас дома слегка поскандалили, она все ключи бросила, стыдно признаться — не знаю, где искать. Можешь посмотреть, что за Александр Стесев, на вид до двадцати лет? Фамилия не самая... Что? Почему?

— ...

— Комар, ты меня жизни не учи! Что, сложно кнопку нажать?

— ...

— Отказал. — Задумчиво трёт лоб Роберт Сергеевич. — Что-то странное творится в королевстве датском. Сказал, чтоб я и про парня этого забыл, и его чтоб с личной чепухой не доставал. Что-то Комар совсем... отбился...

Лена, поддавшись порыву настроения, всё-таки выходит в фейсбук с моего аккаунта и погружается в пучину каких-то сетевых баталий на тему отлова бродячих животных со словами:

— А мне всё равно сейчас нужно отвлечься.

Ну и хорошо. Ей действительно нужно чем-то отвлечься. Я сижу и прямо с телефона, чтоб не дёргать её, читаю очень интересный материал, на который натолкнулся случайно, когда на мой телефон звонит кто-то незнакомый.

— Да.

— Это Александр?

— Да.

— Это Роберт Сергеевич, отец Лены.

Неожиданно.

— Я вас слушаю? — говорю и ставлю телефон на громкую связь, показывая Лене, что звонит её отец. Лена врубается с полпинка — видимо, узнаёт номер на экране — энергично показывает мне скрещённые перед лицом руки, демонстративно надевает наушники и включает какой-то тяжёлый рок так громко, что я слышу его из её наушников даже на расстоянии. И утыкается обратно в экран компа.

— Александр. Буду краток. Сегодня вечером Лена должна быть дома вместе с сестрой. С Аселей, — поправляется он. — Меня не интересует, что было вчера и все эти дни, но...

— Роберт Сергеевич. — Перебиваю я его. — Я пытался наладить с Вами отношения. По своей инициативе, не далее пары часов назад. Текущий формат установили вы сами. Так теперь давайте его соблюдать. Лично я вам ничего не должен. И я сейчас пытаюсь говорить максимально мягко, поскольку говорю с отцом своей девушки.

— Ты знаешь, кто я такой? — после паузы раздаётся вопрос в трубке.

— Точно такой же человек, как все мы. — Пожимаю плечами. — Правда, очень странно относящийся к своей родной дочери. Я пока не разобрался, почему, но по возможности разберусь. И ваша дочь — единственная причина, по которой я сейчас с вами разговариваю, и разговариваю вежливо. Пожалуйста, не беспокойте меня больше. Думаю, Лена рано или поздно отойдёт. В этом случае она сама с вами свяжется. Всего доброго. — Вешаю трубку.

Интересно, конечно, кто у Лены отец, уж больно борзо он звучит. Но спрашивать её сейчас — сыпать соль, куда не надо. Обойдусь. Цинично говоря, мне на него...

Через полчаса Лене звонит Асель и зовёт в какой-то аквапарк на примерку каких-то купальников. Лена с удовольствием подхватывается и спрашивает:

— Мелкий, я к Аселе в ГАВАЙИ, хочешь с нами?

— А что там делать?

— Ой, беспутно тратить время... и немного денег. Вначале будем примерять купальники. Там распродажа летней коллекции в связи с концом сезона. Потом купим по паре — чтоб было. Потом пойдём пожрём в «Самурай суши». Потом — домой.

— Если ты не против, я бы лучше почитал дома, — с сомнением в голосе смотрю на неё. — Есть кое-что очень интересное, с чем хотелось бы разобраться.

— Да не вопрос. Я уже в ресурсе, если говорить о психике, не парься. Пойду оттопырюсь. Чмок, я понеслась, будем часа через три.

Случайно в сети я натолкнулся на информацию об акупунктуре. Теперь тщательно собираю в отдельную папку всё, что об этом можно узнать. Судя по тому, что вижу, ситуация очень похожа на то, что я понимаю: управление сигналом в нервной системе. Через задание параметров частоты, фазы и амплитуды.

Как будто кто-то, кто знает, но не «видит» сигналы, пытается ими управлять, опытным путём подбирая «сигнал» в каждом конкретном случае.

Уже давно сижу на сайте Пекинского Университета Китайской (народной) Медицины, Beijing University of Chinese Medicine (BUCM), пытаюсь разобраться в вопросе на обеих версиях сайта, русской и английской.

Поскорее бы пришла Лена. Хочу кое-что очень быстро проверить, но нужен второй человек. В идеале — врач.

Лена с Аселей появляются ещё через час и тащат с собой ворох бумажных пакетов. Вовик, бредущий у них за спинами с видом вселенского мученика, увидев меня, закатывает глаза и проводит ребром ладони по горлу.

Вова с Аселей уходят на свою половину, закрыв за собой дверь, а я спрашиваю Лену:

— Лен, есть будешь? Голодная?

— Нет, мы же там налупились.

— Это хорошо. Ты мне нужна. Для эксперимента.

— Лен, ты сейчас спокойна?

— Да, а что такое? — с половины оборота встревожено заводится Лена.

— Да я тут про акупунктуру читаю...

— Тьфу ты. Лопух! — подзатыльник сопровождает её последние слова. — Мелкий, мне сегодня хватило и приключений, и бурных эмоций! Вот нафига эти драматические вступления и нагнетания напряжёнки?

— Ну не удержался, извини. — Смеюсь. — В общем, я давно собираю всё, что нахожу, по акупунктуре и вижу, что это что-то очень близкое ко мне. Такое впечатление, что мы работаем с одним и тем же сигналом. Только я сразу подаю в канал нужную частоту и фазу отсюда, — касаюсь пальцем своего лба, — а они через систему модуляторов корректируют либо подбирают близкий по характеристикам сигнал, используя уже имеющиеся собственные сигналы нервной системы пациента.

— А система модуляторов — это иголки? — догадывается Лена.

— Точно, — показываю ей несколько схем на экране. — Лен, а что говорит наша доказательная медицина про китайскую? В Пекине вон целый университет китайской медицины есть. Зная прагматичность китайцев, они бы деньги на ветер не бросали.

— Если серьёзно, мне сложно ответить. Могу только из личной практики сказать, что слышала много положительных отзывов о массаже и акупунктуре. У нас в стране, в силу законодательной базы, мы не пересекаемся с китайской медициной в рамках клинической картины конкретного пациента, понимаешь. Это ровным счетом ничего не говорит ни за, ни против китайской медицины. Просто она у нас не легализована в объёме нашей. Да пожалуй, вообще не легализована. А сравнивать себя с тем, чего нет — невозможно.

— Хм... целая школа. Достаточно научная: как по мне, пять тысяч лет китайской истории чего-то стоят, хотя это лично моё мнение. А нашей медицине сколько? И мы вот так легко их отрицаем, — думаю вслух.

— Ну не совсем. Мы их не отрицаем. Просто на момент формирования законодательной базы по отрасли, мы о них слыхом не слыхивали. А лечиться как-то было надо. Ну а уже потом — всякая отрасль обростает своей бюрократией, которая стремится себя защищать...

— Получается, о конкурентном конфликте между школами речь не идёт?

— Ну-у-у, как тебе сказа-а-ать, я бы всё же не оперировала **этим** понятием. Нет, не конфликт. Я бы сказала, у нас восточное медицинское течение трансформировалось в рефлексотерапию, ПИР и западные школы массажа. Хотя само восточное течение намного глубже и в базисе имеет огромную философскую концепцию энергий и прочих понятий. Которыми я, как наш врач, просто не оперирую.

— Что такое ПИР?

— ПостИзометрическая релаксация. Понимаешь, Мелкий, китайцы не хуже. Не лучше. Вернее, мы не можем утверждать, что они лучше или хуже. Мы просто слишком другие, чтоб сравнивать эффективность клинических методов. Как бы сформулировать... Ну считай, ты — океанская транспортная компания. Доставляешь грузы кораблями через море, точка. Ты сможешь эффективно проанализировать логистику по суше на основании нормативов загрузки машин, вагонов, расхода топлива и так далее?

— Кажется, уловил...Лен, я хотел на тебе поэкспериментировать. Мне нужно твоё тело. Дашь?

— Даже боюсь спросить, что ты задумал, мелкий извращенец, — подозрительно косится Лена, но потом не сдерживается и начинает смеяться первой. — Окей. Давай пробовать. Я так понимаю, ты собрался в меня иголками тыкать?

— Ну.

— А иголки какие?

— Я думал, от одноразовых шприцев взять стерильные.

— Не надо... Там магнитность металла тоже роляет — насколько Аська в Китае узнала. А шприцы хэээ как с этим ладят. Подожди...

Лена открывает дверь в коридор и орёт на весь дом:

— А-а-а-асе-е-ель!

Из комнаты Асели через десять секунд появляется голова Асели, тело которой старательно скрывается за дверью.

— Чего?! — недовольно отвечает та.

— Дай один набор одноразовых китайских игл для акупунктуры, пожалуйста. Которых ты ящик приволокла оттуда.

— В другое время никак? — недовольно бормочет Асель, исчезая за дверью. — На! — из-за двери показывается рука, которая по полу отправляет скользить какую-то коробку, останавливающуюся возле нашей двери.

— Держи. — Протягивает мне Лена коробок с китайскими иероглифами. — Это Аська на сувениры привезла. Никак не раздарим. Только давай на всякий случай ещё спиртом и ватой запасёмся.

— А я уже. — показываю пузырьрёк и пакет со стерильной ватой. — Так, ложись лицом вниз, пожалуйста. На полчаса расслабься, можешь вон наушники надеть.

— Тебе работающая электроника наушников мешать не будет? Там же тоже какой-то сигнал?

— Нет. Совсем другие диапазоны, не пересекаемся. Львы бабочкам не страшны. Молчи.

Лена ложится лицом вниз, надевает наушники и послушно выпадает из реальности.

Дом Лениных родителей.

Роберт Сергеевич выходит на балкон, садится в кресло-качалку и, барабанив пальцами по экрану телефона, напряжённо о чём-то размышляет. Потом подбирается, встаёт и с видимым неудовольствием набирает номер:

— Игорь, хватит строить из себя. Я тебя слышал, услышь теперь ты меня. Мне без вариантов нужна информация на этого Александра Стесева. Я тебя сейчас не как друг прошу. Как отец.

— Роберт, я тебе ответил. Никаких личных мотивов — раз. О служебной информации и речи быть не может — два. Забудь

конкретно об этом парне — три. Говорил? — неожиданно спокойным голосом отвечает Комаровских. — Говорил. Ты меня не послушал. Вот теперь ты на меня не обижайся.

— Не понял, Комар, это ты мне сейчас угрожаешь чем-то? Или большим боссом стал? — удивляется отец Лены.

— Боже упаси, Роберт. Это я тебе обещаю. — Отвечает Комаровских, после чего неожиданно срывается на крик. — ПОТОМУ ЧТО ТЫ МЕНЯ ПОДСТАВЛЯЕШЬ, БЛ...! ЭТО ТЕБЕ ВСЁ ПО-Й НА ПЕНСИИ! Я ТЕБЕ ОДИН РАЗ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ ОБЪЯСНИЛ — А ТЕБЕ ОДНОГО РАЗА МАЛО-МАЛО, ДА?! ВТОРОЙ РАЗ УЖЕ МАТОМ — ТЫ СНОВА НЕ УЙМЁШЬСЯ?! — И неожиданно спокойно завершает. — Ну вот и не обижайся. — И вешает трубку.

Здание Генеральной прокуратуры. Этаж с надписью «Служба специальных прокуроров». Кабинет с табличкой «Начальник Службы».

Бахтин стоит перед открытым окном и полминуты открытыми ладонями трёт по очереди глаза, когда звонит его телефон. Он смотрит на экран, чему-то удивляется и быстро отвечает:

— Слушаю внимательно.

— Добрый вечер. Олег Николаевич, наш пенсионер Новиков пытается собирать информацию по вашему Александру Стесеву через нас. Настоящий звонок прошу считать моим официальным контактом по теме, чтоб впоследствии не возникло недоразумений на случай любых проверок. Если нужно — могу обратиться письменно по сетке.

— Как приятно, Игорь Трофимович, когда нас уважают... — бормочет в трубку Бахтин. — Новиков — это ваш бывший начальник управления по области?

— Он. Помню интерес вашей организации к данному гражданину, я про Стесева, скажите, что делаем дальше.

— А я только обрадовался, — разочарованно выдыхает Бахтин. — Интерес был к соблюдению законности, Игорь Трофимович, а не к гражданину... Впрочем, спасибо и за это! Какова

природа его интереса? Он как-то объяснил?

— По его легенде, его дочь встречается с вашим Стесевым, переехала к нему, у них бытовая ссора — не может дозвониться до дочери.

— Упс. Похоже, что не легенда, Игорь Трофимович... Спасибо. Займусь. Вопрос, пользуясь случаем: Ваши на Кузнеця переслали выпуск в кадры?

— В новое Бюро?

— Да.

— И переслали, и подтверждение получили.

— Это официальную выпуск или второй пакет, с деталями?

— Туда — только первое. Закона о статусе новой организации ещё нет, внутренних инструкций у меня тоже нет, у нас ноль данных по их допускам. Потому — только титульный лист. Всё по правилам.

— Хорошо, этого хватит. Спасибо оба раза.

Лена уже десять минут слушает музыку и послушно лежит, замерев без движения. Я, кажется, нашёл место, с которого хочу начать эксперимент.

В этот момент звонит мой телефон. Как не вовремя. Бросаю взгляд на экран: это Бахтин, у меня сохранился его номер ещё со дня чистки его машины. С удивлением слезаю с Лениной спины и поднимаю трубку:

— Ало?

— Саша, привет. Бахтин.

— Узнал, Олег Николаевич. Что-то случилось?

— Да нет, один вопрос. Отца твоей Лены зовут случайно не Новиковым?

— У Лены фамилия Новикова, отца звать Робертом Сергеевичем. Полноватый, за пятьдесят, с залысинами, рост около метра семидесяти. Сейчас спрошу у Лены фамилию отца, если хотите, она рядом.

— Да не надо, он это... Спасибо... Саш, не хочу лезть не в своё и в личное, задам вопрос, если можешь — ответь. Мне почти что по работе надо, но тебя тоже касается. Лично.

— Без проблем. Спрашивайте.

— Лена ссорилась с отцом?

— Скажем, в данный момент не общаются...

— Всё! Вопросов нет! Спасибо! Зайдёшь завтра к Марине, когда в клинике будешь?

— Конечно, я каждый день захожу. Вы не волнуйтесь! У неё всё в порядке и по моей части, и по другой. Плюс Ваша охрана ни разу не спала, когда я захожу. В принципе.

— Приятно... спасибо... Пока!

Интересно, что это было.

Впрочем, уже через минуту я выкидываю из головы и этот звонок, и Лениного отца, поскольку начинаю вводить по очереди три иглы из аселиной коробки: первая — в ягодицу; вторая — под коленку, третья — в район поясницы. Точка на пояснице — вообще рядом с позвоночником. Практически, вплотную. Интересно, как китайцы не боятся спинной мозг задеть? Они же не «видят», в отличие от меня?

Иглы установил. Лена не шевелится: вижу, что всё чувствует, но характерных частот болевых ощущений нет. Скан. Десять процентов сигнала... смотрим...

Дом Лениных родителей.

Роберт Сергеевич по прежнему на балконе, в кресле-качалке, качается вперёд-назад, уперев ребро экрана телефона в лоб.

Его телефон звонит. Он отвечает, не глядя на экран:

— Ало.

— Роберт, ты? Это Бахтин.

— Слушаю тебя, Олег. — Искренне удивляется Ленин отец. — Чем обязан военной прокуратуре?

— Это я тебя слушаю, Роберт. И ты на пенсии отстал от

жизни. Я уже не в гарнизоне. Начальник службы специальных прокуроров, Генпрокуратура. У меня — заявления Зам. Нач. ДВБ Комаровских. О твоей попытке получить информацию для служебного пользования в обход действующих регламентов. Вот теперь я тебя слушаю: что лично тебе надо от Александра Стесева? И чем вызвана твоя попытка подстрекательства бывших коллег к нарушению закона о гостайне?

Вот — осевой меридиан. Кажется, у китайцев называется как-то похоже. Что бы выбрать? Пусть будут ногти на ноге. Усиливаю амплитуду сигнала. Примерно в тех местах, где в теле стоят иголки, вижу каскадное усиление амплитуды. А если немного изменить частоту? Частота у Лены послушно отклоняется.

Снимаю с лениной головы наушники и спрашиваю:

— Сейчас что чувствуешь?

— Лёгкий зуд по всей длине ноги и ощущение резонанса в нервах. Так и должно быть?

— Да всё в норме. Болезненности нет?

— Не-а. Ну-у, я, конечно, чувствую иглы — но это не болезненность. Верни наушники!

Играюсь с частотами и местами ввода игл ещё около часа. Внимательно наблюдаю результаты изменений в частотах. Интересно, а откуда китайцы саму методику знают? Либо — как они её придумали?

Прихожу к выводу, что акупунктура — это система «подключения» к управлению частотами в теле пациента со стороны людей, которые «не видят». Но знают, что сигнал есть, и что программами в клетках управляет именно он.

Видимо, сама система акупунктуры должна быть более чем обширной. Чтоб предусмотреть массу вариантов, которые я могу просто «увидеть».

Мне это представляется так: слепой, управляя настройкой антенны телевизора, пытается добиться чёткой картинки на экране, не видя сам экран. При этом звук у телевизора выключен и на чёткость звука при настройке антенны тоже ориентироваться нельзя.

Интересно. Заслуживает уважения. Титанический труд, помноженный на опыт веков и высочайшую точность действий. ^[11]

Но пока абсолютно не понятно, как это можно применить лично мне. Разве что, камуфлировать своё вмешательство под иглотерапию: ввожу пару игл для отвода глаз, далее даю свой сигнал. Изменения в организме объясняем иглами.

Извлекаю все иглы из Лены и стаскиваю с неё наушники:

— Я закончил. Спасибо большое.

— Мелкий, верни музыку на голову обратно. — Бормочет Лена. — Я что-то измордовалась сегодня. И разморило, может быть, от твоих процедур. Дай посплю час.

— Спи. У тебя ногти на правой ноге ближайшую неделю будут быстрее расти.

— Хорошо. Пусть растут. — Бормочет Лена, не открывая глаз.

Возвращаю на её голову наушники и на цыпочках прикрываю за собой дверь, уходя на кухню: от всех манипуляций, проснулся зверский аппетит.

Дом родителей Лены.

Роберт Сергеевич на балконе опёрся спиной о перила и говорит по телефону:

— Бахтин, ну с чего я это должен с тобой обсуждать? Ты не подумай, что я иду на конфликт, — сдаёт немного назад отец Лены, — просто я решаю личную семейную проблему. А тут ни с того ни с сего звонишь ты и что-то мне приказываешь. Что бы ты ответил на моём месте?

— Я бы ради своих семейных проблем, Роберт, не провоцировал бывших коллег нарушать закон. В тот период, когда это им может очень дорого стоить. Роберт, ты можешь со мной вообще ничего не обсуждать! Но тогда и ты на меня не обижайся.

— Вы сговорились, что ли...

— Просто ты не в теме. И отстал от жизни. Ты ж на пенсии уже сколько лет? Роберт, вольница кончилась! Закон для всех один, и его есть смысл уважать! И — лично от меня — забудь о Стесеве!

Если решаешь свои семейные проблемы — не впутывай других людей! Стесева — в частности. Решай свои проблемы со своей дочерью! Или с дочерьми, если у тебя их две.

— Вторая — приёмная, — бормочет отец Лены.

— Вот с обеими и решай! Ты оценил, что я вообще тебе звоню? О факте заявления Комаровских?

— Да...

— Не слышу!

— Спасибо! Да!..

— Вот так, — удовлетворённо кивает Бахтин. — Совсем другое дело. Ты меня лучше услышь, Роберт. Я — не Комар, я тебе не друг, пусть бывший, и не родственник. Будешь «шутить» — Система будет защищать Закон уже иначе. И второй раз я тебе не то что не смогу, а уже не захочу ничего советовать и ни от чего предостерегать. Мы с тобой и раньше особо не ладили, а сейчас я вообще с удовольствием по тебе проедусь. Представляешь перспективы, нет? Строго в рамках законодательства. Веришь?

— Да.

— На закуску: всё с твоей Леной в порядке. Она за Стесевым — как за каменной стеной. Это я тебе лично, как мужик, говорю, не благодарю...

— Тебе что-то известно? — оживает отец Лены. — Кто он тебе? Ты тут каким местом?

— Отставить. У дочери узнавай... И квартира там нормальная, и пацан правильный. И забил он, судя по всему, и на тебя, и на твоё бабло, и на банк твой, а-га-га-га-га, да, Роберт? И абсолютно нечем надавить на честного человека, который добросовестно пашет сам, да? А-а-ага-га-га-га! Шучу, шучу! А теперь серьёзно, — подбирается Бахтин, что слышно даже по телефону. — Кузнецов уволен на той неделе. Задерживался нами совместно с ДВБ и Комаром. В двадцать четыре часа вылетел с треском. Знаешь за что?

— За что?

— Вот он тоже пытался закон нарушить. По случайному совпадению, тоже в адрес Стесева. Это именно совпадение, я сейчас серьёзно и не нагнетаю. Просто иллюстрирую тебе, как изменилась

обстановка. Которую ты считаешь старой. В общем, с Леной своей лучше контактируй. Бывай.

Отец Лены ещё минут пять расфокусировано смотрит вниз и периодически постукивает экраном телефона себя по виску.

Лена спит. Асель с Вовиком у себя. Чтоб чем-то заняться, выхожу на кухню и обнаруживаю аселин ноут её фейсбук аккаунтом.

Перелогиниваюсь, захожу под своим, нахожу её аккаунт и начинаю читать. Интересно...

«Врачебные записки

Равнодушие врачей.

Заступаю на дежурство, 2 день каких то праздников, впереди еще 2 выходных дня, опасный день, пьянство, драки, повышенная настороженность на различные ЧП. Этот день полностью оправдал себя. С 11 часов пошли экстренные вызова по отделениям, сказывались выходные и наличие только дежурантов в больнице, с 14 часов пошли экстренные доставки больных, в том числе и тяжелых, экстренные операции, отделение реанимации потихоньку шло к перегрузке больными. В один из экстренных вызовов в приемный покой, была свидетелем очередного и банального для стен 12 ЦГКБ скандала: ругалась и кричала женщина, ее сына с подозрением на аппендицит гоняли по кабинетам, заставляя проходить многочисленные обследования.

— Возможно, чуть позже мы его подадим на операцию — предупреждают хирурги

В 16 вымотанная бригада реанимации собирается наконец то в отделении, экстренный звонок станции скорой помощи, ДТП, 5 тяжело пострадавших, кареты скорой уже к нам мчатся.

Нас всего четверо, один врач обязан всегда оставаться в отделении реанимации.

— Аселя, Канат, я, быстро вниз с анестезистками, Дина, в ремзал дуй — командует ответственный.

Бежим вниз, уже слышно как подъезжают скорые, заносят каталки, крик, кровь, шум, тела, плач, стоны, ругань. Сознание у всех отсутствует, 4 лежат без движения, 1 девушка стонет, уже

неплохо! Пульс у всех есть, еще лучше, у 4 нитевидный, дыхание у 3 поверхностное — надо интубировать! Подключичка, интубация, начинаем струйно инфузионную терапию, перекладываем на каталки, все одновременно, мы уже в операционной. Но нас реаниматологов-анестезиологов всего 3!

— Асель, берешь самого тяжелого, Канат — твоя девушка (она самая легкая из пострадавших) и парень твой, я беру 2 остальных — распределяет наш ответственный. Бригада хирургов также вся в операционной, рук не хватает, вызываем дежурных кафедралов.

Пошли игры со смертью, в операционную вызываем рентген, по ходу операций ставим диагноз, определяем группу крови, начинаем гемотрансфузионную терапию, только бы никто не умер! Выползаем через 7 часов, везем больных в реанимацию, 2 вышли из шока, 3 еще в шоковом состоянии, но никто не умер на операционном столе, алилуйя! Толпы родственников и знакомых нас уже ждут на выходе из операционной, волны страха опасений обрушиваются на нас. Но тут через эту толпу прорывается мать больного с подозрением на аппендицит:

— Сколько можно?! Почему не берете моего мальчика на операцию?! Рвачи! Вам нужны деньги только деньги! Какое равнодушие! Тем более мы поступили сюда раньше, чем эти, он у меня уже мучается здесь 10 часов, он ходит с болями в животе из кабинета в кабинет и никому нет дела до него!

— Оказание помощи проводится в порядке тяжести состояния, самых тяжелых обслуживаем первыми, сейчас выйдут хирурги и решат вопрос с вашим сыном, у него пока подозрение на аппендицит, состояние неприятное, но нет прямой угрозы жизни, — отвечает наш ответственный.

— Равнодушные суки, ненавижу вас!» [\[12\]](#)

Дом Лениных родителей.

Роберт Сергеевич уже минут пятнадцать прогуливается вперёд-назад по балкону, не заходя в дом. Его жена высовывается из окна кухни первого этажа и громко говорит вверх:

— Роба, иди на кухню! Сколько можно тебя ждать?

— Да я не хочу есть, — пытается отказаться он, по-прежнему размышляя о чём-то своём. — Я хочу тут спокойно подумать, Зоя. Ты мешаешь.

— Тебе принести? — не оставляет его в покое жена. — На подносе с доставкой? Куда тебе с язвой думать, когда уже есть пора? Или мне второй раз потом всё греть?

— Зоя, мы сейчас поссоримся! — начинает повышать голос Роберт Сергеевич.

— И Д И. С Ю Д А. — По слогам цедит снизу и не сдаётся жена.

Роберт Сергеевич что-то со злостью шепчет в сторону и заходит в дом, оглушительно хлопая балконной дверью.

— И не надо тут сцены устраивать! Слезь с трибуны! Зрителей нет! — доносится сквозь открытое окно кухни первого этажа голос жены.

Через пару минут, уже на кухне, Роберт Сергеевич рассеянно перемешивает в тарелке ложкой суп, расфокусировано глядя в окно. Жена три минуты пристально смотрит на него, но он не обращает на это внимания.

— Роба, ты меня сегодня тоже достать решил?

— А? Что? Почему?

— Ешь, говорю! — взрывается жена. — И что там с детьми?

— Вот о них и думаю. — «Отмирает» наконец Роберт Сергеевич и начинает быстро есть всё подряд. — Бахтин звонил.

— А он при чём? — удивляется жена. — В какой связи Бахтин — и наши дети?

— Я пытался через Комара узнать, где живёт этот деятель, что с Ленкой приезжал. М-м-м-м — вкусно! — Роберт Сергеевич салютует жене ложкой, её взгляд теплеет. — Распробовал! Спасибо! Толковый суп! Так вот. Комар, сказать мягко, очень жёстко мне отказал. Не буду дословно. Ещё угрожать начал.

— Да чем? — отмахивается жена. — Что они нам сейчас могут?

— Вот на эту тему и думаю. — Не принимает лёгкого тона Роберт Сергеевич. — Буквально через минуту после Комара звонит Бахтин.

— Внимательно тебя слушаю, продолжай. — Подпирает жена ладонью подбородок.

— Бахтин уже не в гарнизоне. Начальник службы в Генпрокуратуре. И звонит мне, чтоб я перестал интересоваться этим Александром. Если без деталей — Комар формально не имеет права помогать. Я ещё сдуру по телефону звонил...

— Ну и что? Так всегда было? Что такого? — недоумевает жена.

— Вот Бахтин полуофициально довёл, что теперь — не как раньше. И сказал, что он лично этого Александра трогать не даст. Рассказал, в качестве угрозы, что Кузнецова на той неделе уволили. Из-за этого самого Александра.

Жена задумчиво смотрит в окно, наморщив лоб.

— Я перезвонил кое-кому из Секретариата — так, поболтать. Уже не открытым текстом. Всё подтвердилось. Кузнецова и правда вышвырнули. И правда, за злоупотребления. Комар чуть не лично участвовал. По телефону вообще ничего говорить нельзя — поэтому Комар и разозлился. Надо будет поехать извиниться... И Бахтин теперь в фаворе. Есть какие-то проекты — с самого верха — где и он лично, и вся Генералка задействованы, они сейчас на коне. У них картбланш на любое пресечение всего, что они сочтут незаконным. Вон на таможне в их центральном аппарате — тридцать пять душ «приняли» за неделю... В МинСельхозе в ветеринарном комитете — в этом же духе. В территориальных управлениях веткомитета — как в центральном аппарате таможни.

— И что делать? — задумчиво говорит, будто ни к кому не

обращаясь, жена.

— Я не знаю. Я исчерпал свои возможности. Я не могу «бодаться» с действующим заместителем Генерального Прокурора, пусть и не первым, когда я уже на пенсии и на его поле. Я не знаю, как быстро найти этого Александра. У меня просто отрезали все концы. Именно сейчас. За какое-то время, конечно, я всё восстановлю, но не вдруг. И не по щучьему велению.

— Ты Ленке звонил?

— Да, она не берёт трубу. Когда я звоню.

— Может, Аселе позвонить? Они же вместе, может, Аселька что подскажет? Как оно вообще всё так закрутилось?

— Зоя, ну вот чего ты мне мозги всё сверлишь и сверлишь?! Ну возьми и позвони! У тебя что, руки в жопу втянуло? Поотсыхало трубку взять и номер набрать?! Если такая «битва за порядок», надо срочно положение о залоговых гарантиях переделывать в банке — раз! Срочно делать ревизию всех кредитов родственников тех, кто в в госаппарате — два! Кабминовцев — точно всех перетряхивать! Если по половине управления в день садят! Ликвидность залогов — тоже аудит надо делать, три! Ну вот что ты ко мне привязалась, а?! Ну возьми и позвони!

Жена широко открытыми глазами удивлённо смотрит на Роберта Сергеевича. Он поднимается из-за стола, направляется к выходу, продолжая говорить как будто сам с собой:

— Бахтин, б-дъ, лучше меня в курсе, с-сука! Говорит, успокойся, Роберт, Ленка за этим деятелем — как за каменной стеной! И — с намёком так, обозначает, что это — его человек: «Кузнецова только на той неделе приняли из-за того же!» Намекает: Кузнецов — действующий сотрудник был, и то... А уж пенсионера-то... **ЗВОНИ САМА АСЕЛЕ! НЕ ДО ТОГО МНЕ! ВСЁ В ПОРЯДКЕ У НИХ!**

Сижу на кухне, читаю Аселины заметки. Как-то незаметно засосало настолько, что даже забыл собраться на мойку.

Асель появляется из их комнаты, одетая в прозрачную футболку и с телефоном у уха.

— Да? Да, могу, конечно!

Поднимаюсь, беру из ванной длинный махровый халат, возвращаюсь на кухню и накидываю его на Аселю, показывая рукой на некоторые детали её тела, отсвечивающие сквозь многочисленные разрезы футболки. Она кивает в знак благодарности, запахивается в халат, приводя себя в более-менее пристойный вид, и шепчет, заблокировав микрофон на телефоне:

— Мама! Тсс! — показывая зачем-то указательным пальцем на экран. Потом разблокирует микрофон и говорит в трубку, — Нет, нам же завтра на работу.

— ...

— Да не лезла я ни в какие в контры! Ну что за инсинуации! Зоя Андреевна, я очень Вас люблю, просто куда Ленка — туда и я! Мне же с ней хорошо и по возрасту, и по другим причинам. Или что, надо как-то иначе было?

— ...

— Зоя Андреевна, вовсе нет, не волнуйтесь. Тут огромная квартира, для четверых, во всяком случае! Ой...

— ...

— Да, у меня тоже есть парень. Я тоже встречаюсь, — обречённо кивает головой Асель.

— ...

— Может быть, давайте не так? Давайте из всей семьи хоть двое будут не темпераментными, а умными? — чему-то улыбается Асель.

— ...

— А вы скажите, что именно вас тревожит? По пунктам?

Асель свободной рукой забирает у меня свой ноут, поворачивает к себе и одной рукой начинает что-то быстро набирать в ворде.

— Так. Так. Есть. Зоя Андреевна, если суммировать, — у вас с Робертом Сергеевичем просто эмоции. Когда просто *хочется*. Но дети же уже выросли? Вы согласны?

— ...

— Зоя Андреевна, ну ладно, Роберт Сергеевич — он вечно

боится, что к его капиталам какой-то аферист через нас с Леной подбирается. Тут я молчу, ему виднее. Но текущая ситуация вообще за то, что кроме него самого его капиталы вообще никому не интересны, вы согласны? Вы же не хотите, чтоб мы вчетвером свалились вам на голову? И вчетвером жили во флигеле?! Кроме нас с Ленкой, ещё с двумя парнями?

— ...

— Вот и я о том же! Ну вы себя ведёте, как инфантильные незрелые тинейджеры, правда! Вот я вопросы записала; Ленке передам, она сейчас спит — нам на смену завтра. Нет, у неё своя комната, я в дверную щель вижу... А теперь мои вопросы! Первый: вы хотите, чтоб мы с вами до пенсии жили, не замужем, без детей? Если нет — второе: а как вы себе видите нашу личную жизнь? С родителями вместе в парке за ручку? И третье: а какие сейчас **реальные** претензии — из материальных — если Ленка даже машину оставила? И нам завтра на работу в автобусах ехать?

— ...

— Зоя Адреевна, ну я не Ленка! Я никогда не спорю, если не права! Но сейчас я искренне не понимаю. Давай так: она проснётся — я с ней поговорю — и попробуем пересечься вместе.

— ...

— Ничего не обещаю. Это Лене решать. Но — со мной вы договорились. Я ни против чего не возражаю.

Асель вешает трубку и поворачивается ко мне, снова запахивая распахнувшийся халат:

— Всё слышал?

— Не всё. Только то, что говорила ты — а вот маму не слышал.

— В общем, родители предлагают помириться. И начать заново... Общаться... Предлагают совместный ужин, совмещённый со знакомством с вами с Вовиком. Как с нашими кавалерами.

— Вовик тоже спит?

— Ага. Саш, ты что думаешь об этом? — Асель встаёт, включает чайник и начинает возиться с завариванием чая.

— Ась, у меня два мнения одновременно.

— Рассказывай.

— Первое: а зачем это мне нужно? Но это инфантильно и безответственно... Я сейчас местами жалею, что допустил до такого. Хотя там иначе и нельзя было.

— Молодец, ты умный... Второе?

— Ну, как бы ни было, они — родные родители. И вас любят. Мне есть с чем сравнить — поскольку я без своих живу достаточно давно. И не сказать, что обо мне кто-то сильно беспокоится. Я Лену тоже люблю. И мозгами понимаю, что нельзя ограничивать любимого человека от того, кто его искренне и бескорыстно любит. Кем бы тот ни был. И какие бы ни были личные контры и неприязни.

— Да. Другими словами, чем сказала бы я, но да.

Асель заканчивает заваривать чай, разливает его по чашкам, достаёт из холодильника плитку шоколада, сыр, рыбу, лаваш; и через минуту питьё чая превращается в почти что полноценный ужин.

— То есть, лично ты не возражаешь? — отправляя в рот странный бутерброд из шоколада, куска солёной горбуши, сыра и колбасы спрашивает Асель.

— Нет. С единственным условием. Мы все ведём себя уважительно друг к другу. Хотя, два условия. Второе условие: нейтральная территория. Не у вас дома.

— Уф-ф, хоть с тобой нет проблем... Спасибо. Теперь бы ещё Ленку уболтать.

— Такое впечатление, что у тебя — мозги, а у неё — темперамент, — смеюсь. — В части отношений с родителями.

— Ну так и есть. Она — родная. Я же там — типа приёмной. Они ко мне очень хорошо относятся, практически нас не различают — но я очень стараюсь не обострять и не напрягать там, где она даже не думает, что напрягает. Жақсы болсаң жаның көп.

— Это что? — широко открываю глаза.

— Аналог «Ласковый теленок двух коров сосет» по-нашему. — Улыбается Асель. — Ну и материально... Мне неудобно им на шею свешиваться. Если честно. Хотя, они бы и слова не сказали.

— Понял... Спасибо. Было вкусно. Я понёсся.

— Далёко? — подымает брови Асель. — Может, поможешь уболтать Ленку? Насчёт родителей.

— Хорошо. Помогу, но вечером. После работы. У меня сегодня ещё карьера на мойке.

По дороге на мойку думаю, что жизнь не устаёт повторять один и тот же урок: чем больше соблюдаешь правила своей независимости, тем меньше входящих неприятностей.

Предыдущие студенты сегодня прийти отказались: для них слишком тяжело. Ну ладно. Наталья говорит, есть ещё желающие.

Подхожу к мойке — стоит ещё пара. Парни.

Имея опыт, в этот раз много времени не трачу. Да — да. Нет — нет. Илья вообще говорит, чтоб найти хорошего сотрудника на эту вакансию, возможно, придётся перебрать человек десять.

— Я — Саша. Вы?

— Степан. Технологический.

— Андрей. Там же.

Первый час, как водится, уходит на разъяснения основ. Потом они начинают чистить, да так бойко, что им не хватает одного водососа на двоих. Хм.

После первого «прохода», показываю фокус с ультрафиолетовой лампой. Они проникаются и находят каждый у себя по паре пятен, которые я вижу и так. Принимаются дочищать. Немного словно, сдержанно, не быстро, но тщательно.

Боюсь радоваться раньше времени, но сегодняшний эксперимент однозначно успешнее предыдущего.

Когда принимаю их работу, тщательно осматривая все углы, появляется Илья. Машу ему рукой, чтоб не мешал. Он понимает и исчезает в «стекляшке».

Перемещаемся следом за ним, чтоб разговору не мешал работающий компрессор.

— Для первого раза пристойно, — говорю, обращаясь к новеньким. — Раньше занимались чем-то подобным? И попутно, как

себя физически чувствуете? Устали?

— У нас мало кто выдерживает, — встревает Илья из-за их спин.

— Работа как работа, — пожимает плечами Степан. — Бывает и посерьёзнее.

— Это например какая? — снова не удерживается «с галёрки» Илья.

— Картошки гектар за неделю выкопать, например, — степенно отвечает Степан. — В одиночку.

— Когда на неделю зарядили дожди и первого сентября надо ехать в город в институт, — добавляет Андрей, кивая.

— Да, по мокрой земле — вообще жуть, — кивает чему-то своему Степан вслед за Андреем.

— Вы живёте рядом, что ли? — спрашиваю я.

— В одном посёлке. И огороды рядом. Тут в общаге живём.

Илья сверлит меня таким красноречивым взглядом, что я понимаю: его посетила очередная эврика.

Рассчитываемся со Степаном и Андреем за смену. Приглашаю их на завтра. По ним вижу, что говорят правду, когда собираются тут работать.

— Ну что, всё-таки есть варианты? — мячиком прыгает по стекляшке Илья, потирая руки и не желая присаживаться ни на минуту. — Всё-таки правильно я говорил, что не надо горячиться? Есть же варианты с персоналом?

— Да. Теперь есть. — Тактично умалчиваю о том, что находка с лампой была случайностью. И не приди тогда Лена на мойку... — Единственное, лично я опасаюсь раньше времени очаровываться. Чтоб потом не разочаровываться. Давайте посмотрим на них неделю. Им ещё есть что учить.

— Например что? — продолжает скакать мячиком Илья. — Салоны я смотрел — идеальные! С этой твоей лампой — я на своей машине поглядел, как оно работает, да — впечатляет. Так с этой лампой салоны тоже идеальные!

— Ну, кожа и чёрный велюр — не самые сложные покрытия, — остужаю его пыл. — Вот будет флок на эскаладе — тогда

поприседаем... Особенно если бежевый... Но согласен: с этими ребятами двигаться дальше — вариант. Как делиться теперь будем?

— Ты знаешь, я думал... — резко сбавляет эмоциональные обороты Илья. — Ты им сколько обещал?

— Сколько и заплатили сегодня. Сорок пять процентов от стандарта.

— Это от полтинника?

— Да.

— Тебе что остаётся?

— Если салон по новой таксе, то десятка с салона — моя. Ваша половина — тридцать два с половиной. Двадцать два с половиной — им.

— Саша, скажи честно. — Продолжает о чем-то беспокоиться Илья. — Тебе не будет ударом по нервам, самолюбию, привычкам — упасть с тридцати пяти за салон до десятки?

— Мы же уже договорились, — обрываю его волнения. — Мы подключаем камеры к интернету, чтоб я с телефона мог за ними смотреть?

— Да, всё в силе. Двести долларов под ключ с работой. — я узнавал. Только скомандовать.

— Ну тогда без проблем. Тридцатка — это если самому вкалывать. Поверьте, не сладко. Десятка — за посмотреть на чужую работу, как вариант — вообще с телефона. Потом перейти через дорогу — принять работу, закрыть объект. Живу рядом. Всё нормально. Я вообще думаю: а не сделать ли и ночную смену. Если этих обучим и они «поплывут» самостоятельно...

По загоревшемуся взгляду Ильи понимаю, что эврика сегодня не одна.

— Ты имеешь ввиду, непрерывный цикл? Четыре салона с 18.00 до 08.00?

— Как вариант.

— Так. Чтоб долго не трепаться. Завтра установка камер. — Потирая руки, завершает разговор Илья.

Прихожу домой гораздо менее уставший, чем обычно. Хорошо работать чужими руками, что сказать. На всякий случай, чтоб никого не будить — народу теперь куча — открываю дверь своим ключом.

Дома застаю на кухне Лену и Аселью, ожесточённо о чём-то спорящих.

— А вот сейчас и спросим, — говорит Асель при моём появлении. — Саша, говорила с Леной о совместном ужине. Вот отгадай её ответ... Ты обещал подколючиться.

Лена стоит посреди кухни с вилкой в руке, на вилке — кусок беляша, в другой руке — разделочный нож, на полу — перевёрнутая тарелка со спагетти плюс кетчуп.

— Даже боюсь спрашивать, что у вас тут было, — осторожно обхожу по дуге пятно из лапши, тарелки и кетчупа на полу, направляясь к чайнику.

— Да то не то, — прожёвывает наконец Лена свой беляш. — Что ты думаешь. Случайно зацепила рукой. Встала убрать — тут ты вошёл.

— А я уже думал — воевали...

— Не-е-ет, — хором говорят они и смеются.

— Так какой вопрос?

— Аська говорит идти мириться с родителями. Пафосный кабак, мы вчетвером. Их двое.

— Лен, она же права, — говорю, осторожно отхлёбывая свеженалитый чай из чашки. — Ты что, правда считаешь иначе?

— Да не считаю! — резко меняет курс Лена. — Но должна же я была повыделываться!

— Ты смотри, как ты на неё благотворно влияешь, — удивлённо вздёргивает брови на лоб Асея. — Смена курса на сто восемьдесят градусов в течение минуты. Даже секунды.

— Мать, это потому, что мой мужик для меня что-то значит, — показывает Лена язык и звонко припечатывает ладонью её по попе.

Асель вскрикивает, взмахивает чашкой с чаем, щедро поливая

веером всех троих.

— Хорошо, уже остыл и не кипяток, — говорю, аккуратно ставя свою чашку на блюдце и стаскивая мокрую рубашку. — А Вовика где потеряли?

— Он же охранником в ночном клубе. На смену пошёл. — Сообщает Аселя. — Его товарищ по армии устроил.

Ух ты, а я и не знал...

— Как вы себе видите этот ужин? — спрашиваю. — Не то чтоб я очень волновался, но это, как я понимаю, чуть не единственный вариант? Если и не превратить всё в идиллию, то, по крайней мере, вернуть хоть в какое-то управляемое состояние? Не хотелось бы наделать ошибок. И всё перепортить.

— Главное, чтоб батя начал пить. — Задумчиво говорит Лена. — Это — половина успеха.

— Главное — чтоб ребята понравились маме! — Возражает Асель.

— Что нужно, чтоб понравиться маме? — обращаюсь к Аселе. — Логично проработать и то, и то.

— Три вещи, — не задумывается Асель. — Хороший кабак. Одежда. Манеры.

— Пожалуй. — Кивает Лена.

— Кабак выберете? А то я не знаток.

— Да. — Говорит Лена.

— Пойдёмте разбираться с одеждой? — Зову их за собой к своему шкафу.

— У тебя есть костюмы, рубашки, и галстуки? — Спрашивает Асель.

— Да, родители шлют оттуда. — Открываю нужную секцию. — А что нужно, чтоб батя начал пить? — обращаюсь к Лене.

— Да чтоб было приятное место — это беру на себя. Хорошая кухня там — тоже беру на себя. И чтоб хотя бы кто-то из вас двоих ему понравился.

— Вот тут, возможно, я смогу повлиять... — бормочу.

Частота гнева очень отличается от частоты спокойствия. По крайней мере, я их отличать уже научился.

Девочки минут пятнадцать перебирают все мои костюмы, заставляя меня перемерять всё, что есть в шкафу. Потом долго спорят

по поводу рубашек.

Итогом мозгового штурма становятся отложенные в сторону белый и бежевый летние костюмы, пара рубашек, и две пары туфель.

— Саш, это Вове дашь надеть на один раз? — спрашивает Асель, указывая на белый костюм.

— Да без проблем, если надо.

— Надо, мы у него были дома... в общем, ему нечего надеть на *такой* ужин... — явно стесняется Асель.

— Ух ты... Надо ему тогда, если не побрезгует, отдать вообще половину моих вещей: я ещё расту. И вырасту. А он, судя по всему, уже вряд ли.

— Он уже точно расти не будет, — говорит Асель и, повернувшись к моему шкафу, командует, — Лена, пусть Саша всё померяет? Давай сразу отберём то, из чего он вот-вот вырастет? Вдвоём?

— Не лень? — скептически косится Лена на лежащую грудку одежды.

— А нам то что? Переодеваться то ему, — удивляется Асель.

И они устраиваются, лёжа на диване, заставляя меня последовательно надевать и сортировать одежду на 2 кучки. В итоге, кучка для Вовика оказывается раза в три больше моей.

— Мне, конечно, не жалко, но как-то неожиданно, — чешу ха ухом.

— Мелкий, не жмись, — говорит Лена с дивана. — Аська права, тебе это уже надевать если и не нельзя, то, как минимум, крайне рискованно: то рукава коротковаты на грани и за ней, то брюки. К моим в этом точно идти нельзя. Хотя-я, Пола Фредрика и мне б было жалко отдавать. Кстати, а почему у тебя в основном только он из одежды?

— Мне его не жалко отдавать. Это мать шлёт. Я бы купил другое, не это.

Потом их энтузиазм по части моды откуда-то берет второе дыхание и начинается ревизия всех моих курток, пальто, плащей и пуховиков.

В итоге, оказывается, что вопрос одежды, начиная с осени, для меня всё же актуален.

— А ведь таки надо бы в Дубай, — задумчиво тянет Лена, глядя на гору вещей, которые мне откровенно малы.

— Сейчас не по деньгам, — отрезает Асель.

— Это я так, гипотетически... — Бормочет Лена, на самом деле явно что-то напряженно обдумывая.

Потом мы ещё полчаса пьем чай на кухне, где Аселью неожиданно заинтересовывает моя карьера на мойке. Наконец, мы с Леной собираемся спать.

— Мать, может, ты тоже завязывай с телевизором и ночными посиделками? — спрашивает Лена на выходе из кухни. — Завтра на смену, как никак?

— Да чего-то одной некомфортно в спальню топать, — отвечает Асель.

Мы с Леной понимающе переглядываемся и одновременно хлопаем Аселью по плечам с двух сторон.

На утро, когда я выбегаю на пробежку, а девочки собираются на смену, Вова только приходит с работы. В отличие от меня, ему достаётся ещё более тяжёлая задача: перемерять всё плюс **в каждой** вещи сделать своё селфи и отправить в групповой чат из нас четверых.

На пробежку выкатываюсь из подъезда, душимый смехом.

Когда прибегаю с пробежки, Вовик всё ещё занят задачей по производству нескольких десятков селфи с разных ракурсов и расстояний.

Искренне потешаясь, бегу в НОВУЮ КЛИНИКУ.

Открываю кабинет самостоятельно. Сегодня Шаматов, видимо, опаздывает. Первой прибывает пациентка, но уже не с тем сроком, что были раньше, а последнего триместра.

— Али Шафетович скоро должен подойти, — говорю, облачаясь в белый халат. — У нас есть чай, кофе и вода. Как я понимаю, вам воды?

— Спасибо, да, если можно. — смущённо говорит круглая, как колобок, блондинка, не знающая, куда деть свободные руки и от этого постоянно теребящая свою сумочку..

Чтоб ей не было скучно, включаю ей комп и предлагаю смотреть всё, что хочет. Сам тактично удаляюсь к себе, захлопнув дверь.

Сквозь стекло вижу, что, оставшись одна, она расслабляется и перестаёт нервничать.

С недавних пор, я различаю злость, радость, любопытство, расслабленное спокойствие, напряжённое ожидание и ещё некоторые яркие состояния психики собеседника. Даже если он хорошо владеет мимикой.

Присматриваюсь к ней, используя имеющиеся время и возможность, когда входит Али Шафетович. Он начинает с ней работать, и я вижу то, чего не заметил сразу.

Дожидаюсь окончания работы Шаматова и звоню ему по внутреннему телефону.

— Али Шафетович, у неё бронхит начинается. Какая-то неприятная инфекция. Пока в зачаточном состоянии, но я бы «прошёлся».

Шаматов, не тормозя ни секунды и не вешая трубки, спрашивает её:

— Вас случайно горло не беспокоит?

— Да, второй день, — отвечает «колобок». — А как вы это определили?

Шаматов отшучивается насчёт колоссального опыта и громко кричит, чтоб было слышно сквозь дверь:

— Саша, зайди!

Захожу к ним.

— Саш, глянь на девушку, пожалуйста.

Прошу открыть рот, придерживаю язык, прошу десять секунд не шевелиться.

Концентрация, скан, импульс.

Постоянно тренируюсь всё это время не только в зале бокса.

Санация открытых слизистых, которые вижу, для меня теперь вообще не проблема.

— Готово, — медленно опускаю веки, повернувшись к Шаматову. После чего поворачиваюсь к девушке. — Вот наши номера, возьмите визитку. Я вижу, что уже к вечеру у вас всё пройдёт, это просто легкое недомогание. Если же, не дай бог, будет иначе — пожалуйста, позвоните нам и скажите. Тогда будем думать, что дальше. Вероятно, направим к другому врачу. Но, повторюсь, я чётко вижу, что у вас с горлом всё в порядке.

«Только из клеток шлак пусть выведется» — добавляю мысленно.

В своём компе переписываю у Шаматова её данные, ставлю дату, своё видение диагноза и тип санации.

Помимо эмоций, я уже различаю виды микрофлоры — по индивидуальным частотам, потому моё воздействие уже тоже ранжируется на типы импульсов.

Обновлённый файл с первой записью через локальную сеть кладу в оговоренное место на компе Котлинского.

Через пять минут в мессенджере от него приходит большой палец.

У Шаматова ничего интересного для меня больше не происходит. Внимательно наблюдаю за всеми посетительницами и вынужден согласиться, что Али Шафетович оказывает на всех без исключения пациенток колоссальное психологическое влияние. Далеко не все были радостны изначально. Поначалу, войдя к нему, некоторые испытывают тревогу, уныние, и далее по списку. Но выходят от него все в ресурсном положительном состоянии.

Делаю вывод, что корректировать эмоциональный фон своего собеседника через свои возможности я всё же могу. Если даже у Шаматова, богатого тестостероном, это на уровне гормонов вон как шикарно получается. Надо будет потренироваться.

Ближе к концу, ко мне на рабочий комп по мессенджеру приходит сообщение от Котлинского: «У вас сегодня больше ничего интересного у Шаматова, я посмотрел запись. Поднимайся ко мне».

У Витальевича, кроме него самого, сидят Сергей Владимирович и тот самый пациент, у которого сустав сбоил из-за позвоночника.

— Саня, глянь, кое-что должно было измениться. — Едва не приплясывает вокруг от нетерпения Котлинский.

Для экономии времени, укладываем пациента прямо на диван.

Концентрация. Скан.

— А ведь позвонок таки на место встал, — констатирую удивлённо. — на нерв не давит.

— Ну ничего себе «встал»! — Начинают синхронно возмущаться Котлинский и мужчина.

— Я его знаешь сколько на гиперэкстензии тянул?! — продолжает возмущаться Котлинский.

— Думал, рожу, — добавляет пациент. — Кстати, в суставе полегче.

Сергей Владимирович тихо хихикает на стуле.

— Плазмолифтинг ему начали вкатывать, кстати; изменения, по его личным ощущениям, уже есть, — продолжает Котлинский. — Но хочу попробовать... А вдруг получится...

— Да не получится эта твоя псевдонаучная галиматья! — Ни с того ни с сего, перебивая, начинает горячиться Стеклов, который Сергей Владимирович. — Игорь, ну не восстановился ещё ни один сустав, б... Чуть не выругался из-за тебя!

— Вот. Он меня мало того, что врачом не считает, так ещё и при пациенте так корректно себя ведёт, — ехидно замечает Котлинский, зачем-то тестируя сустав на подвижность.

— Пардон, Костя, — ничуть не смущается Стеклов, — но зачем тебя вводить в заблуждение! Скажи спасибо, что не титан!

— Сергей, пожалуйста, дай мне договорить, — мягко, но как-то удивительно начальственным тоном тихо бросает Котлинский, и я начинаю понимать, почему он добился того, чего добился. — Костя, ты ничего не теряешь. Консервативными методами мы и так с тобой всё откатаем. Но лично у меня есть подозрение, что можно исправить и последний штрих. О котором Саша нам сейчас расскажет.

— Вам сразу по суставу? — быстро схватываю, что он имеет ввиду, я. Котлинский кивает в ответ. — Некроза нет. Регенерация запустилась. Вижу будто очаговую вспышку регенеративных

процессов, вероятно — место укола при плазмолифтинге. Там постепенно восстанавливается его нормальный обмен веществ, судя по динамике частот. Я помню его проекцию. НО. Есть но. Синовияльная сумка. Частоты в неё стабильно сбиты. Я ничего не утверждаю: у нас нет опыта. НО я бы поработал с его синовияльной сумкой. Если получится добиться, что «правильная» частота зафиксируется, и не будет спадать, не исключая и полного восстановления сустава.

Котлинский, потирая руки, поворачивается к Стеклову:

— Давай так. Всё, что ты наметил — катаем по полной. Костя, ты спину и мышцы качаешь?

— Да, всё по Бубновскому, — отзывается пациент, всё ещё лежащий лицом вниз. — только в зале возле дома, тренажёры те же.

— Но в дополнение к твоему курсу, пусть Саша попробует с «сумкой» поработать? Хуже не будет.

— Ну, если только так, — неохотно соглашается Стеков.

— У меня, кстати, новости. — Сообщаю. Котлинский машет рукой, типа, можешь говорить прямо здесь. — Я начал подключать иглы. Акупунктура. Предлагаю именно на этом случае попробовать весь комплекс. Проблема с суставом будет не в том, что я не могу подать частоту, куда надо. А в том, что его ткани будут маятником возвращаться к этой сбитой частоте. А нужно добиться, чтоб вернулась природная.

— Иглы помогают? — коротко спрашивает Котлинский.

— В данном случае, механически врезаясь в меридиан, да. Они «фиксируют» частоту принудительно. Я бы начал с трёх иголок, хуже точно не будет. Но помочь может здорово. — Видя сомнения в глазах Стекова и нездоровый энтузиазм Котлинского, добавляю, — Я уже пробовал на Лене. Все детали на ней отработал. Техника лично мне — полностью понятная. Как работает — видно. Анатомию я тоже вижу.

— Костя, решай, — не даёт никому слова вставить Котлинский, заглушая набирающего воздух для возражений Стекова. — Консервативно, полностью точно не получится назад откатить. А тут — появляется шанс. На крайний случай, предложение с титановым суставом в силе, а-га-га-га-га! — оглушительно смеётся Котлинский,

не находя поддержки у окружающих. — Ладно я пошутил, — сконфуженно говорит он, и тут начинаем смеяться мы. Со Стекловым.

— Ну, терять и правда нечего. Давайте пробовать. — робко звучит с дивана от Константина.

— Что нужно? — тут же берёт быка за рога Котлинский, поворачиваясь ко мне.

— Кушетка стандарт. Вата, спирт. Для начала — примерно десять сеансов по часу. По результатам — смотрим. Иглы есть, у Лены из Пекина ящик одноразовых. Потом если что надо будет прикупить...

— Послезавтра ты во сколько можешь утром? — обращается Котлинский к Косте.

— Утром — как вам удобно.

— Саша, тогда прямо в моём кабинете, послезавтра к девяти утра ко мне, не к Шаматову. Его я предупрежу, — распоряжается Котлинский. — Кушетку принесут прямо сюда. Десять дней тут постоит.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — на всякий случай считаю своим долгом успокоить Константина. — Хуже точно не сделаю. Улучшить — очень большие шансы.

— Да я вам как раз больше верю, чем некоторым, — лёжа косится Константин в сторону обоих докторов. — После позвоночника. Словами не опишешь, но когда диск встал на место, я физически почувствовал, что некоторые проблемы были именно из-за этого. Про сами боли в спине и ощущения разрушающегося позвоночника даже не буду. Сейчас их намного меньше. И регенерацию чувствую физически.

На плавании, после тренировки Смоляков просит меня задержаться.

— Саша, ты видишь, что перестал расти? И в результатах, и в отдаче тренировочному процессу? — В фойе бассейна, присев в кресло, в лоб начинает он.

— Да, Виктор Александрович...

— Ты тренировки пропускаешь. На тренировке, когда приходишь, вроде и не сачкуешь, выкладываешься — с активностью всё в порядке, но с пониманием тренировочного задания — я уже вижу проблемы. Ты не «вникаешь», зачем делаем какое упражнение, и откатываешь всю программу без души. Как робот.

— Это плохо?

— Давай с этим разбираться. У меня только один вопрос: ты ещё хочешь в чемпионы? Или что-то изменилось? — Смоляков держит паузу. — Я всё пойму правильно, но скажи мне об этом сейчас. Чтоб я не вкладывал в тебя месяцы и годы времени, если тебе это не нужно.

— Извините, что не сказал раньше. Мне очень нравится вода и всё, что с ней связано. Но за последний месяц в жизни были кое-какие изменения. Я не получаю прошлого удовольствия от воды. Мне интересно, полезно. Но почему-то перестало быть приятно.

— Ну, на силе воле и чувстве долга тоже можно далеко забраться, в хорошем смысле, — задумчиво говорит Смоляков.

— Вот вы сейчас очень критично отозвались об этом подходе с моей стороны. Я как раз из чувства долга, вернее, из рефлекса цели, и выкраиваю последний месяц время на плавание.

— Что-то дома? Есть проблемы, могу помочь?

— Боже упаси, Виктор Александрович! Спасибо! Новшества приятного характера, потому приходится работать в двух местах. Ещё — на бокс пошёл. Там тоже сильные нагрузки. Вот всё в сумме навалилось.

— Саша, я сейчас скажу одну вещь, спасибо, что ты всё объяснил и не стал скрывать. — Напрягается Смоляков. — Ты уже ничего не достигнешь в плавании. Я это уже вижу.

— Ничуть не спорю с вашим опытом, но объясните, если можно? — Мне действительно любопытно.

— У тебя сейчас глаза **не** горят. Вот ты про семейные изменения говоришь — горят. Про работу — горят. Про бокс — горят. А в бассейне у тебя *перестали гореть глаза*. При сегодняшней конкуренции в плавании — мало аккуратно посещать. Нужен талант плюс колоссальное желание. А у тебя я не вижу самого главного: воли к победе. Мотивации. Как в прошлом году, когда ты с

разрезанной ногой на области в призе́ры вошёл, когда полиэтилен тебе на бээ́фе клеили на заплыв.

Что-то такое вспоминается от предыдущей памяти. Ты смотри, это тело, оказывается, тоже было не «мясо», а где-то боец... правда, по-своему.

— Сейчас даже не уверен, что стал бы так напрягаться ради одного заплыва, — честно признаюсь.

— Вот и я об этом. Что делать будем? — Смоляков закидывает ногу на ногу, скрещивает пальцы двух рук в замок и заводит ладони за затылок, откидываясь назад.

— По науке, вначале полагается определить наши с вами цели и сравнить их.

— Я бы хотел, чтоб ты из сборной области поднялся на уровень выше. В течение года.

— По вашему опыту, как это скажется на моём ритме жизни?

— По моему опыту, это десять километров в день, две тренировки по пять кэмэ, около шести часов в сумме, и две трети времени жить, где скажут. Тренировочные сборы и подготовочные циклы.

— Виктор Александрович, ну тогда я сразу «пас». Мне эта цель не настолько нужна, чтобы бросать всё, что для меня сейчас ценно. Я бы ещё не отказался поплавать за «верхнюю» сборную, не меняя ритма жизни. Но рвать всё по-живому...

— Вот и определились. — Сухо подводит черту Смоляков. — Саша, спустя рукава в Сборную — это даже не безответственность. Это утопия. У меня вопросов нет. В связи с изменившимися обстоятельствами, предлагаю: ко мне — ходи как ходил. За область, твоего багажа хватит ещё на год или даже два, если по юношам. По взрослым — на год. Эстафета — там ты точно нужен будешь. Если же подрастёт кто-то, кто тебя «задвинет» — не обижайся. По рукам?

— Спасибо за понимание, — серьёзно отвечаю и крепко жму руку Смолякова в ответ. — Я оценил.

Я действительно оценил. В наше время, всё стоит денег. И то, что Смоляков меня не гонит в этой ситуации, действительно немалый вклад с его стороны. Кстати, и за сборную области есть масса

турниров за рубежом, на которые интересно ездить.

Выхожу на улицу один. Ануш, пока мы разговаривали, села всё в тот же джип с тем парнем южной внешности, и уехала. Ну и ладно. Хорошо, что у неё всё хорошо.

К тому времени, когда я вылезаю из бассейна, мой телефон почти что разрывается от вибраций. Включаю, смотрю.

Оказывается, за то время, что плавал, была создана группа в ватсаппе, я включён автоматически. Админы, понятно, Лена и Асель.

12.01. Вы включены в группу. Данные группы «ШВЕДСКАЯ СЕМЬЯ».

12.01. Асель: Лена, ты дура? **#злость** Ты зачем такое название поставила?

12.01. Лена: А-а-ахахах, прикольно же! Тем более, вы у нас живёте **#язык** Да и кто твой телефон кроме тебя читает? А если ты Вову боишься, так он и так в группе. Вова, ты тут?

12.03. Вова: Я делаю эти ваши долбанные фото! Сюда слать?

12.03. Лена: да, сюда давай грузи. Мы заценим.

12.04. Вова: Фото

12.04. Вова: Фото

12.05. Вова: Фото

...

12.15. Вова: Фото

12.35. Лена: А-А-А-А-А **#рука-лицо #бьюсь головой об стену # катаюсь от смеха** А-А-А-А-А-ХА-ХА-ХА-ХА Вовик, на тебя в рукавах короткие все пиджаки! А-а-а-а-а... гы-ы-ы

12.35. Вова: ёпрст... Сергеич же говорил. У меня руки длиннее...

12.35. Асель: Кто есть Сергеич? Кому он что говорил про руки? **#рука у уха**

12.36. Вова: Тренер наш... В общем, женщины, я в этом порно не пойду! У меня рукава, как подстреленные.

12.36. Лена: Это даже не порно. Это как будто ты у кого-то отнял пиджак на улице **# катаюсь от смеха** А-А-А-А-А-ХА-ХА-ХА! Типа как снял пиджак с кого-то поменьше **# катаюсь от смеха**

12.36. Асель: Чего ты ржёшь, как кобыла?! **#злость #злость #злость** В чем ему идти?

Вова: Стоп. А если вот так? Я рукава подвернул. Лето же? Шёлк. Может, сойдёт?

12.37. Лена: Ну-у-у-у, в принципе-е-е, если контрастную руба-а-ашку... А вообще, свою Аселью спрашивай. Это она у нас — великий спец по моде. Я щас что ни скажу — она всё равно обхает. 12.45. Лена: АУУУ. АСЕЕЕЛЬ. ТЫ ГДЕЕЕ.

12.45. Вова: А вы не вместе разве?

12.45. Лена: Неа. Я щас в ординаторской. А она где-то в районе приёмного покоя колосилась.

12.48. Асель: ЛЕНА, СРОЧНО СЮДА!!!

12.48. Лена: А ты щас где, мать?

12.48. Асель: **ПЛАНОВЫЙ ОПЕРЬЛОК СРОЧНО!!!**

На самом интересном месте чат обрывается. Видимо, что-то на дежурстве...

Про рукава и длину рук мы и правда забыли. Впрочем, с закатанными рукавами, на мой вкус, вполне нормально. Уже молчу, что пиджак нужен только для вида и стиля. В этом случае его вообще можно не надевать, а перекинуть через руку: и круто, и рукава не бросаются в глаза.

«ШВЕДСКАЯ СЕМЬЯ».

13.35. Мелкий: А зачем ему этот пиджак надевать? Пиджак же нужен только для стиля, нет? Пусть через руку перекинет: и реноме соблюдаем, и рукавами не светить. Вова, с закатанными рукавами тоже нарм.

13.35. Вова: Вот и я так думаю... Ладно, ждём, что наши айболитки скажут. Когда на связи появятся.

13.35. Мелкий: Ну. Видимо что-то стряслось... Вова, ты идёшь в зал?

13.36. Вова: Конечно.

13.36. Мелкий: Можешь мои вещи взять? Синяя сумка у входа. Мне с Сергеем посоветоваться срочно надо. Я сразу на

спорткомплекс.

13.36. Вова: Хорошо, возьму.

Хорошо, что сумку притащит Вова. Еду сразу на спорткомплекс, не заезжая домой. Добравшись до зала, застаю Сергеевича за шахматным столом в тренерской.

— О, Саня, привет. А чего пустой? Ты что, не тренируешься сегодня?

— Я с работы. Вовик мою сумку принесёт, он сейчас у меня живёт.

— Из-за той девушки-азиатки? — проницательно прищуривает левый глаз Сергеевич, сдвигая бумаги в сторону и расставляя шахматы на своём шахматном столе. — Садись, пока ждём, партию-другую сбачаем.

— Да, из-за неё. Сергей Сергеевич, мне с вами посоветоваться надо.

— Внимательно слушаю. Твои белые, ходи.

— Я вам говорил, я ещё плаванием занимаюсь. До этого момента, плавал за область и хотел в «верхнюю» сборную, на уровень выше. Были и перспективы. В течение года должен был войти. Но сегодня состоялся разговор с тренером. Он говорит, что я затормозился в развитии. Что я «без огонька» тренируюсь, что там надо фанатеть и всего себя отдавать. Он сказал, что для «верхней» сборной надо чуть не в интернате жить, шесть часов в сутки плавать, и восемь месяцев в году жить не дома, а где скажут.

— Вопрос в чем? — после паузы спрашивает Сергеевич.

— Да вопроса в общем и нет... Я отказался. Я сейчас чувствую, что не люблю плавание, как раньше. И жертвовать всем ради какой-то сборной не готов: в жизни много других интересных вещей. Но слегка терзают сомнения: столько лет, достиг какого-то уровня, прогресс постоянный. Не погорячился ли?

— Саня, тебе мат... расставляй... теперь ты чёрными... Ты сейчас хочешь переложить ответственность. А не совета спросить.

— Пожалуй... — соглашаюсь через десять секунд,

прислушавшись к себе.

— А ответ простой. Помнишь, я про Трефилова рассказывал? — киваю. — Вот он тоже от сборной отказался. Союза, не сегодняшней. Потому что любил свою работу. Это если кратко. Сегодня он — абсолютно счастливый человек. Лет ему как мне. И он абсолютно счастлив. А знаешь почему?

— Буду благодарен, если сформулируете вы.

— Потому, что всю жизнь занимается своим любимым делом. Без натяжек, допусков и жертв. А был ли он бы счастлив, брось всё ради сборной — это очень большой вопрос. Антипримеров более чем. И как тренер скажу. Если нет ЛЮБВИ — чемпионом не станешь. Я любовь к этому спорту имею в виду.

— Любви уже нет, — с разочарованием откровенно констатирую. — Самому не удобно — но любви нет.

— Ну и не казись. Тебе мат.

Молча играем ещё минут пятнадцать.

— О, а вон и Вовик притопал, — я сижу спиной к двери, потому Сергеевич видит, когда кто-то входит у меня за спиной. — Погнали в зал.

После тренировки идём домой. Обедаем или ужинаем — это как посмотреть, и Вовик наостряет лыжи на работу. Я остаюсь один.

От наших половин в чате — ни слова. Впору начать нервничать.

«ШВЕДСКАЯ СЕМЬЯ».

20.35. Мелкий: Лен, вы там живы?

20:59. Вова: Асель, вы где?

22.56. Мелкий: Завтрак всем приготовил, на кухне на плите. Что хотел — прочёл. Я спать. Всем спокойной ночи.

22.58. Вова: Шутишь? **#злость** Все на сменах, кроме тебя.

22.59. Мелкий: Так и я бы был на смене. Но у нас сегодня видеонаблюдение монтируют. Ладно, я спать. Всем пока. Если что — звоните на городской. Мобилу отключаю.

Что-то так вымотался, что нет даже сил нервничать на тему, что

там у девочек.

Утром около восьми утра все работавшие ночью начинают подтягиваться, хлопать дверью по очереди, в результате чего мне приходится смириться с тем, что поспать больше не удастся.

Выхожу на кухню, где Вовик, Лена и Асель едят голубцы прямо из кастрюли.

При моём появлении на кухне, все салютуют мне поднятыми в воздух большими пальцами.

— М-м-м, супер! — с набитым ртом выдает Лена.

— Мне кажется, вы просто голодные. И с таким же успехом сейчас и обычные макароны бы съели. — Обхожу Лену сзади и целую в шею.

— Не скажи, — также с набитым ртом отвечает Асель. — Вот классную домашнюю пищу после смены — это кайф. За это тебе спасибо. А макароны б таким успехом не пользовались, поверь. Мы что, макаронами с Ленкой не питались после смены, что ли?

— Подтверждаю! — добавляет Вовик, что характерно, тоже не прекращая жевать. — За макароны бы спасибо никто не сказал!

— А что у вас такое было, куда вы пропали? — спрашиваю девочек.

— В плановой операционной — операция по варикоцеле, — начинает Асель.

— Очень легкая, на полчаса, — вставляет Лена.

— Ага, настолько легкая, что уролог не посчитал нужным определить группу крови, а анестезиолог не стал настаивать на этом... — бросает Асель. — Вдруг забегают медсестра-анестезистка, «...Асель Тогжановна, нам нужна помощь!» Забегаю — давление падает, уже восемьдесят. «Остановить операцию!»

— А почему тебя позвали? А ты — Ленку? — я всё ещё не понимаю.

— Потому что мы реаниматологи... — как-то устало отвечает Лена.

— Чурсина срочно в операционную; мы, тут же, все реаниматологи срочно проверяем — вентиляционная трубка — в трахее! дыхание — проводится! дыхательный объем — нормальный! Инфузионная терапия — в необходимом объеме! Но давление падает, уже шестьдесят, кожные покровы стремительно бледнеют, что не так? — Аселя отправляет в рот очередной голубец и на время замолкает, пережёвывая.

— Оперирующий хирург также стоит смертельно бледный — умирает больной на операционном столе, не понятно почему. — Подхватывает Лена. — Увеличить инфузию, загрузить сильнее головной мозг, преднизолон, ставим подключичку. Все лихорадочно ищем причину. Анафилаксия? Не похоже. Инфаркт? Нет, уже подключили кардиомонитор. Тромбоэмболия? Тоже нет, бл. ь — пацану девятнадцать лет всего! Где Чурсин? Наконец то забегает.

— Это Вадим Владимирович, кафедральный работник, очень крутой специалист, — врзается Аселя. — Быстро докладываем обстановку.

— Чурсин и минуты не думает: «Здесь кровотечение, срочно лапаротомию!», — продолжает Лена. — «Какое нахер кровотечение, Вадим, ты попутал, варикоцеле здесь, я работаю снаружи», — хирург возражает.

— «Ты провалился и задел семенную, если не паховую артерию — заказывайте плазму»

— б..., а группа крови не определена... — Асель справилась наконец с голубцами и теперь пьёт чай. — Набираем кровь, бежим определяем группу, теряем драгоценные десять минут. Хирурги вскрывают брюшную полость — живот полный крови! «Вызывайте экстренную бригаду на помощь!»^[13]

— Сосуд нашли, кровотечение остановили, пацана спасли. Спасибо Чурсину. Ась, дай и мне чаю, — просит Лена. — За то, что взяли больного без группы крови, все получили выговор. Больным — вывод: идя на плановую операцию, как минимум знакомьтесь с врачом, который будет проводить наркоз.

Вовик не понимает и трети текста. Я уже понимаю всё, но не считаю возможным ни перебить, ни влезть с комментариями. Пусть выговорятся... Вовик мне жестом показывает, что да. Пусть выговариваются. Мы послушаем, нам не трудно.

Наконец, все ночные работники покормлены, посуда помыта.

— Вы спать? — спрашиваю.

— Куда?! Вова, а ну — примеряй! — Возмущается Асель. — У нас сегодня не ужин, на обед всё перенеслось.

Упс. Кажется, опять плакало моё плавание.

— Вовик, а что с залом сегодня, если обед? — спрашиваю.

— Да я звякну Сергеевичу, чтоб он не колыхался... Один день погоды не сделает. Тем более, есть основания. — И Вовик послушно шагает к зеркалу облачаться во вчерашний шёлк с закатанными рукавами.

— Голосую! По мне — нормально, — зевает во весь рот Лена.

— Но если перекинуть через руку, не надевая, будет ещё лучше. — выносит окончательный вердикт Асель.

Прослонявшись полдня по дому, мы парадно одеваемся, грузимся в такси и едем во ФЛОРЕНЦИЮ, где нас отводят в отдельный кабинет, отделённый от общего зала бортиком и занавесками.

Занимаем места. Лена листает меню, делая заказ: она лучше всех знает родителей и максимально использует фору по времени, чтоб подобие непринуждённой атмосферы создать с самого начала.

Минут через пятнадцать, когда появляются Роберт Сергеевич и Зоя Андреевна, на столе уже стоит пара салатов, закуски, соки, нарезки.

— Горячее без родителей не заказываем, — с самого начала отрезает Лена.

Роберт Сергеевич здоровается с нами с Вовой за руку, как ни в чём не бывало. Ну и отлично, не будем обострять.

— Девочки, представьте, нас. — Начинает светскую часть Зоя Андреевна.

— Вова. Саша. — С видом примерной школьницы отзывается Асель. Имена родителей мы уже знаем.

— Ну-с-с, чем нас тут будут потчевать? — Углубляется в меню

Роберт Сергеевич.

После пяти минут консультаций, Новиковы включая Лену зовут официанта и разрождаются сложным заказом блюд на восемь.

Кажется, сидеть нам тут сегодня долго.

Часа через полтора неспешного, неожиданно спокойного разговора на нейтральные темы, речь заходит об охоте и пневматическом оружии. Мне интересно. Вова рассказывает что-то о пневматах, сегодня имеющих энергию чуть не огнестрела.

— Хотите — покажу. У меня три штуки дома, — обращается он к Роберту Сергеевичу. — На двухстах метрах — и секач не уйдёт.

— Ты к секачу подберись вначале! — возражает Роберт Сергеевич. — А если этот пневмат его всё же не возьмёт? И что ты будешь делать с голыми, почитай, руками? Врукопашную с ним идти?

Смеёмся все без исключений.

— Да мы их из засады глушили в армии, — пожимает плечами Вовик. — Из этих самых пневматов. Ни один не ушёл. Там правда хватает мощности выстрела. Если до двух сотен.

— А где ты в армии служил? — походя интересуется Роберт Сергеевич.

— Да так, морчасти погранвойск. Ничего серьёзного. — Уклончиво отвечает Вова.

— А где именно? Место? — неожиданно загорается интерес во взгляде Роберта Сергеевича. Впрочем, он с Зоей Андреевной уже выпил по паре коньяку, возможно, я просто не правильно интерпретирую его взгляд.

— Да река одна, Вы вряд ли знаете. — Не колетса Вова.

— Эта река — не А-р случайно? — вопросительно подымает бровь Роберт Сергеевич.

— Да, правильно, — удивляется Вова. — Оно!

— А морчасти погранвойск на реке — это не пэдээсэсники у моста и под ним случаем? — загорается интересом Роберт Сергеевич.

— Ну да, — ещё больше удивляется Вова. — А откуда?..

— А водолазная подготовка — в Николаевке, в учебке ВМФ?

— Да, откуда знаете? — брови Вовика только что не на затылке.

Роберт Сергеевич откидывается в полукресле назад, откровенно и явно расслабляется, набирает побольше воздуха, улыбается и говорит:

— Зай-н. Оперуполномоченный военной контрразведки. Меня туда в 19... сослали на два года, за резкое выступление по одному национальному вопросу в Управлении при комиссии из Центрального Аппарата... Зоя, помнишь? Как ты ко мне потом моталась на выходные? Все деньги на билетах прокатывали.

Взгляд Зои Андреевны тоже теплеет и расфокусируется, она кивает и говорит:

— А потом тебя после той охоты с другой проверкой оставили ещё на два года, лишних, и в итоге ты там просидел четыре года вместо двух.

Они оба начинают смеяться.

— А где я была? — оживляется Лена. — Почему я не помню, что отца с нами не было? И ты на выходных исчезала?

— Потому что тебя тогда ещё в проекте не было! — Смеются Роберт Сергеевич и Зоя Андреевна. Роберт Сергеевич при этом наливает себе и ей чего-то из красной бутылки, они из вежливости смотрят на нас, но мы все отрицательно качаем головами. Они чокаются друг с другом и выпивают до дна, как-то по особенному тепло глядя друг на друга.

Смотри ты, кто бы мог подумать...

— Вова, а при тебе командир части кто был? — продолжает задавать вопросы Роберт Сергеевич.

— Закускин, — чему-то оживляется и Вовик. — А вы и его знаете?

— Ха, при мне был зээнша! Ну, правда, если его всё же на командование поставили, видимо, пить он всё же завязал? Или хотя бы ограничил? — интересуется Роберт Сергеевич.

— Говорили, что закодировался после каких-то учений, когда

батальон десантуры на мост лез нахрапом. Но мы отбились. Ещё какая-то рукопашная была, прямо на мосту, почти как взаправду. Чуть не шеи ломаные потом. Но это было до меня, мне старший призыв рассказывал. — Оживляется и Вовик.

— Да-а, бы-ыло, — откидывается в кресле Роберт Сергеевич.

Далее они с Вовиком начинают обсуждать какие-то места, тонкости географии, процедуры промера глубин на главном и каком-то ещё фарватерах, на которых регулярно в своё время присутствовал и Роберт Сергеевич. Какие-то датчики, которые видят под водой не то что водолаза, а даже крупную рыбу. И многое другое.

Зоя Андреевна с интересом прислушивается и периодически вставляет какие-то свои реплики, подвергаясь в эти моменты штурму с обеих мужских сторон.

Аселя украдкой вытирает пот со лба и бьёт Лену локтём по рёбрам, накрывая ладонью Ленино бедро.

Лена под столом оттопыривает оба больших пальца и беззвучно болтает языком из стороны в сторону, пользуясь тем, что её никто не видит.

Кормят здесь действительно вкусно.

Вова с отцом Лены продолжают предаваться ностальгии по «боевому» прошлому; Зоя Андреевна постоянно вмешивается с какими-то деталями, кажется, просто развлекаясь.

Асель с Леной по горячим следам начинают спорить о каких-то деталях этой операции на варикоцеле, которая могла очень плохо закончиться.

А я просто ем.

Кажется, всё идёт, как надо, когда Зоя Андреевна между делом задаёт свой сакраментальный вопрос:

— Дети, ну дальше-то как жить будем?

Вижу, что девочки напряглись. Вова с отцом Лены, мазнув взглядом по женщинам, продолжают с энтузиазмом обсуждать дульную энергию не пойму чего, не отвлекаясь ни на что.

Зоя Андреевна тоже совсем не напряжена, но девочки, кажется, этого не видят.

Беру Лену за руку под столом:

— Зоя Андреевна, вы не против, если я поучаствую?

— Ну хоть кто-то! — говорит мать Лены, недовольно косясь на мужа и Вову. Не обращающих на неё совсем никакого внимания.

Вова периодически, по сигналу Роберта Сергеевича, подливает тому из коньячной бутылки, себе наливает сок, они чокаются, выпивают, и беседа дальше идёт каким-то не понятным мне руслом. Или курсом.

Ну и хорошо... Кажется, программа минимум выполнена: хоть кто-то Роберту Сергеевичу понравился.

— Зоя Андреевна, если вы не против, давайте перед обсуждением этого вопроса каждый скажет, чего он хочет?

— Да без проблем! — удивлённо поднимает брови мать Лены. — Лена, Асель, вот вы чего хотите?

— Мне с Вовой хорошо. — Рубит в лоб Асель первой. — Это взаимно. Мы по факту уже съехались. Я хочу покоя и комфорта.

— Ну-у, ма-ам, я присоединяюсь. Только с поправкой на личности, — обвивает моё плечо рукой Лена.

Роберт Сергеевич с Вовой с полсекунды снисходительно смотрят в нашу сторону, потом снова возвращаются к своей теме.

— А сейчас вы где живёте таким кагалом? — интересуется Зоя Андреевна.

— У меня две однокомнатных квартиры на одной лестничной площадке, — объясняю. — Соединённых в одну большую. Кухня одной переделана в дополнительную комнату, у нас там зал. Санузлов два. Места хватает.

— Да я всё понимаю, — неожиданно кладёт свою руку мне на предплечье Зоя Андреевна, — дети то выросли. Эхх. Но нам без детей скучно. — Видя вскидывающуюся Лену, Зоя Андреевна продолжает, — Лен, я ни на кого не давяю. Просто объясняю. Тебя же агитировать бесполезно?

— Мам, я решила. Мы же тут не ссориться собрались? — напряженно спрашивает Лена.

— Да бог с тобой! — машет руками Зоя Андреевна. — Просто пытаюсь понять, какой формат устроил бы всех. — И дальше, безо всякого перехода, — Лен, ты бы забрала машину?

Лена молчит, немного надувшись.

— Знаете, давайте я скажу, чего хочу я. — Продолжает Зоя Андреевна. — Лена, Асель, нам без вас — без детей — где-то скучно и одиноко. Крайне некомфортно, во всяком случае. Это — с одной стороны. С другой стороны, мы понимаем, что вы уже выросли. И вам нужна своя жизнь. Мы все повели себя не лучшим образом, — Зоя Андреевна делает паузу, обводит всех взглядом, не встречает возражений и продолжает. — Хотелось бы, чтоб дистанции не было. Жить действительно можно, кому где комфортнее и удобнее. Но давайте, даже если живём на два адреса, хоть ужинать вместе, что ли? На выходные к нам приезжайте. Понимаете о чем я?

— А я не против, — задумчиво говорит Асель.

— Я тоже не против отношений. Мам, но я не хочу больше жить

одна. Хватит. — Набрав воздуха, выпаливает Лена. — И ты понимаешь, о чём я. У Саши есть, где жить. Ну согласись, будет странно тащить его к нам — где ни он не будет чувствовать себя ни хозяином, ни раскованно? Также, и мне не будет комфортно, поскольку надо мной всегда будет висеть: это — дом моих родителей. Моему парню не особо комфортно, мне — как следствие, а зачем? Если нам есть где жить?

— Да тут, конечно, всё правильно, — закусывает губу Зоя Андреевна.

— Давайте вы зайдёте ко мне в гости? — вставляю, понимая, что настала пора вмешиваться мне. — Посмотрите, как мы живём. Зоя Андреевна, я очень благодарен вам за эту встречу, лично у меня камень с души упал. Но вы сейчас пытаетесь принять решение **до того**, как оцените обстановку. Позвольте вас с Робертом Сергеевичем пригласить к себе?

— Да без проблем, — удивляется Зоя Андреевна. — Говори, когда?

— Вот сейчас тут доедим — и предлагаю переместиться ко мне. — Обвожу всех взглядом. — А чего откладывать? У меня, как минимум, комфортнее: есть кресла, диваны, и вообще атмосфера непринуждённое.

— А погнали! — хлопает раскрытой ладонью по столу Лена. — Мам, батя ж не против?

— Да ему уже без разницы, — неодобрительно косится Зоя Андреевна на Роберта Сергеевича, лихо опрокидывающего очередной бокал. — Он уже «на взлёте», так что поехали. Действительно, хоть посмотрим с отцом, как живёте, раз зовёте.

И тут наконец Лена делает то, что, мне кажется, давно было нужно сделать. Она встаёт, обходит стол по кругу, наваливается Зое Андреевне на плечи, обнимая ту, и говорит:

— Мам. Ну чего ты. Я очень тебя люблю. Погнали к нам, у нас классно! — И звучно припечатывает громкий поцелуй на щёку матери, оставляя под общий смех след от помады. Который ошалелая Зоя Андреевна начинает тереть салфеткой, чем вызывает вторую волну смеха.

Следующий момент нами ещё дома оговорен и тщательно

спланирован. Когда появляется официант со счётом, Лена виснет на отце, Асель — на Зое Андреевне, а мы с Вовой быстро оплачиваем всё вдвоём, прихватывая дополнительно по бутылке того, что пьют Роберт Сергеевич и Зоя Андреевна. Поскольку в магазин заезжать будет не комильфо.

Вова утром хмурился о лишних расходах, но в итоге приняли решение на первом впечатлении не экономить.

Зоя Андреевна следит за движениями рук официанта, счётом, нашими бумажниками, пытаюсь что-то сказать, но Асель не даёт ей возможности «оторваться».

Через минуту официант приносит в большом бумажном пакете две бутылки плюс какие-то запакованные нарезки, и мы дружно выходим. Лена идёт под руку с отцом, Асель — с Вовой, мне достаётся Зоя Андреевна. Вовик забывает все инструкции и облачается в пиджак с закатанными рукавами, который должен был нести на руке. Слава богу, до этого уже никому нет дела.

— Саш, спасибо большое, приятно удивлена, — церемонно говорит она.

— Надеюсь, это ещё не все приятные впечатления за сегодня, — просто улыбаюсь в ответ. — Только сейчас пойму, как поедem — нужно две машины ловить.

— Не нужно. Мы не отпускали машину Робы, она восьмиместная. — Отвечает Зоя Андреевна, опираясь на мою руку при спуске по ступенькам.

Пара из Лены и её отца ведёт нас за угол на парковку, где мы шумной толпой грузимся в огромный джип Роберта Сергеевича, который буквально за семь минут доставляет нас к моему дому.

Вова, как самый быстрый, идёт вперед открывать двери и проверить, не лежит ли где что-то лишнее.

Лена и Асель следом неспешно сопровождают родителей.

Я, как самый молодой и на правах хозяина, несусь в магазин: родители Лены у меня — чистый экспромт. Нужно подстраховаться по продовольственной части.

Когда через пятнадцать минут прихожу домой, нагруженный

пакетами из Карфура, застаю почти идиллическую картину.

Вова с Робертом Сергеевичем, надев халаты, вооружившись ножами, пластают ленкину горбушу (она её ест помногу, потому держу в холодильнике запас) со словами:

— Ну-у, не как там, но пойдёт! Вспомним молодость!

Роберт Сергеевич несколько раз повторяет:

— Я там вообще только кижуча ел! И икру!

— Икры вообще бочка стояла всегда. Двухсотлитровая. Подходи и бери без ограничений. — Говорит Вовик. — Хоть сразу всю.

— Даже молодым? — удивляется Роберт Сергеевич, нарезаая сыр.

— Да без разницы. Всем. Когда нерест, рыба идёт косяком. У нас датчики клинит, мы их сетевыми бонами ограждали, чтоб рыба мордой не лезла. Часть рыбы в сетях запутывается, а мы сети раз в день чистим по регламенту. Ну куда её девать? Чтоб не пропадала — игру солили, рыбу в посёлок отдавали, офицеры слали «на материк», её там девать некуда. Молодым, кстати, больше жрать хочется же. У нас зарядка знаете какая была?

— Какая? — переспрашивает сзади Аселя. Роберт Сергеевич тоже внимательно слушает.

— Зима, минус сорок, — развивается Вовик. — Мы — только в робе. Ну, одна из форм одежды на флоте...

Роберт Сергеевич кивает, Асель внимательно слушает.

— Представляешь, выйти раздетому на улицу при минус сорок? А с нас в конце зарядки ото всех пар валит. Это чтоб коротко. — Продолжает Вовик. — Поначалу — тяжело, но потом втягиваешься. Ещё — погружения подлёдные при таких температурах. В общем, жрать надо капитально. Там эта бочка с икрой — не роскошь, а именно что общак на всех. Потому и молодым — никаких ограничений. Особенно непосредственно пловцам. Роберт Сергеевич, а когда вы у нас бывали, неужели Закусин вам с собой икры не заворачивал? — с удивлением подымает бровь Вовик.

— Заворачивал, как без этого, — степенно кивает Роберт Сергеевич, косясь назад; и сзади него начинает смеяться Зоя Андреевна.

— Ещё как заворачивал, я свидетель, — подтверждает она.

Потом мы вчетвером накрываем стол, открываем бутылки, режем салаты, а родители Лены ходят вдвоём по квартире, внимательно присматриваясь ко всему.

Двери везде открыты, потому вижу, как Зоя Андреевна с любопытством крутит в руках коробок с одноразовыми китайскими иглами для акупунктуры; Роберт Сергеевич — минуту разглядывает мой анатомический атлас, потом они вместе стоят перед стенкой, на которой вешаю все свои спортивные грамоты и медали, пока — только за плавание.

— Саша, хотел спросить. А на что живёте? — говорит из-за спины Роберт Сергеевич, обойдя по периметру квартиру.

Я чего-то такого ждал.

— Работаю. Трачу аккуратно.

— Могу поинтересоваться цифрами? — пытается быть деликатным он, но по нему вижу, что тема для него почему-то достаточно болезненна.

— Пойдёмте.

Веду его к письменному столу и сажаю за свой комп:

— Пароль нулевой.

В отличие от Лены, он тут же входит в систему и моментально реагирует:

— Тут таблица по финансам. Это оно?

— Да. Можете посмотреть.

Роберт Сергеевич минут на семь выбывает из процесса подготовки стола. Я аккуратно веду все приходы, расходы, регулярные, разовые, плюс финансовое планирование: вывоз Ленки в Дубай как отдельная задача до Нового Года, покупка зимней одежды и так далее.

Мы уже почти заканчиваем приготовления, осталось только дожждаться, когда в духовке дойдёт картошка под тёртым сыром, когда Роберт Сергеевич возникает у меня за спиной и спрашивает:

— Можно задам пару вопросов?

— Конечно.

— У тебя в таблице — доходы. «ЧИСТКА» — это что?

— Работаю на автохимчистке. Чищу салоны. Там — учёт доходов и расходов: некоторые вещи для работы мне приходится покупать лично, не за счёт компании. — Нейтрально смотрю на его реакцию.

— Лично я вообще не против никакой работы. Был такой писатель — Джанни Родари. У него был чудесный стих: «ЧЕМ ПАХНУТ РЕМЁСЛА».

— Знаю, мне бабушка читала в детстве, — улыбаюсь воспоминаниям.

— Вот я с этим стихом полностью согласен. А что такое доходы от спорта?

— Плаваю за сборную области. Бывают турниры за рубежом. Суточные — пятьдесят евро. Когда не было работы на мойке — старался не всё тратить и откладывать. Чтоб был какой-то резерв. Мы в таких случаях консервы набираем, прочий сухпай.

— А графа «КЛИНИКА»?

— Вот тут извините. Это не совсем моя информация, у меня нет полномочий рассказывать всё. Скажем, есть НОВАЯ КЛИНИКА.

— Знаю, Игорь Котлинский.

— Вот там я тоже задействован, получил диплом массажиста с медподготовкой, и моя загрузка по КЛИНИКЕ тоже оплачивается. Менее регулярно, но от того не менее приятно. Я на те деньги поначалу вообще не рассчитывал. Сейчас мы с Леной наоборот — их принимаем во внимание в первую очередь. Лене не очень нравится моя работа на мойке.

— По поводу клиники — кто бы спорил. По поводу мойки — Лена не права. «Поколение пепси». Это мы с Зоей что-то упустили в воспитании. Любая работа заслуживает уважения. Я ведь до института год на заводе слесарем работал, поступил со второго раза только. — Начинает откровенничать Роберт Сергеевич. — Когда учился, мы жили бедно, ещё сестра маленькая, мать нас двоих поднимала. Вагоны разгружал по ночам, фуры. Летом — коровники и ангары строил в стройотряде. Вы, поди, и не знаете, что это —

стройотряд.

— Не знаем, — подтверждаю.

— Спасибо что пустил за комп. Пошли за стол!

В итоге, гудим вшестером до позднего вечера. Беседуем обо всём и ни о чём.

Зоя Андреевна периодически атакует Аселью предложениями заселиться во флигель — и для удобства, и чтоб им не было скучно.

Роберт Сергеевич с тем же самым периодически наседает на Вову. Потом откровенно объясняет:

— Места хватает, вы видели. Нам одним скучно. Ленка — с Сашей, у Саши — свой дом, и будет неверно пытаться его отсюда сдёрнуть. Раз он тут — хозяин. Лично я это очень хорошо понимаю, да... А вы, во-первых, тут второй семьёй — а там пустое помещение на три комнаты. Отдельное. Во-вторых, если вы будете с нами, Ленка с Сашей тоже будут ездить почаще. Нам большего и не надо.

В итоге, Асель с Вовой принимают предложение, но перевоз вещей договариваются запланировать на попозже.

Часов в десять вечера они вчетвером отчаливают на джипе Роберта Сергеевича, который он вызывает по телефону.

Мы с Леной провожаем их до двери, Лена напоследок запикивает Аселе в руки пакеты с бутылками и кое-чем из продуктов:

— Аська, ну во флигеле в холодильнике по нолям! Чем ты Вовку утром кормить будешь? Или в дом попрёшься?

С подачи матери, Лена соглашается утром забрать машину. Мне, конечно, без разницы, но кажется, что все остальные довольны.

Наконец, мы остаёмся вдвоём.

— Ну, как прошло? — спрашиваю, разрезая пополам яблоко. Что-то пробило на ровном месте, а вроде весь вечер ел.

— Тьфу-тьфу! — стучит по стулу Лена. — Мелкий, я спать хочу — просто сдыхаю! Сутки на смене, вчера эта сексуальная встряска в плановом оперблоке, и сегодня не спамши целый день! Пошли!

И, не слушая моих возражений, начинает выталкивать меня с кухни в направлении спальни:

— Никаких «почитаю». Ты потом ночью припрёшься ложиться — меня сто процентов разбудишь! Спать!

— Кстати. А где? У себя? Или в той спальне? — указываю на комнату, в которой жила Асель.

— О. А точно... Стели в аськиной спальне, я в душ.

К сожалению, действительность оказывается прозаичнее ожиданий.

Лена выходит из душа, молча падает лицом вниз на кровать и к моменту, когда я откладываю телефон (секунд через тридцать), она уже спит.

М-м-м, л-л-ладно...

Возвращаюсь на фейсбук; благо, размеры этой кровати позволяют друг друга не беспокоить.

На фейсбуке с удивлением обнаруживаю, что все без исключения словно сошли с ума: пока мы веселились, президент страны сегодня ушёл в отставку. Это обсуждается даже в специализированных медицинских группах, не имеющих к политике никакого отношения.

Я не сильно слежу за политикой: уровень не мой. Пока, во всяком случае. Из предыдущей памяти помню, что этот (уже бывший) президент управляет страной больше, чем живу.

Мнения по поводу его отставки в сети разнятся от депрессивно-истеричных (типа «На кого ты нас оставил!») до радостно — эйфорических («Наконец-то!»).

Согласно Конституции, обязанности президента до выборов принял глава верхней палаты парламента, достаточно непубличный администратор, который производит впечатление человека, не стремящегося к первым ролям.

Вместо главы парламента, ушедшего на президентский пост, новой главой парламента единогласно (вот тут я удивляюсь) избирается очень близкая родственница теперь уже бывшего президента.

Недовольство в сети, что характерно, касается не конкретных личностей, а процедуры: власть обеих ветвей в стране (и законодательная, и исполнительная) перешла из рук в руки абсолютно без какого-либо участия избирателей.

С одной стороны, действующему президенту уже практически

восемьдесят. С этой позиции, его уход выглядит вполне логично. С другой стороны, не понятно, зачем было столько лет тянуть; зачем затевать разгар реформ в период смены лидера, и многие другие моменты.

Если отсеять эмоции, прихожу к выводу, что устройство государства больше похоже на монархию, не смотря на слово «РЕСПУБЛИКА» в названии. Раз так — есть масса деликатных моментов в кулуарах власти, о которых народу сообщать никто не будет.

Мне пока не хватает ни знаний, ни жизненного багажа, чтоб оценить все «за» и «против».

В итоге, всё же засыпаю с мыслями, что львы бабочкам не страшны.

Львы бабочкам оказываются страшны.

Когда утром прихожу в НОВУЮ КЛИНИКУ почти на час пораньше, чтоб спокойно почитать, Шаматов уже тоже в кабинете. Вместе с ним — пара старших медсестёр в возрасте, ещё пара врачей. Все — с кружками чая в руках, активно обсуждают вчерашнюю новость.

Хочу незаметно прошмыгнуть к себе, но меня останавливают, вручают кружку с чаем и предлагают поучаствовать.

Из вежливости присаживаюсь минут на пять.

Дверь в коридор не закрываем, поскольку собралось много народу. Потому с удивлением смотрим, как по коридору шагают несколько человек с оружием, одетых в такую же форму, как «близнецы», бывшие с Бахтиным.

Все, кроме нас с Шаматовым, спешно покидают кабинет, направляясь по своим местам, разведать новости.

— Али Шафетович, мне в девять утра надо быть в кабинете Котлинского, я, наверное, пошёл?

— Да, он предупреждал, — рассеянно кивает Шаматов, глядя вслед людям в форме.

И я направляюсь вслед странной компании.

Когда подхожу к кабинету Котлинского, кроме него, в открытую дверь вижу в кабинете ещё трёх человек в форме. Аналог «близнеца» на входе спрашивает:

— Куда?

— В кабинет главврача. На девять утра назначены мероприятия, — показываю пальцем на Котлинского.

Аналог «близнеца» подвигается в сторону, пропуская меня в кабинет. Подхожу к Котлинскому, абсолютно спокойно сидящему в кресле и передающему постранично какие-то документы одному из тех, кто в форме:

— Игорь Витальевич, у нас в девять утра по суставу всё в силе? — я в белом халате, потому ни для кого из окружающих от врача не отличаюсь.

— О, привет! — поднимает на меня глаза Котлинский. — Ты знаешь, сегодня, судя по всему, нет. Я предупредил пациента. Сегодня я, похоже, буду немного занят.

И в этот момент со стороны шлюза, ведущего в пристройку, раздаётся хлопок и начинают слышаться выстрелы.

Пятью минутами раньше. Шлюз перехода в акушерское отделение. Группа из трёх людей в форме, сопровождаемая группой четырех вооружённых людей физзащиты, подходит к шлюзу из клиники в родильное отделение. Один из тех, кто в форме, звонит в двери шлюза.

— Охрана объекта на связи! — раздаётся голос из динамика рядом со звонком.

— Откройте двери! Нам необходимо войти. Вот постановление, — звонивший достаёт из папки какой-то документ и подносит его к камере.

Через некоторое время, требуемое на чтение документа, всё тот же голос из динамика отвечает:

— Сверните свою бумажку в трубочку. Не основание. Противоречит сразу двум законам.

— Вынуждены применить силу, — бросает в микрофон человек

в форме и, повернувшись к физзащите, говорит самому высокому, — давай!

Самый высокий начинает внимательно осматривать дверь против часовой стрелки по всему периметру.

В это время с другой стороны двери.

Четверо вооруженных мужчин в форме без знаков различия склонились над монитором.

— Сом, они сейчас двери снесут, — буднично говорит один из четверых, проверяющий ладонями расположение снаряжения на себе.

— Вижу, еще минут пять. Они вначале уговаривать будут, потом надо время на «лапы». Судя по поведению, они рассчитывают тут только пару медсестёр застать. — Отвечает второй. — Араб, Заяц, блокируйте изнутри вторую дверь и сидите там. Смотрите в монитор. Я их сам тут встречаю. Если всё в норме — отхожу к вам за вторую дверь. Если меня наглухо — дальше вы. Если я ранен — в переговоры не вступать. На меня не смотреть. Объект охранять по инструкции. Обязательно продержитесь.

— Принято. — Кивают двое.

— Что по мне? — спрашивает четвертый.

— Иди в палату. Ты — с объектом. Я не думаю, что наши задержатся дольше, чем пятнадцать минут. Но на всякий случай, ты — резерв. Держись.

— Сом, дурацкий вопрос, — весело спрашивает тот, кого назвали Арабом. — А ты точно кнопку нажал?

Трое начинают смеяться.

Тот, которого зовут Сомом, молча достаёт из кармана сенсорный пульт, на котором мигает надпись «Сигнал сработал»:

— Конечно.

Шлюз перехода в акушерское отделение. Группа людей в форме вместе с группой физзащиты что-то обсуждают.

— Это обязательно?

— Да. Тем более, явное неподчинение решению суда. Есть же санкция.

— А санкция точно в порядке? Потом не окажется, что что-то не так оформлено?

— Не мельтеши... Ты же знаешь, чья команда... просто работай.

Высокий заканчивает у двери, встаёт, подходит и говорит:

— У меня готово. Можно хоть сейчас.

— Дадим ещё три минуты, — решает первый; подходит к звонку, нажимает его и говорит в переговорное устройство:

— У вас три минуты. По истечении, мы вынуждены применить силу.

— Не войдёте. Мы начальство уже вызвали. Лучше не дрочи судьбу и дождись начальства, — отвечает обезличенный голос из динамика.

Ведущий переговоры отсекает три минуты, после чего резко опускает правую руку сверху вниз.

Двое сотрудников физзащиты сноровисто вбивают «лапы» в естественные зазоры двери, забивая их кувалдой. Через полминуты работы, один говорит, оборачиваясь назад:

— Есть. Давать?

— Давай! — командует самый первый. Двое с «лапами» и кувалдой наваливаются в последний раз и дверь распаивается.

Изнутри в проеме двери появляется человек в очень похожей на работающего кувалдой форме, но в других цветах, с наколенниками, налокотниками и без знаков различия. Раздаются резкие хлопки выстрелов. Первыми падают двое, вскрывавших двери. Их затылки как будто взрываются брызгами крови, костей и кусочками мозга. «Лапы» и кувалда громко звенят об кафель пола. Пока оставшаяся группа людей в форме ошалело смотрит на происходящее, появившийся изнутри переносит прицел какого-то короткого ствола, и четверо из пяти оставшихся на ногах присоединяются к первым двум. Последний, сотрудник физзащиты, наконец приходит в

себя, но не успевает ничего сделать. Ещё один хлопок короткого ствола — и он также подламывается в коленях, не успевая нажать на спуск.

Появившийся изнутри шлюза человек в наколенниках и налокотниках около секунды скользит взглядом по телам на полу, потом скрывается обратно в шлюзе, откуда доносится хлопок ладонью по двери:

— Араб, у меня чисто. Отпирай.

— Да вижу, сейчас... — Доносится из-за двери, лязгает запор, и человек скрывается за второй дверью шлюза.

Услышав выстрелы, мы все переглядываемся, после чего группа устремляется в направлении шума. Котлинский за какую-то секунду бросает тому, кто в форме:

— Потом передадим заново! — выхватывает у того из рук все документы, запихивает их обратно в сейф вместе с документами со стола, захлопывает сейф и поспешно направляется вслед за основной группой. Следую за ним.

Возле шлюза находим развороченную дверь и семь тел в форме.

Котлинский быстро бросается на колени и, перемещаясь от одного тела к другому, говорит:

— Готов. Готов. Готов...

Закончив осматривать последнего, он, не поднимаясь с колен, поворачивается, багровеет и кричит людям в форме:

— Да что вы творите?! Что у вас происходит?! Я же отдавал вам все документы по описи?!

Трое в форме никак не реагируют и продолжают удивлённо таращиться на пол. Последний из физзащиты нервно отходит в угол, ошетиливается стволом и начинает лихорадочно оглядываться по сторонам.

Я вижу, что семеро мертвы, с самого начала. Но пока не понимаю, что нужно делать. И что происходит. Котлинский сейчас — точно не источник информации. Он трясёт за грудки одного из тех, что в форме, а двое других пытаются их разнять. Что непросто,

принимая во внимание солидные габариты Котлинского.

В конце коридора появляется группа людей, похожих на "близнецов" Бахтина, но с наколенниками и налокотниками. Их ведёт полковник с незнакомыми мне эмблемами: щит с двумя скрещенными мечами и пятиконечная звезда, вписанная в семи— или восьмиконечную (не успеваю разобрать).

Полковник с необычными эмблемами неуловимо ведёт ладонью — и его сотрудники разбирают всех без исключения в коридоре, фиксируя лицами к стенам, кроме нас с Котлинским (вероятно, потому, что мы в белых халатах). Ощетинившегося стволом бойца в углу предупреждают:

— Служба госохраны. Ствол на пол, лицом к стене.

Тот, глядя, как удав на кролика, на эмблемы полковника, подчиняется.

Возле нас остаётся один боец, не обращающий на нас внимания. Полковник подходит к ошалевшему Котлинскому:

— Игорь Витальевич?

— Да, это я. Мы знакомы? — не может прийти в себя Котлинский.

— Заочно. Мы вас охраняем. В смысле, объект на территории. Полковник Мусин. Подслужба обороны объектов Службы охраны президента. — Представляется полковник со странными эмблемами. — От нашего поста мы получили сигнал о нападении на объект во время пересменки. Вы можете сказать, что происходит?

В этот момент в коридоре появляется Бахтин тоже в форме, который бегом приближается к нам, окидывает взглядом картину побоища, засовывает что-то обратно подмышку и рефреном задаёт тот же вопрос:

— Что происходит? — Правда, в отличие от полковника с двумя мечами в петлицах, потом добавляет, — мне Марина звонила. Говорит, на вас напали со стрельбой.

Котлинский трёт лоб, молчит секунд десять, потом говорит:

— С утра была финансовая полиция. Выемка документов из-за тендера госпрограммы. Я тебе отписался.

— Да, я получил, потому поехал сюда, — кивает Бахтин.

— Я думал, в здании только те, кто у меня в кабинете, — продолжает Котлинский. — На всякий случай отменил все процедуры, в которых участвую лично, на сегодня. Потом подошёл Саня, у нас с ним сустав. Только отменил ему — стрельба от шлюза. Мы все сюда.

— Представьтесь, пожалуйста, — говорит Бахтину полковник, спокойно слушавший всех до этого.

Его подчинённые уже оттащили тела в сторону; переговорили, судя по всему, со своими коллегами внутри бокса Марины Косаевой — потому что вторая дверь шлюза открылась изнутри.

— Начальник службы специальных прокуроров, старший советник юстиции Бахтин. — Бросает Бахтин, обходя полковника по дуге, — Что с моей женой? — и чуть не бегом направляется в палату.

— Пропустить! — машет рукой полковник и поворачивается к, как теперь понимаю, финансовым полицейским, которых его люди продолжают держать у стены. — Кто старший?

— Тут или вообще? — отзывается один с погонами майора.

— Тут.

— Я, — пытается обернуться майор, но ему не позволяют двое в наколенниках.

— Не дёргайтесь. Просто отвечайте на вопросы. Кто вообще поехал старшим? — продолжает полковник, попутно обращаясь к своим, — поверните его.

Майор указывает пальцем на одно из тел.

Бахтин появляется из кабинета, быстро подходит к нам и говорит:

— Всё в порядке... Игорь, спасибо! — и пытается обнять Котлинского.

Тот осторожно отодвигается и отвечает:

— Да я при чём? Вон охрану благодари... Уж не знаю, что тут за война была...

— Зафиксировано нападение на объект, находящийся под

охраной подслужбы обороны объектов Службы госохраны. — Спокойно говорит полковник. — Всё есть в записи, действия СОО полностью законны. Постановление, которое пытались предъявить в камеру, незаконно. Объект под нашей охраной, а мы вне юрисдикции судов и прокуратуры по Конституции, когда при исполнении. Для допуска на объект требуется согласование с нами — его не было предъявлено, оно отсутствует. И присутствие одного из наших старших офицеров — тоже не было.

В этот момент, из палаты Марины к полковнику выходит уже знакомый мне по предыдущим визитам сотрудник охраны с брызгами крови на форме:

— Старший по объекту капитан Саматов. В момент пересменки, пресечена попытка незаконного проникновения на объект. Объект не пострадал, у нас без потерь.

Но мы с Котлинским этого уже не слушаем, так как торопимся в палату.

Обнаруживаем Марину, как ни удивительно, в спокойном состоянии. Котлинский сразу начинает теребить её запястье, зачем-то всматривается ей в глаза, спрашивая:

— Ну как ты?

— Всё в порядке, не беспокойтесь, — улыбается Марина.

Я вижу, что она действительно спокойна.

Через три минуты нас всех, кроме Котлинского, удаляют из бокса сотрудники охраны. К ним прибывают, как говорит Бахтин, военные прокуроры, и они приступают к оформлению каких-то документов.

Котлинский вскоре присоединяется к нам и ещё через десять минут мы с Котлинским и Бахтиным в кабинете Котлинского пьём чай.

— Видимо, после вчерашнего решили проверить на прочность, — говорит Бахтину Котлинский. — Тот тендер — многим, как бельмо в глазу. Ну я ждал. Составляли опись, вошёл Саня, и тут началось.

— Буду пытаться выяснить. — Коротко кидает Бахтин. — Кому

и чем обязаны. Главного «финика» — наглухо, он был среди тех, кто в бокс ломился. Санкция суда оформлена с нарушениями. Наши вместе с СОПовцами начали разбираться, но сейчас такой период, что будет не до деталей. Пока ничего не ясно.

— А охране ничего не будет? — задаю давно мучающий меня вопрос.

— С чего бы? — качает головой Бахтин. — Они в своём праве. Любой охраняемый СОПом объект — неприкосновенен. Хорошо, что я успел заявку подать, и её одобрили...

— А что такое СОП? — продолжаю спрашивать.

— Служба охраны президента. Так раньше Госохрана называлась. Я, ввиду кое-каких рабочих моментов, туда заявку подал. На взятие под охрану супруги, как члена семьи секретносителя высшей категории. Есть процедура. Они и взяли её под охрану — под видом частной компании.

— У Олега в СОПе старые товарищи, — «сдаёт» Бахтина Котлинский. — Кое с кем вместе в молодости служили.

Бахтин неодобрительно качает головой, глядя на Котлинского:

— Всё по закону оформлено точно. Решение есть.

— А то, что они других служивых постреляли? — снова обращаюсь к Бахтину.

— Тут всё просто. Есть закон о службе Госохраны. Они подчиняются напрямую Президенту и больше никому. Этот особый статус Службы зафиксирован и в Конституции. Никакие решения других госорганов без согласования с СГО для них юридической силы не имеют. Кстати, Служба Госохраны — чуть не единственное место, где по регламенту оружие носится снятым с предохранителя. **В принципе.** Это — самая лучшая иллюстрация их методов работы...

— Почему тогда финпол полез?

— Есть ещё один закон. О государственной тайне касательно СГО. СГО не обязаны отчитываться, что объект под их охраной. Не обязаны объявлять, кого охраняют. Охрана может быть и негласной. Специфика службы. На их права при исполнении это никак не влияет. Типа «дырки» в законе: СГО может охранять объект всеми доступными способами. Но объявлять кому-либо, что объект под

охраной, они не обязаны.

— Соответственно, кто-то по незнанию может ломиться на их объект — и вот так огрести? — начинаю понимать ситуацию я.

— Это — вопиющее исключение. Раньше такого никогда не было. Но — да. С точки зрения законодательства, все их действия законны. — Бахтин шумно отхлёбывает чай. — Сотрудники СГО не являются субъектами юрисдикции военных, гражданских, специализированных судов, прокуратур и иных органов власти. В момент исполнения. Подчиняются только внутри своей вертикали и далее — Президенту.

— А президента сейчас...

— А президента сейчас нет. — Заканчивает Бахтин. — ИО президента, также по Конституции, не имеет в их адрес всех полномочий избранного Президента. Если по-простому, чтоб с предыдущей Семьёй счёты не свели. Тьфу три раза. Я тут просто удачно подсуетился... И совпало. Кто ж мог знать про «Папину» отставку?

Вечером того же дня. Дом родителей Лены.

Роберт Сергеевич и Зоя Андреевна сидят рядом в креслах на балконе, взявшись за руки, и смотрят, как Вова и Асель внизу на площадке играют в настольный теннис. Вова периодически ведет, но Асель, пользуясь его ошибками, ухитряется сравнивать счёт на своих подачах.

— Роба, что ты обо всём этом думаешь? — улыбаясь своим мыслям, спрашивает Зоя Андреевна. — Я про изменения наверху.

— Вам точно волноваться не нужно. Зой, я всегда веду дела так, чтоб от личностей наверху, — указательный палец вверх, — не зависеть.

— Роба, а если после смены «хозяина» придёт новая команда, объявят новый политический курс и таких, как ты, начнут «проверять на упитанность»?

— Ну, значит, будет второй молдаванин... Который отсудил более миллиарда долларов, и Запад для него всё взыскал в течение пары месяцев... ^[14] — Бормочет Роберт Сергеевич. — Тем более, мои активы намного меньше, решать вопросы будет намного проще.

— Почему-то после этого экспромта с поездкой к Александру мне намного спокойнее стало, — признаётся Зоя Андреевна. — Такое впечатление, что у него к Ленке никаких не то что меркантильных, а вообще никаких материальных интересов нет. Как будто он понятия не имеет, кто ты. Кто я. И чья она дочь.

— Как ни парадоксально, может и не иметь, — с закрытыми глазами улыбаясь чему-то, отвечает Роберт Сергеевич. — Такого понятия. До нашей инициативы, его интерес к нашей семье был нулевым, я проверил. И я же его тогда спросил: на что живёте? В свете того, что Ленка и карту аннулировала за день до того... ну ты помнишь... И деньги с неё вообще не снимает уже пару недель.

— Ну? И на что живут? Кто его родители? — оживает Зоя Андреевна.

— Вот будешь смеяться. Родители у него даже вполне ничего,

хоть и «там», на дальнем западе; но на этом всё. Ему с этого — по полям. Он сам зарабатывает. Крутится. И я у него файл на компе видел — Ленку в Дубай до нового года планирует вывезти самостоятельно. — Роберт Сергеевич крепче сжимает руку Зои Андреевны и с улыбкой смотрит, как Асель с Вовой меняются местами за теннисным столом после очередной партии.

— На её очередные закупки одежды? — неодобрительно косится Зоя Андреевна.

— Вероятно. Не знаю. Это уже лично мне ненужные детали.

— А как он крутится? Что делает? — с любопытством продолжает Зоя Андреевна.

— Вот тут держись крепче. Работает на автомойке — раз. Чистит салоны машин.

— Упс. Неожиданно. — Выпрямляется в кресле Зоя Андреевна, высоко подняв брови. Потом откидывается обратно. — Ещё что?

— Ещё — работает у Котлинского. Через Ленку купил диплом массажиста с медицинской подготовкой в медколледже.

— Ого, коллега? — снова удивляется Зоя Андреевна. — Впрочем, у Котлинского точно не синекура, что бы он ни делал. Александр что, правда такой хороший массажист? Что его сам Котлинский к себе в клинику взял, да ещё в этом возрасте?

— Зой, там тёмная история — я даже рыть не буду. Всё равно он нам почти не чужой, по факту. Потом само выяснится.

— Уже без «почти», если Ленка там живёт... — бросает Зоя Андреевна.

— Вот именно. Его на эту тему, насколько мне известно, Игорь Кузнецов пытался «щупать».

— Это твой бывший водитель?

— Да какой он бывший водитель! Это он на срочной службе в армии был у меня водителем! А до этого месяца был майором, заместителем начальника отделения.

— И что?

— И всё. Нету больше Кузнецова, выперли в двадцать четыре часа со службы.

— Из-за Александра? — поражённо спрашивает Зоя Андреевна.

— Бахтин сказал, из-за него. Скажу больше: я ездил к Комару извиняться. Комар тоже говорит, что Кузнецова из-за Саши выперли. Ну, не совсем из-за Саши; Игорь здорово что-то нарушить пытался, но это уже детали. Так что, мне абсолютно не интересно, за какие заслуги он в НОВОЙ КЛИНИКЕ. Зная Котлинского, сдержанно надеюсь, что за Ленку можно успокоиться...

— Это да. Котлинский никому просто так платить не будет. — Задумчиво кивает Зоя Андреевна. — Не тот он персонаж. От специалиста действительно должна быть хорошая отдача, чтоб с Котлинским сработаться. У меня подруга дочку устраивала к нему в НОВУЮ КЛИНИКУ гинекологом — та даже месяца не продержалась. Не соответствовала требованиям.

— Сейчас ещё больше рассмешу. — Придвигается в кресле ближе Роберт Сергеевич. — Доходы от Котлинского — около тридцати процентов его дохода. Остальное — эта его мойка.

— Мойка — настолько прибыльно? Всё удивительнее и удивительнее! — брови Зои Андреевны по-прежнему высоко подняты.

— А он делает всего одну услугу. Чистка. Кстати, действительно самая дорогая услуга на мойке — от пятидесяти до восьмидесяти долларов в эквиваленте.

— Ну-у-у, неплохо. Особенно для этого возраста.

— Зоя, это для любого возраста неплохо, — снисходительно смотрит на жену Роберт Сергеевич. — У меня бухгалтер на филиале получает около шестиста долларов в пересчете. Плюс-минус. И — на вакансию очередь, если что. Главное не это. Я же с ним беседовал. Он действительно на нас совсем не рассчитывает. Ни в чем. — Роберт Сергеевич на минутку замолкает, барабаня пальцами второй руки по подлокотнику кресла.

— Роба, я тебе боялась это сказать сразу. Ты же вечно орёшь, что мы не понимаем всех подводных течений. И что нас любой вокруг пальца...

— Да говори, чего уж. — Хмыкает Роберт Сергеевич.

— Ну, я внимательно смотрела, как он на Ленку смотрит, когда они рядом. В общем, Роба, к твоим деньгам он точно равнодушен.

Помнишь же нашего «первого мужа»? Не сердись...

— Такое забудешь... — Хмурится Роберт Сергеевич.

— Вот небо и земля. Там сразу было видно, что тебе хотели понравиться больше, чем всё остальное в сумме. А Александр — Роба, он же вообще на нас внимания не обращает! Ну, из вежливости только — как на родителей Лены. Не более того! У меня сложилось впечатление, что если б не Ленка, он бы вообще с нами разговаривать не стал.

— Да у меня тоже... Сложилось точно такое впечатление... Особенно в свете того, что у него и с Бахтиным какие-то дела.

— Вот это вообще странно. — Воодушевляется Зоя Андреевна. — Бахтин, говорят, кристальный образец. Без денежных интересов. Ездит вообще на машине жены. На такой должности. Вот какие у них могут быть совместные дела?

— Зоя, и я не хочу этого знать. И ты забудь. У Государства — масса интересов. Там вообще всё может быть не вокруг финансов. Зная Бахтина. Даже скорее всего не вокруг финансов. Главное, что от тебя я услышал то, что хотел. То, что моё мнение тоже подтверждает.

— Это что? — удивляется Зоя Андреевна.

— То, что наши деньги его не интересуют.

— А-а-а-а, ты об этом... Роба, это только твоя паранойя могла не заметить... Я просто боялась тебе сказать. Чтоб ты не начал, как обычно: «Если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят!» — явно передразнивает что-то, известное обоим, Зоя Андреевна.

Оба смеются.

— Но это правда, — настойчиво говорит Роберт Сергеевич. — Если у вас паранойя, это действительно не значит, что за вами не следят!

Асель и Вова с удивлением поднимают голову на балкон второго этажа, где громко смеются родители Лены.

Вчера, в свете случившегося, работа НОВОЙ КЛИНИКИ на

сутки застопорилась. Котлинский волевым решением разогнал весь персонал по домам, пациентов обзвонили из регистратуры на первом этаже и согласовали новые даты приёма (кроме Марины Касаевой, она, понятно, осталась).

Весь этаж, до шлюза включительно, на весь день был оккупирован сотрудниками военной прокуратуры, Генеральной прокуратуры, какими-то полицейскими чинами, которые, кажется, выступали в роли отвечающих на вопросы.

Котлинский, усиленный вызванным то ли юристом, то ли адвокатом, в присутствии Бахтина и того полковника с двумя мечами в петлицах собрал какую-то кучу подписей с полицейских. Сутью вопроса, как я понимаю, являлось то, что полиция оплачивает ремонт незаконно снесённой двери шлюза.

Я не счёл возможным оставить ни клинику, ни Котлинского в такой момент: он постоянно генерировал какую-то нездоровую напряжёнку (что вполне объяснимо). Мне приходилось периодически «бросать» на него частоту покоя, снимая стресс.

Уже могу и такое. Правда, как со всеми процессами центрального генеза, без моей «подпитки», частота держится крайне недолго. Если пациент добровольно принимает решение нервничать дальше.

Во время очередного чая с бутербродами, я спросил его, пытаюсь отвлечь:

— Игорь Витальевич, если не секрет. А вам эта дверь так принципиальна? Мне кажется, вы больше времени на это потратили, чем остальные — на оформление происшествия.

— Саня, тут дело принципа, — откидываясь в кресле, ответил Котлинский. — Никогда никому не спускал ни грамма некомпетентности. Давай откровенно. Уж не знаю, из каких соображений, но людей просто послали на убой. Не понятно кто, не понятно, с какими целями. Так пускай теперь виновные из своих хоть пару тысяч оплатят. Через карман — оно тоже заставляет задуматься.

— Разве не из бюджета?

— Тот случай, когда из бюджета платить не дадут, — грустно усмехается сидящий рядом Бахтин. — Есть чёткое превышение должностных полномочий и личная некомпетентность. Клинике

заплатит Управление, но финчасть высчитает потом именно с автора приказа, как минимум одно звено установлено.

О вчерашней перестрелке — ни в интернете, ни по телевидению пока ни слова.

В клинике сегодня в девять утра тоже ничего не напоминает о вчерашнем происшествии. Сотрудники полковника даже следы крови в коридоре убрали.

Наш пациент с суставом вот уже сорок минут добросовестно лежит, расслабившись, с тремя иглками в спине и колене. Частота в синовиальной сумке его сустава восстанавливается на редкость бодро. Глядя на динамику, в будущее конкретно этого сустава смотрю со сдержанным оптимизмом.

В десять утра заканчиваю, вынимаю иглы и бужу больного: за этот час он ухитрился задремать. Что совсем неплохо, так как является одним из индикаторов запуска нужных программ регенерации. Которые я просто «вижу».

С первого этажа на мой мобильный звонит Котлинский:

— Саня, ты закончил с суставом?

— На сегодня — да.

— Что скажешь?

— Боюсь сглазить. Конкретно в этом случае, с иглами, пошло даже лучше чем я планировал. Не хочу ничего обещать заранее — но в моей проекции всё лучше самых смелых ожиданий. Единственная тонкость: надо разобраться с его диетой: я вижу, что в крови кое-чего не хватает для полноценного восстановления. Но это можно сделать и после трёх-пяти сеансов.

— Понял... Можешь сейчас спуститься в пятнадцатый?

— Иду.

В пятнадцатом, Котлинский со Стекловым погружены в папку выписок какой-то женщины — высокой, красивой брюнетки лет 35-ти, с бледным лицом, нездоровым цветом кожи и страшной усталостью во взгляде.

— ... не факт. Почему ты думаешь, что эти кровотечения из-за печени? — говорит Стеклов.

— А что ещё может быть? При циррозе — частое явление из-за тромбоцитов.

— Сейчас попробуем узнать. Саша, глянешь?

Концентрация. Смотрю. Я такого ещё не видел, потому пытаюсь разобраться в связях. Работаю минут тридцать, подавая на максимуме всё что могу, туда, где этот необходимо.

Все терпеливо ждут, включая пациентку.

— Я окончил, — подымаюсь со стула и незаметно указываю глазами на дверь. Котлинский ведёт нас в соседний кабинет:

— Что видишь?

— На первый взгляд, основное поражение — печень. Она действительно очень поражена, частоты сбиты, Несколько частот генерируется из одного органа параллельно — действительно выглядит так, будто орган чуть не распадается. Воспринимается, как разрушительная вибрация. Колебания не в резонанс, а "на разрыв".

С.В. и Игорь синхронно кивают.

— Но дело в том, что эта сумма частот в печени — не "родная". А навязанная извне. У неё в матке — очень странное образование, фактически опухоль. И эта опухоль в матке — хорошо видно — вбрасывает в окружающие ткани что-то типа шлаков. Вот этот "выхлоп" переносится кровотоком в первую очередь в печень. И печень от этого "теряет" родную частоту, дробится на несколько рассогласованных. Сейчас эта "струя" далее расходится по организму, но печень её "сдерживала" до последнего, как фильтр. И эта струя буквально совсем недавно стала пробиваться "за фильтр" печени. В моей проекции, цирроз печени — не причина. А второй этап движения этой "струи" шлаков из опухоли в матке.

Котлинский и Стеклов переглядываются между собой, потому иллюстрирую:

— Представьте, что в чистую речку впадает ручей. Очень грязный и токсичный; и вы видите, как пятно, расходящееся от ручья в стороны, загаживает всю реку постепенно, начиная с того места, в которое впадает. В её организме — то же самое. Если б этот "грязный

ручей" из матки сквозь печень прорвался в её организм не сейчас, а чуть раньше — ... в общем, вы поняли... — закругляюсь, поскольку случай грустный.

Стеклов очень тихо говорит:

— Игорь, сколько времени она жалуется на кровотечения? И анализ крови её где?

— Секунда. — Котлинский набирает номер с телефона на столе, что-то отрывисто бросает в трубку и какая-то девушка в белом халате через минуту приносит большой конверт, размером с лист ватмана, с кучей бумажек внутри.

Доктора раскладывают бумажки на столе и, не отвлекаясь на меня, начинают водить ногтями по бумагам:

— Смотри, СОЭ ж в норме! — оглушительно шепчет Котлинский, — и где увеличение нейтрофилов? А снижение лимфоцитов? Этого ж ничего нет! Ну вот тебе анализ в динамике за 2 года! Регулярно раз в месяц и даже чаще! Всё ж в норме как у космонавта!

— Б... зато вот онко-маркеры! — Стеклов трясёт какой-то бумажкой. — И гемоглобин понижен! И на кровотечения она сколько времени жалуется?!

— Серёжа, кровотечения — это тромбоциты при циррозе! На них и на цирроз и думали! — оправдывается Котлинский. — Она к нам обратилась с циррозом! Если это то, что ты думаешь, то онкология — вообще не наш профиль, ну как бы мы её диагностировали?

— Игорюня, я ж тебя не обвиняю. Я на себя злюсь... Тот случай, когда никто не виноват, а последствия печальны... Так. Срочно направляй её на анализы в онкодиспансер — там всё профильно, точно и быстро.

Слушая докторов, размышляю. Результатов анализов, конечно, дожждёмся. Но лично мне картина почти полностью ясна.

И картина эта печальна.

Но есть ещё кое-что, что пока вижу только я. В течение получаса работы, в самом конце, опухоль дала «живой» отклик. На "родной"

частоте.

Ненадолго, буквально на доли секунды, дискретно, но — «живой» отклик.

Это можно сравнить с засохшем деревом в горшке на балконе. Вы пытаетесь его реанимировать: поливаете. Укутываете. Удобряете. Орошаете из пульверизатора. Всё без толку.

Пока наконец не замечаете, что сквозь омертвевшую кору в одном — единственном месте показался микроскопический краешек зелёного листа. Или веточки. Пока не ясно.

Я знаю, что будет в завтрашних анализах.

Но мы ещё поборемся.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Начерно, первая книга окончена. Почему-то, мне грустно:-)

Сейчас буду вычитывать с самого начала и править: это — моя самая первая в жизни вещь, до этого опыта практически не было.

Те, кто меня читает, представление о скорости, с которой работаю, имеют:-) Думаю, скоро увидимся:-)

---

notes

Примечания

1

Вот — бой Андрея Курнявки против Джереми Вильямса. Где более медленный, менее разнообразный Курнявка в итоге нокаутирует Вильямса по точно такой тактической схеме:

<https://www.youtube.com/watch?v=SMv8U96fCws>

Вот — бой Роя Джонса против Парк Си Хуна в финале Олимпийских Игр в Сеуле, 1988, по этому самому сценарию. Победу незаслуженно отдали Парк Си Хуну, за что он лично после боя извинился перед Роем Джонсом. Откровенно признав, что не считает себя победителем, не смотря на решение судей. Правда, Рой Джонс на 3 головы выше Парк Си Хуна не только в офп, а и в технике: <https://www.youtube.com/watch?v=VW2zMsiA4sw>

Описание: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ПакСиХун>

Вот — оригинал лекции по закалке кулака и его ударных поверхностей «изнутри», а не снаружи:

<http://mysport.su/karate-blog/1725-ukreplenie-kulaka.html>

Вот так главный герой в два шага, пользуясь короткой дистанцией в коридоре, подошёл к первому «близнецу»:

<https://www.youtube.com/watch?v=0eHaV5OEj04>

А вот — то, что главный герой хотел, но не успел сделать при отборе автомата:

<https://www.youtube.com/watch?v=IBPbADRoNRA>

Здесь и далее в тексте, реальный случай реанимации взят с разрешения модели-врача Асели Баяндаровой из её "ЗАПИСОК РЕАНИМАТОЛОГА", имел место в её реальной практике в бытность реаниматологом 12-й ЦГКБ г. Алматы:

https://web.facebook.com/notes/асель-баяндарова/врачебные-записки/321117814709886/?rdc=1&rdr&_rdc=1&_rdr

Здесь и далее в тексте, примеры работы реанимации взяты с разрешения модели-врача Асели Баяндаровой из её реальных "ЗАПИСОК РЕАНИМАТОЛОГА", в её реальной практике в бытность реаниматологом 12-й ЦГКБ г. Алматы:

<https://web.facebook.com/asselbayandarova/notes?rdc=1&rdc>

Все общие медицинские вопросы — спасибо дорогому другу, Доктору Melior Princeps — <https://author.today/u/meliorprinceps>

Вот — песня, которую пели, выпив, бабушка главного героя и Асель:

<https://www.youtube.com/watch?v=una-zwUqrHI>

Спасибо читателям. Вот так выглядят пятна на обивке в ультрафиолете:

<https://www.youtube.com/watch?v=42czGbbMTVs>

общие медицинские вопросы — спасибо дорогому другу,
Доктору Melior Princeps — <https://author.today/u/meliorprinceps>

Общемедицинские вопросы — спасибо другу-доктору Melior Princeps <https://author.today/u/meliorprinceps>

Случаи из реанимации, как обычно, с разрешения модели-врача Асели Баяндаровой — из её «Записок реаниматолога» в её бытность врачом-реаниматологом 12 ЦГКБ города Алматы:

<https://www.facebook.com/notes/асель-баяндарова/врачебные-записки-равнодушие-врачей/357851854369815/>

Случай в больнице — как обычно, от Асели Баяндаровой, с её разрешения.

Молдавский бизнесмен Анато́л Ста́ти отсудил у Казахстана более полутора миллиардов долларов. Уже все взыскал. Несколько стран блокировали государственные счета Казахстана более чем на 20 млрд долларов США в рамках судебных решений в пользу Ста́ти. Вот для примера

<https://www.zakon.kz/4595590-moldavskijj-biznesmen-otsudilu.html>